

2500-3372 (print)
2542-1190 (online)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bulletin of Kemerovo State University.
Series: Political, Sociological and
Economic Sciences

Vestnik Kemerovskogo
gosudarstvennogo universiteta.
Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie
i ekonomicheskie nauki

ТОМ 10 № 2
2025

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Политические, социологические и экономические
науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет
средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив
полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik-pses.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: РИНЦ, DOAJ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0
International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-67376.
Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических
изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political,
Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific
peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed
Journals recommended by the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K2)
of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation
Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors
do not have to pay any article processing charge or open access
publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions
for authors, and archives of full-text issues, please visit our
website: <https://vestnik-pses.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: RSCI, DOAJ.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0
International License.

Registration number: PI no. FS 77-67376. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals
"Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., ГГУ (Гатчина, Россия).

Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).

Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент, Кузбасский ГАУ (Кемерово, Россия).

Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).

Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).

Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).

Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).

Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).

Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).

Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).

Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).

Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Gatchina State University (Gatchina, Russia).

Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).

Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPa (Novosibirsk, Russia).

Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).

Elena V. Matveeva, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kuzbass State Agricultural University (Kemerovo, Russia).

Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Социокультурное и политическое развитие общества

- Традиционные ценности как исходный фактор российской нравственности
Галеев З. Г., Качалов В. Ю. 181

- Анализ активности депутатов Кемеровской области в социальной сети ВКонтакте:
метрики вовлеченности и кейс М. С. Городештян
Филимонов Ф. В., Митин А. А. 191

- Влияние политических факторов на развитие глобальных коммуникационных
платформ в современном мире в контексте дела Павла Дурова
Цой Гунвон, Зотова Т. А. 205

Социология управления

- Теоретико-методологический подход к управлению процессом формирования
исторической памяти молодежи
Мартышенко Н. С. 215

Экономика и управление: теория и практика

- Теоретические аспекты развития стратегии импортозамещения в агропромышленном
комплексе Российской Федерации
Бреус М. В. 229

- Интегральная оценка влияния энергетической составляющей на состояние
национальной экономической безопасности России
Зайцев С. В., Степанова Д. И., Семенова К. В. 237

- Характеристика индустриализации 2.0 в Российской Федерации:
профессиональный аспект
Пьянкова Л. А. 248

Региональная и отраслевая экономика

- Межтерриториальные расчеты как инструмент выявления диспропорций
и проблем в системе обязательного медицинского страхования
Бадло С. В., Табашикова О. Л. 259

- Механизм управления туристской индустрией Владимирской области с учетом
особенностей новой системы управления государственными программами
Дерен И. И., Земляникина А. Д. 276

- Синергетический подход в формировании экономического пространства регионов
Курносов А. В. 288

- Формирование цифровых компетенций студентов: институциональный
и региональный аспекты (на примере программ дополнительного образования
цифровых кафедр вузов)
Лысенко Е. А. 301

- Вопросы анализа цифрового потенциала региона в социальной сфере
Мухачева А. В. 315

- Теория и практика применения маркетинговых инструментов стратегического
планирования федеральных научно-медицинских организаций
Попсуйко А. Н., Куц О. В., Артамонова Г. В. 327

- Нагрузка на семьи Шри-Ланки: пандемия, политика и экономические потрясения
Шехан Фелисиан, Рилван Мухаммед, Кораладж Пабода, Марикар Фаиз 338

Финансы

- Определение влияния внедрения ESG-тенденций на стоимость акций банковского
сектора
Новикова П. М., Бражникова В. А., Мишин А. А. 350

Society: Cultural and Political Development

- Traditional Values as Background Factor of Contemporary Russian Morals
Galeev Z. G., Kachalov V. Yu. 181
- Members of Kemerovo Regional Council in the VKontakte Social Network:
 Engagement Metrics and Maria S. Gorodeshtyan's Case
Filimonov F. V., Mitin A. A. 191
- Political Factors in Global Communication Platforms: Pavel Durov's Case
Choi Keunwon, Zotova T. A. 205

Sociology of Management

- Theoretical and Methodological Approach to Managing the Formation of Historical Memory
 in Young People
Martysenko N. S. 215

Economics and Management: Theory and Practice

- Strategizing the Import Substitution in the Agro-Industrial Complex of the Russian
 Federation: Theoretical Aspects
Breus M. V. 229
- Impact of Energy Constituent on Russia's Economic Security: Integral Criterion
Zaitsev S. V., Stepanova D. I., Semenova K. V. 237
- Industrialization 2.0 in the Russian Federation: Professional Aspect
Pyankova L. A. 248

Regional and Sectoral Economy

- Inter-Territorial Calculations for Identifying Imbalances and Problems in Health Insurance
Badlo S. V., Tabashnikova O. L. 259
- Managing the Tourism in the Vladimir Region: New Management System of State Programs
Deren I. I., Zemlyanikina A. D. 276
- Synergetic Approach in the Formation of the Economic Space of the Regions
Kurnosov A. V. 288
- Formation of Students' Digital Competencies: Institutional and Regional Aspects
 (Using the Example of Continuing Education Programs at Digital University Departments)
Lysenko E. A. 301
- Analyzing the Regional Digital Potential in Social Sphere
Mukhacheva A. V. 315
- Marketing Tools for Strategizing Federal Organizations of Medical Sciences:
 Theory and Practice
Popsuyko A. N., Kusch O. V., Artamonova G. V. 327
- Strains on Sri Lankan Families: Pandemic, Politics, and Economic Turmoil
Shehan Felician, Rilwan Muhammed, Koralage Paboda, Marikar Faiz 338

Finance

- Effect of ESG Trends on Share Prices in Banking Sector
Novikova P. M., Brazhnikova V. A., Mishin A. A. 350

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zyfmbf>

Традиционные ценности как исходный фактор русской нравственности

Галеев Зуфар Гумарович

Казанский кооперативный институт Русского университета
кооперации, Россия, Казань

eLibrary Author SPIN: 6830-7658

<https://orcid.org/0000-0003-1238-2635>

Качалов Вадим Юрьевич

Поволжский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, Россия, КазаньКазанский кооперативный институт Русского университета
кооперации, Россия, КазаньКазанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, Казань

eLibrary Author SPIN: 3182-4984

<https://orcid.org/0000-0003-0483-8540>kite70@yandex.ru

Аннотация: Системное изучение действующих традиционных ценностных механизмов является базовым условием формирования и определения русской нравственности и общественного и личного поведения. Цель – выявить и определить традиционные ценности как исходный фактор русской нравственности. Установлено, что отрицание или принижение традиционных ценностей может привести к чрезмерному росту эгоистических потребностей, утрате единства прав и обязанностей, осознанного ролевого взаимодействия и чувства долга. И наоборот, повышение моральных качеств личности, формирующихся под влиянием традиционных ценностей, способствует общественному и личностному «восхождению». Измерены традиционные и инновационные ценности, проанализировано их гармонизирующее взаимодействие, или сопряжение, необходимость выявления и определения меры традиционных ценностей в соотношении с инновационными ценностями, то есть на обретение гармонии, которая может обеспечить достижение баланса русской нравственности. Определено, что для выхода на действующие традиционные ценностные механизмы, которые могли бы стать базовым условием формирования и определения русской нравственности и общественного и личного поведения, необходимо их системное изучение. Объект исследования – русская нравственность, выразителем которой являются россияне (в первую очередь представители молодого поколения: трудящаяся и учащаяся молодежь). Предмет – традиционные ценности, ключевым образом влияющие на формирование и определение нравственности граждан нашей страны. Предмет изучения раскрывается посредством системного подхода, а также средств и методов социальных и гуманитарных наук. Это позволяет не только по-новому взглянуть на проблемную ситуацию, но и осуществить альтернативные теоретические обобщения и некоторое приращение социально-гуманитарного знания, а также внести определенный вклад в дело оптимизации практики общественного развития.

Ключевые слова: традиционные ценности, мировоззрение, русская нравственность, общественное поведение, духовно-нравственное поведение, духовно-нравственные ценности, инновационные ценности

Цитирование: Галеев З. Г., Качалов В. Ю. Традиционные ценности как исходный фактор русской нравственности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 181–190. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-181-190>

Поступила в редакцию 16.01.2025. Принята после рецензирования 02.04.2025. Принята в печать 07.04.2025.

full article

Traditional Values as Background Factor of Contemporary Russian Morals

Zufar G. Galeev

Kazan Cooperative Institute of Russian University of Cooperation,
Russia, Kazan

eLibrary Author SPIN: 6830-7658

<https://orcid.org/0000-0003-1238-2635>

Vadim Yu. Kachalov

Volga Region State University of Physical Culture, Sports, and Tourism,
Russia, KazanKazan Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation,
Russia, Kazan

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

eLibrary Author SPIN: 3182-4984

<https://orcid.org/0000-0003-0483-8540>kite70@yandex.ru

Abstract: A systematic study of the existing traditional values makes it possible to identify the contemporary state of Russian morals, as well as the national social and personal behavior patterns. Traditional values are the fundamentals of the contemporary national morality. Their denial and belittling give rise to selfish needs while scattered rights and responsibilities lead to public unwillingness to accept social roles and duties. Traditional values improve personal moral qualities, thus contributing to social and personal ascent. Traditional and innovative values tend to work in a harmonious conjugation. The authors attempted to measure traditional values in relation to innovative ones as to define a harmonious entity that could bring Russian morals to balance. A systematic study of Russian morals and social and personal behavior patterns could reveal the existing value mechanisms. This research featured Russian morals as expressed by university students and young employees. The traditional values that affect the national morals were studied by the means and methods of social sciences and humanities. The systemic approach provided a fresh insight into the problem field that yielded some alternative theoretical generalizations, expanding the socio-humanitarian knowledge and contributing to a better practice of social development.

Keywords: traditional values, worldview, Russian morals, social behavior, spiritual and moral behavior, influence, spiritual and moral values, innovative values

Citation: Galeev Z. G., Kachalov V. Yu. Traditional Values as Background Factor of Contemporary Russian Morals. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 181–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-181-190>

Received 16 Jan 2025. Accepted after review 2 Apr 2025. Accepted for publication 7 Apr 2025.

Введение

Особая значимость традиционных ценностей обнаруживается в обыденной жизни людей, т.к. они влияют на формирование норм-привычек, стабилизирующих процесс приемлемых межличностных и межгрупповых отношений в социуме. К тому же традиционные ценности могут оказывать весьма благотворное воздействие на формирование норм-законов. То есть они обретают важную факторную роль как динамические условия, которые воздействуют на законодательный процесс. Примеры такого рода можно обнаружить во всей системе нормативно-правовых актов, начиная с базисных и заканчивая инновационными.

Традиционные ценности способны становиться ключевым или исходным фактором нравственности – установки, предрасположенности, готовности

человека поступать в соответствии со своей совестью и свободной волей, которые ведут его к осознанному ролевому взаимодействию с другими (упорядочивание социальных связей и отношений, их уплотнение – гармонизация социальных институтов и общества в целом).

При этом следует отметить, что традиционные факторы, осуществляя свое влияние на формирование российской нравственности, сочетаются с другими, такими как: духовно-нравственные традиции; культура со всеми своими формами духовности (например, религия, философия, искусство, идеология); окружающая среда; художественные произведения.

Дискурс в сфере социогуманитарного знания представляет собой многосложное и полилогичное

явление и должен соответствовать той социокультурной действительности, в которой осуществляется. Она же динамична и имеет много сторон и переменных со своей социокультурной спецификой. В содержание дискурса в сфере социогуманитарного знания включается множество составляющих. Например, исследование традиций, ритуалов, обычаев, общественной морали, психологические характеристики различного уровня и другие явления и состояния жизни как определенного социума, так и отдельного человека.

Цель – выявить и определить традиционные ценности как исходный фактор российской нравственности. Для этого установлена их конгруэнтность (или наоборот) целям и задачам российской общественной системы и концентрация их побудительного потенциала на оптимизацию общественной жизни и ее развитие. Под последним мы понимаем процесс и результат достижения в обществе состояния гармонии производительных сил, т.е. людей / человека и их потребительной силы (качество и доступность потребления как направление развития человека). По нашему мнению, установление в обществе приоритета традиционных духовно-нравственных ценностей в их единстве и многообразии с инновационными ценностями может способствовать этому.

Объектом исследования выступает российская нравственность, выразителем которой являются россияне, составляющие российское общество (в первую очередь представители молодого поколения: трудящаяся и учащаяся молодежь). При этом нравственность понимается не только как синоним морали, но и как внутренняя установка человека поступать в соответствии со своей совестью и свободной волей. Предмет – традиционные ценности, ключевым образом влияющие на формирование и определение нравственности россиян.

Предмет изучения раскрывается посредством системного подхода, а также средств и методов социальных и гуманитарных наук. Это позволяет осуществить не только альтернативные теоретические обобщения, но и некоторое приращение социально-гуманитарного знания, внести весомый научный вклад в оптимизацию практики общественного развития.

В зависимости от того, в каких состояниях изучается предмет исследования (во временной социокультурной динамике или в статике), выделяются разовые и повторные исследования, исследования в режиме конкретного времени и лонгитюдные

исследования. Это важно для понимания динамики генезиса и содержания традиционных ценностей и их факторной роли в процессе формирования российской нравственности.

С учетом специфики предмета статьи, накопленного теоретического и фактофиксирующего знания применялись следующие методы: анализ источников и документов; сравнительный анализ; вторичный анализ; метод сопоставления. Исследование проводилось в течение нескольких лет посредством применения указанных методов в процессе изучения и анализа литературы, а также опыта, затрагивающего данную тему. Основанием методики работы является сочетание теоретического и эмпирического подходов.

Результаты

З. Г. Галеев и К. А. Тихонравов понимают под ценностями «осмысленно произведенные, сотворенные людьми предметы их потребностей. Они обеспечивают им общественное и личностное благополучие и развитие. Ценности – это то, что делает человека духовно богаче и свободным, а значит, ответственным и нравственным. Итак, ценности, с одной стороны, объективны, поскольку имеют не зависящее от сознания данной личности функциональное значение, а с другой – субъективны, так как представлены личностным смыслом – отношением к потребностям человека» [1, с. 54].

В связи с этим осуществляемые людьми в своей индивидуальной и социальной жизнедеятельности ценностные ориентации, т.е. ими же объектно материализованные отношения к тем или иным предметам активности, могут «наследовать» как ныне существующим, так и будущим поколениям их собственные сущностные силы, в том числе и представителям определенной российской социокультуры и этнокультуры. Помимо этого, Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 гласит: «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Таким образом, к основным традиционным ценностям относится определенный интегральный результат исторического развития российского народа [2].

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. СПС КонсультантПлюс.

При этом также предлагается учитывать основные сферы его жизнедеятельности, т.к. тогда можно будет утверждать, что этот результат предстанет не как случайный, а вполне закономерный. То есть это означает, что он смог бы сформироваться только при наличии соответствующих географических, духовно-нравственных и социально-политических детерминант. Без них не было бы возможным и тем более необходимым осуществление процесса формирования уникальности нашего народа.

Однако нужно заметить, что данная уникальность ни в коем случае не означает его превосходства над другими народами мира. Это лишь выражение его особенности, взятой в интегрально-духовном и национально-политическом планах. Следует подчеркнуть, что именно традиционные ценности, взятые в содружестве с инновационными ценностями, т.е. ценностями, соответствующими времени и способствующими научно-техническому прогрессу и осуществлению прогрессивных социально-политических проектов, воссоздают современный пласт социокультурных тенденций и закономерностей.

При этом традиционные ценности, не теряя своего приоритета и интегрирующей силы, влияют на сознание и самосознание российского человека, на его склонности к пониманию других. Тем самым сама общественная система в России и ее институты в лице традиционных ценностей получают возможность, во-первых, использовать эти ценности в качестве логического обоснования и ориентира, во-вторых, поступательно развиваться в соответствии с изменяющимися условиями внутренней и внешней среды [2, с. 138]. Кроме того, согласно исследованию ВЦИОМ конца 2024 г., россияне к традиционным российским ценностям относят крепкую семью (51 % ответов), патриотизм (31 % ответов, в том числе *историческая память и преемственность поколений* – 7 %), а также взаимопомощь, гуманизм (26 % ответов)².

Схожие показатели фиксировались и в опросе ФОМ в сентябре 2024 г. Так, в содержание традиционных ценностей опрошенные в первую очередь включают семью, дом, детей, заботу о близких – 38 %; культурное наследие, традиции, уклад – 10 %; патриотизм, любовь к Родине – 7 %; веру в Бога – 5 %; воспитание, уважение к людям – 3 %; нравственные ценности, любовь – 3 %; историческую память, память

о предках – 2 %. Большинство респондентов (85 %) считают себя приверженцами традиционных ценностей. Они разделяют ценности семьи и брака, уважают и любят свою страну, почитают старших и родителей, а также помнят о своих предках³.

Важно отметить, что традиционные ценности коррелируют с национальными целями страны и конгруэнтны им. К тому же они предполагают взаимодополнительность, взаимодействие, т.е. способствуют утверждению друг друга. Эти цели состоят в следующем: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация; региональное развитие⁴. Также на развитие традиционных ценностей и превращение их в один из исходных факторов российской нравственности ключевое влияние могут оказывать основные социальные институты, такие как институт семьи и брака, образования и науки, религии, государства и экономики.

Однако в последние десятилетия наблюдается ориентация на материальное потребление, удовлетворение биогенных потребностей, установка на так называемые *инструментальные ценности*, или ценности-средства в ущерб терминальным ценностям, или ценностям-целям. В этом случае ситуационные интересы преобладают над долгосрочными. Данную тенденцию, по нашему мнению, можно обосновать модой на более гедонистические постмодернистские ценности. Такие ценности «заземляют» человека и вводят его в зависимость. Так, М. Руднев отмечает, что они находят свое отражение в удовлетворении самых естественных потребностей (меньшее число запретов, доминанция материального над духовным)⁵.

Указанные тенденции выражают своеобразную ценностную инверсию, что особенно характерно для молодежи нашей страны. Гедонизм и консюмеризм (потребительство) овладевают ими, а духовные потребности все чаще начинают замещаться биогенными. Таким образом *потребности нужды* начинают доминировать над *потребностями роста*. Благодаря этому актуализируется человекообразующая и гармонизирующая функции

² Семья в системе российских ценностей. 22.11.2024. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Традиционные ценности в российском обществе. ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Национальные цели развития России. Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://tspp.ru/sustainable_development/nacionalnye-celi-razvitiya-Rossii/ (дата обращения: 10.01.2025).

⁵ Руднев М. Традиционные ценности и реальность. Вестник. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/16/801630-traditsionnye-tsennosti> (дата обращения: 10.01.2025).

традиционных ценностей, которые и должны оставаться в приоритете. Именно в них включаются «права и свобода человека, патриотизм, высокие нравственные ценности, труд и творчество, приоритет духовного над материальным, гуманизм, справедливость, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3, с. 1792]. Как видно из этого перечня, дополняющего реестр традиционных ценностей, они носят социосообразный и личностнообразный характер, консолидируя общество и человека.

Традиционные ценности становятся трансисторическими, т. е. имеющими исходное значение как для каждого человека в отдельности, так и для всего человечества в целом, потому что они органично сопровождают его в повседневной жизни. Таким образом, указанные ценности согласуются с базовыми для человека биологическими и социокультурными потребностями. А. А. Мишучков, например, пишет: «под традиционными ценностями цивилизации понимается вид базовых культурных ценностей, устойчивых, позитивных, нематериальных категорий, имеющих метафизическую природу (неизменяемы, абсолютны, причастны высшему благу и Богу); статус общепризнанных и общепринятых цивилизациями, которые характеризуют статику и динамику (вместе с диалектически им присущим комплексом инноваций) социальных отношений; передаются из поколения в поколение как исторически сформированный сакральный социальный опыт, выраженный в виде целостной системы (норм, идеалов, символов, смыслов, образцов поведения), обладающий качествами цивилизационной универсальности и уникальности; образующие цивилизационную идентичность, этическое ядро менталитета цивилизации, ее национального духа и характера, ядро национальной идеи, будущего цивилизационного идеала; обеспечивающие непрерывность общественной жизни, коллективную социальную сплоченность, коллективное и индивидуальное моральное совершенствование личности, единство культурно-исторической социальной памяти, образующий; определяющие самобытность, жизнеспособность и потенциал развития цивилизации; обладающие качеством базисности и универсальности в отношении всех прав и свобод человека, признанных международным законодательством; нуждающиеся в институциональной политике сохранения и защиты традиционной

идентичности в условиях ее размывания в глобализирующемся мире» [4, с. 70].

Вместе с тем подчеркивается, что совместное проживание и сопряжение народов разных культур и мировоззрений являлось базовой особенностью их мирного сосуществования: люди, объединенные одним этносом, культурой и традициями являются сплоченным механизмом, который может представлять внушительную по своей значимости силу. Именно налаживание дружественных отношений с представителями иных народностей помогало и помогает России оставаться одной из передовых держав на протяжении долгого времени⁶ [5]. К этому еще стоит добавить, что традиционные ценности соотносятся с политическими идеологиями. Однако важно учитывать, что эти ценности лишь обосновывают приемлемость той или иной проводимой политики и никак сами по себе от нее не зависят [6, с. 72].

Кроме того, ученые отмечают, что «ценности с философской точки зрения имеют характер абстрактного идеала, эталонного образца общественного устройства» [2, с. 271]. Также они обращают внимание на мировоззрение российских людей и его сущностное основание, под которым понимаются ценности, отражающие связь человека как познающего субъекта с объектами окружающей действительности [2, с. 272]. В связи с этим, на наш взгляд, Российской Федерации и гражданскому обществу необходимо принять надлежащие меры по обеспечению фундаментального процесса социокультурного наследования. То есть необходимо осуществить меры для сохранения и распространения национальных исторических и культурных ценностей, чтобы обеспечить устойчивое будущее нашей страны [7, с. 8]. Помимо этого, О. Н. Рудакова напоминает о правовом обеспечении традиционных ценностей, которые могут и должны стать основой конституционных ценностей [7].

В статье [8] предлагается сфокусироваться на тех российских традиционных ценностях, которые являются исторически верифицируемыми и выводимыми из эмпирического опыта. Они соотносятся с тремя важными сферами духовной жизни российского общества: образование, культура, наука. По нашему мнению, эти ведущие сферы могут обеспечивать и оптимизировать процесс социокультурного (социального) наследования. Соответственно, рекомендуется более четко очертить

⁶ См. Кудрина С. А. Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации: аудиолекция. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. 16.06.2023. URL: https://www.uniyar.ac.ru/pressroom/tsentr-universitetskogo-televideniya/?ELEMENT_ID=61519 (дата обращения: 10.01.2025).

в них ценностную основу деятельности государственных органов и их партнеров с опорой на исторические традиции российского народа.

Следует упомянуть и междисциплинарный аспект темы, связанный с анализом традиционных ценностей, их развитием и профилактическим потенциалом. Этот аспект раскрывается относительно деструктивных идеологий, которые разрушают общественную систему России и представляют собой явную угрозу ее национальной безопасности. Как следствие, указанное привлекло внимание участников круглого стола «Общероссийские традиционные духовно-нравственные ценности: профилактический потенциал» (Саратов, 12 декабря 2023 г.).

Важным для нас является определение места и роли РФ в современном мире и ее цивилизационных основ. Современная Россия в настоящее время выступает ведущей защитницей традиционных ценностей и предлагает использовать формально-юридический метод для реализации плана продвижения концепции духовно-нравственных ценностей в международных отношениях [9]. Такой подход, по нашему мнению, вполне актуален и может положительно повлиять на содержание и развитие российской нравственности. Кроме того, А. С. Сарычев подчеркивает, что феномен духовности и нравственности в современных условиях требует пристального и углубленного изучения как с точки зрения теории и методологии вопроса, так и в практическом отношении, в контексте духовно-нравственного воспитания выпускников вузов [10].

Стоит отметить, что исследователи обращают внимание и на личностный, и семейный аспекты проблемы, которые связаны и дополняют вышеуказанное. Например, Цзоюань Лю подчеркивает, что традиционные духовно-нравственные ценности – это ключевой элемент формирования комплексно развитой и полноценной личности, базис для ее дальнейшего совершенствования и развития [11, с. 199]. Мы считаем, что этот тезис положительно противоположен взгляду (или представлению) о том, что российской системе образования следует формировать компетентного и идеального потребителя, т.е. личность, производящую качественные товары и услуги и постоянно их потребляющую.

Интерес ученых также направлен на изучение диалектики общечеловеческого и национального в содержании традиционных ценностей. Например, И. В. Москаленко и Т. М. Чурекова указывают, что патриотизм как чувство любви к Отечеству развивает все остальные нравственные качества людей [12]. С теоретико-методологической точки зрения важно и предложение К. А. Устиленцева

интерпретировать традиционные российские ценности в качестве комплексного проявления приоритетных для российского общества и государства социальных практик, проверенных историей, и практик, выступающих предметом трансляции духовно-нравственного опыта от одного поколения к другому. Это будет способствовать укреплению социокультурной структуры и системы в целом [13]. А. Н. Митин, М. И. Паршуков в свою очередь отмечают, что, кроме рассмотрения интересов нации через призму различных сфер и видов безопасности, чрезвычайно важно проводить их оценку по отношению к общественным положениям, цивилизационной интеграции, духовному состоянию и укреплению российской государственности [14, с. 42–43].

В связи с этим важно дополнить: в наше время традиционные ценности включают такие элементы, как человеческое достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений [15].

Теоретико-методологическое и практическое значение этого реестра традиционных духовно-нравственных ценностей, на наш взгляд, однозначно положительное, т.к. формирование цивилизационной и национальной идентичности без этих ценностей невозможно. Как следствие, И. И. Горлова определяет традиционные ценности как «вид нематериального культурного наследия, исторически сформированные устойчивые ценности, признанные народами Российской Федерации, образующие культурную идентичность, государственный и культурный суверенитет общества, передаваемые в семье из поколения в поколение, образующие ядро культурно-исторической социальной памяти, являющиеся базисными в отношении прав и свобод человека, признанных законодательством» [16, с. 13]. С таким подходом мы согласны, поскольку на основе традиционных ценностей формируется традиция, посредством которой осуществляется их межпоколенная трансляция [6], а значит, осуществляется процесс социокультурного наследования.

Традиционные ценности формируются не случайным образом, а как адаптивный ответ на вызовы среды, система жизнеобеспечения социума, т.е. как его исходная культурная форма. Поэтому следует помнить, что формирование и актуализация этих ценностей во многом происходит под воздействием

географических, климатических и демографических факторов. Например, Н. П. Мони́на отмечает, «что особенности геополитического положения России формировали определенные черты русского типа культуры, к которым можно отнести: нигилизм, фольклоризацию культуры, отсутствие в русской культуре размеренности, порядка, законченности, постоянное присутствие надежды на чудо, необычайный эксперимент, нравственную направленность, панморализм, ориентацию на решение вечных трансцендентных проблем, всемирную отзывчивость, способность принимать близко к сердцу беды других народов» [17, с. 208].

В связи с этим подрыв традиционных ценностей той или иной контркультурой (антикультура) приводит общество в состояние хаоса и неопределенности, поскольку разрушение данной антикультуры «ядра» российской культуры и российской социокультурной структуры, а значит, социокультурной (общественной) системы в целом без отрицательных последствий не происходит. К тому же без традиционных ценностей процесс духовно-нравственного становления, развития и обновления общества и человека был бы просто невозможен. Именно на основании традиционных ценностей устанавливается жесткая система нравственных ориентиров – так называемых *вешек*, которые являют собой ключевую форму-институцию утверждения и созидания добра.

Интегрирующий аспект традиционных ценностей может содействовать достижению большей эффективности в стратегическом обеспечении и в сфере формирования гражданского и правового общества [18]. Таким образом можно будет обеспечить приближение российского общества к гармоничному (единство в многообразии) пониманию базовых конструктивных ценностей, максимально соответствующих личному мировоззрению конкретного гражданина.

Традиционные нравственные ценности – это примеры поведения из прошлого, которые люди считают правильными и важными для семьи и общества (верность, мораль, патриотизм, уважение к старшим, честность, трудолюбие, взаимопомощь и др.⁷). Иными словами, традиционные духовные ценности – это принципы, одобряемые и разделяемые большинством людей, которым необходимо следовать и которые необходимо наследовать.

Для достижения гармонизации общественной системы и ее основных жизненных сфер требуется ценностный консенсус, который без приоритета

в общественном сознании и менталитете стержневых традиционных ценностей просто невозможен. Общецивилизационные требования к современной личности предполагают, что она должна быть максимально универсальной, всесторонне развитой, способной решать ситуационные и глобальные проблемы. И это порождает кризис идентичности на личностном и социокультурном уровнях. Как следствие, начинают возрастать роль и значение процессов этнической и культурной идентификации и идентичности, что весьма значимо для оптимизации межэтнических и межличностных отношений [19]. Нравственным же консолидатором, интегратором в этом процессе могут выступать традиционные ценности.

Стоит уточнить: наличие только традиционных ценностей тормозит достижение научно-технического и иного типа прогресса, что актуализирует важность инновационных ценностей. Так, динамичное сопряжение традиционного и инновационного является необходимым условием «восхождения» страны и российского человека [20], установления (достижения) диалогического или гармонизирующего взаимодействия [21]. Традиционные ценности, взятые в чистом виде, основаны на соборности, коммунитарности, т.е. на приоритете совместного, коллективного, а инновационные – на приоритете автономного индивидуализма. Гармонизирующее взаимодействие достигается двумя путями общественного и личностного развития. Первый путь заключается в следовании чистому традиционализму, второй – альтернативному модерну. Однако, по нашему мнению, имеется и альтернативный путь, который основан на сопряжении (симфоническое сочетание) традиционных ценностей с инновационными (прогрессистскими) ценностями при обеспечении приоритета первых.

Таким образом, традиционные российские ценности способны прогрессивно взаимодействовать с инновационными ценностями, такими как информационная техника, виртуальная реальность, информация, знание и интеллектуальный капитал. С одной стороны, это может придать российскому обществу динамическую устойчивость, стабильность, а с другой – создать благоприятные условия для его научно-технического прогресса, способствуя обеспечению национальной безопасности государства, его независимости и суверенитету.

Ценности (прежде всего традиционные) представляют собой ключевую составляющую личностной

⁷ Что такое традиционные ценности и какие они в России. Простыми словами. *Секрет фирмы*. 20.07.2024. URL: <https://secretmag.ru/enciklopediya/tradicionnye-cennosti.htm> (дата обращения: 10.01.2025).

и общественной структуры. Они инициируются благодаря биогенным, социогенным и духовным потребностям, удовлетворение которых с достижением или посредством тех или иных предметов порождает определенные ощущения и эмоции – значит оценку предметов с положительным либо отрицательным знаком. В связи с этим ценности иерархически упорядочены, каждая из них имеет свою степень значимости: они организованы в систему, определенным образом отражающую взгляды и убеждения человека о том, что важно / ценно в его жизни. Необходимо подчеркнуть, что ценности относительны и динамичны, т.е. могут меняться со временем, в том числе развиваться и обновляться, а также различаться в зависимости от социокультурного и духовного контекста.

Подобная динамичность и пластичность ценностей допускает некоторый семантический характер ценностных установок. Для русской мысли не является характерной систематизация или некоторое научное обобщение форм философского знания. Темы морали и нравственных качеств затрагивались русскими философами в контексте интуитивного знания и образного мышления, а рационализм и эмпиризм уходили на второй план. Так, А. Т. Каюмов и А. В. Маслова отмечают, что «самым ярким периодом в истории Русской мысли является рубеж XIX–XX в. и весь XX в. В этот период формируется истинно русская литература, которая может в полной мере называться аутентичной от начала и до конца, где мысль Толстого, Достоевского не просто "вплетается" в европейский контекст, а образует автономное единство и одновременно богатое национальное наследие» [22, с. 261–262].

Кроме того, можно отметить уникальное синтетическое направление *русский космизм*, основанное Н. Ф. Федоровым. Он проводит идею о преодолении смертоносных сил природы, достижения сверхнравственности, когда люди начнут жить «с каждым для каждого». Итак, особенность русского философствования заключается в поиске самоидентичности в глобальном процессе развития философии и социального пространстве. Однако следует отметить, что русская мысль отличается от рационализма социальной философии как анализа социального феномена, т.е. теоретико-рационального исследования природы и сущности социального поведения и социального сознания, социальных процессов, институтов и сфер общественной жизни.

Многие философские дискурсы и нарративы трактовались в символах, художественных и литературных произведениях или поучениях, посланиях и сказаниях. Ученые пытались с различных точек зрения

обосновать место нашей страны на международной арене и в религиозном мире. *Русская идея* как явление национального сознания и самосознания (возможно, бессознательного) представляет собой реакцию отечественной общественной мысли второй половины XIX–XX в. на вхождение России в западно-европейскую, индустриально-технологическую цивилизацию.

Заключение

Традиционные ценности русского народа обрели свою форму в ходе многовекового развития нашей страны-цивилизации. Многие из них универсальны, поскольку преимущественно опираются на базовые принципы и паттерны морали, которые являются для них детерминаторами. Эти ценности генерируются благодаря многообразным биогенным, социогенным, духовным потребностям и принципам культуры, таким как преемственность, целостность (единство), универсальность, творчество, саморазвитие, внутрикультурное и межкультурное взаимодействие. Поэтому роль и значение традиционных ценностей в отношении российской нравственности все более нарастает. Без них невозможно достижение гармонизации общественной системы в целом и ее основных жизненных сфер, т.к. традиционные ценности представляют собой один из ключевых компонентов личностной и общественной структуры.

Общесовременные требования к современной личности предполагают, что она должна быть всесторонне развитой, способной решать ситуационные и глобальные проблемы. И это вызывает кризис идентичности на личностном и социокультурном уровнях. Как следствие, начинают возрастать роль и значение процессов этнической и культурной идентификации и идентичности. Именно усвоение и освоение россиянами (молодежью в первую очередь) традиционных духовно-нравственных ценностей может способствовать достижению ими идентичности во всех ее формах.

Следует помнить о факторной роли географических и демографических условий, которые обуславливают процесс генезиса традиционных ценностей русского народа, их своеобразие и специфику. Так как россияне в результате длительного пребывания в относительно обособленной и специфической среде под воздействием определенных географических и демографических детерминант наполняли эти универсальные принципы особым содержанием и значением, это в итоге способствовало образованию уникального для русского человека набора ценностей – традиционных.

Именно это, на наш взгляд, и предопределило настоящий интерес и возврат к базисным нравственным ценностям и ориентирам, и отход от акцентирования либеральных и неолиберальных подходов к описанию современного мира. Если они и присутствуют в российском дискурсе и обществе, то им отводится второстепенная роль. На приоритетную же позицию выходят традиционные духовно-нравственные ценности, сочетающиеся с инновационными ценностями в целях достижения научно-технического прогресса. Для развития и обновления российского общества необходимо выявить и определить меру традиционных ценностей в соотношении с инновационными ценностями (информационная техника, виртуальная реальность, информация, знание и интеллектуальный капитал), т.е. обрести гармонию, которая обеспечила бы баланс российской нравственности. Ее сбалансирование

будет гарантировать реализацию процессов социокультурного наследования (преемственности) – значит достижению оптимальной степени национальной безопасности и суверенитета нашей страны.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература/ References

1. Галеев З. Г., Тихонравов К. А. Духовно-гуманитарные факторы экономического трудового поведения. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. 216 с. [Galeev Z. G., Tikhonravov K. A. *Spiritual and humanitarian factors of economic labor behavior*. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University, 2014, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgofyi>
2. Основы российской государственности, ред. С. В. Перевезенцев. М.: Дело, 2023. 550 с. [*The foundations of Russian statehood*, ed. Perevezentsev S. V. Moscow: Delo, 2023, 550. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhtody>
3. Валиев Н. И. Роль традиционных ценностей в современном российском обществе. *Научный аспект*. 2024. Т. 15. № 3. С. 1789–1793. [Valiev N. I. The role of traditional values in modern Russian society. *Nauchnyi aspekt*, 2024, 15(3): 1789–1793. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lsufvw>
4. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015. № 3. С. 65–71. [Mishuchkov A. A. Traditional values in a globalizing world. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3): 65–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufzibf>
5. Багдасарян В. Э. Ценностные основания государственной политики. М.: ИНФРА-М, 2018. 286 с. [Bagdasarian V. E. *The value foundations of public policy*. Moscow: INFRA-M, 2018, 286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zszfid>
6. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. Ценности российской цивилизации. Ярославль: Индиго, 2023. 80 с. [Bagdasarian V. E., Ierusalimskii Yu. Yu. *The values of Russian civilization*. Yaroslavl: Indigo, 2023, 80. (In Russ.)]
7. Рудакова О. Н. Правовое обеспечение традиционных ценностей как основы конституционных ценностей. *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 4. С. 97–99. [Rudakova O. N. Legal support of traditional values as the basis of constitutional values. *Pravo i gosudarstvo: Teoriia i praktika*, 2023, (4): 97–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsrqhm>
8. Рудаков А. Б. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте проблематики российской общегражданской идентичности. *Культурологический журнал*. 2021. № 2. [Rudakov A. B. Traditional Russian spiritual and moral values in the context of problems of Russian general civil identity. *Journal of Cultural Research*, 2021, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.78.014>
9. Карпович О. Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития. *Россия и мир: научный диалог*. 2024. № 2. С. 39–51. [Karpovich O. G. The role of Russia in upholding traditional spiritual and moral values in the context of modern world development. *Rossia i mir: Nauchnyi dialog*, 2024, (2): 39–51. (In Russ.)] [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-39-51](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51)
10. Сарычев А. С. Духовно-нравственные ценности России. М.: Директ-Медиа, 2024. 328 с. [Sarychev A. S. *The values of Russian civilization*. Moscow: Direkt-Media, 2024, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/clpjoz>

11. Лю Ц. О традиционных духовно-нравственных ценностях России. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2023. Т. 12. № 2-1. С. 196–201. [Liu T. Traditional spiritual and moral values of Russia. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2023, 12(2-1): 196–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytafux>
12. Москаленко И. В., Чурекова Т. М. Традиционные нравственные ценности: диалектика общечеловеческого и национального в их содержании. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2023. № 63. С. 220–226. [Moskalenko I. V., Churekova T. M. Traditional moral values: The dialectics of the general and national in their content. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2023, (63): 220–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwchgx>
13. Устиленцев К. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования. *Право и управление. XXI век*. 2024. Т. 20. № 1. С. 44–51. [Ustilentsev K. A. Traditional Russian spiritual and moral values as an object of legal research. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2024, 20(1): 44–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-1-70-44-51>
14. Митин А. Н., Паршуков М. И. Общечеловеческие, традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. *Право и управление. XXI век*. Т. 20. № 1. 2024. С. 24–43. [Mitin A. N., Parshukov M. I. Universal, traditional Russian spiritual and moral values in the information security system of the Russian federation. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2024, 20(1): 24–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-1-70-24-43>
15. Лысенко А. В. Как историческая преемственность традиционных ценностей России отражена в концептуальных документах страны. *РСМД*. 2024. [Lysenko A. V. Historical continuity of Russia's traditional values reflected in the national conceptual documents. *RSMD*, 2024. (In Russ.)] URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/kak-istoricheskaya-preemstvennost-traditsionnykh-tsennostey-rossii-otr/> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Горлова И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования. *Культурологический журнал*. 2021. № 2. [Gorlova I. I. Traditional spiritual and moral values in the regulatory legal documents of the Russian Federation: State and ways of improvement. *Journal of Cultural Research*, 2021, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34685/HI.2021.95.60.018>
17. Мони́на Н. П. Условия формирования русской культуры: геополитический аспект. *Омский научный вестник*. № 1. 2010. С. 204–208. [Monina N. P. Conditions of formation of Russian culture: Geopolitical aspect it. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2010, (1): 204–208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojbsmz>
18. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. [Harichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Research*, 2022, 6(3): 9–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
19. Galeev Z. G., Gizzatullin I. G., Vladimirov I. A., Iksanov R. A. Ethnocultural identity as a factor of optimizing interethnic relations in cooperation. *Challenges of the Modern Economy*, eds. Buchaev Yu. G., Abdulkadyrov A. S., Ragulina J. V., Khachatryan A. A., Popkova E. G. Cham: Springer, 2023, 243–245. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_47
20. Давыдов Д. Прогрессизм против модерна. Чему противостоят российские традиционные ценности? *Patria*. 2024. Т. 1. № 1. С. 50–69. [Davydov D. Progressivism vs modernity. What are Russian traditional values opposed to? *Patria*, 2024, 1(1): 50–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/3034-4409-2024-1-1-50-69>
21. Тупичкина Е. А., Андриенко Н. К., Семена́ка С. И. Традиционные и инновационные ценности в информационном обществе: проблема интерференции. *Научно-педагогическое обозрение*. 2022. № 5. С. 20–29. [Tupichkina E. A., Andriyenko N. K., Semenaka S. I. Traditional and innovative values in the information society: The problem of interference. *Pedagogical Review*, 2022, (5): 20–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-5-20-29>
22. Каюмов А. Т., Маслова А. В. Черты русской мысли. К вопросу об истории философии в России. *Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 17. С. 258–273. [Kayumov A. T., Maslova A. V. Features of Russian thought. On the history of philosophy in Russia. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (17): 258–273. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ydogwq>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vvlgse>

Анализ активности депутатов Кемеровской области в социальной сети ВКонтакте: метрики вовлеченности и кейс М. С. Городештян

Филимонов Федор Валерьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0009-0002-8999-4146>

Митин Александр Александрович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 1511-3276
<https://orcid.org/0000-0003-4782-3568>
alexandr.a.mitin@mail.ru

Аннотация: Цель – исследовать активность депутатов Парламента Кузбасса в социальной сети ВКонтакте с акцентом на их взаимодействие с гражданами и уровень вовлеченности аудитории. Период исследования – 1 октября 2023 – 28 января 2024 г. Для выявления проблем SMM-стратегии использован контент-анализ постов, опубликованных 15 сентября 2023 – 2024 г., депутата М. С. Городештян, которая баллотировалась на должность губернатора Кемеровской области – Кузбасса в 2024 г. Применен корреляционный анализ, направленный на изучение взаимосвязи между частотой публикаций, количеством лайков и показателями ERpost, ERday и TR. Комбинирование корреляционного анализа на основе метрик вовлеченности с качественным контент-анализом позволяет комплексно оценить эффективность политической коммуникации на региональном уровне. Установлена важность адаптации контентных стратегий с упором на визуальные материалы и конкретные инициативы для укрепления доверия избирателей. На основе анализа страницы М. С. Городештян разработаны рекомендации для улучшения контентной стратегии депутатов в социальной сети ВКонтакте: 1) увеличить долю визуального контента (ERpost = 0,7) для роста вовлеченности; 2) публиковать короткие тексты (до 160 символов), демонстрирующие максимальную активность (10 баллов); 3) включать в предвыборные посты конкретные планы действий, избегая расплывчатых формулировок; 4) стимулировать обсуждения, задавая вопросы или предлагая темы для диалога; 5) оптимизировать время публикаций, учитывая пики активности аудитории. Исследование способствует пониманию роли социальных сетей в региональных политических кампаниях и развитию эффективных SMM-методов.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, депутаты, ВКонтакте, контентная стратегия, избирательная кампания, политический имидж, политический SMM, Кемеровская область

Цитирование: Филимонов Ф. В., Митин А. А. Анализ активности депутатов Кемеровской области в социальной сети ВКонтакте: метрики вовлеченности и кейс М. С. Городештян. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 191–204. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-191-204>

Поступила в редакцию 26.12.2024. Принята после рецензирования 13.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

full article

Members of Kemerovo Regional Council in the VKontakte Social Network: Engagement Metrics and Maria S. Gorodeshtyan's Case

Fedor V. Filimonov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0009-0002-8999-4146>

Alexander A. Mitin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 1511-3276
<https://orcid.org/0000-0003-4782-3568>
alexandr.a.mitin@mail.ru

Abstract: Council members (deputies) of the Kemerovo Regional Parliament are active in social networks, which they use as a platform for communication with citizens. The general sample covered entries and comments published by regional council members in the VKontakte social network between October 1, 2023, and January 28, 2024.

The article also describes the relevant issues of SMM strategy revealed by a content analysis of publications made by council member Maria S. Gorodeshtyan, who ran for Governor of the Kemerovo Region in 2024. The analysis revealed a correlation between the publishing activity, the number of likes, and the indicators of ERpost, ERday, and TR. A combination of the correlation analysis based on engagement metrics with the qualitative content analysis made it possible to assess the effectiveness of political communication at the regional level. By adapting content strategies to specific initiatives and making emphasis on visualization, candidates can increase the trust of their potential voters. The case analysis yielded some recommendations for improving the content strategy: 1) more visual content (ERpost = 0.7); 2) shorter texts (≤ 160 characters) and more frequent posts (10 points); 3) focus on the small picture: detailed action plans and no vague language or abstract formulas; 4) more interaction: asking questions or suggesting topics to stimulate discussions in the comments; 5) optimal publication time during peaks of audience activity. The research contributes to the role of social networks as platforms of regional political campaigns and introduces a set of effective SMM methods.

Keywords: political communication, social networks, deputies, VKontakte, content strategy, election campaign, political image, political SMM, Kemerovo Region

Citation: Filimonov F. V., Mitin A. A. Members of Kemerovo Regional Council in the VKontakte Social Network: Engagement Metrics and Maria S. Gorodeshtyan's Case. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 191–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-191-204>

Received 26 Dec 2024. Accepted after review 13 Mar 2025. Accepted for publication 17 Mar 2025.

Введение

Активность депутатов в социальных сетях, особенно в условиях современного информационного пространства, приобретает огромное политическое значение, поскольку соцсети стали одной из важнейших платформ для коммуникации с избирателями, где можно быстро передавать сообщения, тем самым создавая атмосферу близости. Можно сказать, что оценка эффективности депутатов в социальных сетях в рамках политической коммуникации позволяет выявить их активность и отметить лучшие практики взаимодействия для определения различия в подходах к коммуникации, которые могут быть полезны для разработок адаптивных стратегий.

Социальные сети стали важным инструментом для успешной карьеры политика, т. к. они дают возможность взаимодействовать с избирателями, влиять на них и получать обратную связь. Без этого утрачивается не только смысл политической деятельности, но и стабильность всей политической системы. Данный подход соответствует концепции Д. Истона, согласно которой политическая система обрабатывает сигналы в виде требований и поддержки, а депутаты служат каналом для их передачи [1, с. 305]. Система получает от внешней среды запросы, потребности и требования, формирующие ее деятельность, а также поддержку и легитимность, проявляющуюся как формально (например, через выборы), так и неформально (в виде доверия и одобрения). На «выходе» политическая система

принимает решения, включая законы, которые отражают запросы общества [2, с. 36]. Таким образом, поддержка обеспечивает устойчивость и жизнеспособность политической системы.

По нашему мнению, тема исследования является актуальной и вызывает интерес со стороны не только российских, но и зарубежных ученых. Помимо этого, все работы, в том числе наша статья, относятся к сфере политического PR и SMM (*Social Media Marketing*). Важно отметить, что продвижение политика в социальных сетях подобно продвижению персонального бренда, поэтому стоит внимательно подходить к методам продвижения, маркетинговым стратегиям, анализу аудитории, созданию контента и т. д. [3, с. 216]. Использование соцсетей политиками во многом пересекается с принципами маркетинга и SMM, включая разработку акций для привлечения интереса к политическим идеям, формирование личного бренда и взаимодействие с избирателями. Необходимо также учитывать особенности политической коммуникации и возможные риски, связанные с политическим использованием социальных медиа.

Современные трактовки социальных сетей акцентируют внимание на таких их способностях, как интерактивное взаимодействие и быстрая передача информации. Резюмируя выводы различных подходов к определению этого понятия, А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров и М. В. Тишкова описывают социальную сеть как онлайн-платформу для общения

и обмена данными, где контент формируют сами пользователи [4, с. 43]. В социальных сетях действуют политически ориентированные интернет-сообщества, основанные преимущественно на онлайн-взаимодействии. Они привлекают новых участников, которые проявляют политическую активность, с целью получения свободного доступа к информации, общения с единомышленниками и ощущения причастности.

Как отмечает О. А. Гримов, различия в основных целях участников между разными типами сетевых сообществ (провластные, протестные, аполитические) незначительны [5, с. 352]. Структура в таких сообществах сводится к комментариям под постами, где пользователи обсуждают инициативы и актуальные события. Ключевой особенностью социальных сетей является поступление миллионов сообщений ежегодно, большинство из которых не обладают значимой ценностью или влиянием. Однако в любой день сообщение, которое привлекло внимание в виде упоминаний или обсуждений, может оказать серьезное социально-политическое воздействие в долгосрочной перспективе. Определение такого сообщения представляет собой важную задачу.

Существуют два ключевых подхода к анализу соцсетей – социальный и технологический. Первый рассматривает социальные сети как элементы широкой социальной структуры, в которой взаимодействия и связи формируют социальное пространство. В этом контексте важна сетевая коммуникация, соединяющая индивидуальные и групповые взаимодействия. Социальные сети здесь понимаются как совокупность значимых социальных связей, где узлы соединены различными типами взаимосвязей. В противовес этому второй подход описывает соцсети как многофункциональные веб-платформы с интерактивным контентом, который зависит от участия пользователей. Д. М. Бойд и Н. Б. Эллисон определяют социальные сети как *веб-сервисы*, которые дают возможность пользователям создавать как открытые, так и закрытые аккаунты, общаться и поддерживать контакты с другими участниками [6]. К тому же этими веб-платформами могут пользоваться отдельные интернет-пользователи, а процесс их создания и управления ими довольно прост [7, с. 27].

Виртуальное взаимодействие в социальных сетях значительно отличается от традиционного общения и включает в себя разнообразные уровни, которые зависят от культурных контекстов, личных особенностей и условий общения. Однако обычно выделяются три основных:

- 1) фатический: форма общения, сосредоточенная на ведении беседы без глубокого содержания, которая представляет собой ограниченные и базовые взаимодействия, соответствующие установленным социальным нормам;
- 2) информационный: важнейшее значение имеет обмен новостями и сведениями, который происходит в рамках совместной активности; интерес и привлекательность передаваемой информации становятся решающими факторами;
- 3) личностный: способствует пониманию себя и окружающих, содействует развитию личной идентичности и достижению вдохновения и просветления, что требует определенных усилий [8, с. 177].

В современном цифровом обществе типологии соцсетей играют важную роль, определяя особенности взаимодействия между людьми в онлайн-пространстве. Классификации социальных сетей позволяют исследователям анализировать различные образцы социальных связей и взаимодействий, т.к. соцсети являются динамичными онлайн-платформами, где пользователи объединяются на основе общих интересов или стремления к совместной деятельности, создавая многообразие форм взаимодействия. В нашей статье используется классификация социальных сетей, которая основана на их структурных особенностях. Согласно этой типологии сети подразделяются на вертикальные (с коммуникацией, направленной от центрального узла вниз), горизонтальные (с равноправным взаимодействием между участниками на одном уровне) и децентрализованные (где связи формируются хаотично между равнозначными элементами без иерархии).

В соответствии с данной типологией авторы понимают политические интернет-сообщества как группы в соцсетях, объединяющие граждан вокруг обсуждения актуальных событий и продвижения политических идей через комментарии, лайки, репосты и прямые эфиры. Благодаря этим типологиям можно выявлять механизмы социального влияния, обнаруживать тенденции и связи в онлайн-сообществах, а также определять специфические особенности каждого типа социальной сети. Помимо этого, к основной типологии относится классификация, основанная на функционале соцсетей, поскольку большинство из них обладают схожим набором функций. Различные составляющие этого функционала можно выделить по основным аспектам:

- 1) общение: взаимодействие с другими пользователями, обмен информацией, вступление в сообщества, комментирование контента и т.д.;

2) обмен контентом: обмен текстами, фотографиями, видеозаписями, аудиофайлами, документами и другими форматами контента, например, на таких платформах, как YouTube, Twitch и Instagram¹;

3) дискуссия: социальные сети представляют собой значимый инструмент для обмена информацией, ведения дискуссий, укрепления взаимопонимания и формирования сообщества людей со схожими интересами [9, с. 95].

Применение социальных сетей в области политической коммуникации привлекло внимание политиков по всему миру, появились многочисленные академические исследования на эту тему. Впервые это явление было замечено на Западе, когда использование социальных платформ во время президентских выборов в США стало объектом интереса ученых различных социальных наук. Такое усиленное внимание объясняется значимостью выборов в политической жизни западных стран. Изменения в способах участия кандидатов в выборах, углубленное изучение мнений избирателей и активизация политической активности стали факторами, способствующими росту научного интереса в этой области [10, с. 152].

Функции соцсетей в политической коммуникации разделяются на две группы – коммуникативные и имиджевые. К первым относятся:

- 1) осуществление прямого общения политиков с аудиторией через личные аккаунты, мгновенная передача информации в первоначальном виде;
- 2) размещение в аккаунтах политиков авторского контента и прямое распространение политической информации (*Politician-Generated Content* – PGC);
- 3) получение обратной связи через лайки, комментарии и репосты, помогающей политикам анализировать активность пользователей и формулировать политическую повестку;
- 4) выявление текущих проблем общества, формулирование социально-политической повестки и реагирование на информационные поводы, которые позволяют кандидатам общаться и дебатировать с аудиторией, публиковать политические сообщения и выражать свое мнение о политических процессах [11, с. 91].

Социальные сети выступают для политиков в роли инструмента, способствующего формированию

их общественного имиджа и осуществляющего взаимосвязь с аудиторией в цифровом пространстве. Вовлеченность в онлайн-дискуссии играет важную роль в создании образа политика как современного и доступного участника политического процесса. Прозрачность является важнейшим элементом имиджа в соцсетях, т.к. она усиливает доверие со стороны граждан. Пользователи оценивают не только уровень информативности публикуемых материалов (тексты и фотографии), но и искренность в ответах на заданные вопросы [12, с. 192].

Депутат способен завоевать расположение избирателей, демонстрируя компетентность в моменты, когда происходят важные для общества события. Это может быть связано с возведением объектов социальной инфраструктуры или с личной инициативой, когда парламентарий в социальных сетях призывает к решению конкретных проблем, а также с использованием этих проблем в конфликтных ситуациях, например для отстаивания интересов граждан в спорах с местными властями или предпринимателями. Такой подход позволяет депутату привлекать внимание общественности через дискуссии в Интернете, получать отклик от избирателей и укреплять свой имидж. Примером личной инициативы является организация сбора гуманитарной помощи военнослужащим, которую провела депутат от ЛДПР из Новокузнецка М. С. Городештян². На своей странице в соцсети она активно призывала к участию в сборе, публиковала благодарности от бойцов и отчитывалась о предоставленной помощи. Так, публикация о сборе гуманитарной помощи М. С. Городештян получила 122 лайка (на март 2025 г.). Следовательно, политики становятся ближе к своей аудитории, с которой взаимодействуют в Интернете, и таким образом завоевывают ее симпатии.

Социальные сети представляют собой неотъемлемую часть деятельности депутатов, поскольку выполняют роль платформы для демонстрации их работы и обеспечивают коммуникацию с избирателями. Парламентарии с удовольствием делятся своими успехами и достижениями, подчеркивая свою активность и вовлеченность в общественные дела [13, с. 34]. Как указывает В. В. Бурматов, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по экологии и член партии «Единая Россия», социальные сети для него выполняют функцию *онлайн-приемной*, через которую поступает

¹ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

² Пост Марии Городештян. *ВКонтакте*. 21.10.2024. URL: https://vk.com/wall93081826_12759 (дата обращения: 20.12.2024).

порядка 15 % запросов от граждан³. В 2023 г. количество ежемесячных обращений ежемесячно достигало 500, а в апреле – 3497. Это еще раз подтверждает, что соцсети играют значительную роль в коммуникации между депутатами и избирателями.

Для депутатов ведение социальных сетей стало обязательным, однако политконсультант А. Б. Август подчеркивает, что аккаунты многих парламентариев – скучные и неинтересные, поскольку их никто не обучает эффективным стратегиям ведения соцсетей. К тому же лучшие страницы становятся востребованным источником информации, который часто цитируют граждане и СМИ [14, с. 36]. Функция инцидент-менеджмента дает возможность напрямую обращаться к руководителям без официальных запросов, ускоряя решение проблемы. Итак, депутатские аккаунты в современном мире служат для информирования, повышения доверия и самостоятельного формирования информационной повестки граждан.

С развитием Интернета и социальных сетей сетевое политическое участие становится все более значимым, предоставляя людям платформу для выражения своего мнения, объединения и защиты интересов. Данная форма включает такие активности, как онлайн-дискуссии, подписание петиций, участие в голосованиях, блогинг и активное использование социальных медиа [15, с. 158]. Сетевое политическое участие позволяет гражданам воздействовать на законодательные инициативы и поддерживать социальные движения. Однако среди специалистов растут опасения относительно манипуляций, фильтрации информации и вопросов об эффективности и легитимности такого участия. Исследование данной формы политической активности важно для понимания ее роли в избирательных процессах, лоббировании и в целом в политической жизни в условиях цифровой трансформации общества.

Цифровые политические платформы оказывают значительное влияние на процессы политической коммуникации в современной России. Массовое внедрение цифровых технологий трансформировало подходы к взаимодействию депутатов с аудиторией. Так, использование цифровых технологий привело к созданию интерактивного механизма, связывающего аккаунты депутатов с государственными и муниципальными органами власти в социальных сетях. Это способствует расширению гражданского участия, а также внедрению системы индикаторов для оценки эффективности, основанной на мнениях

экспертов и гражданском контроле [16]. Подобное взаимодействие делает публичную политику более горизонтальной, т. е. она отходит от традиционной иерархической модели сверху вниз. Существенное значение при этом имеет использование методологии акторно-сетевой теории, которая добавляет новое измерение к привычным схемам коммуникации. Она позволяет теоретизировать представления о сетевых актантах, которые имитируют поведение человека с помощью технологий искусственного интеллекта, что особенно актуально для современной политической коммуникации [17, с. 423].

Цифровизация в современном политическом контексте обусловлена не столько трансформацией политических отношений, сколько появлением нового уровня социальных связей. Этот процесс связан со смещением баланса от традиционной прямой коммуникации к виртуальному взаимодействию, основанному на цифровых технологиях [18, с. 9]. С увеличением числа пользователей, осваивающих новые формы общения, происходит качественное преобразование социального взаимодействия.

В России к цифровым политическим платформам относятся различные виды онлайн-ресурсов, включая платформы *Обращения граждан*, *Госуслуги. Решаем вместе*, а также партийные сервисы для взаимодействия с депутатами, такие как *Прямая связь* на платформе сторонников «Единой России». Кроме того, значимую роль играют социальные сети (ВКонтакте), общественные системы мониторинга, например *Российская общественная инициатива*, и петиционные платформы (Change.org). Эти инструменты открывают возможности для участия в принятии решений, выражения мнения и активного включения в общественные дискуссии. Они также эффективно поддерживают координацию кампаний и мероприятий, объединяя граждан, активистов и организации [29, с. 54]. Цель нашей работы – исследовать активность депутатов Парламента Кузбасса в социальной сети ВКонтакте с акцентом на их взаимодействие с гражданами и уровень вовлеченности аудитории. Помимо уже указанных особенностей, все упомянутые платформы дополняют соцсети, позволяя депутатам получать запросы граждан. Однако, несмотря на это, по-прежнему остаются нерешенными вопросы доступности, неравенства и защиты данных.

Таким образом, исследование активности депутатов Парламента Кузбасса в социальных сетях подтверждает их значимость как одного из ключевых

³ Ушакова Д. Депутатский профиль: Кто и зачем ведет аккаунты народных избранников в соцсетях. *LENTA.RU*. 20.11.2016. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/11/20/dumaonline/> (дата обращения: 20.12.2024).

каналов коммуникации. Соцсети позволяют политикам выстраивать тесный контакт с избирателями и оперативно реагировать на их запросы. Как отмечалось ранее, эффективность такого взаимодействия зависит от способности депутатов адаптироваться к современным требованиям, применять передовые SMM-стратегии и учитывать социальные и технологические факторы. Важно не только демонстрировать свои достижения, но и поддерживать постоянный диалог с обществом, что способствует укреплению доверия и формированию устойчивой связи с гражданами.

Методы и материалы

Для анализа активности депутатов Парламента Кузбасса в социальной сети ВКонтакте были выбраны профили 10 депутатов, которые на момент исследования только вступили в Парламент. Основной период исследования – 1 октября 2023 – 28 января 2024 г.⁴ Кроме того, дополнительно был проанализирован контент депутата М. С. Городештян⁵ с 15 сентября 2023 г. по 2024 г., включая предвыборную кампанию (август – сентябрь 2024 г.). Оценка проводилась на основе следующих показателей: число подписчиков, количество публикаций, среднее количество лайков, уровень вовлеченности в посты (ERpost), дневная вовлеченность (ERday) и коэффициент общения (*Talk Rate* – TR). ERpost представляет собой уровень вовлеченности пользователей в посты и выражается в процентах активных участников сообщества. Указанный коэффициент может варьироваться в зависимости от алгоритмов соцсетей и роста аудитории. TR представляет собой SMM-метрику, которая отражает активность пользователей в комментариях, рассчитывается в процентах и демонстрирует уровень взаимодействия подписчиков с постом. Часто его называют коэффициентом общения. ERday выступает как коэффициент вовлеченности в просмотры и показывает процент активности подписчиков в ответах на публикации, что дает представление о заинтересованности аудитории в контенте [20, с. 140].

Выбор данных метрик обусловлен их распространенным применением в анализе социальных сетей для оценки взаимодействия с аудиторией. Также они являются наиболее подходящими для платформы ВКонтакте, где ключевые показатели активности – лайки, комментарии и репосты. Применение

сервиса Popsters⁶ позволило автоматизировать расчет этих показателей, обеспечив точность и возможность сопоставления результатов. Для выявления взаимосвязей между переменными использовался корреляционный анализ Пирсона. Контент депутата М. С. Городештян изучался методом контент-анализа с выделением ключевых тем и типов публикаций (текст, фото, видео, ссылки).

Уникальность исследования заключается в комплексном подходе, объединяющем количественные и качественные методы для оценки эффективности политической коммуникации в социальных сетях на примере депутатов регионального парламента. Так, применяется SMM-анализ метрик вовлеченности с детальным контент-анализом публикаций С. М. Городештян, баллотировавшейся на пост губернатора Кемеровской области – Кузбасса. Это особенно важно для понимания роли социальных сетей в региональных избирательных кампаниях. Новизна исследования также связана с выбором Кузбасса в качестве объекта анализа, что способствует изучению политической коммуникации в российских регионах, где подобные исследования проводятся нечасто.

Результаты

Депутаты Парламента Кузбасса были избраны на выборах, которые прошли 8–10 сентября 2023 г. в рамках единого дня голосования. Согласно уставу Кемеровского городского Совета народных депутатов, Совет формируется по смешанной избирательной системе на срок в пять лет и включает 45 представителей. Выборы 2023 г. привнесли значительные изменения в состав депутатов: появились новые члены и изменилась партийная пропорция. На момент исследования (1 октября 2023 – 28 января 2024 г.) новый состав проработал достаточно для того, чтобы мы смогли сделать определенные выводы о взаимодействии депутатов с избирателями, а также оценить популярность их страниц среди подписчиков и жителей региона в целом.

Стоит подчеркнуть, что среди членов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва наблюдается особый интерес к социальным платформам ВКонтакте и Telegram. Это явление можно объяснить тем, что такие популярные зарубежные сети, как Facebook, X (ранее – Twitter) и Instagram, уже давно недоступны

⁴ Выбор временного диапазона обусловлен тем, что именно в этот период (первые месяцы работы новых депутатов в Парламенте) наблюдается наибольший интерес аудитории к депутатской деятельности.

⁵ Мария Городештян. ВКонтакте. URL: <https://vk.com/id93081826> (дата обращения: 20.12.2024).

⁶ Popsters. URL: <https://popsters.ru/> (дата обращения: 20.12.2024).

для интернет-пользователей в России. В результате большинство российских пользователей сосредоточили свои усилия на этих двух платформах (ВКонтакте и Telegram), которые стали самыми крупными и востребованными в стране.

Исследование консалтинговой компании *polylog* подтверждает эти наблюдения: в среднем парламентарии активно пользуются Telegram и ВКонтакте, причем распределение аудитории выглядит следующим образом: Telegram – 54 %, ВКонтакте – 33,6 %⁷. Кроме того, количество подписчиков у депутатов, избранных по мажоритарной системе, превышает их количество у депутатов, прошедших по пропорциональной системе. По нашему мнению, это может быть обусловлено тем, что первая группа депутатов предпочитает вести личные страницы, что позволяет сокращать дистанцию с гражданами. Важно отметить, что эффективность работы депутата напрямую зависит от его активности в социальных сетях, и поэтому нет смысла создавать аккаунт, если он не планирует активно им пользоваться.

В ходе анализа было выявлено, что профили депутатов Парламента Кузбасса в социальной сети ВКонтакте имеют разное число подписчиков: от 1167 до 11136 (табл. 1). Это отражает различия в их популярности и подходах к общению с гражданами в онлайн-пространстве. В среднем депутаты размещают около 132 постов, однако данные варьируются. Например, на странице К. Ю. Ермакова было опубликовано 26 постов, тогда как у других эти значения доходят до 298. Такая ситуация подчеркивает разнообразие стратегий взаимодействия с подписчиками, т. к. одни депутаты выбирают редкие, но содержательные сообщения, другие предпочитают частые обновления. Количество лайков также имеет широкий диапазон (от 15 до 104 на публикацию), что указывает на разные уровни активности аудитории. Эти колебания могут зависеть от тематики публикаций, времени их выхода и частоты размещения.

Стоит уточнить, что эти аспекты (посты и лайки) не всегда коррелируют с числом подписчиков. Например, согласно сведениям таблицы 1, Р. Е. Бардокин, обладая наибольшим числом подписчиков (11136), получает в среднем меньше лайков на пост (18), чем другие депутаты. В то же время аномально высокий результат демонстрирует К. Ю. Ермаков: его показатель ERpost достигает 8,6 % (табл. 2), несмотря на относительно небольшое количество постов (26) и скромную аудиторию подписчиков (1284) (табл. 1).

При анализе выявлено, что аккаунты с большой аудиторией не всегда характеризуются большим количеством постов, что свидетельствует о применении различных стратегий для привлечения

Табл. 1. Подписчики, посты и средняя активность (количество лайков) депутатов Парламента Кузбасса в соцсети ВКонтакте, 1 октября 2023 – 28 января 2024 г.
Tab. 1. Regional council members in the VKontakte social network: a quantitative analysis of subscribers, posts, and likes in October 1, 2023 – January 28, 2024

Депутат	Подписчики	Посты	Средняя активность (количество лайков)
Алексеева Т. О.	1696	65	34
Бардокин Р. Е.	11136	76	18
Белов Е. Г.	4697	99	43
Городештян М. С.	9068	298	60
Горшков А. В.	3407	99	43
Давыдова И. В.	1827	267	35
Ермаков К. Ю.	1284	26	104
Ермакова В. И.	5462	139	62
Замышляев С. М.	1167	119	15

Табл. 2. Показатели ERpost, TR, ERday депутатов Парламента Кузбасса в соцсети ВКонтакте, 1 октября 2023 – 28 января 2024 г.
Tab. 2. Regional council members in the VKontakte social network: ERpost, TR, and ERday in October 1, 2023 – January 28, 2024

Депутат	ERpost	TR	ERday
Алексеева Т. О.	2,0845	0,0345	1,1782
Бардокин Р. Е.	0,1868	0,0082	0,1203
Белов Е. Г.	0,9615	0,0178	0,8136
Городештян М. С.	0,6953	0,0246	1,7267
Горшков А. В.	1,7106	–	0,6627
Давыдова И. В.	2,0047	–	4,4604
Ермаков К. Ю.	8,6000	0,3171	2,0335
Ермакова В. И.	1,2393	0,0740	1,4476
Замышляев С. М.	1,3818	0,0072	1,4949

⁷ Депутаты Государственной Думы в социальных сетях: как парламентарии ведут свои аккаунты спустя два года после избрания? *polylog*. URL: <https://polylog.ru/research/deputaty-gosudarstvennoj-dumy-v-socialnyx-setyax-kak-parlamentarii-vedut-svoi-akkauntyspustya-dva-goda-posle-izbraniya> (дата обращения: 20.12.2024).

внимания к контенту. Среднее количество комментариев отличается большей вариативностью по сравнению с репостами, указывая на спонтанное и разнообразное взаимодействие с аудиторией, тогда как показатели вовлеченности в посты (ERpost и ERday) не всегда коррелируют с количеством просмотров (VRpost и VRday), подчеркивая, что качество контента может играть ключевую роль в эффективности коммуникации.

Чтобы определить связь между числом подписчиков, вовлеченностью, количеством постов и средним количеством лайков, необходимо провести корреляционный анализ. Этот метод является удобным инструментом для выявления отношений между числовыми наборами, позволяя оценить силу и направление взаимосвязей между различными явлениями [13, с. 29]. Исследование основано на вычислении коэффициента корреляции Пирсона, который демонстрирует статистическую зависимость между двумя случайными величинами и может принимать значения от -1 до +1. Увеличение абсолютного значения коэффициента указывает на более сильную связь между величинами. Корреляция может быть как положительной, так и отрицательной [21, с. 206]. Расчеты выполнены с применением стандартных статистических методов с использованием специализированных программных сред (Python, R, SPSS, Excel), в результате чего была составлена таблица 3. Полученные значения коэффициентов корреляции интерпретировались с учетом их статистической значимости, которая оценивалась с помощью p-value. Авторами использовалась для расчетов формула:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i и y_i – значения переменных для i -го депутата; $\bar{x}$ и $\bar{y}$ – их средние значения; n – число депутатов ($n = 10$).

Следует отметить, что p-value зависит не только от значения коэффициента корреляции, но и от размера выборки. Более высокие значения корреляции (близкие к ± 1) могут сопровождаться низкими p-value, однако это не является строгим правилом. В небольших выборках даже значительная корреляция может не достигать статистической значимости, в то время как при больших выборках слабая корреляция может оказаться значимой. Высокая корреляция значима только при низком p-value и достаточной выборке. В нашем исследовании уровень значимости оценивался индивидуально для каждой пары переменных. Так, на основе вычислений удалось выделить следующие данные:

- 1) лайки в среднем и ERpost: $r = 0,77$, $p = 0,016$ (сильная положительная зависимость);
- 2) посты и ERday: $r = 0,61$, $p = 0,079$ (умеренная положительная зависимость);
- 3) подписчики и ERpost: $r = -0,53$, $p = 0,15$ (слабая отрицательная зависимость, статистически незначимая);
- 4) лайки в среднем и TR: $r = 0,83$, $p < 0,05$ (сильная положительная зависимость).

Можно утверждать, что наблюдаемая в таблице 3 сильная положительная зависимость между средним количеством лайков и показателем ERpost (0,766), а также между лайками в среднем и показателем TR (0,826) указывает на то, что увеличение среднего количества лайков сопутствует большему уровню вовлеченности в постах и частоте взаимодействия аудитории. Примерами положительной корреляции между средним количеством лайков и показателем ERpost являются профили депутатов К. Ю. Ермакова (104 лайка в среднем, ERpost – 8,6000 %) и А. В. Горшкова (43 лайка, ERpost – 1,7106 %). В то же время умеренная положительная зависимость может свидетельствовать о том, что на общий уровень вовлеченности влияет частота публикаций. Однако отрицательная зависимость

Табл. 3. Матрицы корреляций между различными переменными

Tab. 3. Correlation matrices between different variables

	Подписчики	Посты	Лайки в среднем	ERpost	TR	ERday
Подписчики	1,000	0,249	-0,176	-0,525	-0,294	-0,451
Посты	0,249	1,000	-0,149	-0,384	-0,373	0,613
Лайки в среднем	-0,176	-0,149	1,000	0,766	0,826	0,132
ERpost	-0,525	-0,384	0,766	1,000	0,942	0,268
TR	-0,294	-0,373	0,826	0,942	1,000	0,112
ERday	-0,451	0,613	0,132	0,268	0,112	1,000

между количеством подписчиков и показателями ERpost (–0,525) и ERday (–0,451) может быть признаком того, что аккаунты с большим числом подписчиков зачастую демонстрируют более низкий уровень вовлеченности в своих постах. В качестве примеров с отрицательной зависимостью можно привести страницы Р. Е. Бардокина (11136 подписчиков, ERpost – 0,1868 %, ERday – 0,1203 %), В. И. Ермаковой (5462 подписчика, ERpost – 1,2393 %, ERday – 1,4476 %) и М. С. Городештян (9068 подписчиков, ERpost – 0,6953 %, ERday – 1,7267 %).

Теперь проведем анализ SMM-стратегии депутатов Парламента Кузбасса на примере М. С. Городештян, которая была одним из кандидатов на пост губернатора Кемеровской области – Кузбасса на досрочных выборах 2024 г., с помощью таких критериев, как фокус на социально значимых темах, вовлеченность аудитории в политические дискуссии, контентная стратегия, эффективность в политических кампаниях.

Средний показатель уровня вовлеченности в посты, связанный с социально значимыми темами, можно определить на основе ключевых слов, упомянутых в публикациях. Эти данные представлены в таблице 4, где показан средний ERpost для публикаций, содержащих конкретное слово, и средний показатель количества просмотров (VRpost).

Так, исходя из слова / среднего ERpost, фокус на социально значимых темах присутствует, и они могут быть разделены на следующие группы:

1. Региональное развитие и взаимодействие с населением: слова *регион* (0,6097 %), *город* (0,5678) и *Кузбасс* (0,6268) указывают на обсуждение вопросов, связанных с развитием регионов и местных сообществ. Это говорит о важности для населения тем, связанных с улучшением условий жизни в регионе и городах.
2. Участие и сплоченность: слова *участие* (0,5508 %), *вместе* (0,55) и *депутат* (0,5092) подчеркивают интерес к коллективной работе и участию граждан в социальных процессах, а также роль представителей власти в этом взаимодействии.
3. Вопросы поддержки уязвимых групп: слова *женщина* (0,5893 %), *ребенок* (0,5229), *семья* (0,5338) и *боец* (0,6241) акцентируют внимание на интересе к помощи уязвимым или особым группам населения.
4. Развитие и жизненные перспективы: слова *работа* (0,661 %), *развитие* (0,6578) и *жизнь* (0,6116) говорят об ориентации на обсуждение тем занятости, экономического роста и улучшения качества жизни населения.

Табл. 4. М. С. Городештян: средние показатели количества просмотров и уровня вовлеченности в посты с определенным типом контента, %

Tab. 4. Maria S. Gorodeshtyan: average viewership and engagement in election campaign posts, %

Вид контента	ERpost	VRpost
Фото	0,7	25
Текст	0,2	5
Видео	0,1	2
Ссылки	0,1	1

Стоит отметить, что количество публикаций, включающих в себя ключевые слова, наиболее привлекательные для пользователей, не демонстрирует существенных отклонений от общего числа постов с этими же словами. Лидирующую пятерку по среднему ERpost составляют *поддержка* (0,6733 %), *участник* (0,6727), *житель* (0,663), *работа* (0,661) и *развитие* (0,6578). Это подтверждается особым вниманием к темам, имеющим общественную значимость.

Привлечение граждан к политическим дискуссиям имеет важное значение, поскольку оно размывает границы между различными уровнями общения и предоставляет платформу для выражения разнообразных взглядов. Это обогащает опыт взаимодействия и делает его более конструктивным. Когда граждане общаются с депутатами и их аудиторией через социальные сети, это позволяет им открыто ассоциировать себя с политическим движением или конкретным деятелем, сообществом сторонников [22, с. 32]. В периоды избирательных кампаний особое внимание уделяется взаимодействию между политиками, журналистами и избирателями, а также тому, какой политический дискурс формируется в результате этого общения.

Помимо причины, указанной ранее, депутат М. С. Городештян была выбрана для анализа также и потому, что она входит в группу депутатов с большим числом подписчиков и количеством постов при относительно низких показателях ERpost и ERday. Таким образом, авторский выбор обуславливается высокой сетевой активностью М. С. Городештян и ее статусом кандидата в губернаторы. Говоря об уровне вовлеченности на странице М. С. Городештян в социальной сети ВКонтакте, стоит отметить, что с 15 сентября 2023 г. по 2024 г. ее аккаунту удалось собрать 54300 лайков, 562 репоста, 1950 комментариев и более 1888448 просмотров. Самый эффективный пост по показателю ERpost

(4,3608 %) касался личной благодарности депутата и признательности гражданам⁸. К сожалению, TR в комментариях под постами М. С. Городештян относительно низкий (0,0205 %), что указывает на слабую активность аудитории в обсуждении тем. За 15 сентября 2023 – 2024 г. было оставлено всего 1950 комментариев на 949 публикаций. В среднем это составляет около 2,05 комментария на пост, что соответствует низкому уровню дискуссии и вовлеченности подписчиков в обсуждение тем. То есть аудитория больше склонна к пассивному взаимодействию, а не к активным обсуждениям.

Контентная стратегия играет ключевую роль в вовлечении подписчиков и определяет, какой именно материал будет публиковаться, в каком формате, с какой периодичностью, для какой целевой группы и какую информацию он должен нести. Реализация этой стратегии включает принципы и методы, связанные с созданием и структурированием контента [23, с. 49]. Контентные стратегии в социальных сетях разнообразны и зависят от поставленных целей.

Анализ аккаунтов депутатов в социальной сети ВКонтакте, включая М. С. Городештян, демонстрирует сочетание визуальной, вовлекающей и кампейной стратегий с элементами нарратива для повышения вовлеченности (ERpost, TR) и укрепления доверия со стороны избирателей. Визуальная стратегия фокусируется на использовании визуального контента, причем у М. С. Городештян публикации с фотографиями обеспечивают ERpost на уровне 0,7 %. Вовлекающая стратегия направлена на стимулирование активности аудитории, однако у данного депутата наблюдается низкий TR, что свидетельствует о недостаточном взаимодействии с пользователями. Кампейная стратегия наиболее активно применяется в предвыборный период, акцентируя внимание на проблемах региона, что подтверждается данными таблицы 4. Нарративный подход также присутствует, но его использование ограничено.

Количество постов на странице М. С. Городештян (949) указывает на активное ведение аккаунта. Основные виды используемого контента включают изображения, текст, видео и ссылки, причем наибольшее число публикаций составляют именно изображения и тексты. Посты с изображениями оказались наиболее успешными, продемонстрировав высокие значения средних показателей ERpost и VRpost (0,7 и 25 % соответственно). Для текста эти показатели составили 0,2 и 5 %, для видео – 0,1 и 2 %, а для ссылок – 0,1 и 1 % (табл. 4). На наш взгляд, стоит сосредоточиться на использовании визуального контента.

Важно обсудить продолжительность текста в публикациях, поскольку она влияет на его позиции в результатах поиска. Поисковые системы ранжируют материалы различной длины, а соцсети, такие как Facebook, могут обрезать длинные сообщения, требуя от пользователей нажимать *Читайте дальше*. Кроме того, длина текста должна соответствовать ожиданиям целевой аудитории, поисковым намерениям пользователей, целям маркетинговой стратегии и типу контента. Обычно считается, что оптимальная длина составляет от 1500 до 2000 слов. В контексте публикаций ВКонтакте можно выделить три категории продолжительности текста: короткие (менее 160 символов), средние (от 160 до 1000 символов) и длинные (более 1000 символов). По мнению авторов, короткие тексты вызывают наибольшую активность, достигая около 10 баллов. Средние тексты демонстрируют умеренный интерес около 5 баллов, в то время как длинные публикации имеют наименьший уровень вовлеченности. Это свидетельствует о предпочтении аудиторией кратких и легко усваиваемых материалов.

При осуществлении контентной стратегии важно учитывать время публикации материалов, т.к. оно влияет на видимость поста и уровень вовлеченности подписчиков. Например, на странице М. С. Городештян аблюдается необычно стабильная активность подписчиков в течение всей недели, а определенно повышенное внимание фиксируется примерно в 3 часа ночи (рис.). Такие аномалии могут быть связаны с характеристиками аудитории или используемыми хештегами (#Молодежь, #ЛДПР, #ВЫБОРЫ, #КУЗБАСС). Вследствие того, что в течение недели активность подписчиков в основном равномерна, это снижает значимость выбора конкретного дня для публикации постов. Соответственно, время суток в этом контексте привлекает большее внимание.

Значение социальных сетей в политических кампаниях заключается в их способности охватывать обширную аудиторию и обеспечивать прямое взаимодействие, что помогает быстро распространять сведения и уменьшает зависимость от традиционных средств массовой информации. Примером эффективности контента во время выборов губернатора Кемеровской области – Кузбасса в 2024 г. служит один из самых результативных постов

⁸ Пост Марии Городештян. ВКонтакте. 15.09.2023. URL: https://vk.com/wall93081826_9501 (дата обращения: 20.12.2024).

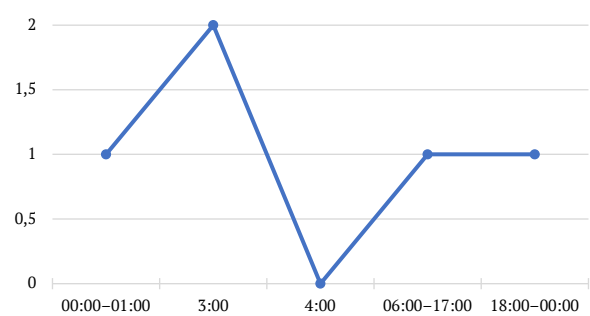

Рис. М. С. Городештян: средняя эффективность публикаций в зависимости от времени суток, 1 октября 2023 – 28 января 2024 г., %
Fig. Maria S. Gorodeshtyan's case: average effectiveness of posts vs. publication time in October 1, 2023 – January 28, 2024, %

М. С. Городештян, относящийся к выборной кампании⁹. Он достиг 140830 просмотров, а VRpost составил 1405,3488 %. Однако данная публикация собрала лишь 52 лайка и 2 репоста, что свидетельствует о низком уровне вовлеченности. Комментарии под постом нет, что, вероятнее всего, связано с отсутствием стимула для комментирования и участия в диалоге с другими пользователями. Несмотря на то что такой контент может повысить узнаваемость кандидата и информирование

избирателей, для роста уровня вовлеченности важно сосредоточиться на создании материалов, побуждающих к обсуждению, репостам и активному взаимодействию.

Анализируя контент М. С. Городештян, опубликованный в августе – сентябре 2024 г. во время выборов губернатора Кемеровской области, мы выявили, что темы публикаций остаются такими же, как обычно. Данные таблицы 5 подтверждают исключительно позитивную или нейтральную риторику этих публикаций (экономика, социальная поддержка, молодежная политика, экология и т.д.), а также позволяют говорить о том, что акцент в них делается на единстве между региональной властью и жителями, которые должны совместно трудиться для достижения общих целей. Однако в этих постах отсутствует ключевая информация о действиях кандидата, если ему удастся выиграть выборы. Некоторые предложения содержат лишь фрагментарные упоминания о возможных улучшениях в социальной, экономической и других сферах, но они не подкреплены конкретными планами или программами. Это может негативно отразиться на восприятии кандидата как человека, способного предложить реальное решение.

Например, высказывания о развитии инфраструктуры или поддержке малого бизнеса могут показаться

Табл. 5. М. С. Городештян: анализ постов в период предвыборной кампании на должность губернатора Кемеровской области – Кузбасса

Tab. 5. Maria S. Gorodeshtyan's: analysis of posts made during the election campaign for Governor of the Kemerovo Region

Дата публикации	Тема	Риторика	Целевая аудитория	Основные проблемы
12.08.2024	Экономика	Позитивная	Бизнес	Инфраструктура, инвестиции
15.08.2024	Социальная поддержка	Позитивная	Пенсионеры	Социальные выплаты, защита
22.08.2024	Молодежная политика	Позитивная	Молодежь	Вовлечение молодежи, новые возможности
27.08.2024	Строительство и комплексная застройка	Позитивная	Все группы населения	Жилищное строительство, социальная инфраструктура
27.08.2024	Образование и рынок труда	Позитивная	Студенты, преподаватели	Подготовка кадров, сотрудничество с бизнесом
28.08.2024	Развитие туризма	Позитивная	Туристы, бизнес	Развитие инфраструктуры, привлечение туристов
01.09.2024	Экология	Нейтральная	Все группы населения	Защита окружающей среды, устойчивость
07.09.2024	Здравоохранение	Позитивная	Все группы населения	Медицинские услуги, медицинские учреждения

⁹ Пост Марии Городештян. ВКонтakte. 26.08.2024. URL: https://vk.com/wall93081826_12216 (дата обращения: 21.12.2024).

избирателям слишком расплывчатыми, без конкретизации. Кроме этого, в постах почти не затрагиваются сложности, с которыми сталкивается текущая власть, что способно отпугнуть тех, кто жаждет перемен. Причины могут быть связаны с дефицитом квалифицированных специалистов в области продвижения политических брендов. Это приводит к ошибкам в выборе подходящих социальных платформ и стратегий взаимодействия с целевой аудиторией, что может исказить основное послание избирательной кампании [24, с. 37]. Все эти аспекты ограничивают эффективность предвыборной кампании и могут снизить уровень доверия среди избирателей, ожидающих конкретных действий.

Заключение

Социальные сети представляют собой онлайн-платформы, которые предназначены для обмена информацией и взаимодействия между пользователями, стимулируют активность участников и способствуют обсуждению актуальных тем. Политики активно используют соцсети, чтобы создавать и распространять контент, влияя на информационную повестку. Социальные сети также играют ключевую роль в формировании политического имиджа, предоставляя возможность общения с широкой аудиторией и демонстрируя открытость. Однако эффективность их использования зависит от продуманной контентной стратегии, уровня вовлеченности аудитории и способности политиков адаптироваться к запросам современной политической коммуникации.

Анализ страниц депутатов Парламента Кузбасса показал низкий уровень вовлеченности аудитории и недостаточную активность самих депутатов. Основные метрики, такие как ERpost, TR и среднее количество лайков, остаются низкими, несмотря на различия в числе подписчиков и количестве просмотров. Выявлена обратная зависимость между числом подписчиков и уровнем вовлеченности: активность аудитории определяется в большей степени частотой публикаций и качеством контента. Это указывает на то, что текущие стратегии ведения социальных сетей не обеспечивают эффективной политической коммуникации и не способствуют формированию позитивного имиджа депутатов в глазах жителей региона.

Среди выявленных проблем основное внимание было уделено слабой контентной стратегии. Большинство публикаций отличаются чрезмерным оптимизмом и отсутствием конкретных предложений или планов, что снижает интерес аудитории. Анализ страницы М. С. Городештян показал, что визуальный контент вызывает наибольшую вовлеченность

(ERpost – 0,7 %), тогда как для других типов контента ERpost составляет лишь около 0,2 %. Короткие тексты до 160 символов демонстрируют высокий уровень вовлеченности (10 баллов) благодаря простоте восприятия и минимальным затратам времени, необходимым на их прочтение. Установлено, что аудитория активнее взаимодействует с публикациями примерно в 3 часа ночи. В то же время уровень активности в комментариях остается крайне низким (TR – 0,0205 %, или 2,05 комментариев на пост), что свидетельствует о пассивной форме взаимодействия избирателей с политическим контентом.

Анализ профиля депутата М. С. Городештян в социальной сети ВКонтакте демонстрирует, что даже при высокой активности публикаций (949 постов за исследуемый период) нельзя добиться значительного роста вовлеченности без точного учета интересов аудитории. Темы, связанные с социально значимыми вопросами, находят отклик, но отсутствие детализированных предложений ограничивает эффективность коммуникации. Кроме того, основная аудитория предпочитает пассивное взаимодействие через лайки, а не активные обсуждения, и это заметно: низкие показатели активности в комментариях указывают на недостаток стимулов для взаимодействия пользователей друг с другом и обсуждения социально-значимых проблем.

Для повышения эффективности взаимодействия с аудиторией депутатам рекомендуется:

- увеличить долю визуального контента для роста вовлеченности;
- публиковать короткие тексты (до 160 символов), демонстрирующие максимальную активность (10 баллов);
- включать в предвыборные посты конкретные планы действий, избегая расплывчатых формулировок;
- стимулировать обсуждения, задавая вопросы или предлагая темы для диалога;
- оптимизировать время публикаций, учитывая пики активности аудитории.

Соцсети продолжают оставаться важным инструментом политической коммуникации, хотя их эффективность определяется качеством публикуемого контента и степенью активности в общении с аудиторией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ф. В. Филимонов – анализ литературы, методологический и концептуальный анализ, написание и редактирование статьи. А. А. Митин – вклад в разработку концепции исследования, критическое редактирование и общее руководство процессом написания.

Contribution: F. V. Filimonov wrote the review, performed the methodological and conceptual analysis, and drafted the manuscript. A. A. Mitin developed the research concept, proofread the manuscript, and provided scientific consultations.

Литература / References

1. Колсариева Н. Ш. Вклад Д. Истона в изучение политической системы как политико-правовой категории. *Бюллетень науки и практики*. 2023. Т. 9. № 3. С. 304–311. [Kolsarieva N. Sh. D. Easton's contribution to the study of the political system as a political-legal category. *Bulletin of Science and Practice*, 2023, 9(3): 304–311. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/37>
2. Ковшов М. А. Системный анализ сетевой политической коммуникации. *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 6. С. 35–40. [Kovshov M. A. System analysis of network political communication. *Society: Politics, Economics, Law*, 2021, (6): 35–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/pep.2021.6.4>
3. Приймак В. В. Перспективные методы продвижения бренда в социальных сетях на современном этапе. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2020. № 11. С. 214–221. [Priimak V. V. Promising methods of brand promotion in social networks. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 2020, (11): 214–221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fddjvs>
4. Чумиков А. Н., Бочаров М. П., Тишкова М. В. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0. М.: Альпина Паблишер, 2010. 134 с. [Chumikov A. N., Bocharov M. P., Tishkova M. V. *PR on the Internet: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0*. Moscow: Alpina Publisher, 2010, 134. (In Russ.)]
5. Гримов О. А. Коммуникативная динамика гражданско-политических сообществ: результаты контент-анализа. *E-Scio*. 2021. № 12. С. 350–355. [Grimov O. A. Communicative dynamics of civil and political communities: A content analysis. *E-Scio*, 2021, (12): 350–355. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rulojv>
6. Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, 13(1): 210–230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>
7. Тихонова А. В., Агурова А. А. Теоретические основы изучения социальных сетей в политической коммуникации и их характеристика. *Теории и проблемы политических исследований*. 2019. Т. 8. № 4А. С. 24–32. [Tikhonova A. V., Agurova A. A. Theoretical bases of studying social networks in political communication and their characteristics. *Theories and Problems of Political Studies*, 2019, 8(4A): 24–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txkosm>
8. Загидуллина М. В. О границах фатического в коммуникации (медиаэстетический аспект). *Медиасреда*. 2020. № 2. С. 171–185. [Zagidullina M. V. The boundaries of the phatic in communication: Media aesthetic aspect. *Mediasreda*, 2020, (2): 171–185. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wnwwvy>
9. Макаров А. А. К вопросу о типологиях социальных сетей и их пользователей. *Теория и практика современной науки*. 2021. № 10. С. 93–99. [Makarov A. A. To the question about typologies of social networks and their users. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2021, (10): 93–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nvnczn>
10. Сяо Ю. Использование социальных сетей в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2021. № 1. С. 149–158. [Xiao Yu. The use of social networking sites in political communication. *Political Linguistics*, 2021, (1): 149–158. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_14
11. Гасанова М. М. Проблемы повышения эффективности использования социальных сетей в политических процессах. *Власть*. 2017. Т. 25. № 3. С. 90–93. [Gasanova M. M. Problems of efficiency of using social networks in political processes. *Vlast*, 2017, 25(3): 90–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whzxpw>
12. Киуру К. В. Визуальная история как архитектура имиджа политика в социальных сетях (на примере Instagram Ксении Собчак). *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018. № 2. С. 191–197. [Kiuru K. V. Visual history as the architecture of a politician's image in social networks: The case of Ksenia Sobchak's Instagram page. *Znak: Problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 2018, (2): 191–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xoxuhz>
13. Дудочников А. И. Анализ корреляции результатов традиционного и дистанционного голосования на политических выборах в России. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023. № 3. С. 28–32. [Dudochnikov A. I. Correlation of the results of traditional and remote voting in political elections

- in Russia. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, 2023, (3): 28–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.3.28-32>
14. Васильев Н. А. Новый социальный мир: описание основных социальных сетей. *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 10. № 5. С. 31–53. [Vasiliev N. A. New social world: Description of the main social networks. *Humanities of the South of Russia*, 2021, 10(5): 31–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.2>
 15. Козлов С. Е. Интернет-активизм как форма политического участия в современной России. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2020. № 79. С. 154–169. [Kozlov S. E. Internet activism as a form of political participation in modern Russia. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2020, (79): 154–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbjdww>
 16. Морозова С. С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином. *Креативная экономика*. 2025. Т. 19. № 1. С. 9–30. [Morozova S. S. Digital dialogue: The role of social media and digital platforms in communication between the state and citizens. *Journal of Creative Economy*, 2025, 19(1): 9–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.19.1.122329>
 17. Быков И. А., Курушкин С. В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24. № 3. С. 419–432. [Bykov I. A., Kurushkin S. V. Digital political communication in Russia: Values of humanism vs. technocratic approach. *RUDN Journal of Political Science*, 2022, 24(3): 419–432. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>
 18. Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 6. С. 6–28. [Konkov A. E. Digitalization in political relations: Planes for perception and mechanisms for transformation. *Kontury globalnykh transformatsii: Politika, ekonomika, pravo*, 2019, 12(6): 6–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1>
 19. Васильева Е. И., Орфониций А. В. Платформы гражданского участия как направление цифровизации публичного управления. *Муниципалитет: экономика и управление*. 2022. № 3. С. 49–60. [Vasileva E. I., Orfonidiy A. V. Feedback platforms as a direction of public administration digitalization. *Munitsipalitet: Ekonomika i upravlenie*, 2022, (3): 49–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcbsls>
 20. Палачева Ю. А. Использование метрик для анализа социальных сетей: проблемные вопросы, количественные методы оценки, выбор показателей эффективности. *PolitBook*. 2021. № 4. С. 140–156. [Palacheva Yu. A. Using metrics to analyze social networks: Problematic issues, quantitative assessment methods, selection of performance indicators. *PolitBook*, 2021, (4): 140–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfjrta>
 21. Любарев А. Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 205–225. [Lyubarev A. E. Correlation analysis of voting results in the Russian federal and regional elections of 2011–2018. *Political science*, 2021, (1): 205–225. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
 22. Григонис Ю. Э. Изучение аудитории как актора политической коммуникации: основные современные подходы. *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 1. С. 31–34. [Grigonis Yu. E. The study of the audience as an actor of political communication: The key modern approaches. *Obshchestvo: Politika, ekonomika, pravo*, 2017, (1): 31–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrjpkf>
 23. Щепилова Г. Г., Мамедов Д. З. Публичные страницы «ВКонтакте»: контентные стратегии. *Меди@льманах*. 2019. № 4. С. 46–56. [Shchepilova G. G., Mamedov D. Z. Public pages in VKontakte: Content strategies. *Medi@lmanah*, 2019, (4): 46–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.4.2019.4656>
 24. Невская Т. А. Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России. *Политика и общество*. 2018. № 9. С. 31–39. [Nevskaya T. A. The role of social networks in the electoral process in modern Russia. *Politika i obshchestvo*, 2018, (9): 31–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.9.27460>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tnfjya>

Влияние политических факторов на развитие глобальных коммуникационных платформ в современном мире в контексте дела Павла Дурова

Цой Гунвон

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 9929-3833

<https://orcid.org/0000-0002-8203-8461>gwchoi@mail.ru

Зотова Татьяна Андреевна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0009-9399-1512>

Аннотация: В условиях цифровой эпохи большую важность имеет выработка баланса между требованиями национальной безопасности и защитой фундаментальных прав человека. Цель – рассмотреть конфликт между основателем мессенджера Telegram Павлом Дуровым и французскими властями через призму теории структурного насилия Й. В. Галтунга. Указанный конфликт анализируется в контексте глобального противостояния между технологическими компаниями и государственными структурами, затрагивая вопросы национальной безопасности и защиты конфиденциальности данных. Основное внимание уделено политическим факторам, дополняющим исторический, правовой и социальный контексты. Раскрыты причины и особенности анализируемого конфликта, которые способствуют легитимизации государственного контроля над цифровыми платформами: институциональное давление со стороны государства, информационное неравенство и культурное насилие. Установлено применение институционального давления в действиях французского правительства через использование им институциональных преимуществ для достижения контроля над данными пользователей Telegram. Обнаружено, что стремление государства к доступу к конфиденциальной информации создает значительное информационное неравенство, нарушающее права граждан на приватность и свободу выражения. Формирование общественного нарратива о приоритете безопасности над приватностью рассматривается как форма культурного насилия, нормализующая вмешательство государства в частную жизнь граждан. Помимо этого, позиция Павла Дурова интерпретируется как ненасильственное сопротивление структурному насилию, которое направлено на защиту цифровых прав пользователей и сохранение баланса сил между государством и технологическими компаниями. Выявлена необходимость поиска компромисса между интересами сторон через разработку новых законодательных норм, международных стандартов регулирования цифровых платформ и инновационных технологических решений.

Ключевые слова: Telegram, Павел Дуров, конфликт, цифровая безопасность, теория структурного насилия, информационная приватность

Цитирование: Цой Гунвон, Зотова Т. А. Влияние политических факторов на развитие глобальных коммуникационных платформ в современном мире в контексте дела Павла Дурова. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 205–214. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-205-214>

Поступила в редакцию 25.12.2024. Принята после рецензирования 03.02.2025. Принята в печать 03.02.2025.

full article

Political Factors in Global Communication Platforms: Pavel Durov's Case

Keunwon Choi

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 9929-3833

<https://orcid.org/0000-0002-8203-8461>gwchoi@mail.ru

Tatyana A. Zotova

Financial University Under the Government of the Russian Federation,
Russia, Moscow<https://orcid.org/0009-0009-9399-1512>

Abstract: A balance between national security and fundamental human rights is of great importance in the digital age. This research featured the recent conflict between Pavel Durov, the founder of the Telegram messenger, and the French authorities. The analysis relied on Johan Galtung's theory of structural violence in the context of the global confrontation between technology companies and government agencies with a focus on national security and data privacy issues. The historical, legal, and social contexts were described from the perspective of political factors. The conflict contributed to the legitimization of state control over digital platforms as a result of institutional pressure from the state, information inequality, and cultural violence. The French authorities applied institutional pressure by using institutional advantages to achieve control over the private data of Telegram users. Governmental access to confidential information aggravated information inequality that violated citizens' rights to privacy and freedom of expression. The development of a public narrative about the priority of security over privacy was assessed as a form of cultural violence that legitimizes governmental interference in private life. Pavel Durov's position was interpreted as nonviolent resistance to structural violence, aimed at protecting the digital rights of users and maintaining the balance of power between the state and technology companies. New legislative international standards for regulating digital platforms and innovative technological solutions could lead to a compromise of interests.

Keywords: Telegram, Pavel Durov, conflict, digital security, theory of structural violence, information privacy

Citation: Choi Keunwon, Zotova T. A. Political Factors in Global Communication Platforms: Pavel Durov's Case. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 205–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-205-214>

Received 25 Dec 2024. Accepted after review 3 Feb 2025. Accepted for publication 3 Feb 2025.

Введение

Развитие компании Telegram характеризуется стремительным ростом и инновационным подходом к обеспечению безопасности и конфиденциальности пользовательских данных [1–3]. Эта платформа, основанная в 2013 г. братьями Павлом и Николаем Дуровыми, изначально позиционировалась как альтернатива существующим мессенджерам с акцентом на защиту приватности. Ключевыми этапами развития стали внедрение сквозного шифрования, запуск каналов и групповых чатов, а также интеграция ботов, что значительно расширило функциональность приложения [4].

Значение Telegram для мирового сообщества и Российской Федерации в частности многогранно. На глобальном уровне платформа способствует развитию свободного обмена информацией, поддерживая принципы свободы слова и защиты личных данных. Для нашей страны Telegram стал не только популярным средством коммуникации, но и важным инструментом для распространения новостей, ведения бизнеса и организации общественных движений. Это создает новые вызовы для регуляторных органов и требует адаптации законодательства к реалиям цифровой эпохи¹ [5].

¹ Бородина А. И., Волков Н. С., Голышенкова О. М., Гребенников С. В., Дмитриева Е. В., Медушева М. С., Сейранян Г. А. Жизнь в онлайн-эпоху: новые вызовы и поиск решений. Доклад по итогам председательства Общественной палаты Российской Федерации в Международной ассоциации экономических и социальных советов и схожих институтов в 2021–2023 гг. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2023. URL: <https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-maesssi-rus.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).

Анализ глобального распространения и использования мессенджера Telegram демонстрирует значительную гетерогенность в его адаптации и применении в различных геополитических контекстах. По данным на конец 2024 г., Telegram используется рядом таких стран, как Россия, Индия, Бразилия, Мексика, Южная Африка, Испания, Италия, Германия, Франция, Великобритания, США, Япония и др.² Данная географическая диверсификация свидетельствует о высокой адаптивности платформы к различным социокультурным и экономическим условиям.

В Российской Федерации указанная платформа является одним из доминирующих средств коммуникации как в сфере межличностного общения, так и в деловой среде³. В Индии Telegram занял свою нишу среди молодежной аудитории и в бизнес-сегменте, став инструментом для обмена информацией и социального взаимодействия. Несмотря на регуляторные ограничения в Иране, которые затрудняют доступ к приложению, этот мессенджер продолжает использоваться как одно из средств коммуникации⁴. В Турции и Бразилии наблюдается тенденция к росту популярности Telegram, особенно среди молодого поколения⁵. На территории Украины мессенджер широко используется для обмена информацией⁶.

В США наблюдается сегментированное принятие мессенджера с преобладающим использованием среди молодежной демографической группы и индивидов, стремящихся к альтернативным коммуникационным каналам. Однако, несмотря на этот нишевый успех, Telegram демонстрирует значительно меньшую рыночную долю по сравнению с доминирующими платформами, такими как WhatsApp и Facebook⁷. В европейском контексте Telegram имеет более широкое распространение, особенно в странах Восточной Европы. Этот феномен может быть обусловлен повышенным вниманием пользователей к вопросам безопасности

и конфиденциальности данных [1]. Такая дифференциация в уровнях адаптации между США и Европой подчеркивает влияние культурных, социальных и регуляторных факторов на распространение цифровых коммуникационных платформ в различных геополитических контекстах [5].

Однако следует отметить наличие юрисдикций, где Telegram подвергся ограничениям или полной блокировке [6]. В Иране приложение периодически блокировалось, особенно в периоды социальной нестабильности. В Китайской Народной Республике доступ к Telegram полностью ограничен, и пользователи вынуждены прибегать к использованию VPN-сервисов⁸. Аналогичные ограничения наблюдаются в Сирии, Объединенных Арабских Эмиратах и Пакистане, что отражает тенденцию к усилению государственного контроля над информационными потоками и коммуникационными каналами [7].

Цель – рассмотреть конфликт между основателем мессенджера Telegram Павлом Дуровым и французскими властями через призму теории структурного насилия Й. В. Галтунга. Указанный конфликт представляет собой многоаспектное противостояние, отражающее фундаментальные противоречия между правом на конфиденциальность и необходимостью обеспечения государственной безопасности в современном цифровом обществе. В связи с этим его анализ как проявления структурного насилия, при котором государственные институты, стремясь к контролю над информационными потоками, вступают в противоречие с принципами свободы и приватности, отстаиваемыми технологическими компаниями, является обоснованным.

Результаты

Генезис конфликта уходит корнями в глобальный контекст усиления террористических угроз и экстремистской деятельности, что привело к повышенному

² Number of Telegram app downloads worldwide in 2024, by country. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1336855/telegram-downloads-by-country/> (accessed 20 Dec 2024).

³ Collaboration Software – Russia. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/software/productivity-software/collaboration-software/russia> (accessed 20 Dec 2024).

⁴ Muschter R. Iran: Erreichbarkeit von Telegram nach aggregierten Nutzungsdaten während der Proteste im Iran von September bis November 2022. *Statista*. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1338628/umfrage/sperrung-von-telegram-waehrend-der-proteste-im-iran/> (accessed 20 Dec 2024).

⁵ Distribution of Telegram users in Brazil as of June 2024, by generation. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1328924/brazil-telegram-users-age-group/>; Number of Telegram app downloads worldwide in 2024, by country. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1336855/telegram-downloads-by-country/> (accessed 20 Dec 2024).

⁶ Ibid.

⁷ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization*.

⁸ Сабанцев А. Запреты в китайском сегменте Интернета. *Asia Pacific*. 16.09.2024. URL: <https://as-pacific.com/blog/zaprety-v-kitayskom-segmente-internet/> (дата обращения: 24.12.2024).

вниманию правительств к вопросам национальной безопасности [8]. Платформа Telegram, предоставляющая высокий уровень защиты пользовательских данных, стала объектом пристального внимания государственных структур из-за своей политики конфиденциальности [9–11]. Несмотря на то, что во Франции Telegram менее популярен, чем Facebook или WhatsApp, он вызывает особое беспокойство властей из-за репутации платформы, на которой якобы происходят преступные деяния⁹. Основными акторами в этом конфликте выступают Павел Дуров, представляющий интересы пользователей и отстаивающий принципы неприкосновенности частной жизни, и правительство Франции, стремящееся получить доступ к данным пользователей для обеспечения национальной безопасности и противодействия террористической угрозе. Предмет спора – фундаментальное противоречие между правом граждан на конфиденциальность и государственными интересами в сфере общественной безопасности.

Законодательство Европейского союза обязывает цифровые платформы обеспечивать безопасность пользователей и сотрудничать с правоохранительными органами [12], что вступает в противоречие с принципиальной позицией Павла Дурова по защите приватности пользователей. Этот идеологический конфликт усугубляется геополитическими факторами (например, использование Telegram в военных целях), что повышает стратегическую ценность доступа к данным платформы.

Технологическое превосходство Telegram в области шифрования и защиты данных создает дополнительные трудности для государственных органов в получении доступа к информации, что усиливает напряженность в отношениях [1–3; 13]. Глобализация цифровых угроз требует от государств более агрессивных мер контроля, а это в свою очередь приводит к конфликту с принципами свободы в Интернете [14]. Общественное мнение по данному вопросу разделилось: одни поддерживают усиление мер безопасности [15], в то время как другие выступают за защиту цифровых свобод [16]. Представленное разделение отражается в дебатах о балансе между национальной безопасностью и правами на приватность. Сторонники усиления мер безопасности аргументируют свою позицию необходимостью предотвращения террористических угроз и борьбы

с организованной преступностью, утверждая, что доступ к зашифрованным сообщениям является критически важным инструментом для правоохранительных органов. Противники же подчеркивают риски, связанные с чрезмерным государственным контролем над коммуникациями граждан, указывая на потенциальные злоупотребления и угрозу фундаментальным правам на неприкосновенность частной жизни. Эксперты в области кибербезопасности также предупреждают, что создание *бэкдоров* в системах шифрования может сделать их уязвимыми для хакерских атак, парадоксальным образом снижая общий уровень безопасности.

Экономические интересы тоже играют важную роль в этом конфликте, т.к. контроль над популярными цифровыми платформами может рассматриваться государством как способ усиления экономического влияния. При этом отсутствие четких международных норм регулирования цифровых платформ создает правовую неопределенность, которая усложняет разрешение подобных конфликтов. Р. Nooren с соавторами выделяют четыре ключевых аспекта, требующих внимания при разработке регуляторных мер: технические характеристики платформы, экономические отношения между участниками, степень контроля платформы над пользовательским контентом и данными, социальное воздействие платформы. Авторы подчеркивают необходимость гибкого подхода к регулированию, учитывающего специфику каждой платформы [17]. Это особенно важно в случае с анализируемым нами конфликтом, бизнес-модель и технологическая архитектура которого существенно отличаются от других социальных сетей. Помимо этого, большое значение имеет международное сотрудничество в разработке регуляторных норм, что особенно актуально для глобальных платформ [17].

Стоит отметить: французский паспорт Павел Дуров получил в 2021 г., что свидетельствует о признании его вклада в развитие инновационных технологий. Однако его последующий арест в 2024 г. произошел на фоне предвыборной кампании во Франции, в связи с которой вопросы безопасности приобрели особую актуальность. Предположительно, именно этот фактор мог повлиять на решение властей о задержании Павла Дурова¹⁰. Данная ситуация также отражает более широкую тенденцию к усилению государственного контроля

⁹ Во Франции сообщили о смене подхода Telegram после задержания Дурова. *РБК*. 12.09.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/09/2024/66e2fa8f9a794726d80daf89 (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁰ Iyengar R. The geopolitical fallout of Telegram founder Pavel Durov's arrest. *FP*. 27.08.2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/08/27/telegram-founder-arrest-pavel-durov-france/> (дата обращения: 20.12.2024).

над цифровыми платформами в глобальном масштабе. Указанное актуализирует вопрос о необходимости разработки новых международных норм и стандартов, которые будут регулировать взаимодействие между государствами и технологическими компаниями в цифровую эпоху.

Концепция структурного насилия, разработанная норвежским социологом Й. В. Галтунгом, позволяет анализировать скрытые формы принуждения, встроенные в социальные институты. По его мнению, структурное насилие возникает, когда системы власти ограничивают возможность групп или индивидов удовлетворять базовые потребности (безопасность, свобода, самореализация) через неравное распределение ресурсов и возможностей. В отличие от прямого насилия оно не имеет конкретного актора, а воспроизводится через законы, экономические механизмы и культурные нормы. Так, на основании теории Й. В. Галтунга можно выделить четыре взаимосвязанных аспекта, которые создают комплексную картину исследуемого конфликта и позволяют проанализировать действия французского правительства как примеры структурного насилия [18]:

1. Институциональное давление. Использование правовых и административных механизмов государством для оказания давления на руководство Telegram представляет собой яркий пример структурного насилия. Это проявляется в попытках принудить компанию к сотрудничеству через законодательные инициативы, судебные иски и административные меры. Такие действия отражают асимметрию власти между государством и частной компанией: государство использует свои институциональные преимущества для достижения определенных целей. Это может привести к ограничению свободы действий Telegram и потенциально нарушить права пользователей на конфиденциальность.

2. Информационное неравенство. Стремление государства получить доступ к конфиденциальным данным пользователей Telegram создает существенный информационный дисбаланс, что нарушает принцип равенства в доступе к информации и контроле над ней и является формой структурного насилия. Государство, обладая большими ресурсами и полномочиями, пытается получить преимущество в информационном поле, что способно привести к нарушению прав граждан на приватность и свободу выражения. Такое неравенство может иметь серьезные последствия для демократических процессов и гражданских свобод.

3. Культурные аспекты. Формирование общественного мнения о необходимости усиленного контроля над цифровыми платформами может рассматриваться как форма культурного насилия. Это проявляется в попытках легитимизировать структурное насилие через создание нарратива о приоритете безопасности над приватностью. Такой подход может привести к нормализации вмешательства государства в частную жизнь граждан и ослаблению сопротивления общества подобным мерам. Культурное насилие в данном контексте служит одновременно инструментом и оправдания, и поддержки структурного насилия.

4. Противодействие структурному насилию. Позиция Павла Дурова и его отказ от сотрудничества с властями можно интерпретировать как форму ненасильственного сопротивления структурному насилию. Это проявляется в отстаивании принципов приватности и защиты данных пользователей вопреки давлению со стороны государства. Такое сопротивление имеет важное значение для поддержания баланса сил между государством и технологическими компаниями, для защиты цифровых прав граждан. Оно также служит примером того, как частные компании могут противостоять чрезмерному государственному контролю в цифровой сфере.

Действительно, правительство Франции, как и многие другие государственные структуры по всему миру, сталкивается с серьезной дилеммой в эпоху цифровых технологий [19]. С одной стороны, оно стремится защитить своих граждан от растущих угроз терроризма и киберпреступности. С другой – французские власти должны уважать фундаментальные права человека, включая право на частную жизнь и свободу выражения мнений. Этот баланс особенно трудно поддерживать в контексте быстро развивающихся технологий и глобальных коммуникационных платформ, таких как Telegram.

Павел Дуров последовательно отстаивает права пользователей на конфиденциальность, подчеркивая, что Telegram должен оставаться «цифровой крепостью» для свободного обмена информацией¹¹. В условиях растущего давления со стороны государственных структур он акцентирует критическую важность приватности как основы демократических ценностей в цифровую эпоху. Французское правительство же аргументирует свои действия необходимостью предотвращения террористических угроз, ссылаясь на случаи использования мессенджера экстремистскими группами. Однако, согласно теории

¹¹ Что сказал Павел Дуров в интервью Такеру Карлсону. Главное. РБК. 17.04.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2024/661f30dd9a79477fd7ee86e5 (дата обращения: 20.12.2024).

Й. В. Галтунга, подобные меры, даже оправданные соображениями безопасности, имеют риск трансформации в системное подавление цифровых свобод через механизмы структурного насилия [4; 20].

Рассматриваемый нами конфликт является лишь одним из многих примеров противостояния между технологическими компаниями и государственными структурами в вопросах конфиденциальности и безопасности. Павел Дуров – не первый и, вероятно, не последний, кто сталкивается с подобными проблемами в эпоху цифровых технологий.

Определенные параллели с ситуацией Павла Дурова имеет дело Эдварда Сноудена, бывшего сотрудника Центрального разведывательного управления и Агентства национальной безопасности, который в 2013 г. раскрыл информацию о масштабной программе слежки, осуществляемой спецслужбами США¹². Получив убежище в России, он продемонстрировал миру, насколько глубоко государственные структуры могут проникать в частную жизнь граждан под предлогом обеспечения национальной безопасности [21]. Раскрытая информация включала детали о программе PRISM, которая позволяла Агентству собирать данные из электронных коммуникаций граждан США и иностранных телекоммуникационных агентств. Эти разоблачения вызвали широкий общественный резонанс и привели к дебатам о балансе между национальной безопасностью и правом на неприкосновенность частной жизни. Подобно тому, как разоблачения Эдварда Сноудена вызвали глобальную дискуссию о балансе между безопасностью и приватностью, арест Павла Дурова поднял схожие вопросы в контексте мессенджеров и социальных платформ.

Также показательным примером противостояния между технологическими корпорациями и государственными структурами в вопросах безопасности и конфиденциальности данных является конфликт между компанией Apple и Федеральным бюро расследований (ФБР) США в 2016 г. Данный инцидент возник из-за расследования теракта в Сан-Бернардино и сосредоточился вокруг требования ФБР к Apple о создании специального программного обеспечения для разблокировки iPhone, который принадлежал одному из террористов [22; 23].

В рамках данного конфликта можно выделить несколько ключевых аспектов:

- 1) технологический: ФБР требовало от Apple разработать специальное ПО для обхода системы безопасности iOS (операционная система

компании Apple), что потенциально могло создать прецедент для будущих запросов такого рода;

- 2) правовой: судебный приказ, обязывающий Apple содействовать ФБР, был основан на Законе о всех предписаниях 1789 г., что вызвало дискуссии о применимости устаревшего законодательства к современным технологическим реалиям [24];

- 3) этический: в аргументации компании, которая отказалась выполнить требование ФБР, утверждалось, что создание *бэкдора* подрывает доверие пользователей и поставит под угрозу безопасность миллионов устройств.

В итоге ФБР нашло способ разблокировать iPhone без участия Apple – с помощью израильской компании Cellebrite, хотя официально это не подтверждалось. Таким образом, конфликт был разрешен без создания правового прецедента, который мог бы обязать технологические компании создавать *бэкдоры* в своих продуктах. Однако не были урегулированы фундаментальные противоречия между безопасностью и приватностью в цифровую эпоху.

Другой пример: конфликт между мессенджером WhatsApp и правительством Индии в 2021 г. В то время правительство ввело правила для социальных медиаплатформ, требующие раскрытия источника определенных сообщений. Платформа WhatsApp оспорила их в суде, утверждая, что они нарушают право пользователей на конфиденциальность. На момент 2024 г. конфликт до сих пор находится в активной фазе, и его окончательное разрешение пока не достигнуто [25]. Кроме того, в США, Великобритании и других западных странах продолжается напряженное противостояние с TikTok. Правительства этих стран выражают серьезную обеспокоенность возможной передачей данных пользователей китайским властям. Несмотря на многочисленные заверения руководства TikTok и регулярные слушания в парламентах, где топ-менеджеры компании отрицают передачу информации китайскому правительству, платформа продолжает сталкиваться с угрозами запрета и требованиями о продаже местных активов [26].

Аналогичная ситуация наблюдается с WeChat – китайским мессенджером, подвергающимся ограничениям в западных странах из-за опасений утечки данных. В ответ на это китайское правительство блокирует доступ к сервисам Google, Microsoft и другим западным платформам, которые отказываются

¹² Медведовский И. Шпионский скандал: как утечка из АНБ подтвердила данные Сноудена. *РБК*. 24.08.2016. URL <https://www.rbc.ru/opinions/politics/24/08/2016/57bd866d9a7947057573f9ec> (дата обращения: 20.12.2024).

предоставлять данные пользователей китайским властям [26; 27].

Эти случаи демонстрируют схожие паттерны с конфликтом Павла Дурова и французских властей. Особенно показательно то, что как в случае с TikTok и WeChat, так и в ситуации с Telegram правительства используют схожую аргументацию, апеллируя к вопросам национальной безопасности и борьбы с терроризмом. При этом технологические компании последовательно отстаивают право пользователей на конфиденциальность и защиту персональных данных.

Эти конфликты отражают более глубокое противоречие современной цифровой эпохи – столкновение между глобальной природой технологических платформ и национальными интересами отдельных государств. В случае с Павлом Дуровым, как и в ситуации с китайскими платформами, технологические компании оказываются в центре геополитического противостояния, в котором вопросы приватности данных становятся инструментом политического давления. Таким образом, эта ситуация выявляет значительную поляризацию общественного мнения, характеризующуюся формированием двух антагонистических групп с диаметрально противоположными позициями:

- 1) приверженцы этатистской парадигмы: задержание Павла Дурова – легитимная мера государственного контроля, направленная на обеспечение общественной безопасности и правопорядка;
- 2) представители либертарианской позиции: задержание Павла Дурова – посягательство на фундаментальные права и свободы человека; аргументы о недопустимости привлечения к ответственности разработчиков технологий за их потенциальное неправомерное использование третьими лицами.

В контексте развития данного противостояния особого внимания заслуживает публичная позиция Павла Дурова, артикулированная через его официальный Telegram-канал¹³. Заявление создателя указанного мессенджера представляет собой манифестацию принципиальной позиции относительно неприкосновенности частной жизни и свободы

коммуникации в цифровом пространстве. Данная декларация выходит за рамки индивидуальной защиты корпоративных интересов, затрагивая фундаментальные аспекты цифровых прав и свобод в современном информационном обществе. Подобная артикуляция позиции демонстрирует более глубокий социально-правовой дискурс о балансе между государственным контролем и индивидуальными свободами в цифровую эпоху.

К тому же существует альтернативная интерпретация событий, связанная с геополитическим противостоянием между Россией и Западом в контексте украинского конфликта. Согласно этой точке зрения, преследование Павла Дурова может рассматриваться как элемент более широкого давления на Россию¹⁴. Эта позиция подкрепляется несколькими факторами:

1. Как отмечает Я. В. Мальцева, Telegram стал важнейшей платформой для распространения информации в постсоветском пространстве, особенно в контексте освещения специальной военной операции [28].

2. По данным американского журнала The Wall Street Journal, правительственные органы России и Украины активно используют мессенджер для распространения новостей, что потенциально делает Павла Дурова ценным источником информации для западных разведывательных служб¹⁵.

3. Позиция российского руководства по данному вопросу была четко артикулирована пресс-секретарем Президента РФ Дмитрием Песковым. Он заявил, что если Франция не предоставит серьезную доказательную базу по выдвинутым обвинениям, это будет расцениваться как «прямая попытка ограничения свободы коммуникаций, <...> прямого запугивания руководителя крупной компании»¹⁶. При этом пресс-секретарь подчеркнул готовность России оказать Павлу Дурову необходимую помощь как гражданину РФ, несмотря на наличие у него также французского гражданства¹⁷.

4. Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам Владимир Джабаров высказал мнение, что французские власти, возможно, действуют в сговоре с американцами, пытаясь получить доступ к информации

¹³ Павел Дуров. Telegram. URL: https://t.me/durov_russia (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁴ Арест Дурова: чем это грозит основателю Telegram, проекту и инвесторам. РБК. 25.08.2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/08/2024/66cb51339a7947305f662308 (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁵ Dalton M. Telegram CEO Pavel Durov is being held in probe of online criminality, France says. The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/world/europe/macron-fires-back-at-critics-of-telegram-ceo-detention-1011fcd7> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁶ Кремль заявил, что готов помочь Дурову. РБК. 27.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/08/2024/66cd9ee19a79474d46195616> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁷ Там же.

пользователей Telegram. По его словам, это может быть частью «большой игры» вокруг предпринимателя¹⁸.

5. Депутат Госдумы Алексей Чепа охарактеризовал ситуацию как цензуру и попытку давления на любые неподконтрольные источники и каналы информации, отметив, что обвинения против Павла Дурова могут быть выдумкой спецслужб¹⁹.

Однако эксперты, такие как Федор Лукьянов и Евгений Минченко, придерживаются более сдержанной позиции, указывая, что дело Павла Дурова вряд ли окажет существенное влияние на российско-французские отношения, которые уже находятся на низком уровне. Они также отмечают, что Telegram давно перерос статус российской платформы, став глобальным мессенджером с более чем 950 млн пользователей, из которых только около 85 млн находятся в России²⁰.

Заключение

Данный конфликт представляет собой комплексное явление, которое отражает фундаментальные противоречия современного цифрового общества. Проведенный анализ выявил многогранность проблемы, затрагивающей вопросы национальной безопасности, защиты персональных данных, свободы коммуникации и государственного регулирования цифровых платформ.

В ходе исследования были выявлены следующие потенциальные сценарии разрешения конфликта:

1. Разработка компромиссного механизма, который будет обеспечивать доступ к данным при наличии реальных угроз безопасности, одновременно гарантируя высокий уровень защиты пользовательской информации в обычных условиях. Такой подход мог бы удовлетворить как требования государственных органов, так и принципы конфиденциальности, отстаиваемые Telegram.

2. Создание новой законодательной базы, четко определяющей права и обязанности цифровых платформ в отношении защиты данных и взаимодействия с правоохранительными органами. Это позволило бы установить прозрачные правила игры для всех участников цифрового пространства.

3. Развитие инновационных технологических решений, которые способны обеспечить необходимый уровень безопасности без компрометации

приватности пользователей. Данный подход требует значительных инвестиций в исследования и разработки, но может предложить долгосрочное решение проблемы.

4. Формирование международных стандартов и протоколов регулирования деятельности цифровых платформ, учитывающих интересы всех заинтересованных сторон. Это особенно важно в контексте глобального характера современных коммуникационных технологий.

5. Разрешение конфликта через судебную систему может создать важный прецедент для подобных случаев в дальнейшем и установить правовые рамки для взаимодействия между технологическими компаниями и государственными структурами.

Учитывая сложность рассматриваемых вопросов и принципиальность позиций сторон, конфликт, вероятно, не получит быстрого разрешения. Однако широкое общественное внимание к данной проблеме и поддержка Павла Дурова со стороны международного сообщества могут способствовать поиску взаимоприемлемого решения.

Данный конфликт наглядно демонстрирует необходимость выработки новых подходов к регулированию цифрового пространства, которые смогли бы обеспечить баланс между требованиями национальной безопасности и фундаментальными правами человека в современную эпоху. Это требует тщательного и взвешенного подхода, который бы учитывал интересы всех участников цифрового общества.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

¹⁸ Воинова С. Джабаров: США хотят контролировать Telegram для сбора данных о ВС РФ. *Ридус*. 26.08.2024. URL: <https://www.ridus.ru/dzhabarov-ssha-hotyat-kontrolirovat-telegram-dlya-sbora-dannyh-o-vs-rf-458884.html> (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁹ В Госдуме назвали дело против Дурова во Франции давлением на бизнес. *Известия*. 29.08.2024. URL: <https://iz.ru/1750731/2024-08-29/v-gosdume-nazvali-delo-protiv-durova-vo-francii-davleniem-na-biznes> (дата обращения: 20.12.2024).

²⁰ Половинин И. «Вытаскивать его не будут»: что в России думают о деле Павла Дурова. *Газета.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2024/08/30/19657789.shtml> (дата обращения: 20.12.2024).

Литература / References

1. Arafat Z. Q. Investigating user privacy and security on telegram messenger: A wireshark analysis. *CIC-COCOS'24: Proc. 5th Intern. Conf.*, Erbil, 24–25 Apr 2024. Erbil: Cihan University, 2024, 249–251. <https://doi.org/10.24086/cocos2024/paper.1158>
2. Abu-Salma R., Krol K., Parkin S., Koh V., Kwan K., Mahboob J., Traboulsi Z., Sasse M. A. *The security blanket of the chat world: An analytic evaluation and a user study of telegram*. *Internet Society*, 2017. <https://doi.org/10.14722/eurosec.2017.23006>
3. Cogliati B., Ethan J., Jha A. Subverting Telegram's end-to-end encryption. *IACR Transactions on Symmetric Cryptology*, 2023, 2023(1): 5–40. <https://doi.org/10.46586/tosc.v2023.i1.5-40>
4. Lee J., Choi R., Kim S., Kim K. Security analysis of end-to-end encryption in Telegram. *SCIS 2017: Proc. Symposium, Naha*, 24–27 Jan 2017. *IEICE*, 2017. URL: https://caislab.kaist.ac.kr/publication/paper_files/2017/SCIS17_JU.pdf (accessed 20 Dec 2024).
5. Matosas-López L. The management of digital marketing strategies in social network services: A comparison between American and European organizations. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2021, 7(1). <https://doi.org/10.3390/joitmc7010065>
6. Akbari A., Gabdulhakov R. Platform surveillance and resistance in Iran and Russia: The case of Telegram. *Surveillance and Society*, 2019, 17(1/2): 223–231. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i1/2.12928>
7. Holstein W. J., McLaughlin M. *Battlefield cyber: How China and Russia are undermining our democracy and national security*. Amherst; NY: Prometheus, 2023, 304.
8. Wijermars M. Selling Internet control: The framing of the Russian ban of messaging app Telegram. *Information, Communication & Society*, 2022, 25(15): 2190–2206. <https://elibrary.ru/crdzti>
9. Farbman S. Telegram, "milbloggers" and the Russian state. *Survival*, 2023, 65(3): 107–128. <https://elibrary.ru/robmsd>
10. Трофименков С. А., Суняйкин Е. К. Telegram как современное средство коммуникации. *Инновационные механизмы решения проблем научного развития: Национал. (всерос.) науч.-практ. конф. (Уфа, 22 апреля 2021 г.)* Уфа: Омега Сайнс, 2021. С. 24–29. [Trofimenkov S. A., Suniaikin E. K. Telegram as a modern means of communication. *Innovative mechanisms for solving scientific development problems: Proc. National (All-Russian) Sci.-Prac. Conf.*, Ufa, 22 Apr 2021. Ufa: Omega Science, 2021, 24–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hgxlcg>
11. Atkinson C., Chiozza G. Hybrid threats and the erosion of democracy from within: US surveillance and European security. *Chinese Political Science Review*, 2021, 6: 119–142. <https://doi.org/10.1007/s41111-020-00161-2>
12. Schlag G. European Union's regulating of social media: A discourse analysis of the digital services act. *Politics and Governance*, 2023, 11(3): 168–177. <https://elibrary.ru/psrvun>
13. Каневский П. С., Петров К. Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом. *Международная аналитика*. 2024. Т. 15. № 3. С. 37–56. [Kanevskiy P. S., Petrov K. E. Digital actors and digital platforms in the system of international relations: Between complex interdependence and online sovereignty. *Mezhdunarodnaia analitika*, 2024, 15(3): 37–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-3-37-56>
14. Clegg N. The future of speech online: International cooperation for a free & open Internet. *Daedalus*, 2024, 153(3): 65–76. https://doi.org/10.1162/daed_a_02089
15. Undale P. S., Shinde V. Digital transformation and cyber security: Unveiling awareness. *Humanities & Language: International Journal of Linguistics, Humanities, and Education*, 2024, 1(3): 191–197. <https://doi.org/10.32734/ayr9wh15>
16. Chumak O., Holovkin S., Piroh O., Pushkar T., Diegtiar O. Information protection and cyber security in the public and financial sectors. *Edelweiss Applied Science and Technology*, 2024, 8(5): 1164–1174. <https://doi.org/10.55214/25768484.v8i5.1819>
17. Nooren P., van Gorp N., van Eijk N., Ó Fathaigh R. Should we regulate digital platforms? A new framework for evaluating policy options. *Policy & Internet*, 2018, 10(3): 264–301. <https://doi.org/10.1002/poi3.177>
18. Galtung J. Violence, peace, and peace research. *Journal of peace research*, 1969, 6(3): 167–191. <https://elibrary.ru/jnwzff>
19. Уланов А. Цифровая французская революция? *РСМД*. 2019. [Ulanov A. The digital French Revolution? *RSMD*, 2010. (In Russ.)] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-frantsuzskaya-revolutsiya/> (дата обращения: 21.12.2024).

20. Olech A. K. Unique solutions of the French Republic in the fight against terrorism and radicalization. *Terroryzm – studia, analizy, przewencja*, 2022, (1): 350–392. <https://doi.org/10.4467/27204383TER.22.013.15429>
21. McCardel K. *The impact of Edward Snowden on data protections, individual privacy, and ontological security*. Praha: Univerzita Karlova, 2022. URL: <http://hdl.handle.net/20.500.11956/177553> (accessed 21 Dec 2024).
22. Lee A. M., Tenenboim O. How did Americans really think about the Apple/FBI dispute? A mixed-method study. *Journalism Practice*, 2020, 14(4): 483–498. <https://doi.org/10.1080/17512786.2019.1623709>
23. Mishra A. The intricacies of trust in technology: A study of the clash between Apple and the FBI. *Journal of Cases on Information Technology*, 2020, 22(4): 31–43. <https://doi.org/10.4018/jcit.2020100102>
24. Turillazzi A., Taddeo M., Floridi L., Casolari F. The digital services act: An analysis of its ethical, legal, and social implications. *Law, Innovation and Technology*, 2023, 15(1): 83–106. <https://doi.org/10.1080/17579961.2023.2184136>
25. Vasudeva F., Barkdull N. WhatsApp in India? A case study of social media related lynchings. *Social Identities*, 2020, 26(5): 574–589. <https://doi.org/10.1080/13504630.2020.1782730>
26. Eichensehr K. United States pursues regulatory actions against TikTok and WeChat over data security concerns. *American Journal of International Law*, 2021, 115(1): 124–131. <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.98>
27. Yang F. The postcolonial route of WeChat: Technological mimicry, excess, and orientalism. *Asian Journal of Communication*, 2022, 32(5): 448–461. <https://doi.org/10.1080/01292986.2022.2077972>
28. Мальцева Я. В. Телеграм-каналы военкоров и действующих военных как новая информационно-коммуникативная площадка освещения специальной военной операции на Украине. *SDE-IR 2023: Междунар. науч. конф.* (Екатеринбург, 16 марта 2023 г.) Екатеринбург: Институт цифровой экономики и права, 2023. С. 373–380. [Maltseva Ya. V. Telegram channels of military enlistment officers and active military personnel as a new information and communication platform for covering the special military operation in Ukraine. *SDE-IR 2023: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Ekaterinburg, 16 Mar 2023. Ekaterinburg: Institut tsifrovoy ekonomiki i prava, 2023, 373–380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbustm>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ravnyd>

Теоретико-методологический подход к управлению процессом формирования исторической памяти молодежи

Мартышенко Николай Сергеевич

Владивостокский государственный университет, Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 1236-1549

martishenko.ns@gmail.com

Аннотация: Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки количественных моделей, позволяющих эффективно управлять исторической памятью, учитывая текущую структуру молодежного сегмента по уровню исторической памяти. Предложен теоретико-методологический подход к управлению процессом формирования исторической памяти молодежи, основанный на количественных оценках состояния исторической памяти. Цель – уточнить понятийный аппарат, необходимый для моделирования процесса формирования исторической памяти молодежи, и выработать принципы управления этим процессом. Применены социологический опрос, Text Mining, методы контент-анализа научных статей, типологии, группировки, классификации и обобщения, а также многомерные статистические методы. Дано определение понятия *историческая память молодежи*, выделены основные формы ее проявления. Конкретизированы индикаторы форм проявления исторической памяти, показатели оценки индикаторов, структура молодежного сегмента по уровню исторической памяти, критерии сформированности исторической памяти. Предложен методологический подход к определению количественной оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти. Разработана концептуальная модель управления исторической памятью молодежи, которая базируется на стратификации уровней исторической памяти по выделенным индикаторам. Полученные результаты служат базой для создания когнитивной модели управления исторической памятью и могут быть полезны для специалистов, занимающихся исследованием сложных социально-экономических явлений, которые не имеют однозначной трактовки, и руководителей региональных органов управления, в задачи которых входит разработка политики формирования самосознания молодежи.

Ключевые слова: историческая память, молодежь, концептуальная модель управления, социологический онлайн-опрос, индикаторы, история России

Цитирование: Мартышенко Н. С. Теоретико-методологический подход к управлению процессом формирования исторической памяти молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 215–228. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-215-228>

Поступила в редакцию 13.01.2025. Принята после рецензирования 05.02.2025. Принята в печать 10.02.2025.

full article

Theoretical and Methodological Approach to Managing the Formation of Historical Memory in Young People

Nikolay S. Martyschenko

Vladivostok State University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 1236-1549

martishenko.ns@gmail.com

Abstract: An effective management of historical memory formation requires quantitative models based on the current structure of the youth as a social stratum. The article introduces a theoretical and methodological approach to this issue that relies on the quantitative assessment of historical memory. To clarify the modeling concepts and principles, the author applied the methods of content analysis, sociological survey, text mining, multidimensional statistics, and standard data analysis. The definition of historical memory of youth was based

on its manifestations identified using the scientific review method. The conceptual framework for historical memory formation modeling included the indicators of historical memory manifestations, assessment indicators, the structure of youth by historical memory level, and criteria for historical memory development. The methodological approach to quantifying the structure of the youth segment relied on the level of historical memory development. The conceptual model for managing the historical memory development in young people involved stratification of historical memory in line with specific indicators. The results could yield a cognitive model of historical memory management to be used by specialists in complex socio-economic phenomena that require clear interpretation. Regional authorities could use the model to develop a policy for the formation of self-awareness in young people.

Keywords: historical memory, youth, conceptual management model, online sociological survey, indicators, history of Russia

Citation: Martyshenko N. S. Theoretical and Methodological Approach to Managing the Formation of Historical Memory in Young People. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 215–228. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-215-228>

Received 13 Jan 2025. Accepted after review 5 Feb 2025. Accepted for publication 10 Feb 2025.

Введение

Историческая память – системообразующий элемент национального самосознания и один из основных факторов консолидации социума, основанный на осознанном восприятии общих ценностей. В молодежной среде историческая память является важнейшим компонентом гражданско-патриотического воспитания, т. к. служит основой для создания позитивных примеров социального поведения на базе ценностных ориентиров, выработанных предыдущими поколениями. Процесс формирования исторической памяти молодого поколения влияет на многие социально-экономические процессы – культурные, духовные, политические, экономические. Общественная и личностная значимость задач, касающихся формирования исторической памяти, носит практический характер: она способствует интегрированию экономических и культурных ресурсов общества при социально-инвестиционном развитии страны и региона [1; 2].

Однако, несмотря на большой исследовательский интерес к проблеме формирования исторической памяти, в настоящее время недостаточно внимания уделено разработке методик измерения количественных оценок показателей исторической памяти и критериев ее сформированности. Трудности разработки указанных методик преимущественно объясняются отсутствием согласованного понятийного аппарата описания процесса формирования исторической памяти.

Количественные оценки показателей исторической памяти служат основой для разработки моделей, которые позволяют эффективно управлять процессом ее формирования. Однако важно учитывать, что количественные модели требуют формализованного определения концептов, используемых

при качественном исследовании процесса формирования исторической памяти. Как следствие, разработка теоретико-методологического подхода к управлению этим процессом, который основан на количественных оценках показателей исторической памяти, является актуальной проблемой.

Цель – уточнить понятийный аппарат, необходимый для моделирования процесса формирования исторической памяти молодежи, и выработать принципы управления этим процессом. Задачи: 1) дать определение понятия *историческая память молодежи*, основанное на формах проявления исторической памяти; 2) выделить на основе контент-анализа научных работ основные формы проявления исторической памяти; 3) конкретизировать понятийный аппарат, необходимый для моделирования процесса формирования исторической памяти: индикаторы исторической памяти, показатели оценки индикаторов, структура молодежного сегмента по уровню исторической памяти, критерии сформированности исторической памяти; 4) сформулировать методологический подход к определению количественной оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти; 5) разработать концептуальную модель управления исторической памятью молодежи, которая базируется на стратификации уровней исторической памяти по выделенным индикаторам.

Гипотеза исследования заключается в том, что выработка единообразного теоретико-методологического подхода к определению концептов описания процесса формирования исторической памяти обеспечивает возможность построения моделей управления исторической памятью молодежи. Объект – историческая память молодежи и процесс ее формирования; предмет – понятийный аппарат,

необходимый для моделирования процесса формирования исторической памяти молодежи.

В научной литературе существует два направления исследований исторической памяти и процессов ее формирования:

1. Концептуальный или социально-философский подход [3–11]. В работах представителей данного направления подчеркивается необходимость выработки единого понятийного аппарата в описании процессов формирования исторической памяти [7; 8]. Также отмечается, что «острой остается задача описания реального состояния исторической памяти, комплексного исследования ее содержания и функций» [9, с. 17]. При этом историческая память имеет весьма приблизительное отношение к научной истории, поскольку является не элементом научной картины мира, а эмоциональным переживанием и интерпретацией определенных актуальных для общества моментов прошлого [10]. Кроме того, утверждается, что историческая память вариативна и имеет национальные, социальные и возрастные особенности [11].

2. Социологический подход [12–14]. Несмотря на масштаб проведенных социологических исследований большинство выводов в указанных работах строится только на основе анализа частотных рядов ответов на вопросы анкет. Попыток построения моделей управления процессом формирования исторической памяти не предпринималось.

Методы и материалы

Для выявления списка форм проявления исторической памяти используется качественный контент-анализ научных статей различных авторов по трем направлениям: определения *историческая память*; описание процессов, влияющих на формирование исторической памяти; социологические анкетные опросы, в которых исследовалось состояние исторической памяти.

Отметим, что, с одной стороны, при составлении списка форм проявления исторической памяти необходимо стремиться к тому, чтобы список содержал не очень большое количество элементов. В противном случае в дальнейшем будет достаточно сложно собрать индивидуальную информацию по всем формам проявления. С другой – количество форм проявления исторической памяти должно быть достаточным, чтобы на их основании можно было выделить кластеры молодежи, отличающиеся уровнем исторической памяти.

Для оценки состояния исторической памяти необходимо построить систему ее измерения в количественном выражении, что реализуется с использованием социологического анкетного опроса студенческой молодежи в возрасте до 23 лет (90 %). Разработанная и используемая нами анкета¹ обладает своей спецификой: вопросы структурированы по разделам, которые соответствуют формам проявления исторической памяти; есть значительное количество открытых вопросов (около 50 %); присутствуют вопросы, допускающие сложные ответы, состоящие из более простых ответов; для всех видов вопросов разработаны процедуры преобразования ответов к числовому представлению, что позволяет определить количественные оценки показателей.

Состояние исторической памяти характеризуется индикаторами исторической памяти, которые оцениваются по данным социологического опроса. Индикатор – это количественная оценка одной из форм проявления исторической памяти. В нашей работе определено восемь соответствующих индикаторов:

- 1) оценка уровня знаний военно-исторических событий;
- 2) оценка уровня знания культурно-исторического и духовного наследия российского государства;
- 3) оценка уровня знания и понимания истории своей семьи;
- 4) оценка уровня восприятия действий по искажению исторических фактов;
- 5) оценка уровня восприятия источников информации по истории России;
- 6) оценка уровня знания достижений страны в историческом развитии России;
- 7) оценка уровня понимания важности воспроизводства исторической памяти в молодежной среде;
- 8) оценка уровня восприятия эффективности преподавания истории в учебных заведениях.

Индикатор – это векторная оценка некоторого свойства исторической памяти, характеризуемого формой проявления исторической памяти. Компонентами вектора являются показатели соответствующей формы проявления исторической памяти. Так, каждый индикатор представлен вектором из набора сопоставимых показателей, объединенных единой формой проявления исторической памяти, для измерения которой они предназначены.

Для обработки вопросов открытого типа использовали технологию Text Mining, которая позволяет преобразовать неструктурированные текстовые

¹ При разработке анкеты нами был использован опыт анкетных опросов других авторов, а также вопросы, задаваемые при проведении олимпиад и конкурсов по истории.

данные в структурированные. Также были применены методы типологии, группировки, классификации (для оценки структуры молодежного сегмента), обобщения и многомерные статистические методы.

Результаты

Сложность задачи разработки количественных моделей управления процессом формирования исторической памяти молодежи состоит в том, что понятие *историческая память* не имеет однозначного определения и не может быть непосредственно измерена. Так, ученые рассматривают этот термин как:

1. Определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим; выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания [15, с. 3].

2. Системообразующий, коллективно выраженный элемент общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства знаний, оценок, норм, символов и ценностей, обеспечивающий актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающий направления инноваций во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и всего общества [16, с. 17].

3. Способность общественных субъектов сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях и деятелях ушедших эпох, национальных героях и вероотступниках, традициях и коллективном опыте освоения мира, а также об этапах развития, которые прошел тот или иной этнос, нация, народ [17, с. 8].

4. Постоянно развивающийся социально-культурный феномен, содержащий совокупность знаний, мнений, оценок, убеждений и представлений о событиях, явлениях и процессах прошлого, формирующийся посредством специфических социально-культурных действий и практик².

5. Опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной формах, которые присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы вспомнить) [18, с. 407].

6. Форма коллективной памяти, фиксирующая и хранящая информацию о ключевых событиях и наиболее значимых деятелях, опыт, образы и образцы прошлого, которые в дальнейшем передаются и воспроизводятся [19, с. 175].

7. Совокупность представлений о социальном прошлом, существующих в обществе как на массовом, так и индивидуальном уровнях, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты [20, с. 69].

8. Своего рода социогенетический код, в котором сохраняются и передаются знания о национальной истории, культуре, традициях народов страны, значимых для нации событиях; фундаментальные ценности, оказывающие ключевое влияние на становление патриотического самосознания и во многом определяющие процесс формирования национальной идентичности [21, с. 158].

В настоящей работе предлагается авторский подход к определению понятия *историческая память молодежи*, основанный на формах ее проявления. Они представляют собой некоторые свойства, характеризующие состояние исторической памяти молодежи. В качестве аналогии можно привести какое-либо заболевание и его формы проявления (например, повышение температуры, сыпь и т. п.), для которых уже можно определить некоторые градации, поддающиеся измерению в количественном или качественном выражении. То есть формы проявления – это своего рода «симптомы» исторической памяти, которые позволяют произвести декомпозицию сложного и неоднозначного определения исторической памяти, описывая ее через свойства.

Историческая память может быть определена как субъективная система взглядов на реальные исторические процессы, которая обладает специфическими формами проявления и является движущей силой деятельности людей в современной жизни. Система взглядов – не просто запечатление исторических событий в их исторической последовательности, а еще и выработка к ним своего отношения.

Рассмотрим контент-анализ научных публикаций по указанному в разделе Методы и материалы направлению:

1. Контент-анализ определений *историческая память*. Автор согласен с определениями ученых, приведенными ранее, т. к. они не противоречат друг другу, а скорее друг друга дополняют. Для проведения указанного контент-анализа мы выделили в каждом определении две смысловые единицы – объекты

² Бровчук Н. М. Что такое историческая память и почему она интересна белорусской социологии? *Институт социологии НАН Беларуси*. 07.07.2020. URL: <https://socio.bas-net.by/chto-takoe-istoricheskaya-pamyat-i-pochemu-ona-interesna-belorusskoj-sotsiologii/> (дата обращения: 10.01.2025).

исторической памяти и ее функции (табл. 1). По мнению Р. Э. Бараша, каркасом исторического знания являются переломные моменты истории, связанные с войнами и революционными событиями [22].

На основе выделенных в таблице 1 объектов исторической памяти были определены формы ее проявления. Так, в **первой** форме *знание военных исторических событий* (Т. П. Путятин; Е. А. Протасеня; Л. П. Репина) отражаются знания о военных кампаниях, битвах, оставивших наибольший след в истории нашей страны, имен выдающихся полководцев и национальных героев, прославившихся своими подвигами во время войн и сражений, которые вела Россия. Во **вторую** форму *знание культурно-исторического и духовного наследия российского государства* (В. В. Кулиш, Н. А. Матвеева; Н. М. Бровчук) входят знания о наиболее известных памятниках и мемориалах, православных соборах России и государственных музеях.

Анализ приведенных определений исторической памяти позволяет уточнить понимание того, что

является процессом ее формирования. Так, указанный процесс представляет собой закрепление в памяти определенной группы населения объектов исторической памяти и трансформацию взглядов на исторические события в течение определенного временного периода.

II. Контент-анализ описания процессов, влияющих на формирование исторической памяти. Во многих статьях важнейшим фактором, который воздействует на уровень исторической памяти молодежи, является материальный компонент (объект) в виде памятников, музеев и т.п. Для них используется специальный термин *коммеморация*, раскрывающийся в работах О. Ю. Малиновой [23], С. Б. Боймирзаева [24] и И. К. Москвиной [25]. Это еще раз подтверждает правильность выбора второй формы проявления исторической памяти.

Среди публикаций по исторической памяти имеется достаточно большое количество научных статей, в которых обсуждается влияние семьи на формирование исторической памяти молодежи [24; 26].

Табл. 1. Смысловые единицы определений исторической памяти различных авторов

Tab. 1. Review of semantic units in various definitions of historical memory

Объекты	Функции	Источник
Определенным образом сфокусированное сознание, опыт народа, страны, государства	Сохранение, воспроизводство, использование знаний	Тощенко Ж. Т. [15]
Знания, оценки, нормы, символы и ценности	Запечатление, хранение и воспроизводство, актуализация традиционных форм жизнеосуществления	Кулиш В. В., Матвеева Н. А. [16]
Исторические события и деятели ушедших эпох, национальные герои и вероотступники, традиции и коллективный опыт освоения социального и природного мира, а также этапы, которые прошел народ	Сохранение и передача из поколения в поколение знаний	Путятин Т. П. [17]
Культурные памятники, воспоминания о некоторых явлениях, событиях	Сохранение воспоминаний определенной группы	Бровчук Н. М. ³
Определенным образом сфокусированное сознание, опыт народа, страны, государства	Организация, сохранение и воспроизводство прошлого опыта народа, использование в деятельности людей, влияние в сфере общественного сознания	Савельева И. М., Полетаев А. В. [18]
Массовое знание о прошлом, набор ключевых образов, событий и личностей прошлого	Объекты присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы вспомнить)	Протасеня Е. А. [19]
Ключевые события и наиболее значимые деятели, опыт, образы и образцы прошлого	Фиксация и хранение информации, передача и дальнейшее воспроизводство	Репина Л. П. [20]
Социальное прошлое: когнитивный, образный и эмоциональный аспекты	Совокупность представлений	Барышков В. П. и др. [21]

³ Бровчук Н. М. Что такое историческая память...

Поэтому такой важный компонент как *знания и понимание истории своей семьи* является **третьей** формой проявления исторической памяти молодежи.

Во многих статьях поднимается тема необходимости противодействия фальсификации исторических процессов [27; 28]. Отношение молодежного сегмента к этой проблеме учитывается в **четвертой** форме проявления исторической памяти молодежи *восприятие действий по искажению исторических фактов*.

III. Контент-анализ социологических анкетных опросов. В докладе А. Н. Покида и др. представлены результаты социологического исследования, выполненного Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС в 2015 г.⁴ Стоит отметить, что анкетные опросы других ученых во многом пересекаются с вопросами данного исследования, что указывает на масштабность работы в отношении изучения исторической памяти молодежи. Большинство анкет включают вопросы, которые позволяют сравнить источники информации, оказывающие влияние на формирование исторической памяти молодых людей. Это послужило основанием выбора **пятой** формы проявления исторической памяти молодежи *восприятие источников информации по истории России*.

Многие исследователи уделяли внимание оценке знаний о достижениях страны, которые вызывают чувство гордости [12; 13]. В частности, такие оценки проводились на основе опросов ВЦИОМ⁵. Поэтому в качестве **шестой** формы проявления исторической памяти молодежи выбрано *знание достижений страны в историческом развитии России*.

В дополнение к шести формам, выделенным с помощью анализа научной литературы, автором были предложены еще две: **седьмая** (Н. М. Бровчук) – *понимание важности воспроизводства исторической памяти в молодежной среде* и **восьмая** (В. В. Кулиш, Н. А. Матвеева) – *восприятие эффективности преподавания истории в учебных заведениях*. Наличие определенной позиции молодежи по восприятию процесса воспроизводства исторической памяти и собственного взгляда на проблемы исторического образования являются важными факторами, определяющими уровень зрелости взглядов молодых людей на процесс формирования исторической памяти.

Таким образом, всего в результате контент-анализа различных источников было выделено восемь форм проявления исторической памяти молодежи. Они позволяют уточнить и конкретизировать понятие *историческая память*, но все-таки сохраняют качественный характер описания этой категории.

Оценка состояния исторической памяти молодежи

Рассмотрим виды вопросов, которые были включены в анкету, использованную для оценки исторической памяти молодежи⁶:

I. Вопросы, требующие ответа в словесной шкале Лайкерта (*Likert scale*). В таких вопросах содержится список ответов, который отражает некоторое качество, упорядоченное от высшей степени проявления к низшей, или степень согласия. Таким ответам можно поставить в соответствие числовые значения в виде рангов 1, 2 и т.д. Они подбираются так, что наибольший ранг присваивается более высокому проявлению исследуемого качества.

Чаще всего используется пятиранговая шкала. Примером вопроса такого вида является: *выскажите свое мнение относительно утверждения «Я интересуюсь историческим прошлым своей страны»*, предполагающий пять вариантов ответа (*полностью согласен; частично согласен; трудно сказать, согласен или не согласен; частично не согласен; совершенно не согласен*). В ранговую шкалу могут быть преобразованы и вопросы с тремя градациями ответов или даже с двумя, как, например, вопрос: *храните ли вы фотографии ваших бабушек и дедушек и более дальних предков* (варианты ответа: *да; нет*).

Для сопоставимости ответов на вопросы с разным количеством градаций в рамках одного индикатора предполагается, что все вопросы имеют 5 рангов. Если некоторые вопросы предусматривают количество вариантов ответов меньше пяти, то считается, что некоторые ранги не встречались в ответах респондентов. Для вопроса с двумя вариантами ответов (*да; нет*) используется преобразование: *да* – 5; *нет* – 1.

II. Вопросы множественного выбора (*Multiple Choice Questions* – MCQ), в которых респондент должен выбрать несколько ответов из приведенного списка простых ответов. То есть один ответ содержит

⁴ Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Алешина В. А. Историческая память как фактор консолидации российского общества: научный доклад по материалам отчета НИР. М.: РАНХиГС, 2016. 102 с. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2815898>

⁵ Гордость России. ВЦИОМ. 22.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (дата обращения: 05.01.2025).

⁶ Помимо указанных видов вопросов, в анкете представлены и другие, но они единичны и могут быть сведены к уже рассмотренным видам.

несколько простых ответов (не более трех), разделенных некоторым разделительным знаком или символом. Ключевыми словами здесь являются *основные / наиболее соответствуют* и т.п. Ограничение по количеству вариантов простых ответов связано с тем, что респонденты могут неправильно истолковать вопрос и указать все варианты или большинство простых ответов, основываясь на том, что либо все они имеют отношение к теме вопроса, либо опрошенные просто не разграничивают их по значимости для себя лично.

Примером вопроса второго вида является: *укажите три основных источника приобретения знаний по истории России*, предполагающий 10 вариантов ответа (*учебники по истории; специальная историческая литература; художественная литература и мемуары; журналы и газеты; Интернет; телепередачи; кинофильмы; рассказы людей старшего поколения; музеи; семейные архивы*). Для преобразования вопросов множественного выбора к числовому представлению можно использовать два подхода: на основе экспертных оценок и частотных характеристик ответов / групп ответов.

III. Открытые вопросы⁷, которые разделяются на два типа.

Первый тип: предполагает ряд простых ответов, каждый из которых может принимать значения из некоторого ограниченного списка вариантов ответов. Примером такого вопроса является: *назовите известных вам знаменитых российских путешественников и землепроходцев, исследователей, открывающих новые земли*. Очевидно, что список фамилий путешественников ограничен. При ответе на этот вопрос респондент указывает фамилии путешественников, которых ему удалось вспомнить. Никаких новых фамилий, кроме фамилий из гипотетического конечного списка, респондент указать не может. Таким образом, простые ответы на вопрос могут быть однозначно сопоставлены с некоторым вариантом возможных простых ответов. Обработка ответов на такие вопросы сводится к единому написанию фамилий.

Второй тип: может быть представлен несколькими более простыми ответами. В этом случае простые ответы не имеют полного аналога по написанию из гипотетического списка возможных простых ответов. Однако гипотетический список вариантов ответов, отличающихся по смыслу, объективно существует. Он должен быть сформулирован исследователем на основе контент-анализа ответов всех респондентов. Тогда можно произвести

сопоставление конкретного простого ответа с некоторым типовым ответом из этого списка. Примером открытого вопроса второго типа является: *согласно вашему мнению, для чего необходимо знать историю своей страны*.

Определение количественной оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти

Одной из основных целей проведения анкетного опроса является определение структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти, т.е. выявление ее текущего состояния. Стоит отметить, что уровень исторической памяти социальной группы, такой как молодежь, неоднороден. Следовательно, данную социальную группу можно разделить на кластеры. В числовом выражении структура определяется частотой встречаемости кластера по каждому отдельному индикатору, представленному числовым вектором показателей, ассоциированных с ним. Для оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти используются методы многомерной классификации.

Многочисленные числовые эксперименты по многомерной классификации показателей индикаторов исторической памяти с помощью стандартных методов классификации подтверждают наличие только трех однородных кластеров. Эксперимент по определению оптимального числа кластеров производился с использованием двух методов – метод локтя и метод, основанный на расчете значения псевдо-F-статистики Калински-Харабаша.

Три кластера структуры молодежного сегмента можно интерпретировать на содержательном уровне: первый – часть молодежи, которую можно признать благополучной с точки зрения сохранения исторической памяти; третий – неблагополучная часть молодежи; второй – часть молодежи, которая занимает промежуточное положение между ними. При классификации на большее количество кластеров их интерпретация весьма затруднительна. В связи с этим целесообразно выделять только три кластера.

Для оценки структуры молодежного сегмента была разработана специальная методика классификации, позволяющая получить более «контрастные» кластеры по сравнению со стандартными методами классификации [29]. Так, при классификации показателей с помощью метода k-средних за счет осреднения к первому (благополучному) кластеру могут быть причислены респонденты, которые по отдельным

⁷ Количественные значения показателей сохранения исторической памяти, связанных с открытыми вопросами анкеты, зависят от объема и содержания закрепившейся в памяти информации.

показателям имеют низкие оценки. В качестве примера можно привести результаты классификации показателей индикатора оценка уровня знания и понимания истории своей семьи: первый кластер – 37 %; второй – 41 %; третий – 22 %.

Методологический подход определения количественных оценок структуры молодежного сегмента представлен в виде схемы на рисунке 1. Указанная структура позволяет решать ряд важных задач анализа ситуации, в частности, можно проанализировать средние значения показателей, ассоциированных с индикатором, по кластерам и выделить те, которые понижают оценку уровня исторической памяти («провальные» показатели). Помимо этого, структура молодежного сегмента по уровню исторической памяти является основой для расчета оценок критериев сформированности исторической памяти. Далее рассмотрим наиболее простой количественный критерий ее сформированности. Так, каждому кластеру можно сопоставить уровень исторической памяти в виде ранговых значений: 3, 2, 1 для первого, второго и третьего кластеров соответственно. Тогда для каждого индикатора можно оценить критерий сформированности исторической памяти Z^t :

$$Z^t = \sum_{i=1}^3 r_i^t p_i^t,$$

где t – номер индикатора исторической памяти: $t = 1, 2, \dots, 8$; i – номер кластера: $i = 1, 2, 3$; r_i^t – ранговые значения: $r_1^t = 3$; $r_2^t = 2$; $r_3^t = 1$; p_i^t – частота кластера: $i = 1, 2, 3$.

На основе структуры молодежного сегмента можно описать и другие более сложные критерии сформированности исторической памяти. Полученные же оценки позволяют произвести сравнение индикаторов по этим критериям. По результатам классификации индикаторов можно осуществить оценку взаимозависимости индикаторов, а при мониторинге ситуации – отслеживать динамику изменения критериев сформированности исторической памяти.

Концептуальная модель формирования исторической памяти молодежи

Сложившаяся структура исторической памяти молодежи – результат воздействия на молодежь существующих объектов и мероприятий (книги и фильмы, музеи, памятники и монументы, празднование исторических дат и др.), направленных на формирование исторической памяти. Любой объект исторической памяти требует определенных финансовых затрат на его создание, а затем и содержание. Например, на строительство Главного храма Вооруженных

Сил Российской Федерации ушло более 6 млрд руб. Ежегодно храм посещают около 1,5 млн человек и почти столько же – мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане.

Таким образом, любой объект исторической памяти требует внушительных экономических затрат и характеризуется большим охватом аудитории, который измеряется числом посетителей в год. Однако стоит учитывать, что сила воздействия объекта определяется не только этим показателем, но и эмоциональной заряженностью визуальных образов.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое государством увековечению памяти национальных героев России, сложившаяся в настоящее время структура молодежного сегмента по уровню исторической памяти нельзя признать благополучной. Как следствие, необходимо совершенствование стратегии управления процессом формирования исторической памяти молодежи.

Цель управления процессом формирования исторической памяти молодежи состоит в разработке такой стратегии, которая приводила бы к позитивным изменениям структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти. Необходимо пояснить, что позитивное изменение структуры происходит в результате реализации ряда проектов, направленных на ее улучшение. То есть перераспределение пропорций кластеров может быть осуществлено только в сторону кластеров с более высоким уровнем исторической памяти, а перераспределение объектов между ними может происходить только между соседними кластерами.

При определении позитивных изменений структуры молодежного сегмента необходимо учитывать расстояния между соседними кластерами в пространстве признаков (показателей), которые характеризуют индикаторы исторической памяти и долю объектов, улучшивших свое положение (в %).

Каждый проект обладает уникальным механизмом и технологией воздействия на отдельные социальные группы населения. Для успешной разработки и реализации новых проектов, формирующих историческую память, следует использовать стратегию, основанную на следующих подходах:

1. Тиражирование и масштабирование проектов, доказавших свою высокую эффективность. Примером такого проекта является «Бессмертный полк». Важно уточнить, что тиражирование предполагает не повторение, а творческую переработку. В данном случае признаком проекта является организация массовых мероприятий с участием молодежи и движений на патриотической основе. В качестве

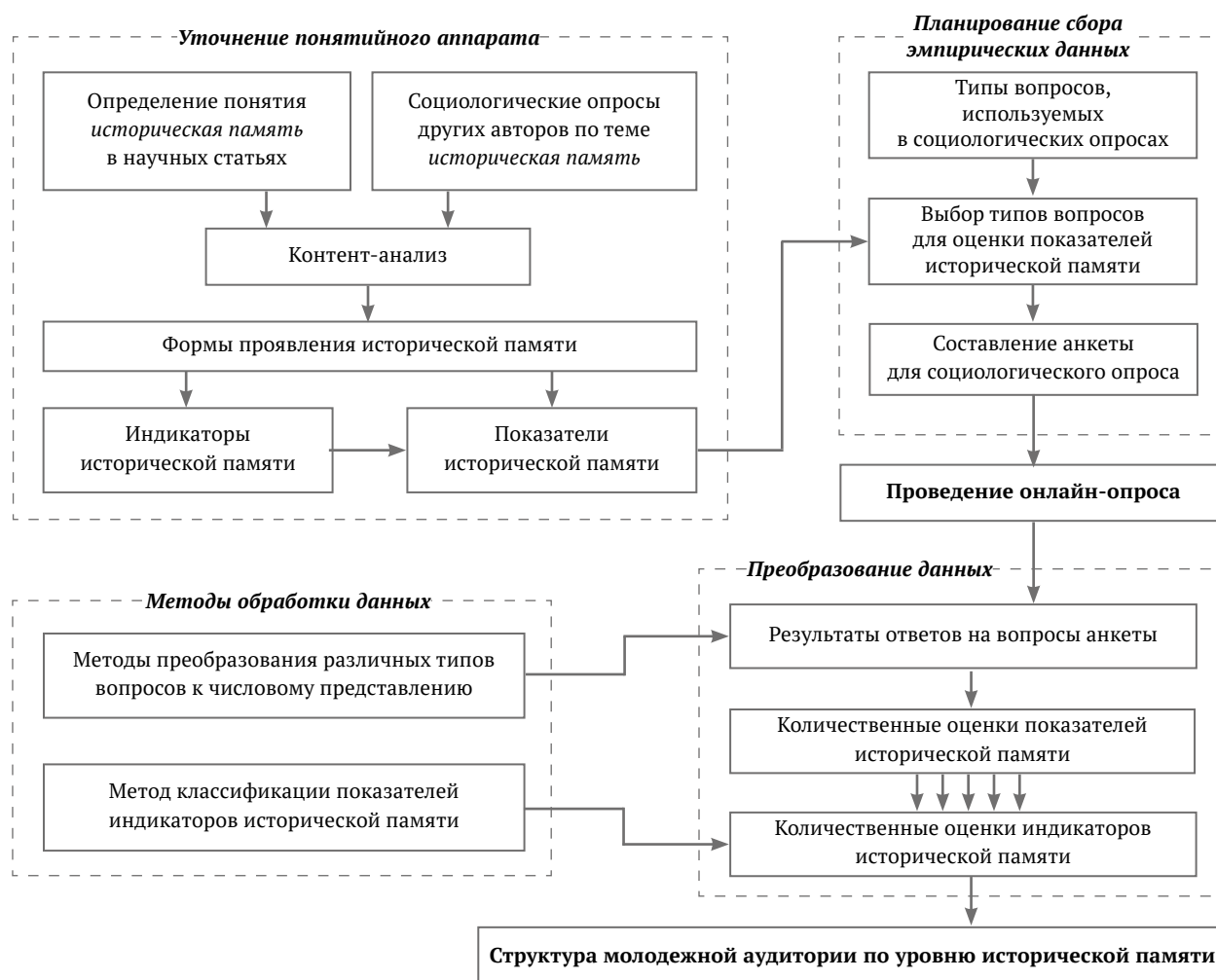

Рис. 1. Методологический подход к определению количественных оценок структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти

Fig. 1. Methodological approach to quantitative assessment of youth segment structure by historical memory level

примера молодежного движения, которое получило отклик среди молодых людей, является движение «Юнармия», объединившее более 1,6 млн человек по всей стране. Помимо этого, значимые результаты через 5–6 лет должен принести проект «Урок мужества», имеющий самую массовую аудиторию.

2. Разработка инновационных проектов, основанных на использовании новых информационных технологий. Такие проекты имеют очень большие перспективы. Преимущества цифровых технологий, направленных на формирование исторической памяти, достаточно полно описаны в работе [30]. Однако на данный момент эти преимущества на практике реализованы далеко не в полной мере.

Кроме перечисленного, реализован ряд проектов, призванных ретранслировать знания о подвигах русского народа в период Великой Отечественной войны (ВОВ): «Мемориал», «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Память

народа» и др. Но в настоящее время эти проекты не могут оказать существенное влияние на структуру молодежного сегмента по уровню исторической памяти. Причина в том, что указанные ресурсы способны заинтересовать молодежь, которая относится к первому кластеру, т.е. и так имеющую достаточный уровень исторической памяти. Представителей третьего кластера такие проекты не особо привлекают: они массово посещают развлекательные сайты популярных блогеров, число подписчиков которых превышает подписчиков образовательного сайта с историческим контентом. В некотором смысле таким образом нарушается один из основных принципов стратегического управления – ориентация на клиента. Как следствие, необходимо изучать интересы и предпочтения всех слоев молодежи и разрабатывать продуманную стратегию популяризации инновационных информационных ресурсов для ее привлечения.

На самом деле значительная часть молодежной аудитории не умеет пользоваться Интернетом в образовательных целях, что доказывает как личный опыт преподавания в вузе, так и опыт коллег. За последние 10–15 лет общая компьютерная грамотность обучающихся заметно снизилась. Это объясняется тем, что современные студенты вместо компьютера используют смартфоны (от 3 ч 45 мин до 5 ч 30 мин в день): краткие сообщения в социальной сети ВКонтакте, Telegram, Instagram⁸. Кроме того, обучение пользованию Интернетом не входит ни в школьные программы, ни в вузовские. Соответственно, мнение типа *если молодежь по любому поводу обращается в Интернет, значит, она умеет им пользоваться* – глубоко ошибочное. Большинство молодых людей не способны осуществлять поиск и тем более критический анализ информации, представленной в Сети. Признание Интернета источником знаний в различных областях требует включения в образовательные учреждения обучения работе с ним. Это должно стать такой же нормой, как обучение детей письму и чтению.

Помимо оказания в сети Интернет информационной поддержки формирования исторической памяти о событиях ВОВ, в ней нуждаются и другие исторические периоды развития нашей страны. Например, в настоящее время недооцененной является роль революции 1917 г., отразившейся на всех процессах мироустройства. Социологические опросы показали, что Великая Октябрьская революция в структуре исторической памяти устойчиво сохраняет второе место среди других событий в истории России [31]. Помимо этого, все чаще в нашей стране наблюдается возвращение к политике построения справедливого мира и социального государства. То есть в определенном смысле предпринимается попытка построения современной России с опорой и на исторический опыт дореволюционной России, и на исторический опыт развития СССР.

Рассмотрим проекты с точки зрения их воздействия на историческую память молодежи. Под воздействием автор понимает механизм управления исторической памятью. Но т.к. исследователи вкладывают различный смысл в понимание этого термина, то указанное понятие требует конкретизации. Так, механизм управления исторической памятью молодежи представляет собой совокупность средств и методов повышения уровня исторической памяти молодежи. Функции средств

и методов управления исторической памятью представлены в таблице 2.

Процесс управления исторической памятью молодежи можно представить в виде концептуальной модели (рис. 2), в которой отражены следующие компоненты: субъект управления; объект управления; цель управления; стратегия управления; ресурсы управления; система измерения; механизм управления; информационная база; система обработки данных. Требуется уточнить, что в концептуальную модель управления включаются существенные причинно-следственные связи ее элементов.

Концептуальное моделирование является важным инструментом для понимания и проектирования плохо структурированных социально-экономических систем. Оно позволяет углубить понимание происходящих процессов, уточнить терминологию их описания, структурировать данные, анализировать информацию и принимать обоснованные решения. Такое моделирование также служит основой для разработки когнитивной модели, в которой введенные абстрактные понятия будут наполнены конкретным содержанием и представлены количественными оценками. В когнитивной модели определяется и оценивается система связей

Табл. 2. Функции и результаты средств и методов повышения уровня исторической памяти молодежи
Tab. 2. Means and methods of increasing the historical memory level in young people: functions and results

Функции	Результаты
Обучение	Знание
Восприятие образов и символов	Запечатление
Развитие способности к эмоциональному переживанию	Впечатление и запечатление
Осмысление исторических процессов	Осознание значимости и понимания исторических процессов
Развитие чувства сопричастности и сострадания	Общие ценности
Формирование образцов нравственного поведения	Моральные нормы и правила
Установление связи между поколениями	Коллективный опыт

⁸ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

между концептами формирования исторической памяти молодежи.

Проекты повышения уровня исторической памяти молодежи относятся к классу социально ориентированных проектов. Отличие социального проекта от производственного состоит в том, что результат не может быть оценен в стоимостном выражении.

Заключение

В настоящее время практически отсутствуют методики выработки стратегии управления исторической памятью молодежи, основанные на количественных оценках. Предложенный в работе теоретико-методологический подход к управлению процессом формирования исторической памяти молодежи основан на количественных оценках состояния исторической памяти и системном анализе

качественного описания процесса ее формирования, представленного в научных публикациях.

Для разработки количественных критериев сформированности исторической памяти молодежи были уточнены определения ряда понятий, связанных с процессом формирования исторической памяти. В частности, конкретизировано понятие структуры молодежного сегмента с точки зрения уровней исторической памяти и определены принципы количественной оценки этой структуры. Обосновано выделение в ней трех кластеров по уровню исторической памяти молодежи. Понятие структуры позволило выработать принципы и критерии оценки ее позитивных изменений.

Важное значение для выработки управленческих решений имеет статистический анализ количественных показателей исторической памяти,

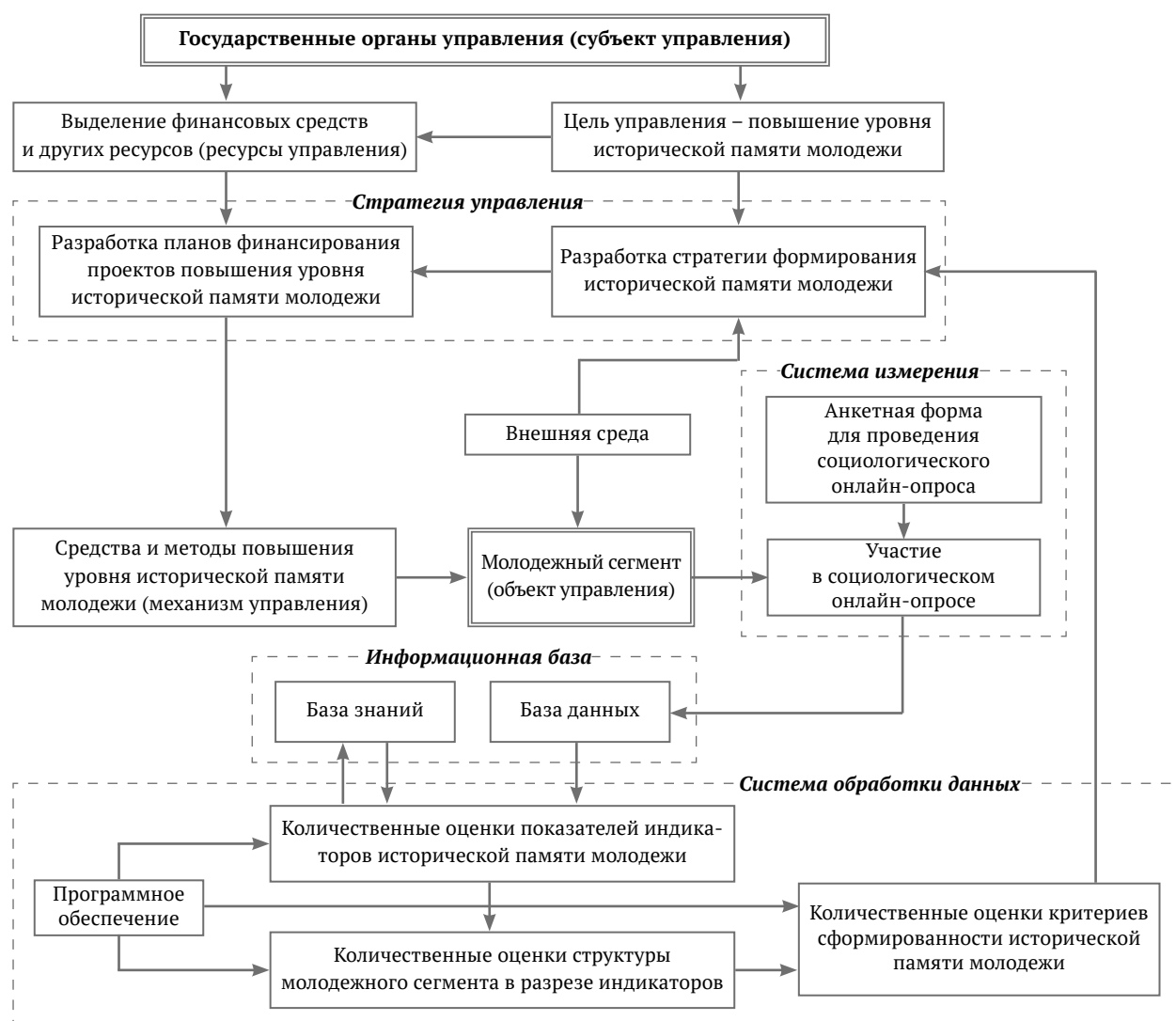

Рис. 2. Концептуальная модель управления исторической памятью молодежи

Fig. 2. Conceptual model of managing the historical memory in young people

которые характеризуют индикаторы исторической памяти. В процессе анализа можно выделить «провальные» показатели, оказывающие наибольшее влияние на структуру молодежного сегмента (понижают оценку уровня исторической памяти). Необходимо разрабатывать такие инновационные проекты, которые целенаправленно воздействовали бы на молодежный сектор, улучшая значения критических показателей, т.е. проекты должны быть проблемно-ориентированными. Стоит отметить, что при их выборе целесообразно ориентироваться на те, которые имели бы наибольший синергетический эффект по воздействию на историческую память.

В качестве инструмента измерения состояния исторической памяти предложено использовать специально сконструированную анкетную форму, обладающую рядом специфических особенностей, которые позволяют в результате предварительной обработки ответов на вопросы анкеты перейти к количественному представлению данных.

Разработана концептуальная модель управления исторической памятью молодежи, основанная на стратификации уровней исторической памяти

по выделенным индикаторам. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что в указанной схеме процесс управления исторической памятью представлен в виде декомпозиции процесса формирования исторической памяти на более простые и понятные на содержательном уровне подпроцессы управления на уровне индикаторов.

Полученные результаты служат базой для разработки в дальнейшем когнитивной модели управления исторической памятью и могут быть полезны для специалистов, занимающихся исследованием сложных социально-экономических явлений, которые не имеют однозначной трактовки, и руководителей региональных органов управления, в задачи которых входит разработка политики формирования самосознания молодежи.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Воденко К. В. Теория и методология исследования роли ресурса исторической памяти в формировании социально-инвестиционной модели регионального развития. *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9. № 2. С. 258–267. [Vodenko K. V. Theory and methodology of researching the role of the historical memory resource in the formation of a socio-investment model of regional development. *Humanities of the South of Russia*, 2020, 9(2): 258–267. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.19>
2. Алексеева И. Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема. *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–95. [Alekseeva I. Yu. Management of historical memory as a transdisciplinary problem. *Philosophy of Science and Technology*, 2019, 24(2): 82–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svyzwc>
3. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2014. № 2. С. 106–126. [Rostovtcev E. A., Sosnytskiy D. A. Main areas of Russian memorial researches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, 2014, (2): 106–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfacsl>
4. Шендрикова С. П., Царина М. А. Понятие исторической памяти в отечественной историографии. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2020. № 4. С. 147–153. [Shendrikova S. P., Tsarina M. A. The concept of historical memory in Russian historiography. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (4): 147–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejeeuo>
5. Грибан И. В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов. *Бюллетень науки и практики*. 2016. № 11. С. 334–342. [Griban I. V. Historical memory as a research problem: Analysis of modern approaches. *Bulletin of Science and Practice*, 2016, (11): 334–342. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.166991>
6. Сидорова Л. О. Концептуальные подходы к понятию «историческая память». *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 4. С. 81–86. [Sidorova L. O. Conceptual approaches to the concept of historical memory. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2012, (4): 81–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcpvlp>

7. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 6. С. 132–137. [Dmitrieva O. O. Historical memory and mechanisms of its formation: Analysis of historiographical concepts in domestic science. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (6): 132–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugvvvf>
8. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2013. № 3. С. 243–256. [Mazur L. N. The image of the past: Historical memory formation. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Serii 2: Gumanitarnye nauki*, 2013, (3): 243–256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruqygv>
9. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 9–19. [Myslivets N. L., Romanov O. A. Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction. *RUDN Journal of Sociology*, 2018, 18(1): 9–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>
10. Красноборов М. А. Социальные технологии в системе управления формированием исторической памяти учащихся школ. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 6. С. 30–33. [Krasnoborov M. A. Social technologies applied to manage the historical memory development in school students. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, (6): 30–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2018.6.4>
11. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. [Safronova Yu. A. *Historical memory: An introduction*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2019, 220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/poeswb>
12. Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования. *Социология власти*. 2011. № 5. С. 44–52. [Boikov V. E. Historical memory in modern Russian society: Conditions and problems of forming. *Sotsiologiya vlasti*, 2011, (5): 44–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oihkyb>
13. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга). *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 98–107. [Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Dynamics of the historical memory in the Russian society (results of sociological monitoring). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2016, (3): 98–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxvzsv>
14. Меркушин В. И., Тимофеев П. Т. События прошлого и современности в исторической памяти россиян (результаты социологического мониторинга). *Социология власти*. 2009. № 8. С. 58–69. [Merkushin V. I., Timofeev P. T. Developments of the past and present in historical memory of Russians (results of the sociological monitoring). *Sotsiologiya vlasti*, 2009, (8): 58–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxoffi>
15. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 3–14. [Toshhenko Zh. T. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2000, (4): 3–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rgegnb>
16. Кулиш В. В., Матвеева Н. А. Социальный механизм функционирования исторической памяти. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 10. С. 16–23. [Kulish V. V., Matveeva N. A. Social mechanism of historical memory functioning. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, (10): 16–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2022.10.1>
17. Путятина Т. П. Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 23 с. [Putiatina T. P. *Formation of historical consciousness in school youth in the context of transformation of Russian society*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2007, 23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nowbsv>
18. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 751 с. [Saveleva I. M., Poletaev A. V. *Knowledge of the past: Theory and history. Vol. 2. Images of the past*. St. Petersburg: Nauka, 2006, 751. (In Russ.)]
19. Протасеня Е. А. Историческая память как фактор формирования этнической идентичности. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2016. № 2. С. 175–180. [Protaseniya E. A. Historical memory as a factor of ethnic identity formation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serii 2: Sotsialnye nauki*, 2016, (2): 175–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wovaur>
20. Репина Л. П. Национальная история, историческая память и «история историков». *Вестник Российской науки*. 2010. № 3. С. 65–77. [Repina L. P. National history, historical memory, and the history of historians. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2010, (3): 65–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbnacf>

21. Барышков В. П., Вашурин А. Н., Величко Г. А., Кудряшов С. В., Мишина И. В. Защита исторической памяти как педагогическая основа организации воспитательной работы в вузах. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, 2021. 224 с. [Baryshkov V. P., Vashurin A. N., Velichko G. A., Kudriashov S. V., Mishina I. V. *Protection of historical memory as a pedagogical basis for the organization of educational work in universities*. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 2021, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sljkso>
22. Бараш Р. Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2023. № 4. С. 141–162. [Barash R. E. Family history and family memory in Russia of the 2020s. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2023, (4): 141–162. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-141-162>
23. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017. № 4. С. 6–22. [Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as a tool of symbolic politics: Comparative analysis options. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2017, (4): 6–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtxfpf>
24. Боймирзаев С. Б. Роль коммеморативных практик в процессе функционирования и развития исторической памяти. *Проблемы науки*. 2017. № 7. С. 49–51. [Boimirzaev S. B. The role of commemorative practices in the process of functioning and development of historical memory. *Problemy nauki*, 2017, (7): 49–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbiewt>
25. Москвина И. К. Трансформации коммеморативных практик в культуре современной России. *Культура и цивилизация*. 2022. Т. 12. № 2-1. С. 166–170. [Moskvina I. K. Transformations of commemorative practices in the culture of modern Russia. *Culture and Civilization*, 2022, 12(2-1): 166–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bcmplx>
26. Иголкин К. С., Домрачев С. С. Информированность граждан о своей семейной истории и ее роль в формировании социально-исторической памяти. *Социум и власть*. 2016. № 5. С. 43–48. [Igolkin K. S., Domrachev S. S. Citizens' awareness of their family history as a mechanism of forming social and historical memory. *Sotsium i vlast*, 2016, (5): 43–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbwjxb>
27. Смирнова М. И. Российская молодежь как основной объект информационного воздействия в условиях информационных войн. *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 80-5. С. 144–146. [Smirnova M. I. Russian youth as the main object of information influence in the context of information wars. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2021, (80-5): 144–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/trnio-12-2021-250>
28. Тесленко А. Н., Колыванова Л. А., Дудина Е. В., Глубокова М. Н. Молодежь в фокусе информационно-психологической войны. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2023. Т. 25. № 91. С. 121–129. [Teslenko A. N., Kolyvanova L. A., Dudina E. V., Glubokova M. N. Youth in the focus of information and psychological war. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2023, 25(91): 121–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129>
29. Мартышенко Н. С. Методика оценки структуры молодежного сегмента по уровню исторической памяти. *Вестник Академии знаний*. 2025. № 1. С. 824–833. [Martyshenko N. S. Methodology for assessing the structure of the youth segment by the level of historical memory. *Vestnik Akademii znanii*, 2025, (1): 824–833. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulrifi>
30. Грибан И. В., Грибан О. Н. Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. *Преподавание истории в школе*. 2016. № 1. С. 33–37. [Griban I. V., Griban O. N. The past of current importance: Web resources as a means to maintain historical memory about the great patriotic war. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2016, (1): 33–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wemrxv>
31. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2012. 543 с. [Toshchenko Zh. T. The Paradoxical man. 2nd ed. Moscow: Unity-Dana, 2012, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbyfzh>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/prpau8>

Теоретические аспекты развития стратегии импортозамещения в агропромышленном комплексе Российской Федерации

Бреус Мария Владимировна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

gerashkin@yandex.ru

Аннотация: Агропромышленный комплекс является одной из важнейших составляющих социально-экономического развития территории. Он удовлетворяет потребности населения в продуктах питания и обеспечивает необходимым сырьем для производства иных благ. Кроме того, развитый агропромышленный комплекс использует экспортный потенциал в целях получения экономической выгоды. Актуальность статьи обусловлена тем, что в современных условиях Россия активно реализует стратегию импортозамещения в приоритетных отраслях экономики для противодействия санкционному режиму и нестабильности на макроэкономической, геополитической арене. Цель – рассмотреть теоретические аспекты развития стратегии импортозамещения в агропромышленном комплексе Российской Федерации, меры государственного воздействия на происходящие экономические процессы в области импортозамещения. Установлено увеличение производственных мощностей агропромышленного комплекса, сокращение зависимости от импортной продукции и сырья, а также рост экспортного потенциала и объемов продукции экспорта агропромышленного комплекса. Определено, что указанная зависимость все еще существует, но государство продолжает работу по повышению эффективности агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, государственное управление, стратегия импортозамещения, государственная поддержка, агропредприятия

Цитирование: Бреус М. В. Теоретические аспекты развития стратегии импортозамещения в агропромышленном комплексе Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 229–236. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-229-236>

Поступила в редакцию 31.12.2024. Принята после рецензирования 28.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

Strategizing the Import Substitution in the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation: Theoretical Aspects

Mariya V. Breus

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

gerashkin@yandex.ru

Abstract: The agro-industrial complex defines the socio-economic development of the territory. It provides the local population with food and raw materials for other goods. A well-developed agro-industrial complex uses its export potential to obtain economic benefits. Russia is actively implementing an import substitution strategy in priority economies to counteract the sanctions and macroeconomic instability on the geopolitical arena. The article describes the theoretical aspects of strategizing the import substitution in the agro-industrial complex of the Russian Federation, as well as the state measures that affect the ongoing economic processes. The current agro-industrial production capacity grows while the dependence on imported products and raw materials goes down. The export potential and volume of agro-industrial products continue to increase. A certain dependence on export persists, but the government strives to improve the efficiency of the agro-industrial complex.

Keywords: agro-industrial complex, agriculture, state management, strategy of import substitution, state support, agricultural enterprises

Citation: Breus M. V. Strategizing the Import Substitution in the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation: Theoretical Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 229–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-229-236>

Received 31 Dec 2024. Accepted after review 28 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

Импортозамещение в сельском хозяйстве – это процесс, направленный на снижение зависимости от импортируемых сельскохозяйственных продуктов и ресурсов путем развития внутреннего производства¹. В последние годы эта тема приобрела особую актуальность в России и других странах, стремящихся укрепить свою независимость и продовольственную безопасность. Мировой опыт свидетельствует о приоритетном положении сельского хозяйства, вне зависимости от социально-экономической и общественно-политической ситуации в государстве [1].

В условиях развития рыночных основ хозяйствования роль государственного регулирования не только не ослабевает, но и приобретает особую значимость в качестве механизма поддержки отечественных товаропроизводителей [2]. Цель – рассмотреть теоретические аспекты развития стратегии импортозамещения в агропромышленном комплексе (АПК) Российской Федерации и меры государственного воздействия на происходящие экономические процессы в области импортозамещения.

Развитие промышленного потенциала в аграрной сфере требует внедрения новых технологий и появления инновационных форматов ведения хозяйства. Эффективное использование ресурсов, разнообразие производимых культур и повышение качества выпускаемой продукции становятся в этом процессе важнейшими задачами. Не менее значимой представляется работа по созданию необходимых условий для привлечения инвестиций и развития инфраструктуры, которая способствует эффективному сбыту продукции на внутреннем и внешнем рынках. Как следствие, комплексные меры, направленные на импортозамещение, будут способствовать не только улучшению продовольственной ситуации, но и укреплению экономики страны, создавая основы для стабильного и устойчивого развития аграрной отрасли.

Влияние государства на АПК, включая поддержку и регулирование, играет ключевую роль в системе государственного вмешательства в экономику.

В этом контексте государственные структуры действуют как гарант обеспечения продовольственной безопасности нации [3].

Импортозамещение представляет собой одно из ключевых стратегических направлений в экономическом развитии России. В аграрной сфере на уровне регионов перед страной стоят задачи, связанные с повышением конкурентоспособности продукции как на отечественном, так и на зарубежном рынках, а также с внедрением современных технологий производства и увеличением производительности труда [4; 5]. Как следствие, необходимо повысить финансовую устойчивость агропромышленных предприятий, создать условия для стабильного развития сельских территорий, более эффективного использования земельных и других ресурсов в сельском хозяйстве и экологизации производственных процессов. Акцент же на инновационные методы и технологии позволит обеспечить устойчивый рост и укрепить экономическую независимость страны [6]. Помимо этого, важно организовать сбыт сельскохозяйственной продукции и увеличить ее товарность за счет внедрения методов для сезонного хранения и переработки. Все эти меры способствуют созданию эффективной структуры, которая поддержит отечественное производство и минимизирует зависимость от импортных товаров, что является ключевым аспектом продовольственной безопасности страны.

Политика импортозамещения предполагает замену импортируемой из-за рубежа продукции на отечественную. Г. А. Федосеева указывает, что импортозамещение – процесс изменений высокого качества в экономике государства, ориентированный на развитие производства товаров, которые аналогичны товарам, поступающим на внутренний рынок из-за пределов страны. Этот процесс тесно связан с улучшением конкурентоспособности производимой продукции, а также с укреплением позиций национальных производителей и экономики страны в целом, что способствует достижению инновационного роста в будущем [7].

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ. Указ Президента РФ № 20 от 21.01.2020 (с изм. и доп.). ИПП Гарант.

Внедрение стратегии импортозамещения в аграрном секторе требует создания и совершенствования механизма, который будет способствовать повышению конкурентоспособности продукции отечественного сельского хозяйства. К важнейшим инструментам реализации стратегии замещения импортной сельскохозяйственной продукции, материалов и сырья относятся:

- стимулирование в рамках развития цифровой экономики мероприятий по привлечению в сельскую местность специалистов в сфере информационных технологий;
- развитие глубокой переработки сельскохозяйственной продукции и наращивание производства продуктов с высокой добавленной стоимостью;
- обновление и модернизация технической и технологической базы АПК;
- расширение сети селекционных генетических и семеноводческих центров;
- повышение инвестиционной активности в аграрном секторе экономики с помощью современных финансовых инструментов товарных бирж (фьючерсные, опционные контракты, хеджирование рисков);
- обеспечение доступности выделяемых бюджетных и кредитных ресурсов для сельхозтоваропроизводителей, снижение Центробанком РФ требований к размеру резервов для кредитных организаций, предоставляющих заимствования субъектам малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве.

Ключевой задачей импортозамещения в аграрном секторе является обеспечение как национальной, так и государственной безопасности, в том числе в области продовольствия [8]. Следовательно, при реализации политики импортозамещения главной целью государства выступает создание конкурентоспособного агропромышленного комплекса в целом и сельского хозяйства в частности. Это подразумевает не только повышение эффективности производства, но и внедрение современных технологий, улучшение качества продукции и развитие инфраструктуры. Важным аспектом является содействие отечественным производителям через различные меры государственной поддержки, включая субсидии и налоговые льготы.

Эффективная реализация стратегий импортозамещения способна значительно укрепить положение страны на международной арене, снизить зависимость от внешних поставок и обеспечить устойчивый рост экономики. В результате таких усилий

формируется не только продовольственная независимость, но и возможность устойчивого развития сельских территорий, что в конце концов благоприятно скажется на социальной стабильности и благополучии населения. Таким образом, импортозамещение становится неотъемлемой частью экономической стратегии государства, направленной на долгосрочное развитие и процветание [9].

Результаты

Главными компонентами успешного процесса импортозамещения являются модернизация технологий, развитие местных производителей и поддержка агроинноваций. Внедрение новых методов агрономии и автоматизация процессов способствуют повышению производительности и качества сельскохозяйственной продукции [10]. Кроме того, важно создать благоприятную инвестиционную среду для частного сектора, что позволит увеличить объемы производства и расширить его ассортимент.

После введения первой волны (2014 г.) экономических санкций в отношении России Министерство сельского хозяйства РФ (Минсельхоз России) ускорило реализацию политики импортозамещения в аграрной сфере и в полной мере начало использовать такие инструменты, как финансовые субсидии, кредитная поддержка, налоговые льготы, чтобы обеспечить необходимую государственную поддержку сельскохозяйственного производства, инвестиций и экспорта [11].

Эффективная государственная политика, направленная на субсидирование и финансирование научных исследований, играет значительную роль в формировании устойчивого аграрного комплекса. Важно отметить, что программы субсидирования и кредитования сельского хозяйства создают дополнительные стимулы для инвестиций в устойчивые технологии и модернизацию производства [12]. Помимо этого, к их числу относятся налоговые льготы для компаний, которые исследуют новые технологии и поддерживают стартапы в аграрной сфере. Это позволяет формировать динамичную систему с быстрым и эффективным внедрением инноваций, способствующую долгосрочному развитию сельского хозяйства России и обеспечивающую продовольственную безопасность в условиях меняющегося климата [13].

Поддержка местных инициатив и программ, которые направлены на развитие сельских территорий, содействует не только экономическому росту, но и росту социальной инфраструктуры, что делает жизнь на селе более комфортной и привлекательной

для молодежи². Помимо этого, Правительством РФ введена грантовая система стимулирования развития АПК. Было разработано несколько типов грантовых программ:

1. **Агростартап** – для фермеров, стремящихся запустить или только что начавших свой бизнес в аграрной сфере. Принимать участие в конкурсе на предоставление государственной субсидии могут как начинающие владельцы крестьянских (фермерских) хозяйств, так и владельцы личных подсобных хозяйств. Сумма гранта при победе в конкурсе составляет 2–3 млн руб. Если участие в отборе принимает кооператив, то сумма увеличивается до 4 млн руб. Использование грантовых средств носит целевой характер. Цели могут варьироваться – от покупки земельных участков, зданий и помещений для производственной или складской деятельности, животных, сельскохозяйственной техники и навесного оборудования до источников электро-, газо- и водоснабжения, посадочного материала и др.

Таким образом, грантовые средства направляются на удовлетворение конкретных нужд, которые могут включать в себя и инфраструктурные объекты, и технические средства, способствующие развитию сельского хозяйства [14]. Каждый из этих аспектов играет важную роль в обеспечении эффективности и устойчивости производственного процесса, предоставляя необходимые ресурсы для достижения намеченных целей и повышения конкурентоспособности.

2. **Агротуризм**: выдача ассигнований на реализацию проекта по развитию сельского туризма. На него могут рассчитывать сельскохозяйственные организации малого и среднего предпринимательства, кроме личных подсобных хозяйств. Средства можно потратить на приобретение или строительство зданий для размещения туристов, их обустройство и подключение к инженерным коммуникациям, покупку оборудования и благоустройство территории.

3. **Агропрогресс**: выделение бюджетных ассигнований сельскохозяйственным товаропроизводителям из бюджета субъекта РФ или из местного бюджета по решению региональной конкурсной комиссии для финансового обеспечения затрат, не возмещаемых в рамках иных направлений государственной поддержки.

Сельскохозяйственные производители получают гранты на реализацию проектов в таких областях, как производство кормов и добавок для животных, селекция и семеноводство масличных растений, и на улучшение генетики мясного скота и развитие

виноградарства. Грантовые средства можно будет использовать для приобретения материалов и оборудования для молекулярно-биологических, биоинженерных и генетических исследований, а также для покупки различной сельскохозяйственной техники. Субсидии направлены на то, чтобы помочь производителям внедрять конкурентоспособные отечественные технологии, снижая тем самым зависимость от зарубежных аналогов. Ожидаемый результат этих инициатив – создание новых сортов семян масличных культур, улучшение пород крупного рогатого скота и разработка и производство современных кормовых добавок для животных.

Одним из ключевых элементов импортозамещения является развитие образования в сфере агрономии и ветеринарии и подготовка квалифицированных кадров [15]. Важно создать системы обучения, которые будут соответствовать современным требованиям аграрного производства. Увеличение числа учебных заведений, предлагающих специализированные программы, и создание программ повышения квалификации для действующих специалистов обеспечит наличие необходимых компетенций и навыков. Рост числа специалистов, которые способны работать с новыми технологиями, станет основой для долгосрочного успеха в данной области. Такие изменения повысят конкурентоспособность отечественных производителей на мировом рынке. Молодые специалисты, приходящие в агросектор, смогут внедрять современные методы работы. В условиях кадрового голода развитие сотрудничества с образовательными учреждениями подготовит людей для работы в условиях новых технологий и требований [16].

Согласно отчету Минсельхоза России «О ходе реализации федерального проекта в рамках государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 31 декабря 2023 г., показатель *количество обученных руководителей и специалистов агропромышленного комплекса по программам дополнительного профессионального образования, разработанных в Федеральном центре компетенций ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева* составил 5109 человек. Для сравнения: этот же показатель в 2020 г. равнялся 561, соответственно, количество квалифицированных руководителей в сфере АПК за три года увеличилось более чем в 9 раз. Кроме того, показатель *количество разработанных образовательных*

² О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Постановление Правительства РФ № 717 от 14.07.2012. СПС КонсультантПлюс.

программ дополнительного профессионального образования, в том числе созданных по направлениям Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг. составил в 2023 г. 278 программ, в то время как в 2020 г. – всего лишь 6³.

Сотрудничество между государственными структурами, университетами и частными компаниями также является важным показателем развития АПК. Совместные проекты и исследования позволяют внедрять инновационные решения и адаптировать их к условиям российской экономики. Институты могут предоставить современные исследования и разработки для оптимизации производственных процессов, создания новых устойчивых сортов растений и улучшения ветеринарных практик [17]. Такие коллаборации позволят не только внедрить инновации, но и адаптировать современные методы к местным условиям, что в свою очередь усилит позиции российских производителей на внешних рынках.

Импортозамещение в сфере техники и оборудования для АПК осуществляется в том числе на базе работы инновационного центра «Сколково». С 2023 г. субъекты предпринимательства в отрасли сельского хозяйства активно переходят на российские средства производства для АПК. Интерес представляет поддержка инициатив в области цифровизации и достижения технологического суверенитета [15]. Со стороны правительственных ведомств осуществляется финансовое обеспечение работы производителей по следующим направлениям: сельскохозяйственная техника, программное обеспечение, семена, средства защиты растений. Таким образом, создается система, которая способствует устойчивому развитию аграрного сектора.

Кроме того, развитие аграрного сектора стимулирует информационная поддержка фермерских хозяйств и малых производителей. Здесь важно разработать программы, которые помогут им адаптироваться к новым условиям и освоить современные технологии [18]. Повышение уровня цифровизации и доступ к современным информационным технологиям позволят обеспечить более эффективное управление хозяйствами. Использование цифровых платформ для обмена опытом и знаниями среди аграриев станет важным шагом к созданию эффективной и взаимодополняющей среды. Это не только

увеличит объемы производства, но и создаст рабочие места в регионах, укрепляя социальную стабильность.

Также важным аспектом является интеграция современных технологий в аграрные процессы. Так, в 2023 г. было реализовано 23 комплексных научно-технических проекта, которые обеспечивали снижение уровня импортозависимости за счет внедрения и использования научных и / или научно-технических результатов и продукции для агропромышленного комплекса⁴. Использование искусственного интеллекта, больших данных и системы точного земледелия может значительно улучшить производительность и снизить эксплуатационные затраты [19]. Например, внедрение дронов для мониторинга посевов или сенсоров для оценки состояния почвы будет способствовать своевременному реагированию фермеров на изменения и оптимизации ресурсов.

Не менее значимой является работа над улучшением инфраструктуры аграрного сектора [20]. Современные транспортные и логистические решения и доступ к качественной переработке сельскохозяйственной продукции помогут оптимизировать цепочки поставок и упростить вывод продукции на рынок. Создание распределительных центров и развитие системы хранения также существенно повысит конкурентоспособность российских товаров [21].

С учетом глобальных климатических изменений повышение устойчивости сельского хозяйства к экстремальным погодным явлениям должно стать приоритетом. Внедрение агротехнологий, таких как капельное орошение и агролесоводство, поможет снизить риски и обеспечить стабильность урожайности, что крайне важно для продовольственной безопасности страны [22].

Важным аспектом успешного импортозамещения является акцент на экологические практики и устойчивое сельское хозяйство. Внедрение технологий, направленных на минимизацию воздействия на окружающую среду, позволяет не только повысить продуктивность, но и сохранить биологическое разнообразие [23]. Экофермерство и органическое производство становятся все более популярными, что открывает новые рынки и возможности для отечественных производителей. Помимо этого, применение экологически чистых технологий и методов

³ Отчет «О ходе реализации федерального проекта в рамках государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 31 декабря 2024 г. Министерство сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 28.12.2024).

⁴ О внесении изменений в Федеральную научно-техническую программу развития сельского хозяйства на 2017–2030 гг. Постановление Правительства РФ № 1614 от 30.09.2024. СПС КонсультантПлюс.

ведения сельского хозяйства увеличивает доверие со стороны потребителей. Соответственно, программы, ориентированные на органическое земледелие и устойчивое использование ресурсов, должны получать широкую поддержку и от государства, и от частного сектора.

Результаты реализации стратегии импортозамещения по показателям производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов представлены в таблице⁵. Так, 2021–2023 гг. характеризуются постоянным увеличением объемов производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов, что имеет стратегическое значение для продовольственного рынка и повышения уровня жизни населения. При этом следует отметить, что увеличение производства обусловлено как ростом спроса, так и наращиванием материально-производственной базы российскими производителями.

Заключение

В условиях экономического кризиса и западных санкций импортозамещение стало одним из антикризисных и антисанкционных методов государственного управления [24]. В связи с этим импортозамещение представляет собой инструмент инноваций

и развития, а не их долгосрочную стратегию. При этом в 2023–2024 гг. результаты государственного управления импортозамещением в сельскохозяйственном секторе России оцениваются положительно.

Государственное управление АПК реализуется путем создания национальных и федеральных проектов, государственных программ по развитию отрасли. Кроме того, осуществляется субсидирование сельскохозяйственных производителей, предоставляется льготное кредитование и налогообложение, гранты.

На текущий момент были увеличены производственные мощности АПК, удалось сократить зависимость от импортной продукции и сырья, а также увеличить экспортный потенциал и объемы продукции экспорта АПК. Однако во многом эта зависимость все еще существует, и государство продолжает работу по повышению эффективности агропромышленного комплекса.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Табл. Динамика производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в России, тыс. т
Tab. Major import-substituting foods in Russia, thousand tons

Показатель	2021	2022	2023	Абсолютное отклонение	Относительное отклонение
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) парное, остывшее или охлажденное, в том числе для детского питания	306	297	351	45	14,7
Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) замороженное, в том числе для детского питания	95,0	106	117	22	23,2
Свинина парная, остывшая или охлажденная, в том числе для детского питания	2915	3141	3330	415	14,2
Свинина замороженная, в том числе для детского питания	421	464	524	103	24,5
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	4870	5058	5065	195	4
Изделия колбасные, в том числе для детского питания	2448	2411	2481	33	1,3

⁵ Сост. по: Показатели, характеризующие импортозамещение в России. Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов. *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения: 28.12.2024).

Литература / References

1. Евстафьева Е. В. Импортозамещение: понятие, модели, виды. *Матрица научного познания*. 2022. № 7-2. С. 43–46. [Evstafeva E. V. Import substitution: Concept, models, and types. *Matritsa nauchnogo poznaniia*, 2022, (7-2): 43–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lguxuv>
2. Титова О. В., Восканян Н. А. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 7. С. 105–110. [Titova O. V., N. A. Voskanyan Import substitution: Concept, essence, features. *Innovatsionnaia ekonomika: Perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia*, 2021, (7): 105–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfkkbe>
3. Евдошенко В. В., Котенев А. Д. Государственное регулирование и поддержка агропромышленного комплекса в условиях реализации политики импортозамещения. *KANT*. 2016. № 1. С. 103–106. [Evdoshenko V. V., Kotenev A. D. State regulation and support of agriculture in conditions of the implementation of the import substitution policy. *KANT*, 2016, (1): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrelwt>
4. Оборин М. С. Проблемы и перспективы импортозамещения в отрасли сельского хозяйства. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*. 2020. Т. 6. № 2. С. 96–105. [Oborin M. S. Problems and prospects of import substitution in isolation from agriculture. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2020, 6(2): 96–105. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/czevki>
5. Мансурова С. А. Систематизация подходов к понятию «импортозамещение» и его экономическая сущность. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 8. С. 43–47. [Mansurova S. A. Systematization of approaches to the concept of "import substitution" and its economic essence. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2018, (8): 43–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zezkrx>
6. Ершов П. А. Импортозамещение и политика импортозамещения: теоретический подход к определению понятий. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2017. № 2. С. 147–151. [Ershov P. A. Import substitution and import replacement policy: A theoretical approach to the definition of these concepts. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2017, (2): 147–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfpsjd>
7. Федосеева Г. А. Сущность и развитие теории импортозамещения. *Известия СПбГЭУ*. 2015. № 3. С. 144–148. [Fedoseeva G. A. The essence and the development of import substitution. *Izvestiia SPbGEU*, 2015, (3): 144–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucljql>
8. Жилияков Д. И., Фомин О. С., Соловьева Т. Н., Сафронов В. В., Пожидаева Н. А., Зюкин Д. А. Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации на основе развития АПК. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022. № 9. С. 153–159. [Zhilyakov D. I., Fomin O. S., Solovieva T. N., Safronov V. V., Pozhidaeva N. A., Zyukin D. A. Food security of the Russian Federation on the basis of AIC development. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2022, (9): 153–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijkcwz>
9. Горшкова Н. В., Шкарупа Е. А., Елтонцев А. В. Импортозамещение в АПК: механизм реализации и перспективы развития. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2021. Т. 23. № 3. С. 63–73. [Gorshkova N. V., Shkarupa E. A., Eltonceev A. V. Import substitution in the agro-industrial complex: Implementation mechanism and development prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2021, 23(3): 63–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.3.6>
10. Соколова О. Ю., Колотырин Е. А., Скворцова В. А. Импортозамещение как стратегия промышленной политики. *Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2017. № 1. С. 130–139. [Sokolova O. Yu., Kolotyryin E. A., Skvortsova V. A. Import substitution as a strategy of the industrial policy. *Izvestiya vyzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2017, (1): 130–139. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2017-1-13>
11. Балынин И. В. Сельское хозяйство Российской Федерации: реалии и перспективы развития, проблемы и пути решения. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 37. С. 32–43. [Balynin I. V. Agriculture of the Russian Federation: Realities and development prospects, challenges and solutions. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(37): 32–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukwruf>
12. Инюкин А. Ф., Дьяков С. А., Михлева И. И., Маджуга С. Э. Антикризисное государственное регулирование экономики агропромышленного комплекса российской федерации в условиях импортозамещения. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2022. № 39. С. 148–154. [Inukin A. F., Dyakov S. A., Mikhleva I. I., Madzhuga S. E. Anti-crisis state regulation of the economy of the agro-industrial complex of the Russian Federation in the conditions of import substitution. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2022, (39): 148–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dvjuzc>

13. Миронова О. А. Импортзамещение: зарубежный опыт и уроки для России. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 7-3. С. 84–87. [Mironova O. A. Import substitution: International experience and lessons for Russia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2015, (7-3): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ucqpw7>
14. Яндарбиева Л. А., Бостанова П. И. Особенности господдержки в условиях импортзамещения в АПК. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2019. № 26. С. 226–229. [Yandarbieva L. A., Bostanova P. I. Features of government support in the conditions of import substitution in APC. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniia*, 2019, 26 (4): 226–229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nonsww>
15. Подоба З. С., Молдован А. А., Фаизова А. А. Импортзамещение сельскохозяйственной продукции в России. *ЭКО*. 2019. № 7. С. 123–139. [Podoba Z. S., Moldovan A. A., Faizova A. A. Import substitution of agricultural products in Russia. *EKO*, 2019, (7): 123–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztpzphf>
16. Тэйслина О. Г., Прокофьева Е. Н. Рост конкурентоспособности предприятий АПК как важнейшее направление в решении задач импортзамещения (на примере Саратовской области). *Современный взгляд на проблемы качества и управления конкурентоспособностью в условиях внешних вызовов: Междунар. (очно-заочная) науч.-практ. конф. (Саратов, 12 ноября 2015 г.)* Саратов: СЭИ СГТУ, 2015. С. 56–59. [Teislina O. G., Prokofeva E. N. Growing of competitiveness of agricultural enterprises as the most important direction in solving import substitution problems in Saratov Region. *A modern view on the problems of quality and competitiveness management in the context of external challenges: Proc. Intern. (full-time and part-time) Sci.-Prac. Conf., Saratov, 12 Nov 2015*. Saratov: SEI SSTU, 2015, 56–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vneyyn>
17. Бреславцева Е. А., Бреславцев М. В. Развитие сельского хозяйства в современных условиях. *Вестник магистратуры*. 2017. № 1-4. С. 61–62. [Breslavtseva E. A., Breslavtsev M. V. Development of agriculture in modern conditions. *Vestnik magistratury*, 2017, (1-4): 61–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xshniz>
18. Лобан И. А. Основные приоритеты государственной поддержки и регулирования сельского хозяйства региона. *Никоновские чтения*. 2005. № 10. С. 85–87. [Loban I. A. The main priorities of state support and regulation of regional agriculture. *Nikonovskie chteniia*, 2005, (10): 85–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oubmwt>
19. Зуб А. А. Политика импортзамещения: условия, инструменты и механизмы реализации. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2020. № 8-3. С. 110–113. [Zub A. A. Import substitution policy: Conditions, tools and mechanisms for implementation. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2020, (8-3): 110–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/deisuf>
20. Оборин М. С. Особенности инновационного развития агропромышленного комплекса регионов России. *Вестник НГИЭИ*. 2024. № 7. С. 111–122. [Oborin M. S. Features of innovative development of the agro-industrial complex of the regions of Russia. *Bulletin NGIEI*, 2024, (7): 111–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slyxzg>
21. Юнусова П. С. Организационно-экономические аспекты стратегии повышения конкурентоспособности основных видов продукции сельского хозяйства регионов СКФО. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021. № 7. С. 63–69. [Yunusova P. S. Organizational and economic aspects of the strategy improving the competitiveness of the main types of agricultural products of the regions of the North Caucasus Federal District. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2021, (7): 63–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-7-63-69>
22. Юнусова П. С. Формирование агропромышленных кластеров как инструмент импортзамещения в регионах СКФО. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021. № 3. С. 5–12. [Yunusova P. S. Formation of agro-industrial clusters as import substitution in the NCFD regions. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2021, (3): 5–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-3-5-12>
23. Шайтура С. В., Сумзина Л. В., Томашевская Н. Г., Филимонов С. Л., Минитаева А. М. Аграрный сектор в контексте глобального изменения климата. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021. № 4. С. 18–24. [Shaytura S. V., Sumzina L. V., Tomashevskaya N. G., Filimonov S. L., Minitaeva A. M. Agricultural sector in the context of global climate change. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi selskokhoziaistvennoi akademii*, 2021, (4): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrzuwo>
24. Широ́в А. А., Янтовский А. А., Потапенко В. В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС. *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 4. С. 3–16. [Shirov A. A., Yantovskii A. A., Potapenko V. V. Evaluation of the potential effect of sanctions on the economic development of Russia and the European Union. *Problemy prognozirovaniia*, 2015, (4): 3–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkcfxd>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pkehzh>

Интегральная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной экономической безопасности России

Зайцев Сергей Вячеславович

Астраханский государственный технический университет,
Россия, Астрахань
eLibrary Author SPIN: 6007-6329

Семенова Ксения Владимировна

Астраханский государственный технический университет,
Россия, Астрахань

Степанова Диана Игоревна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 8920-5616
<https://orcid.org/0000-0001-5981-6889>
s_diana@mail.ru

Аннотация: Цель – рассмотреть теоретические аспекты формирования энергетической безопасности Российской Федерации как составляющие комплекса национальной безопасности страны. Проанализирована система национальной безопасности России и ее составляющие, этапы формирования и развития системы национальной безопасности государства, начиная с Древней Руси и заканчивая современностью, особенности взаимодействия функциональных блоков национальной безопасности. Дана общая характеристика энергетическому блоку и финансовым ресурсам, а также их взаимосвязи с национальной безопасностью в целом. Сформулированы основные направления влияния энергетической безопасности на национальную безопасность государства, в том числе аспекты устойчивого развития и защиты экономических интересов. Проведена комплексная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной безопасности Российской Федерации на основе анализа статистических данных, ретроспективного анализа взаимодействия подсистем системы национальной безопасности, интегральной оценки влияния энергетической составляющей на состояние национальной безопасности страны. Приведена экспертная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной экономической безопасности России, которая показывает высокую степень зависимости. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего регулирования уровня влияния топливно-энергетического комплекса на состояние энергетической и национальной безопасности России, а также для преодоления их тесной взаимосвязи.

Ключевые слова: национальная безопасность, энергетическая безопасность, нефтегазовый сектор, нефтегазовый комплекс, интегральная оценка, экспертная оценка

Цитирование: Зайцев С. В., Степанова Д. И., Семенова К. В. Интегральная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной экономической безопасности России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 237–247. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-237-247>

Поступила в редакцию 31.12.2024. Принята после рецензирования 27.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

Impact of Energy Constituent on Russia's Economic Security: Integral Criterion

Sergey V. Zaitsev

Astrakhan State Technical University, Russia, Astrakhan

eLibrary Author SPIN: 6007-6329

Ksenia V. Semenova

Astrakhan State Technical University, Russia, Astrakhan

Diana I. Stepanova

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8920-5616

<https://orcid.org/0000-0001-5981-6889>

s_diana@mail.ru

Abstract: The principles behind the national security complex rely on some important theoretical aspects of energy security. This article provides a diachronic analysis of Russia's national security system, its interacting constituents, and development stages, with a focus on the energy unit and financial resources. The research revealed the major effects of energy security on the national security, including such aspects as sustainable development and protection of economic interests. The integral criterion analysis involved statistical data, retrospective interactions between various national security subsystems, and the impact of energy constituent on the national security. The expert assessment showed a reliable dependence of the national security as a system on its energy constituent. The results obtained may help the government to control the impact that the fuel and energy complex exercises on Russia's national security, with a prospect for breaking this strong dependency.

Keywords: national security, energy security, oil and gas sector, oil and gas complex, integrated assessment, expert assessment

Citation: Zaitsev S. V., Stepanova D. I., Semenova K. V. Impact of Energy Constituent on Russia's Economic Security: Integral Criterion. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 237–247. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-237-247>

Received 31 Dec 2024. Accepted after review 27 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

Современные экономические отношения между государствами играют ключевую роль в формировании их взаимодействия. Конфликты все чаще связаны не с идеологическими противоречиями, а с борьбой за ресурсы, контроль над территориями и торговыми маршрутами [1]. Экономическая безопасность уже давно является важным элементом государственной стратегии, и экономические инструменты используются для влияния на международные отношения [2].

Аналитики международных отношений, признавая силу военной мощи, не пришли к единому мнению о значимости и определении экономического государственного управления. Реалисты ставят под сомнение его эффективность в нормализации международных отношений, в то время как неолибералы утверждают, что возросшая экономическая взаимозависимость может способствовать сотрудничеству между государствами, несмотря на высокие затраты на выход из этой системы. Эта взаимозависимость

также может углублять различия между развитыми и развивающимися государствами.

Безопасность государства условно может быть представлена в виде корневой системы растения. Каждое ответвление соответствует сфере деятельности страны и формирует обособленный блок безопасности (например, экономическая, экологическая, финансовая, продовольственная, энергетическая и иные составляющие национальной безопасности).

Анализ исследований зарубежных авторов позволяет выделить отдельные тематические кластеры в понимании феноменологического поля термина *национальная безопасность*:

- военная безопасность: военно-политические аспекты, включая угрозы со стороны других государств и организацию обороны [3–7];
- экономическая безопасность: вопросы защиты экономических интересов государства, в том числе устойчивость к экономическим кризисам и внешним экономическим угрозам [8; 9];

- социальная безопасность: аспекты социальной стабильности, включая миграцию, демографические изменения и внутренние конфликты, которые могут угрожать национальной безопасности [10];
- экологическая безопасность: влияние экологических факторов на национальную безопасность, в том числе изменение климата, природные ресурсы и их истощение [11];
- кибербезопасность: угрозы в киберпространстве, включая кибератаки, защиту информационной инфраструктуры и безопасность данных [12];
- глобальная безопасность: вопросы глобального сотрудничества, международных институтов и коллективной безопасности в контексте глобальных угроз [13].

В рамках отечественных подходов, определяющих феноменологическое поле понятия *национальная безопасность*, можно выделить следующие исследовательские кластеры:

- военная безопасность: военно-стратегические аспекты, включая угрозы со стороны НАТО и других государств, роль армии в обеспечении безопасности [14];
- экономическая безопасность: защита экономических интересов государства, в том числе устойчивость к внешним экономическим санкциям и кризисам [15–19];
- социальная безопасность: аспекты, влияющие на социальную стабильность (демографические изменения, миграция и внутренние конфликты) [20; 21];
- информационная безопасность: киберугрозы, защита информации, информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз [22; 23];
- экологическая безопасность: влияние экологических факторов, таких как природные катастрофы и изменение климата, на национальную безопасность [24; 25].
- глобальная безопасность: международное сотрудничество, роль России в глобальной безопасности и влияние международных организаций [26; 27].

Эти тематические кластеры подчеркивают многогранность понятия *национальная безопасность* и необходимость комплексного подхода к его пониманию и исследованию. Каждый из представленных блоков находится в тесной взаимосвязи с «вершиной», т.е. национальной безопасностью страны, именно поэтому малейшие изменения внутри одного блока затронут всю систему.

Следует отметить, что наибольший интерес в последние 20–30 лет приобретает энергетическая безопасность. Этот интерес обусловлен для России исторически, поскольку государство выступает одним из крупнейших поставщиков энергоресурсов. В связи с этим цель статьи – рассмотреть теоретические аспекты формирования энергетической безопасности как составляющих комплекса национальной безопасности страны.

Методы и материалы

В целях определения степени влияния того или иного блока на состояние национальной безопасности государства разрабатывается показатель интегральной оценки, который в дальнейшем может быть интерпретирован по итоговому значению следующим образом: 3,00 баллов и выше – *критический* уровень; 2,40–2,99 – *высокий*; 1,80–2,39 – *приемлемый*; 1,20–1,79 – *нормальный*; 1,19 и ниже – *низкий*.

Для проведения указанной оценки привлекались эксперты – специалисты астраханского филиала ПАО «Лукойл» (ООО «Лукойл-Нижеволжскнефть»), которые обладают специфическими знаниями и компетенциями в нефтегазовой отрасли экономики Российской Федерации. Оценка экспертов осуществлялась на основе балльной системы и градации итогового балла по уровням экономической безопасности. Каждый эксперт оставлял за собой право присваивать балльные оценки тому или иному показателю исходя из собственных суждений и взглядов, т.е. оценки экспертов полностью субъективны.

Результаты

Для проведения анализа влияния конкретного блока на состояние национальной безопасности государства целесообразно обратиться к теоретическим аспектам исследования, а именно особенностям формирования самого понятия *национальная безопасность* и его элементов. При рассмотрении системы национальной безопасности РФ и ее составляющих было выявлено, что Российская Федерация как субъект безопасности выступает сложным и многогранным объектом исследования, т.к. опыт формирования и развития системы безопасности государства велик и включает в себя множество этапов [28]:

I этап: формирование первой системы безопасности государства – Императорская Россия. На законодательном уровне понятие *безопасность*, или *общественная безопасность* впервые встречается в Положении «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14.08.1881, принятом после убийства Александра II. Важно отметить, что определения и каких-либо

четких формулировок указанного термина этот документ не давал, однако формировал направления и особенности обеспечения безопасности государства, а также предусматривал меры ответственности за противоправные деяния.

II этап: систематизация и законодательное закрепление понятия *государственная безопасность* – СССР. Четкую формулировку и окончательное закрепление на законодательном уровне понятие *безопасность* получило в СССР в ст. 45 Конституции СССР от 05.12.1936. Эта статья предусматривала включение безопасности в систему приоритетов страны, которые требовали постоянного контроля и охраны.

III этап: корректировка и развитие системы национальной безопасности государства – современная Россия. На современном этапе развития государства понятие *безопасность* окончательно «укоренилось» и нашло отражение в целом блоке нормативно-правовых актов. Безопасность сопровождает все сферы деятельности России. На рисунке 1 представлены блоки национальной безопасности страны, каждый из которых формируется в соответствии с приоритетами развития государства и ключевыми сферами функционирования РФ на мировой арене.

Во Введении мы упоминали растущий интерес к энергетической безопасности страны. Официальная же позиция по вопросам энергобезопасности

государства сформулирована в Доктрине энергетической безопасности РФ, согласно которой к основным направлениям ее обеспечения относятся¹:

- совершенствование государственного управления в области обеспечения безопасности;
- поддержание минерально-сырьевой базы и основных производственных фондов организаций топливно-энергетического комплекса (ТЭК) на уровне, необходимом для обеспечения энергетической безопасности;
- совершенствование территориально-производственной структуры ТЭК с учетом необходимости укрепления единства экономического пространства страны;
- обеспечение международно-правовой защиты интересов российских организаций ТЭК и энергомашиностроения, поддержка экспорта их продукции, технологий и услуг;
- обеспечение технологической независимости ТЭК и повышение его конкурентоспособности.

Помимо этого, энергетическую безопасность определяют, например, как состояние защищенности граждан, общества, государства, экономики от угроз дефицита в обеспечении потребностей в энергии экономически доступными энергетическими ресурсами приемлемого качества, от угроз нарушений бесперебойности энергоснабжения [29].

В качестве исходных показателей для проведения интегральной оценки влияния энергетической составляющей на состояние национальной безопасности РФ могут быть использованы статистические данные, представленные в таблице 1². Энергобезопасность напрямую связана с добычей и реализацией энергоресурсов в России, поэтому и влияние энергетической составляющей на национальную безопасность страны целесообразно оценивать по состоянию топливно-энергетического сектора экономики [30].

ТЭК РФ включает в себя нефтяную, газовую, угольную и торфяную отрасли, электроэнергетику и теплоснабжение, играет ключевую роль в формировании доходов бюджетной системы РФ. В 2017–2023 гг. доля ТЭК в ВВП РФ составляла около 18–20 %, а в области инвестиций в основной капитал на долю ТЭК приходилось около одной трети (39 %) всего объема инвестиций. За пятилетний период в структуре доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы страны доходы от производства

Рис. 1. Взаимодействие блоков национальной безопасности России

Fig. 1. Interaction between different units of Russia's national security

¹ Об утверждении Доктрины энергетической безопасности РФ. Указ Президента РФ № 216 от 13.05.2019. СПС КонсультантПлюс.

² Сост. по: Промышленное производство в России. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13225> (дата обращения: 20.12.2024).

Табл. 1. Исходные данные, необходимые для проведения интегральной оценки

Tab. 1. Integral criterion assessment: input data

Показатель	2017	2020	2023	Прирост, %		Оптимальное значение
				2020 г. к 2017 г.	2023 г. к 2020 г.	
Валовая добавленная стоимость по виду деятельности <i>добыча полезных ископаемых</i> , трлн руб.	9,03	9,19	19,33	1,80	в 2,1 раза	Положительная динамика
Средняя выручка по виду деятельности <i>добыча полезных ископаемых</i> за год, млн руб.	32,70	24,10	37,80	–26,30	в 1,6 раза	
Средняя цена на нефть Brent, долл. США за баррель	71,30	41,80	80,10	–41,40	в 1,9 раза	
Доля нефтегазового сектора в ВВП России, %	16,90	15,20	16,50	–10,10	в 2,5 раза	Отрицательная динамика
Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете, %	39,60	39,30	28,00	–0,80	–28,8	
Доля нефти и газа в товарном экспорте, %	54,10	56,20	44,60	+3,90	–20,6	
Объем добычи и производства газа, млн т	738	524	535	–6,50	+2,1	Положительная динамика
Объем добычи и производства газа, млрд м³	561	762	573	+13,60	–24,8	
Объем добычи и производства угля, млн т	441	438	444	–1,70	+1,4	
Объем производства электроэнергии, трлн кВт·ч	1,09	1,13	1,17	+3,70	+3,5	
Инвестиции в основной капитал ТЭК, млрд руб.	155	180	214	+16,10	+18,9	

и реализации энергоресурсов оценивались в 52 % от всех доходов за финансовый год³.

Динамика поставок природного газа из России по основным путям сбыта («Северный Поток – 2» и «Ямал-Европа») в 2021–2023 гг. представлена на рисунке 2⁴. В марте 2022 г. начались активные переговоры с Турцией о введении в действие проекта «Турецкий поток», предназначенного для транспортировки энергоресурсов в Южную Европу и Турцию и анонсированного еще в 2014 г. На конец 2022 г. проект «Ямал-Европа» был деактивирован, а «Турецкий поток» загружен на 50–55 %. С целью обеспечения стабильных поставок российских энергоресурсов в феврале-марте 2022 г. был возобновлен проект «Сила Сибири», реализуемый совместно с Китаем.

Комплексная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной безопасности РФ проведена на основе анализа статистических данных, ретроспективного анализа взаимодействия подсистем системы национальной

безопасности, интегральной оценки влияния энергетической составляющей на состояние национальной безопасности РФ.

Анализ данных таблицы 1 свидетельствует о неоднозначной динамике основных показателей нефтегазового сектора Российской Федерации. Несмотря на значительный прирост валовой добавленной стоимости по виду деятельности *добыча полезных ископаемых* (в 2,1 раза к 2023 г.), увеличение инвестиций в основной капитал ТЭК (+18,9 % к 2023 г.) и восстановление средней цены на нефть Brent на мировом рынке (до 80 долл. США за баррель), наблюдается снижение доли нефтегазового сектора в ВВП России (–10,1 % к 2020 г.) и нефтегазовых доходов в федеральном бюджете (–28,8 % к 2023 г.). Доля нефти и газа в товарном экспорте сокращается (–20,6 % к 2023 г.), что может указывать на структурные изменения в экономике страны и появление тенденций развития в других отраслях. При этом ключевой производственный показатель (объем производства

³ Промышленное производство в России...

⁴ Сост. по: Промышленное производство в России...

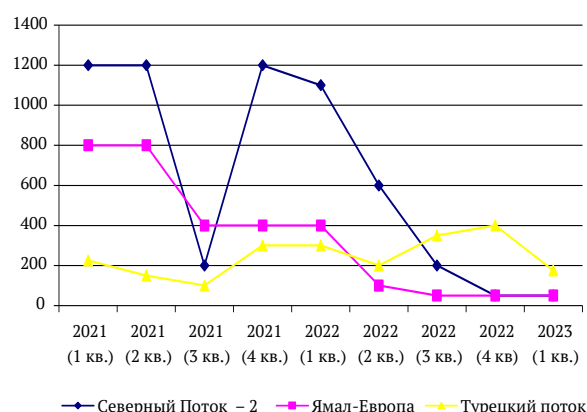

Рис. 2. Динамика поставок природного газа из России в среднем за квартал, млн м³

Fig. 2. Russia's natural gas export in mean values per quarter, millions m³

электроэнергии) демонстрирует стабильность и умеренный рост. Таким образом, нефтегазовый сектор сохраняет стратегическое значение при определении путей развития РФ, но его роль в экономике постепенно трансформируется и сокращается.

В целом наиболее критическими для российского ТЭК оказались события 2020 и 2022 годов. В первом случае комплекс столкнулся с падающим спросом на энергоресурсы, во втором – с технологической блокадой и обострением зависимости от иностранных капиталов. Суммарно против страны было введено около 10 тыс. ограничений (до 22 февраля 2022 г. их было 2695, после этой даты стало 8225).

Первый пакет санкций коснулся в большей мере финансовой системы России, но не обошел стороной и нефтегазовый сектор. США были введены санкции против швейцарской компании Nord Stream 2 AG, которая занималась непосредственным управлением газопроводом «Северный Поток – 2», отвечающим за экспорт российского газа по направлению «Ямал-Европа».

Второй пакет санкций затронул импорт в Россию технологий и оборудования для переработки нефти, а также запретил крупным российским компаниям (включая Газпромнефть, Транснефть и т.д.) привлекать финансирование из США, стран Европейского союза (ЕС) и др. и ограничил все операции с ними. Кроме того, в ряде стран были приостановлены все экспортные лицензии РФ.

Третьим пакетом санкций были введены отдельные ограничения против Газпрома и Роснефти,

крупных российских монополистов на нефтегазовом рынке. Были распроданы все акции нефтяных компаний России. С начала марта 2022 г. США и большинство стран ЕС ввели запрет на импорт российских энергоносителей на их территорию. Так, Великобритания и Австралия анонсировали исполнение запрета в период 30–45 дней, а Германия, Латвия, Литва, Эстония и др. – к концу 2022 г.

Четвертый пакет санкций ограничил инвестиции в энергетический сектор (кроме ядерного). Однако внес «послабления» для стран, поддержавших санкции: покупка или импорт российских энергоносителей и транзакции, связанные с ними, могут осуществляться при условии большой необходимости.

Пятым пакетом санкций был введен запрет на импорт в США российского угля, который, по прогнозам аналитиков ЕС, будет снижать доходы России в данной области на 4 млрд евро ежегодно. Кроме того, были подняты таможенные пошлины на импорт российских товаров (в 2022 г. составляли 35 %). Отечественным нефтегазовым компаниям пришлось прекратить свое участие в иностранных компаниях, таких как Gazprom Germania, Gazprom Marketing & Trading, Gazprom UK, из-за запрета на использование их товарных знаков на территории ЕС и США.

Последующие пакеты санкционных ограничений в какой-то степени дублировали или дополняли первые три. Так, Канадой были введены санкции против Лукойла, Транснефти и др., подняты ввозные пошлины на нефть, газ и уголь (в отдельных странах до 35 %).

Кроме того, ключевой проблемой топливно-энергетического комплекса России остается высокий износ основных фондов, который присущ практически всем материалоёмким отраслям. Средняя величина износа за 2017–2023 гг. составляла порядка 57,9 % по виду экономической деятельности *добыча полезных ископаемых* и 51,6 % по виду деятельности *обеспечение электроэнергией, газом и паром* [17].

Вызовы и угрозы функционирования ТЭК представляют опасность в рамках энергетической безопасности страны, что в дальнейшем может отрицательно сказаться на национальной безопасности РФ и функционировании государства как самодостаточного субъекта в целом. Экспертная оценка влияния энергетической составляющей на состояние национальной экономической безопасности РФ за 2017, 2020 и 2023 гг. приведена в таблицах 2 и 3⁵.

⁵ Таблицы 2 и 3 сост. по: Промышленное производство в России...

Табл. 2. Экспертная оценка, необходимая для интегральной оценки

Tab. 2. Integral criterion assessment: expert evaluation

Показатель	Эксперт 1				Эксперт 2				Эксперт 3			
	уд. в., %	2017	2020	2023	уд. в., %	2017	2020	2023	уд. в., %	2017	2020	2023
Валовая добавленная стоимость по виду деятельности добыча полезных ископаемых, трлн руб.	0,10	3,00	3,00	4,00	0,12	3,00	3,00	3,00	0,10	2,00	2,00	3,00
Средняя выручка по виду деятельности добыча полезных ископаемых за год, млн руб.	0,10	3,00	2,00	3,00	0,08	2,00	2,00	2,00	0,10	2,00	1,00	2,00
Средняя цена на нефть Brent, долл. США за баррель	0,10	2,00	1,00	4,00	0,12	2,00	2,00	2,00	0,07	1,00	1,00	3,00
Доля нефтегазового сектора в ВВП России, %	0,10	3,00	3,00	1,00	0,08	3,00	3,00	3,00	0,10	2,00	2,00	1,00
Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете, %	0,15	2,00	2,00	4,00	0,08	3,00	3,00	3,00	0,10	1,00	1,00	3,00
Доля нефти и газа в товарном экспорте, %	0,10	1,00	1,00	3,00	0,08	2,00	2,00	2,00	0,10	1,00	1,00	2,00
Объем добычи и производства газа, млн т	0,05	2,00	1,00	3,00	0,12	2,00	2,00	2,00	0,07	1,00	1,00	2,00
Объем добычи и производства газа, млрд м³	0,05	3,00	3,00	1,00	0,06	2,00	2,00	2,00	0,07	2,00	2,00	1,00
Объем добычи и производства угля, млн т	0,05	2,00	2,00	3,00	0,06	2,00	2,00	2,00	0,07	1,00	1,00	2,00
Объем производства электроэнергии, трлн кВт·ч	0,05	2,00	2,00	2,00	0,08	2,00	2,00	2,00	0,07	1,00	1,00	1,00
Инвестиции в основной капитал ТЭК, млрд руб.	0,15	3,00	3,00	3,00	0,12	3,00	3,00	3,00	0,15	2,00	2,00	2,00
Итого	1,00	26,00	23,00	31,00	1,00	26,00	26,00	26,00	1,00	16,00	15,00	22,00

Итак, были получены следующие значения итоговой интегральной оценки за 2017, 2020 и 2023 гг.:

- эксперт 1: степень влияния энергетической безопасности на состояние национальной безопасности РФ находится в пределах высокого уровня зависимости, который сначала имеет тенденцию к снижению (с 2,40 балла в 2017 г. до 2,15 в 2020 г.), но в 2023 г. приобретает значение критического уровня зависимости – 3,00 балла;
- эксперт 2: устойчивая тенденция к сохранению высокого уровня зависимости национальной безопасности от энергетического блока (2,40 балла в 2017, 2020 и 2023 г. соответственно);
- эксперт 3: уровень зависимости исследуемых переменных имел тенденцию к снижению, находясь в пределах нормы (1,52 балла в 2017 г., 1,42 – в 2020 г.), а в 2023 г. увеличился до 2,03 балла, проявляя приемлемый уровень зависимости.

Важно отметить, что в среднем уровень зависимости российской экономики от производства и реализации энергоресурсов оценивается на высоком уровне. Это в будущем может привести к формированию серьезных рисков, переходящих в угрозы устойчивому развитию и процветанию. Кроме того, целесообразным при проведении дальнейшего исследования является привлечение большего числа экспертов из крупных российских компаний-лидеров нефтегазового сектора. Эксперты высокого уровня смогут дать расширенную оценку с подробными разъяснениями каждого балла и динамики показателя.

Результаты проведенного анализа могут быть использованы с целью дальнейшего регулирования уровня влияния топливно-энергетического комплекса на состояние энергетической и национальной безопасности РФ, а также преодоления их тесной взаимосвязи.

Табл. 3. Интегральная оценка

Tab. 3. Integral criterion assessment

Показатель	Эксперт 1			Эксперт 2			Эксперт 3		
	2017	2020	2023	2017	2020	2023	2017	2020	2023
Валовая добавленная стоимость по виду деятельности <i>добыча полезных ископаемых</i> , трлн руб.	0,30	0,30	0,40	0,36	0,36	0,36	0,20	0,20	0,30
Средняя выручка по виду деятельности <i>добыча полезных ископаемых</i> за год, млн руб.	0,30	0,20	0,30	0,16	0,16	0,16	0,20	0,10	0,20
Средняя цена на нефть Brent, долл. США за баррель	0,20	0,10	0,40	0,24	0,24	0,24	0,07	0,07	0,21
Доля нефтегазового сектора в ВВП России, %	0,30	0,30	0,10	0,24	0,24	0,24	0,20	0,20	0,10
Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете, %	0,30	0,30	0,60	0,24	0,24	0,24	0,10	0,10	0,30
Доля нефти и газа в товарном экспорте, %	0,10	0,10	0,30	0,16	0,16	0,16	0,10	0,10	0,20
Объем добычи и производства газа, млн т	0,10	0,05	0,15	0,24	0,24	0,24	0,07	0,07	0,14
Объем добычи и производства газа, млрд м ³	0,15	0,15	0,05	0,12	0,12	0,12	0,14	0,14	0,07
Объем добычи и производства угля, млн т	0,10	0,10	0,15	0,12	0,12	0,12	0,07	0,07	0,14
Объем производства электроэнергии, трлн кВт·ч	0,10	0,10	0,10	0,16	0,16	0,16	0,07	0,07	0,07
Инвестиции в основной капитал ТЭК, млрд руб.	0,45	0,45	0,45	0,36	0,36	0,36	0,30	0,30	0,30
Итоговая интегральная оценка	2,40	2,15	3,00	2,40	2,40	2,40	1,52	1,42	2,03
Средняя оценка	2,52			2,40			1,66		

Заключение

Результаты позволили разработать мероприятия по нейтрализации угроз энергетической безопасности и уменьшению тесноты связи между ней и национальной безопасностью РФ. Выявлено, что стратегически важным в обеспечении энергетической безопасности российского ТЭК является преодоление технико-технологических угроз, которые были вызваны высоким износом основных фондов, а также отсутствием собственных разработок в данной сфере. В общем виде для нейтрализации угроз могут быть применены следующие мероприятия:

- углубление переработки и выхода энергоресурсов, в частности нефти, что позволит увеличить прибыль отрасли за счет продажи готового продукта, стоимость которого гораздо выше, чем стоимость сырья;
- развитие и модернизация нефтеперерабатывающих заводов. В России функционируют

37 крупных заводов такого типа с объемами переработки более 1 млн т в год, а также малые нефтеперерабатывающие заводы;

- увеличение поставок российских энергоресурсов на внутренний рынок;
- наращивание деловых отношений с Китаем и Индией, поскольку данные государства выступают большими рынками сбыта российских энергоносителей.

Чтобы нейтрализовать возросшее влияние ТЭК на экономику страны, можно провести следующие мероприятия:

1. Сократить производство топливно-энергетических товаров за счет снижения экспорта и расширения уровня их внутреннего потребления при одновременном опережающем росте ВВП. Данное мероприятие позволит высвободить инвестиционные средства, идущие на развитие добывающих

отраслей, и перенаправить их на развитие обрабатывающих [31].

2. Активно внедрять на российских предприятиях передовые технологии. Например, на электроэнергетических – парогазовые установки и установки комбинированной выработки тепла и электричества, а на транспортных – двигатели, работающие на электричестве, водороде и природном газе.

3. Совершенствовать нормативно-правовую базу в области ТЭК. Это снизит административные барьеры, повысит инвестиционную привлекательность и эффективность функционирования комплекса.

4. Стимулировать мероприятия по снижению негативного воздействия на окружающую среду на основе отечественных технологий.

5. Ускорить реализацию и расширение программ по импортозамещению в целях решения вопроса технологической независимости страны.

6. Учитывать социально-экономический мониторинг в ТЭК страны. Он позволит отслеживать и фиксировать предельно допустимые уровни отклонения от нормы контролируемых показателей.

Полезные ископаемые относятся к невозобновляемым ресурсам, т.е. рано или поздно и российские, и мировые запасы будут исчерпаны. В первую очередь это обусловлено тем, что для формирования многих видов полезных ископаемых требуются миллионы лет. Согласно Стратегии развития минерально-сырьевой базы до 2050 г., запасов некоторых видов стратегически значимых для экономики страны полезных ископаемых хватит на 25 лет⁶. Помимо этого, Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации утверждает, что запасов нефти в стране хватит примерно на 64,5 года, а природного газа – более чем на 100 лет⁷. Однако в связи с растущим каждый год суточным потреблением этих ресурсов данные прогнозы неутешительны.

Если указанные прогнозы окажутся верны, то российская экономика по прошествии обозначенного

периода просто не сможет быстро трансформироваться и подстроиться под новые реалии мирового рынка. Добыча нефти и газа будет становиться все более затратной, что не соответствует концепции капиталистического рынка – получение максимальной прибыли с минимальными издержками. Наиболее благоприятным исходом для Российской Федерации станет подготовка к экспорту энергии, а не сырья, т.к. она выступает более дорогостоящим и перспективным ресурсом, который позволит стране достичь более высокого уровня технического и экономического развития и статуса на мировой арене. Причем такого рода подготовку необходимо начать в ближайшее время, чтобы возможный энергетический кризис стал для России своего рода подъемом экономической системы.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Зайцев – разработка методологии исследования, анализ эмпирических данных, редактирование текста статьи, формулирование выводов. Д. И. Степанова – разработка методологии исследования, анализ эмпирических материалов, редактирование текста статьи. К. В. Семенова – обзор литературы, разработка дизайна исследования, сбор и анализ эмпирических данных, написание статьи.

Contribution: S. V. Zaitsev designed the methodology, analyzed the empirical data, proofread the manuscript, and wrote the conclusions. D. I. Stepanova designed the methodology, analyzed the empirical data, and proofread the manuscript. K. V. Semenova wrote the review, designed the methodology, collected and analyzed the empirical data, and drafted the manuscript.

Литература / References

1. Renner M. *The anatomy of resource wars*. Worldwatch Institute, 2002. URL: <http://archive.niza.nl/docs/200210171557447558.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Kahler M. Economic security in an era of globalization: Definition and provision. *The Pacific Review*, 2004, 17(4): 485–502. <https://doi.org/10.1080/0951274042000326032>

⁶ О Стратегии развития минерально-сырьевой базы РФ до 2050 г. Распоряжение Правительства РФ № 1838-Р от 11.07.2024. СПС КонсультантПлюс.

⁷ Глава Минприроды рассказал, на сколько лет Россия обеспечена запасами нефти и газа. *Объясняем.рф*. 06.02.2025. URL: <https://объясняем.рф/articles/news/glava-minprirody-rasskazal-na-skolko-let-rossiya-obespechena-zapasami-nefti-i-gaza/> (дата обращения: 07.02.2025).

3. Buzan B. *People, states, and fear: The national security problem in international relations*. Wheatsheaf Books, 1983, 262.
4. Buzan B. New patterns of global security in the twenty-first century. *International Affairs*, 67(3): 431–451. <https://doi.org/10.2307/2621945>
5. Fox W. T. R. Reviewed work: People, states, and fear: The national security problem in international relations Barry Buzan. *International Journal*, 1985, 40(4): 756–758. <https://doi.org/10.2307/40202323>
6. Waever O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London: Printer, 1993, 288.
7. David M., Verbakel D. Critical security studies: A schismatic history. *Contemporary security studies*, ed. Collins A. Oxford: Oxford University, 2007, chpt. 7. <https://doi.org/10.1093/hepl/9780198862192.003.0007>
8. Meng W. *Developmental peace: Theorizing China's approach to international peacebuilding*. ibidem, 2024, 188.
9. Bulatova O., Trofymenko M., Karpenko O., Fedorov E. Zewnętrzny komponent bezpieczeństwa gospodarczego kraju. *Przegląd Strategiczny*, 2020, (13), 425–437. <https://doi.org/10.14746/ps.2020.1.26>
10. Kaldor M. *Human security: Reflections on globalization and intervention*. Cambridge: Polity, 2007, 240.
11. Homer-Dixon T. F. *Environment, scarcity, and violence*. Princeton: Princeton University, 1999, 253. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7pgg0>
12. Libicki M. C. *Cyberdeterrence and cyberwar*. RAND Corporation, 2009, 238.
13. Acharya A. *The end of American world order*. 1st ed. Cambridge: Polity, 2014, 96.
14. Васильев И. В. Оборонная безопасность России в системе национальной безопасности. *Власть*. 2017. Т. 25. № 6. С. 44–51. [Vasilev G. V. Defense security of Russia in the national security system. *Vlast*, 2017, 25(6): 44–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yulocx>
15. Гусев А. А. Пути обеспечения социо-эколого-экономической безопасности общественного развития. *Экономика и математические методы*. 2013. Т. 49. № 4. С. 57–61. [Gusev A. A. Ways to ensure social, environmental and economic safety of social development. *Economics and the Mathematical Methods*, 2013, 49(4): 57–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/riokjl>
16. Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (академическая версия доклада). *Российский экономический журнал*. 2015. № 5. С. 3–62. [Glaziev S. Yu. Concerning urgent measures for strengthening economic security of Russia and placing Russia's economy in rapid development trajectory (academic version of the presentation). *Russian Economic Journal*, 2015, (5): 3–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vchpzj>
17. Колосов А. В. Методические аспекты экономической безопасности. *Интернет-журнал Науковедение*. 2013. № 3. [Kolosov A. V. Methodical aspects of the economic safety. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2013, (3). (In Russ.)] URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/85evn313.pdf> (дата обращения: 20.12.2024). <https://elibrary.ru/qzxxtn>
18. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности: тенденции и перспективы. *Российская юстиция*. 2020. № 4. С. 2–5. [Avdeev V. A., Avdeeva O. A. The legal policy of the Russian Federation in the sphere of ensuring economic security: Trends and prospects. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2020, (4): 2–5. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lchcpq>
19. Крылов А. А., Латов Ю. В. Мониторинг национальной и региональной экономической безопасности в современной России: проблемы, подходы, перспективы. *Микроэкономика*. 2018. № 2. С. 107–119. [Krylov A. A., Latov Yu. V. Monitoring of national and regional economic security in modern Russia: Problems, approaches, prospects. *Mikroekonomika*, 2018, (2): 107–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uoqxni>
20. Быковская Ю. В. Государственная социальная политика в органах внутренних дел и методология ее формирования и реализации в системе обеспечения экономической безопасности. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 47. С. 25–39. [Bykovskaya Yu. V. The social policy of the state in internal affairs bodies and the methodology for its formation and implementation in the economic security system. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(47): 25–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbrwqh>
21. Краснов С. В., Краснова С. А. Социальная безопасность как фактор устойчивого развития России в глобальной экономике. *Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: науч. и уч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2017 г.)* СПб.: СПбПУ, 2017. Ч. 2. С. 77–84. [Krasnov S. V., Krasnova S. A. Social security as a factor of Russia's sustainable development in the global economy. *Fundamental and applied research in management, economics, and trade: Proc. Sci. and Ed.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 6–7 Jun 2017. St. Petersburg: SPbPU, 2017, pt. 2, 77–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysuipt>

22. Михайлов А. Н. Цифровая безопасность в эпоху больших данных: как защитить личную информацию? *Вестник науки*. 2024. Т. 1. № 10. С. 427–431. [Mikhailov A. N. Digital security in era of big data: How to protect personal information? *Vestnik nauki*, 2024, 1(10): 427–431. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/llkslc>
23. Нисневич Ю. А. Информационная безопасность: пути ответа на вызовы постиндустриального развития. *Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Часть II. Социальные аспекты. Доклады Института Европы РАН*, ред. В. В. Журкин, М. Г. Носов, Н. П. Шмелев. М.: Огни, 2006. Вып. 181. [Nisnevich Yu. A. Information security: Ways to respond to the challenges of post-industrial development. *The responses of Russia and the European Union to the challenges of the 21st century. Part II. Social aspects. Reports of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*, eds. Zhurkin V. V., Nosov M. G., Shmelev N. P. Moscow: Ogn, 2006, iss. 181. (In Russ.)] URL: <https://publications.hse.ru/chapters/68077181> (дата обращения: 28.12.2024).
24. Бушуев В. В., Воропай Н. И. Энергетический фактор в структуре национальной безопасности России. *Энергетическая политика*. 2017. № 1. С. 9–19. [Bushuev V. V., Voropay N. I. Energy factor in the structure of Russian national security. *Energeticheskaya politika*, 2017, (1): 9–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrekbh>
25. Кузнецов Д. А., Руденко М. Н. Система индикаторов оценки экономической безопасности страны. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 23. С. 59–68. [Kuznetsov D. A., Rudenko M. N. The system of indicators for evaluating the national economic security. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(23): 59–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twddvv>
26. Кузнецова Е. И. Стратегическое управление экономической безопасностью государства. М.: КноРус, 2017. 216 с. [Kuznetsova E. I. *Strategic management of the economic security of the state*. Moscow: KnoRus, 2017, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbakrn>
27. Хрусталев Е. Ю., Мартыанова О. В. Развитие методологии анализа эффективности внешнеторговой деятельности в управлении экономической безопасностью. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15. № 7. С. 1280–1294. [Khrestalev E. Yu., Martyanova O. V. Developing the methodology for analyzing the efficiency of foreign trade as part of economic security management. *National Interests: Priorities and Security*, 2019, 15(7): 1280–1294. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ni.15.7.1280>
28. Манафлы Г. М. Понятие и история обеспечения безопасности. Основные принципы и направления. *Молодой ученый*. 2023. № 46. С. 249–251. [Manafly G. M. The concept and history of security. Basic principles and directions. *Molodoi uchenyi*, 2023, (46): 249–251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ehkswr>
29. Манушин Д. В., Еникеев Ш. И., Тайшева Г. Р. Экономическая безопасность региона и государства и управление ими: понятие, структура, условия кризиса. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2023. Т. 19. № 7. С. 1206–1234. [Manushin D. V., Enikeev Sh. I., Taisheva G. R. Economic security of the region and the state and their management: Concept, structure, crisis conditions. *National Interests: Priorities and Security*, 2023, 19(7): 1206–1234. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ni.19.7.1206>
30. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–16. [Abalkin L. I. Russia's economic security: Threats and response. *Voprosy ekonomiki*, 1994, (12): 4–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjovdj>
31. Соколов М. Энергоемкость экономики России и основные направления по ее сокращению. *Энергетическая политика*. 2023. № 7. С. 46–67. [Sokolov M. Energy intensity of the Russian economy and the main directions for its reduction. *Energeticheskaya politika*, 2023, (7): 46–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dsbrfb>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/omskrc>

Характеристика индустриализации 2.0 в Российской Федерации: профессиональный аспект

Пьянкова Людмила Алексеевна

Сибирский государственный индустриальный университет, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Аннотация: Цель – исследовать многообразие подходов к индустриализации 2.0, релевантных задаче воспроизводства человеческого капитала с помощью профессионального образования. Задачи: выявить проблемы, сопутствующие реализации индустриализации 2.0; определить дискуссионное поле вокруг ее моделей; выявить совокупность факторов текущего промышленно-технологического уклада. Установлено, что текущий технологический уклад требует интеграции в производство киберфизических систем и передовых технологий, таких как IoT, искусственный интеллект и робототехника. Выявлено технологическое отставание страны из-за устаревших мощностей и недостаточной технологической, экономической и антропологической адаптации к новым мирохозяйственным условиям. После 2022 г. обнаружен рост ресурсов в военно-промышленном секторе, что влияет и на экономику. Определено, что переход к рыночному хозяйствованию после распада СССР вызвал кризис и снижение промышленного производства, требуя восстановления целого ряда высокотехнологических отраслей для преодоления сырьевой зависимости. Установлено, что недостаточное развитие биоинформационных и коммуникационных технологий ограничивает экономическую эффективность и национальную безопасность. Геополитическая ситуация снижает доступ к зарубежным технологиям, подчеркивая важность технологического суверенитета, особенно в микроэлектронике. Для повышения конкурентоспособности необходимо развивать механизмы роста инвестиций и повышения квалификации работников, а также трансформировать подходы к профессиональному ориентированию на основе человекоцентричной модели. Решение этой антропологической дилеммы определяющий фактор для выбора, что изменит спрос и предложение на рынке труда, повысит производительность и инициирует развитие необходимых навыков для современного производства.

Ключевые слова: индустриализация 2.0, смена промышленно-технологического уклада, модели индустриализации, профессиональное ориентирование, идентификация

Цитирование: Пьянкова Л. А. Характеристика индустриализации 2.0 в Российской Федерации: профессиональный аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 248–258. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-248-258>

Поступила в редакцию 09.01.2025. Принята после рецензирования 17.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

full article

Industrialization 2.0 in the Russian Federation: Professional Aspect

Lyudmila A. Pyankova

Siberian State Industrial University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 7296-4481

<https://orcid.org/0000-0003-1486-5542>

duby.ludmila@yandex.ru

Abstract: Industrialization 2.0 presupposes reproducing human capital through higher education. By highlighting the problems associated with Industrialization 2.0, the author identified the discussion field around its models, as well as the factor system of the current industrial and technological order. The contemporary technological paradigm integrates cyber-physical systems, robotics, and advanced technologies, e.g., IoT, AI, into the industrial production. The current national technological lag is caused by obsolete capacities, as well as by poor technological,

economic, and anthropological adaptation to the new global economy. The growing military industry has been affecting the national economy since 2022. After the collapse of the USSR, the shift to a market economy caused a crisis of industrial production: only new high-tech industries will make it possible to overcome the current dependence on raw materials. The insufficient development of bioinformatics and communication technologies curbs the economic efficiency and national security. The limited access to foreign technologies emphasizes the importance of technological independence, especially in microelectronics. A better competitiveness needs better mechanisms for investment and personnel retraining based on a human-centered model. If resolved, this anthropological dilemma will change the supply and demand on the labor market, increase industrial productivity, and initiate the development of advanced skills.

Keywords: Industrialization 2.0, industrial and technological shift, industrialization models, professional orientation, identification

Citation: Pyankova L. A. Industrialization 2.0 in the Russian Federation: Professional Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 248–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-248-258>

Received 9 Jan 2025. Accepted after review 17 Mar 2025. Accepted for publication 17 Mar 2025.

Введение

В современных условиях на российский промышленно-технологический уклад, именуемый как *индустриализация 2.0*, *неоиндустриализация*, *техно-тронное общество*, *информационное общество*, *индустрия 4.0* и др., возлагают большие надежды ученые, практики, экономисты и политики. Таким образом, цель статьи – исследовать многообразие подходов к индустриализации 2.0, релевантных задаче воспроизводства человеческого капитала с помощью профессионального образования. Это требует изучения возможностей данной системы отвечать на такие глобальные вызовы, как взрывной характер развития искусственного интеллекта (ИИ); турбулентность социально-экономических и политических процессов; низкий уровень конкуренции; уровень безработицы, близкий к значениям фрикционной безработицы, фактически означающий исчерпание кадровых ресурсов. Задачи:

- выявление проблем, сопутствующих реализации индустриализации 2.0;
- определение дискуссионного поля вокруг ее моделей;
- выявление совокупности факторов текущего промышленно-технологического уклада, главным из которых выступает антропологический, представляющий трансформацию человеческого капитала, диагностируемого на основе методологии 3D-моделирования управления поведением персонала в самоорганизующихся системах [1].

Теоретический анализ источников позволил установить приращение научного и эмпирического знания по проблеме *индустриализация 2.0*. Так, эмпирическая база исследований представляет:

1. Круглый стол о необходимости и возможности перехода к новой модели экономического развития страны [2]. Он дал импульс к концептуализации и вертикальной интеграции структур, стимулирующих новый уровень развития производительных сил, отличных от постиндустриализма [3; 4]. Кроме того, Р. Т. Зяблук и Н. И. Титова отмечают, что такие изменения требуют перехода к модели, основанной на вертикальной интеграции, межотраслевом взаимодействии через интегрированные цепочки добавленной стоимости, повышение эффективности экономики и гуманистические принципы [2].

2. Исследования С. Ю. Глазьева о структурных изменениях в экономике, построенных на технологической модернизации, создании благоприятной инвестиционной среды, развитии зеленых технологий, устойчивых процессов и человеческого капитала, интеграции РФ в международные цепочки добавленной стоимости [5].

3. Краткая ретроспекция динамики идей индустриализации 2.0, связанная с проектом 2008 г. «Формулы новой экономики», где ключевой характеристикой этого термина явился экономический рост, который обусловлен новыми возможностями производительных сил, обеспечивающих высокую прибавочную стоимость продукта, и тем самым создающей предпосылки к росту их благосостояния [6]. Данное интегральное понятие, введенное в западной науке в 1980-е гг., означало трансформацию экономического развития общества, инициированное глобализацией, экспоненциальным характером технологических и информационных изменений преимущественно в сторону производства услуг, нежели товаров. Главный фактор развития общества

новой экономики – создание и использование новых знаний средствами генерации, обработки и передачи информации [7]. В 1990-е гг. «оживление» новой экономики означало широкое внедрение высоких технологий в промышленность, прежде всего связанную с производством компьютеров, аэрокосмоса и т.д. Привнесение в научный оборот термина *сетевая экономика* связывалось с базовой характеристикой *новой экономики*, основанной на взаимодействии и взаимосвязях между участниками через цифровые сети.

4. Работа О. С. Сухарева, которая показала дифференциацию возможностей накопительного эффекта и инструментального обеспечения индустриализации в ситуации политико-экономических реконфигураций, обосновала стагнирующий эффект гражданского сектора российской экономики. Экспериментальным путем ученым были показаны условия для оценки экономического роста в процессе индустриализации, которая сосредоточена на развитии сектора средств производства, обеспечивающего собственное функционирование и поддержку других видов деятельности [8].

5. Монография авторского коллектива Института экономики РАН представляет собой рефлексию трансформации отечественной экономики в условиях ее перехода к технологической автономии. В монографии анализируются проблемы изменения экономической модели государства в условиях внешних ограничений и предлагаются концептуальные подходы к ее структурной и технологической модернизации для достижения технологического суверенитета и устойчивого развития, включая работающие практики в ключевых отраслях – машиностроении и фармацевтике, – а также меры правительства по преодолению импортозависимости в 2022–2024 гг. [9].

Далее обозначим консенсусное поле исследовательских позиций как точки уязвимости, которые показывают ключевые векторы для обеспечения технологического суверенитета и перспективы социально-экономического развития страны возможностями индустриализации 2.0.

Значительное технологическое отставание РФ от ведущих мировых экономик ввиду устаревания производственных мощностей и технологий. Входя в новый технологический уклад, страна не сумела сократить жизненный цикл производимых товаров

и услуг, оперативно внедрить инновации, кастомизировать номенклатуру выпускаемой товарной массы, уйти от децентрализации управления [10]. После 2022 г. увеличилась доля финансовых, кадровых и технологических ресурсов в военном-промышленном секторе в общем объеме произведенного продукта. К тому же пришлось принять вызов – конкурировать с ИИ как новой технологической и экзистенциальной реальностью. Оценивая перспективы российской экономики, трудно ожидать, что ее рост в среднесрочной перспективе превысит прогнозы Министерства экономического развития Российской Федерации: 2,5 % в 2025 г., 2,6 % в 2026 г. и 2,8 % в 2027 г.¹ Помимо этого, существуют риски дальнейшего замедления и возможного перехода в длительную рецессию [9, с. 10].

Краткий ретроспективный анализ индустриализации 2.0 показывает, что после распада СССР и перехода к рыночной экономике Россия пережила глубокий экономический кризис, приведший к значительному спаду промышленного производства. К 2013 г. исчерпались движущие факторы роста предыдущего уклада, что потребовало восстановления и развития промышленности для предотвращения деградации социальной инфраструктуры и человеческого капитала. Рыночные механизмы оказались в состоянии турбулентности, что привело к концентрации ресурсов в финансовом секторе вместо производственного. С 2015 по 2020 гг. более двух десятков государственных программ снизили импортозависимость лишь на 9 %². Полное решение проблемы требует структурных изменений в экономике и перехода к созданию сквозных технологий, таких как ИКТ, квантовые технологии, большие данные и нанотехнологии, соответствующие задачам национального развития.

Назрела **потребность в развитии отраслей, ориентированных на информационно-коммуникационные технологии**, которые составляют ядро современного технологического уклада, влияющего на экономическую эффективность страны и ее национальную безопасность. Новый этап развития государства означает технологический суверенитет главным образом в микроэлектронике, что, возможно, потребует сокращения расходов в других областях. При этом актуальная геополитическая ситуация закрыла доступ к зарубежным технологиям

¹ Правительство внесло в Государственную Думу прогноз социально-экономического развития РФ на 2025–2027 гг. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. 30.09.2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_vneslo_v_gosudarstvennuyu_dumu_prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_2027_gg.html (дата обращения: 01.01.2025).

² Экономика технологической независимости. Интервью с доктором наук Еленой Ленчук. *Научная Россия*. 06.05.2024. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ekonomika-tehnologiceskoj-nezavisimosti-intervyu-s-doktorom-nauk-elenoj-lencuk> (дата обращения: 01.01.2025).

в критически важных направлениях, а отечественная наука перестала быть интегрированной в мировое сообщество.

Наступает черед **механизмов, выводящих на экономическую траекторию**, стремящуюся к новому уровню конкурентоспособности, показатели которой нуждаются в разработке, а также масштабировании бизнеса и специализации труда. Такой результат можно достичь, преодолев уязвимости в отношении роста инвестиций, благодаря повышению от них отдачи за счет роста уровня квалификации работников, создания спроса на среднем и базовом уровнях так называемых индустриальных компетенций, которые бы позволили снизить разрушительный эффект деиндустриализации страны 1990–2000-х гг. (деквалификация персонала, сокращение промышленной составляющей роста ВВП как по количеству, так и по вкладу обрабатывающего сектора в темпы роста по сравнению с транзакционным и сырьевым сектором).

Методы и материалы

Основным методом является теоретический анализ источников. Раскрывая возможности профессионального образования в воспроизводстве кадров для обеспечения индустриализации 2.0 как одного из ее ключевых факторов, следует уточнить, что методологическую поддержку мы видим в антропологической и конвергентной трансформации субъектов образовательного процесса и его практик, т.е. ментальной концептуализации профессиональной ориентации [11]. Изменение ценностей и мотивации на индивидуальном и общественном уровнях, которое проявляется в личных, социальных и профессиональных паттернах, в условиях цивилизационного перехода / смены промышленно-технологического уклада направлено на повышение качества человеческого капитала через освоение сложных видов деятельности. Это будет способствовать повышению производительности труда и определит траекторию личностного и профессионального развития. Такое утверждение не противоречит идее наращивания конкурентоспособности для повышения прибавочной стоимости выпускаемой продукции в условиях высокотехнологичного производства и направляет к поиску моделей индустриализации 2.0.

Дискуссия в отношении исходов текущего уклада обусловлена интенсивностью труда и (или) интенсивностью капитала и релевантна мерам макроэкономической политики роста, стимулирующей его динамику, темпам и результатам самого процесса индустриализации, главным показателем которого является фонд основного капитала, выраженного в средствах производства. К подходам макроэкономической политики относятся инвестиции в инфраструктуру, налоговые преференции для бизнеса, программы по повышению квалификации рабочей силы и др. С. Ю. Глазьев [12; 13] и К. И. Миккульский [14] солидарны в том, что уже к 2013 г. были исчерпаны факторы, поддерживающие экономический рост РФ предыдущей технологической волны. Основанием указанной дискуссии стали коренные структурные изменения, мнения о которых были поделены на следующие группы:

- 1) восстановление утраченных промышленных секторов и технологическое перевооружение России;
- 2) сохранение *status quo*, выделение приоритетных направлений и распределение ресурсов без их связи с новой индустриализацией; главное – развитие малого бизнеса и институциональные преобразования, т.е. ориентации на цели развития российской экономики нет.

Реализации индустриализации 2.0 должно помочь удешевление продукта на внутреннем рынке путем кредитования его создателя, формирование стимулов к технологическому обновлению возможностями кредитно-денежной, налогово-бюджетной политики для создания новых технологических структур. По нашему мнению, данные меры обозначат контуры трех возможных моделей секторальной динамики: снижение доли неиндустриального и рост индустриального производства; рост технологичности секторов при остающемся неизменным объеме обоих производств; рост того и другого, но с превышением темпов индустриального производства на каком-то периоде³.

Результаты

Определим противоречия, сложившиеся в ходе современного промышленно-технологического уклада, которые следует рассматривать не только как издержки / трудности, но и как новые возможности для подъема различных секторов экономики:

³ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики РФ и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики РФ, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики РФ и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики РФ. Постановление Правительства РФ № 603 от 15.04.2023 (ред. от 02.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

1. Противоречие между трансформирующимся рынком труда и необходимостью адаптации его субъектов к изменившимся требованиям в отношении рабочего места и характера социально-трудовых отношений прогнозируемо приведет, с одной стороны, к обновлению компетенций через наращивание активности личных и профессиональных усилий. С другой – может спровоцировать неприятие новых функций на рабочем месте, т.к. они концептуально отличаются от известных, хорошо усвоенных. Эта дилемма, рассматриваемая в цивилизационном и антропологическом континууме, определяет выбор между человеком, который развивается и конкурирует с технологиями, и потребителем цивилизационных благ. В первом случае технологии служат средством самораскрытия и самосовершенствования, заказчиком антропологической трансформации выступает сама личность, создающая и изменяющая технологии и реальность. Во втором – технологии предстают в качестве способа улучшения / корректировки воздействия на человека, а заказчиком являются технологические структуры и ИИ, влияющие на индивида как на объект [15].

2. Противоречие между персональными предпочтениями и структурой компетенций на рынке труда. В пространстве социально-экономических отношений наблюдается кадровый «голод» в высокотехнологичных и инновационных секторах, связанных с промышленностью. Так, прирост спроса отмечается в большей степени в промышленности и производстве (на 19 %), строительстве, проектировании недвижимости (на 17 %), транспорте, логистике, складах (на 15 %), ритейле (на 10 %). К сегментам повышенного спроса на персонал относятся пищевая промышленность, машиностроение, станкостроение, производство промышленного оборудования, изделий и металлообработка, приборостроение, радиотехническая и электронная промышленность⁴. При этом выборы абитуриентов не всегда релевантны нуждаемости рынка труда

и оказываются на стороне информационных технологий и технологий искусственного интеллекта, вычислительной математики и кибернетики.

Так, в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова за последние годы спрос абитуриентов на направления «Прикладная информатика», «Информационные системы и технологии», «Информатика и вычислительная техника» вырос более чем в 20 раз. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (входит в топ-100 лучших университетов мира⁵) наибольший конкурс: на одно место на факультете мировой политики претендовал 71 человек, в Высшей школе государственного аудита – 44 человека, на факультетах государственного управления и космических исследований – 43 и 30 человек соответственно⁶. Согласно сайту «Поступи Онлайн», рейтинг востребованных групп направлений у абитуриентов 2024 г. следующий⁷:

- «Науки об обществе» (направления «Экономика», «Юриспруденция», «Психология», «Менеджмент») – 37 %;
- «Инженерное дело, технологии и технические науки» – 29 %;
- «Математика и естественные науки» – 11 %;
- «Гуманитарные науки», «Образование и педагогические науки», «Искусства и культура» – 5 %;
- «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки», «Здравоохранение и медицинские науки» – 4 %.

Отдельно стоит отметить и то, что 7,5 % выпускников сразу после колледжа поступают в вуз⁸. Трендом приемной компании 2024 г. было выделение $\frac{3}{4}$ бюджетных мест для регионов, которые не смогли их закрыть ввиду слабой профориентации, неотлаженного маркетинга и стигматизации среднего профессионального образования СПО⁹. В 2023 г. большее внимание уделялось системе СПО, на что указывают выборы 9-классников и 11-классников (60 и 30 % соответственно)¹⁰.

⁴ Итоги 2024 года на рынке труда. *SuperJob*. URL.: <https://www.superjob.ru/research/articles/114992/itogi-2024-goda-na-rynke-truda/> (дата обращения: 01.01.2025).

⁵ МГУ вошел в топ-100 лучших университетов мира по версии QS. *TACC*. 05.06.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20995479> (дата обращения: 01.01.2025).

⁶ Ректор МГУ Виктор Садовничий: ожидаем около 10 тысяч первокурсников. *МГУ*. 20.06.2024. URL: <https://msu.ru/press/smiaboutmsu/rector-mgu-viktor-sadovnichiy-ozhidaem-okolo-10-tysyach-pervokursnikov.html> (дата обращения: 01.01.2025).

⁷ Топ специальностей 2024 года, которые выбирают абитуриенты 2024 года. *Поступи Онлайн*. URL: <https://postupi.online/journal/issledovaniya-obrazovanie/top-specialnostey-2024/> (дата обращения: 01.01.2025).

⁸ Там же.

⁹ Вузы раскрыли самые популярные у абитуриентов-2024 направления: как повысится стоимость обучения и сколько льготных мест для поступления в этом году. *РБК*. 02.07.2024. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/07/2024/6682c1de9a79476a60c45a7c> (дата обращения: 01.01.2025).

¹⁰ Голикова: более 60 % девятиклассников поступили в колледжи в 2023 году. *РИА Новости*. 02.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231002/kolledzh-1899886988.html> (дата обращения: 01.01.2025).

3. Противоречие между нестабильностью рынка труда и потребностью в психологической и профессиональной устойчивости как важного фактора жизненной определенности. Турбулентность пространства социально-экономических отношений, связанная с экономическими кризисами, технологическими изменениями и другими детерминантами, может создавать риски для профессиональной и психологической устойчивости работников [16; 17]. В качестве индикаторов устойчивости рассматриваются антропологические тяготения личности в сторону внутреннего / собственного конструирования перспектив развития, формирования компетенций как создания возможностей конкурирования с ИИ и накопительные эффекты для определения заказа на тип идентичности, который сопрягается с векторами трансформации технологий и инноваций.

4. Противоречие между необходимостью осуществления индустриализации в России в условиях роста военно-промышленного сектора, развития ИИ и нежеланием молодежи посвящать себя профессиям, связанным с промышленным производством. При очевидной нехватке «синих воротничков» на рынке труда молодежь предпочитает выбирать профессии в сфере информационных технологий, услуг и других областей, которые считаются более престижными и перспективными [18].

Осмысление и разрешение указанных противоречий так или иначе связано с анализом стратегий воспроизводства человеческого капитала и векторов антропологического и технологического развития; балансом возможностей человека и ИИ для решения сложных задач и организации сетевых связей; развитием критического мышления, адаптивности к рынку труда и сохранением внутренней идентичности; устойчивостью к стрессу и контролем поведения в условиях неопределенности; владением современными технологиями с ориентацией на потребности человека; генерацией новых идей с четкими количественными и качественными критериями результата; привлечением и удержанием талантов через программы повышения квалификации и карьерного роста, включая внешних экспертов; развитием сетевого взаимодействия между предприятиями и образовательными учреждениями с интеграцией возможностей СПО в систему непрерывного образования; формированием мотивации молодежи к индустриальным профессиям через стажировки и поддержку карьеры HR-специалистами; взаимодействием индустриальных партнеров с университетами для корректировки учебных программ и организации стажировок.

Совокупность основополагающих факторов индустриализации в ее профессиональном аспекте можно представить:

- развитием человеческого капитала с акцентом на модель компетенций работника в эпоху индустриализации 2.0, которая образована профессиональными, личностными качествами и способностью адаптации к цифровой среде;
- цифровой трансформацией, возможностями ИИ как помощника работника (драйвера его антропологического и цивилизационного развития) и как его конкурента. Это требует диагностики зон уязвимости сотрудника, долгосрочного планирования инвестиций в материальные и человеческие ресурсы для удовлетворения потребностей рынка и индивидов;
- совершенствованием системы профессионального образования через ментальную трансформацию, которая учитывает культурные и исторические аспекты, что способствует осознанию индивидуальной субъектности и формированию антропологической и профессиональной идентичности;
- привлечением и удержанием талантливых кадров и необходимостью разработки базового и среднего уровня индикаторов компетенций для большинства рядовых сотрудников с целью специализации труда и масштабирования бизнеса;
- укреплением деловых связей и сетевого взаимодействия для формирования банка компетенций и вакансий, согласующих требования работодателей и намерения работников.

Выявленные нами подходы к индустриализации и их влияние на профессиональную ориентацию можно представить следующими векторами технологической, цивилизационной и антропологической трансформации:

1. Развитие цифровой инфраструктуры, внедрение цифровых технологий и управление производственными процессами с использованием искусственного интеллекта, выступающего в роли помощника для работников и инструмента модернизации / трансформации как человека, так и производственных процессов.
2. Государственно-мобилизационная модель перераспределения рабочей силы в условиях увеличения объемов военно-промышленного комплекса означает ее переток из сектора бизнес-услуг, который после деиндустриализации России аккумулировал значительную часть трудовых ресурсов из обрабатывающего производства, в индустриальный.
3. Поддержка инноваций и наукоемких технологий через финансирование научных исследований

и разработок, создание технопарков, инновационных кластеров и условий для коммерциализации научных разработок и повышения человеческого капитала путем наращивания квалификации и формирования новых компетенций, включая те, что связаны с развитием ИИ [19]. Стимулирование инновационной активности требует фиксации условий и следствий к такому переходу, стремящемуся к качественному изменению социально-экономических отношений, актуальных как в локальной предпринимательской среде, так и в мировых экономиках. В этих реалиях возрастает роль человеческого капитала, его компетенций как нового фактора производства. Неудачи рынка в инновационной сфере не только активизируют государственное участие, но и требуют включенности граждан, бизнеса для социализации отношений [20, с. 6].

4. Автоматизация и роботизация – факторы возрастания точности и производительности труда, снижения издержек и выявления уязвимости работников в конкуренции с ИИ. Переход на зеленые технологии и поддержка экологически чистых предприятий становятся актуальными для индустриальной экономики. Внедрение же энергосберегающих технологий требует разработки новых материалов с экологическими и нано-свойствами, что снизит затраты на конечный продукт.

Данные меры направлены на формирование ожидаемого реагирования населения на социально-технологические и геополитические вызовы, в том числе лежащие в основе задачи индустриализации 2.0 в РФ. Ключевые факторы реализации нового промышленно-технологического уклада, включая государственную поддержку, инвестиции в развитие человеческого капитала, должны учитывать разноректорность процесса и дискуссионность его моделей. Это потребует верификации влияния индустриализации 2.0, а также согласования рынка труда и возможностей профессиональных учебных заведений для поддержки занятости через формирование запрашиваемой структуры и индикаторов компетенций.

Решая эту задачу, мы учитываем ее опосредованность профессиональным определением, поскольку на рынок труда выходят производительные силы – носители компетенций. В экономической системе работник выполняет следующие функции: он потребляет ресурсы, включая образовательные, и является носителем конечной цели производства. Это подчеркивает необходимость подготовки квалифицированных специалистов, которые способны удовлетворить спрос на рынке труда и способствовать масштабированию производства и специализации труда.

Сложившаяся десятилетиями профессиональная подготовка специалистов была нацелена на удовлетворение потребностей населения, т. е. предложения труда, и потому механизм профессионального ориентирования имел следующую логику и последовательность параметров идентификации: *хочу* (склонности, интересы, амбиции, целеполагание) – *могу / имею* (способности, компетенции, состояние здоровья) – *надо* (запрос рынка труда и конкретного работодателя к структуре компетенций) [21, с. 54]. Рациональный же подход такой подготовки заключается в удовлетворении спроса рынка труда и представляет переход оптанта от внутриличностного к внешнеличностному выбору для максимизации его экономической выгоды, что выражается в иной последовательности параметров самоопределения: *надо* – *могу / имею* – *хочу*. Данный процесс имеет спиралевидный характер: на разных этапах жизненного и карьерного пути человек проходит через циклы расширения и сужения. Это обусловлено множеством факторов, таких как:

1. **Цифровая идентификация** основывается на анализе рынка труда, интересов и физических возможностей человека и требований работодателей. Базовые цифровые навыки включают обучение работе с компьютером, Интернетом и офисными программами, продвинутое – аналитику данных, ИИ, IoT и робототехнику. Концепция цифровой экономики делает данные ключевым ресурсом, а их анализ с помощью ИИ помогает принимать обоснованные решения и улучшать услуги. Не исключена при этом ситуация отказа и от самого понятия *экономический рост* в силу достижения такой антропологической и технологической точки, когда можно будет говорить о бифуркации процессов и результатов ввиду их недостаточной предсказуемости и управляемости. Разделительная же линия будет пролегать между возможностями / ресурсами человека и его конкурента – ИИ [22].

2. **Готовность к самоопределению** как результат самопознания и оценки своих качеств предполагает интеграцию образования и производства: дуальное обучение – сочетание теории и практики на рабочем месте; корпоративные университеты – компании создают площадки для повышения квалификации сотрудников; проектное обучение – использование реальных / производственных кейсов в учебном процессе.

3. **Изменение профессиональных требований** требует развития гибких навыков (*soft skills*), т. е. критического мышления и умения решать проблемы, определять конкурентоспособность перед ИИ и выстраивать траектории развития человека

в случае его критического несоответствия. В таком случае необходимым является наращение компетенций либо переход в другую профессию, которая задействует творческие способности; продуктивная коммуникация, ведущая к расширению поля для делового сотрудничества и готовность к взаимодействию; креативность и инновационность (генерация идей с помощью ИИ); обучаемость и адаптивность к новым технологиям. Стоит уточнить, что гибкие навыки вторичны по отношению к жестким / профессиональным (*hard skills*), при этом первые не могут заместить вторые.

4. **Постоянное саморазвитие** необходимо для поддержания конкурентоспособности в условиях непрерывного образования, включая возможность совмещения работы и учебы, онлайн-платформы и дистанционное обучение. Эти установки являются основой концепции обучения на протяжении всей жизни (*lifelong learning*) и ключевым элементом современной экономической стратегии [21, с. 51–54].

Помимо этого, решение проблем рынка труда, ориентированного на индустриальные навыки, должно предусматривать:

1. Анализ спроса на труд, исходя из типа и сложности услуг (например, нужна не просто швея-мотористка, а швея, которая умеет изготавливать спецодежду, готова к определенным трудозатратам и имеет соответствующую квалификацию). Предложение же характеризует общую численность и сферу деятельности соискателей. Исходя из новых технологий и требований производства на рынке труда, был сформирован состав личностных компетенций сотрудников, в том числе группы навыков *hard skills*, *soft skills* и *digital skills* – цифровые навыки [21]. Развитие новых технологий и изменение подходов к организации производства актуализирует профессии и профессиональные компетенции, систематизированные нами в исследовании [21].

Переход к новому формату профессиональных навыков требует не только практических умений, но и развитых мыслительных способностей, определенного психофизиологического склада личности и стремления к непрерывному обучению. Традиционные методы оценки таких качеств неэффективны. В связи с этим профессиональные компетенции в управлении персоналом должны формироваться с использованием технологий ИИ для рейтинговой оценки сотрудников, учитывая специфику бизнеса и направления компаний. То есть они оцениваются посредством тестирования и в ходе беседы, а также актуализируются характеристики с предыдущих мест работы и т.д. [1; 21].

Предлагаемая модель компетенций [21] рационализировать подготовку высококвалифицированных и мобильных кадров, связывая рынок труда с возможностями профессиональных образовательных учреждений. Она может быть успешно реализована в условиях индустриализации 2.0. Параметры оценки в модели могут варьироваться в зависимости от профессий и требований работодателей.

2. Соотнесение спроса на образовательные услуги с предложением в параметрах: профиль учебного заведения, реализуемые образовательные программы, численность посадочных мест, длительность и существующие формы обучения.

3. Сбалансирование рынка труда и системы образования через адаптацию программ к требованиям отрасли. Например, в Сибирском государственном индустриальном университете реализуются такие программы, как «Геоэкология и эффективное управление природными ресурсами», «Информационное моделирование зданий и сооружений», «Промышленная электроника», «Материаловедение и технологии конструкционных и функциональных материалов» и др.; в Томском государственном университете – «Цифровой юрист», «Технологии проектирования и управления беспилотными авиационными системами», «Программная инженерия» и пр.

4. Социальное партнерство образовательных учреждений, бизнес-сообществ и кадровых агентств в формировании запрашиваемого предложения рынком труда [18]. При этом предприятие / организация может не только выступать заказчиком компетенций для вузов и ссузов, согласовывая содержание и результаты обучения, но и участвовать в трансформации отрасли, быть партнером, предоставляя базу практики.

Реализация подобных инициатив возможна с учетом культурной и исторической специфики механизмов сетевого взаимодействия. Социальный опыт, передаваемый институтами через ценностные установки, варьируется в зависимости от уровня государственного участия в кадровых вопросах: регионы могут ориентироваться на коллективизм и экономический рост или индивидуализм и свободный рынок. Целеполагание социального партнерства между рынком труда и образовательными учреждениями должно стремиться к созданию территориального банка вакансий с учетом экономической структуры и перспектив развития региона, а также координации действий местных властей, образовательных учреждений и бизнес-структур. При этом нуждаемость региона в кадрах является ключевым фактором развития образования.

Заключение

В ходе исследования было установлено:

1. Индустриализация 2.0 обусловлена новой социальной реальностью, требующей смены сырьевой модели и изменения ментальности общества, где человек становится создателем ценностей и технологий, а не просто производной от них.

2. Переход к новому укладу связан с исчерпанием ресурсов сырьевой модели, что негативно сказывается на социальной инфраструктуре и качестве жизни.

3. Основные стимулы индустриализации 2.0 включают рост военно-промышленного комплекса и развитие ИИ, который становится не только конкурентом человека, но и его помощником.

4. Концепции профориентации сталкиваются с новыми требованиями гибкости и готовности оптантов к постоянному обучению, что требует согласования спроса на рабочую силу и методических, кадровых, материальных возможностей профессиональных образовательных учреждений.

5. Переход к человекоцентричному обществу требует от трудовых ресурсов не только профессиональных знаний, но и готовности к адаптации в условиях конкуренции с ИИ.

6. Ожидаемый кадровый дефицит, который вызван демографическими процессами 1990-х гг., переходом на дистанционный формат работы после COVID-19 и низким интересом молодежи к высокотехнологичным профессиям, способствует ментальной трансформации через целеполагание, стимулирование, групповое и индивидуальное взаимодействие,

а также адаптации мотивационных интервенций для профессиональных групп. По нашему мнению, такие меры снизят сопротивление, возникающее из-за различий в аксиологических ориентациях индивидуалистической и коллективистской России [11].

7. Индустриализация, направленная на создание технологического суверенитета, – новое явление в экономике, не имеющее исторических опор. Анализ опыта ведущих мировых экономик показывает их неспособность в достижении технологической автономии ввиду глобального разделения труда и высоких издержек для ее реализации.

8. Определение критически важных направлений как ориентиров для достижения национальной безопасности носило догоняющий / отстающий характер в силу деиндустриализации РФ после распада СССР, утраты научных и технологических компетенций и депрофессионализации заметной доли трудовых ресурсов, что создало риски для отечественной экономики, которые только усилились после закрытия доступа к зарубежным технологиям.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Андруник А. П., Косякин С. И. Диагностика компетенций персонала с применением технологии искусственного интеллекта. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2015. № 4. С. 55–64. [Andrunik A. P., Kosyakin S. I. Diagnostics of personnel competencies with the application of artificial intelligence technology. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2015, (4): 55–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdlvnp>
2. Зяблук Р. Т., Титова Н. И. Неоиндустриализация экономики России: необходимость и возможность (обзор материалов круглого стола по неоиндустриализации экономики России). *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2016. № 2. С. 119–135. [Zyablyuk R. T., Titova N. I. The neoindustrialization of Russian economy: Necessity and possibility (review of the roundtable on neoindustrialization of Russian economy). *Lomonosov Economics Journal*, 2016, (2): 119–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38050/01300105201627>
3. Фирсов Д. В. Концепции неоиндустриализации и вертикальной интеграции: анализ и особенности формирования. *Научные записки молодых исследователей*. 2018. № 3. С. 32–39. [Firsov D. V. Concepts of neoindustrialization and vertical integration: Analysis and features of organization. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, 2018, (3): 32–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtdkbv>
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2009. 795 с. [Toffler A. *The third wave*. Moscow: AST, 2009, 795. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qokocn>

5. Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с. [Glazev S. Yu. *A leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures*. Moscow: Knizhnyi mir, 2018, 768. (In Russ.)]
6. Черковец В. Н. Особенности нового этапа инновационного развития России. *Экономист*. 2008. № 12. С. 39–56. [Cherkovets V. N. Features of the new stage of Russia's innovative development. *Ekonomist*, 2008, (12): 39–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaxkbp>
7. Кастеллс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. [Castells M. *The information age: Economy, society and culture*. Moscow: SU HSE, 2000, 608. (In Russ.)]
8. Сухарев О. С. Модели индустриализации при накопительном эффекте экономической политики, проводимой в России. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2023. № 2. С. 42–68. [Sukharev O. S. Models of industrialization with the cumulative effect of the economic policy pursued in Russia. *RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2023, (2): 42–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/loalhw>
9. Трансформация российской экономики в условиях формирования технологического суверенитета, ред. Е. Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2024. 368 с. [Transformation of the Russian economy in the context of the formation of technological sovereignty, ed. Lenchuk E. B. St. Petersburg: Aleteia, 2024, 368. (In Russ.)]
10. Дудин М. Н., Брынцев А. Н. Стратегическое видение развития России в условиях технологического перехода от индустриального уклада (Индустрия 2.0 и 3.0) к Индустрии 4.0. *Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 3. С. 783–804. [Dudin M. N., Bryntsev A. N. Strategic vision of the economic development of Russia in the context of the technological transition from the industrial mode (Industry 2.0 and 3.0) to Industry 4.0. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, 15(3): 783–804. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfmcpr>
11. Пьянкова Л. А. Ментальная концепция профессиональной ориентации молодежи. Часть 4. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 565–574. [Pyankova L. A. Mental concept of professional identification in youth: Part IV. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 565–574. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-565-574>
12. Глазьев С. Ю. Как денежно-кредитная политика угнетает экономический рост в России и Евразийском экономическом союзе. *Российский экономический журнал*. 2022. № 2. С. 4–20. [Glaziev S. Yu. How monetary policy depresses economic growth in Russia and the Eurasian Economic Union. *Russian Economic Journal*, 2022, (2): 4–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-4-20>
13. Глазьев С. Ю. Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. *Экономическое возрождение России*. 2022. № 2. С. 24–27. [Glaziev S. Yu. Management of innovative processes in the new technological and world economic structures. *Economic revival of Russia*, 2022, (2): 24–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>
14. Миккульский К. И. Россия в поисках модели экономического роста. *Общество и экономика*. 2017. № 3-4. С. 5–15. [Mikulskii K. I. Russia in search of a model of economic growth. *Obshchestvo i ekonomika*, 2017, (3-4): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yloqdv>
15. Попов В. Л., Ульрих Т. А. Интегративная модель поиска сбалансированных решений в инновационных проектах. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 3. С. 125–138. [Popov V. L., Ulrikh T. A. Integrative model of balanced solutions search for innovation projects. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie nauki*, 2019, (3): 125–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfcbel>
16. Филатова А. Л. Изучение отношения руководителей и работников к проблеме профессиональной устойчивости. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 3-2. С. 170–173. [Filatova A. L. The attitude of managers and employees to the problem of professional stability. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (3-2): 170–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pceekj>
17. Пьянкова Л. А. Психологическая устойчивость личности как основа профессионального самоопределения молодежи в современных социально-экономических условиях. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 11-2. С. 103–109. [Pyankova L. A. Psychological stability of an individual as a basis for professional self-determination of young people in modern socioeconomic conditions. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, (11-2): 103–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zceebh>

18. Домнышев А. В., Пьянкова Л. А., Затепакин О. А. Рационализация подготовки высококвалифицированных и мобильных кадров для решения задачи согласования рынка труда и рынка образовательных услуг в регионе. *Региональная экономика и управление*. 2024. № 1. [Domnyshev A. V., Pyankova L. A., Zatepyakin O. A. Rationalization of training highly qualified and mobile personnel to solve the problem of harmonizing the labor market and the market of educational services in the region. *Regionalnaia ekonomika i upravlenie*, 2024, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-2645-2024-177-11>
19. Пьянкова Л. А. Занятость и формирование профессиональных компетенций «работников будущего». *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2021. № 54. С. 136–157. [Pyankova L. A. Employment and the formation of professional competencies of "workers of the future". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2021, (54): 136–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988648/54/7>
20. Добренков В. И., Исправникова Н. Р. Новая индустриализация В. Путина в контексте основных концепций экономики инноваций. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2012. № 3. С. 5–27. [Dobrenkov V. I., Ispravnikova N. R. New industrialization of v. putin in the context of the basic concepts of economics of innovation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2012, (3): 5–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peeyqv>
21. Пьянкова Л. А. Генезис и основы формирования профессионального определения личности. Новокузнецк: СибГИУ, 2023. 232 с. [Pyankova L. A. *Genesis and foundations of the formation of professional definition of personality*. Novokuznetsk: SibSIU, 2023, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpqyej>
22. Сапаров Г. С., Акмаммедов М. Р., Шайымов С. С. Концепция цифровой экономики. *Символ науки*. 2023. № 11-1. С. 106–107. [Saparov G. S., Akmammedov M. R., Shaimov S. S. Digital economy concept. *Simvol nauki*, 2023, (11-1): 106–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/letoxl>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/mbgmhj>

Межтерриториальные расчеты как инструмент выявления диспропорций и проблем в системе обязательного медицинского страхования

Бадло Светлана Васильевна

Территориальный фонд обязательного медицинского страхования
Кемеровской области – Кузбасса, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0009-0006-3049-8788>
svetlanabadlo@yandex.ru

Табашникова Ольга Львовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 5426-4976
<https://orcid.org/0009-0003-3478-6507>

Аннотация: Для достижения стратегических целей в области охраны здоровья населения Российской Федерации пристальное внимание уделяется повышению качества и доступности медицинской помощи, что предполагает эффективное финансовое управление в системе обязательного медицинского страхования. Ключевым элементом данной системы являются территориальные фонды обязательного медицинского страхования, которые обеспечивают гражданам условия для бесплатного получения медицинской помощи в рамках реализации государственных программ. Цель – раскрыть необходимость детального и глубокого анализа структуры доходов и расходов бюджетов территориальных фондов обязательного медицинского страхования на примере оценки межтерриториальных расчетов и предложить системные меры для совершенствования деятельности территориальных фондов, эффективного управления и решения выявленных в результате анализа проблем в системе здравоохранения. Представлены различные подходы к анализу финансовых показателей фондов, характеризующих эффективность их деятельности. Выявлено, что формальная сбалансированность бюджетов территориальных фондов обязательного медицинского страхования, которые гарантируют финансовую устойчивость системы обязательного медицинского страхования, не может рассматриваться как надежный индикатор. Для объективной оценки, обнаружения скрытых дисбалансов, локальных финансовых диспропорций и проблем в распределении средств между регионами проведен углубленный анализ динамики показателей бюджета территориальных фондов обязательного медицинского страхования Сибирского федерального округа, а также анализ структуры их доходов и расходов в динамике за 2009–2024 гг. Проведена комплексная оценка межтерриториальных финансовых потоков, обусловленных миграцией / оттоком пациентов. Выявлена корреляция показателей оттока пациентов, которые обращаются за медицинской помощью в другие регионы Российской Федерации, с социально-демографическими факторами. Предложены практические рекомендации по минимизации выявленных дисбалансов и повышению медицинской привлекательности регионов, что имеет существенное значение для совершенствования финансово-экономического механизма системы обязательного медицинского страхования и устойчивого развития региональных систем здравоохранения.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, межтерриториальные расчеты, структурный анализ бюджета, медицинский туризм, отток пациентов, медицинская привлекательность регионов

Цитирование: Бадло С. В., Табашникова О. Л. Межтерриториальные расчеты как инструмент выявления диспропорций и проблем в системе обязательного медицинского страхования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 2. С. 259–275. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-259-275>

Поступила в редакцию 12.02.2025. Принята после рецензирования 31.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

Inter-Territorial Calculations for Identifying Imbalances and Problems in Health Insurance

Svetlana V. Badlo

Territorial Fund of Compulsory Medical Insurance of the Kemerovo Region – Kuzbass, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0009-0006-3049-8788>
svetlanabadlo@yandex.ru

Olga L. Tabashnikova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
 eLibrary Author SPIN: 5426-4976
<https://orcid.org/0009-0003-3478-6507>

Abstract: The current strategic goals in the national public healthcare require improving its quality and availability, which implies effective financial management in the compulsory health insurance system. Regional compulsory health insurance funds provide citizens with free medical care as part of state healthcare programs. The article introduces an in-depth analysis of the revenue and expenditure budget structure of regional compulsory health insurance funds with a focus on the inter-territorial calculations. The analysis made it possible to propose a system of measures to make the funds more effective by improving their management. A review of various approaches to financial assessment revealed that the formal balance, which supposedly reflects the financial stability of the health insurance system, cannot be considered as a reliable indicator. Only an objective assessment could reveal the obscure imbalances, local financial disproportions, and issues connected with the inter-regional distribution. The authors conducted an in-depth analysis of the dynamics of the budget, income, and expenses provided by the Siberian compulsory health insurance funds in 2009–2024. The assessment of inter-territorial financial flows caused by patient migration revealed a correlation between the indicators of the outflow of patients seeking medical care in other regions and the socio-demographic factors. By optimizing the identified imbalances and increasing the medical attractiveness, regions could improve the financial and economic mechanism of their compulsory health insurance systems, as well as ensure their sustainable development.

Keywords: compulsory medical insurance, inter-territorial calculations, structural budget analysis, medical tourism, patient outflow, medical attractiveness of regions

Citation: Badlo S. V., Tabashnikova O. L. Inter-Territorial Calculations for Identifying Imbalances and Problems in Health Insurance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 259–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-259-275>

Received 12 Feb 2025. Accepted after review 31 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

Повышение уровня доступности и качества медицинской помощи является одним из приоритетных направлений реализации социальной политики Российской Федерации. Для совершенствования механизмов финансирования решающее значение приобретает эффективность финансового управления и рациональность распределения финансовых потоков [1]. Гарантом финансовой устойчивости системы обязательного медицинского страхования (ОМС) и реализации государственных программ выступают территориальные фонды обязательного медицинского страхования (ТФОМС), являющиеся основными элементами системы ОМС на региональном уровне. Они играют ключевую роль в формировании и исполнении запланированных показателей бюджета, в рамках которых финансируются медицинские организации, реализуются профилактические и иные меры в сфере охраны здоровья населения [2; 3].

Показателем успешного функционирования ТФОМС принято считать баланс между доходами и расходами. В то же время важно отметить, что в научной и управленческой практике используются различные термины для описания деятельности системы ОМС (например, *эффективность финансового управления*, *результативность деятельности*, *успешность функционирования* и *эффективность системы*). В рамках данной статьи под эффективностью финансового управления понимается рациональное использование ресурсов, достижение плановых бюджетных показателей и устойчивость финансирования. Результативность деятельности относится к фактическому достижению целей в части объемов, качества и доступности медицинской помощи. Успешность функционирования рассматривается как интегральная оценка, сочетающая финансовые, организационные и социальные аспекты работы фонда.

Такое разграничение позволяет точнее оценивать конкретные проблемы и принимать адресные управленческие решения.

На практике баланс между доходами и расходами обеспечивается механизмом фискальной синхронизации, когда любые колебания в структуре затрат компенсируются увеличением доходов за счет межбюджетных трансфертов либо перераспределением финансовых потоков [4]. На первый взгляд может показаться, что при наличии сбалансированных бюджетов территориальных фондов проблем в работе системы ОМС возникать не должно. Однако формальный баланс далеко не всегда свидетельствует о высокой эффективности деятельности фондов. Суммарные показатели не в полной мере отражают фактическую результативность бюджетных показателей, скрывая диспропорции, такие как неравномерное распределение средств внутри региона, разный уровень обеспеченности медицинскими специалистами в городских и сельских районах. Кроме того, суммарные показатели не всегда позволяют отследить риски, связанные с качеством и доступностью медицинских услуг и миграцией / оттоком пациентов в соседние регионы. Ярким примером неочевидных проблем является феномен медицинского туризма, при котором пациенты предпочитают выезжать в другие субъекты Российской Федерации для получения более качественной или доступной медицинской помощи, «унося» за собой и часть бюджетных средств ТФОМС, которые могли бы быть направлены на совершенствование региональной системы здравоохранения региона убытия.

В трудах [5; 6] активно обсуждаются проблемы неравномерного финансирования, диспропорций в темпах роста доходной и расходной частей бюджетов ТФОМС, неэффективного расходования средств. Кроме того, в работах [7–9] отмечены конфликты в управлении между уровнями власти, дисбаланс в распределении ресурсов между регионами, высокая чувствительность здравоохранения к социальным факторам, что приводит к его нестабильности с экономической точки зрения и затрудняет применение стандартных экономических моделей для оценки эффективности. Зафиксированы и финансовые проблемы, недостатки планирования и необходимость совершенствования нормативно-правовой базы в деятельности территориальных фондов [2; 10].

Вопросы неэффективного планирования бюджетов территориальных фондов и задержек в распределении выделяемых средств подняты в труде [11], в котором также подчеркнута зависимость ТФОМС от межбюджетных трансфертов, ограничивающая

их финансовую автономию и снижающая адаптацию к региональным особенностям. В этой же статье утверждается, что проблема сокращения численности населения и его естественной убыли усугубляет финансовое положение территориальных фондов. В работе [12] отмечается высокая зависимость от межбюджетных трансфертов, что ограничивает самостоятельность большинства регионов и приводит к вертикальной несбалансированности. В статье [13] внимание акцентируется на вопросах недостатка средств, межрегиональной дифференциации, неэффективности и уязвимости одноканальной модели финансирования через фонды ОМС [13].

Однако вопросам, связанным с глубоким анализом бюджетов ТФОМС, в научных публикациях уделяется мало внимания, что приводит к недостаточно детализированному подходу в оценке эффективности финансовой деятельности территориальных фондов ОМС. Так, бюджетные показатели разрабатываются преимущественно на макроуровне без должного учета ключевых факторов, таких как социально-демографические характеристики региона и динамика межрегиональных миграционных потоков пациентов внутри страны, когда граждане предпочитают выезжать в другие регионы в поисках более качественных или доступных медицинских услуг. При поверхностной оценке общих доходов и расходов бюджетов ТФОМС отток пациентов, обращающихся за медицинской помощью в другие регионы, может оставаться незамеченным, поскольку общая сумма доходов корректируется за счет межбюджетных трансфертов. Такая ситуация формирует иллюзорную сбалансированность, которая препятствует выявлению локальных диспропорций (нехватка узких специалистов, недостаточное оснащение отдельных клиник или слабое развитие медицинской инфраструктуры) [14; 15].

Кроме того, существующая система межбюджетных трансфертов часто не стимулирует территориальные фонды к повышению эффективности использования финансовых средств. В условиях высокой зависимости от федеральных субвенций и недостаточной автономии территориальных фондов снижается способность указанных трансфертов оперативно реагировать на изменения в потребностях населения [7; 11; 16; 17]. Действующая нормативная база не учитывает важные демографические и медицинские показатели при расчете субвенций на базовую программу ОМС. В результате значительное количество субъектов РФ ежегодно недополучает финансовые ресурсы [9]. Это усугубляет проблемы региональных диспропорций и ограничивает потенциал для внедрения инновационных подходов в управлении здравоохранением.

При этом современная правовая и информационная база создает условия для детального анализа финансовых потоков и структуры оказываемых медицинских услуг, в том числе с использованием персонифицированных данных о пациентах. Эти инструменты могут позволить ТФОМС более эффективно координировать свою работу с органами управления здравоохранением, страховыми медицинскими организациями и медицинскими учреждениями на местах, а также выявлять избыточные траты, случаи недофинансирования приоритетных направлений или, напротив, зоны, имеющие потенциал для оптимизации. Полноценная реализация таких механизмов требует пересмотра традиционных подходов к управлению бюджетом: перехода от формального сопоставления сумм доходов и расходов к адресному и многофакторному анализу, который учитывает специфику отдельных статей затрат, включая межтерриториальные расчеты.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения качества и доступности медицинской помощи, эффективного использования средств ОМС, потребностью комплексного подхода к решению проблем регионального здравоохранения, когда наряду с балансом доходов и расходов учитывается качество, доступность и объем медицинской помощи. Детальное изучение структуры доходов и расходов ТФОМС и анализ их взаимосвязей с региональными особенностями (уровень урбанизации, доля сельского населения, обеспеченность врачебными кадрами и др.) позволяет выявить причины скрытых дефицитов и стратегические направления развития системы. Повышение медицинской привлекательности региона (способность удерживать собственных пациентов и привлекать иногородних) возможно только при учете детальной структуры бюджета и объективного анализа факторов, стимулирующих либо препятствующих развитию медицинской инфраструктуры.

Соответственно, цель статьи – раскрыть необходимость детального и глубокого анализа структуры доходов и расходов бюджетов территориальных фондов ОМС на примере оценки межтерриториальных расчетов и предложить системные меры для совершенствования деятельности территориальных фондов, эффективного управления и решения выявленных в результате анализа проблем в системе здравоохранения. Задачи:

- 1) выявить ключевые тенденции в структуре доходов и расходов на примере показателей бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса;
- 2) оценить динамику бюджетных показателей межрегиональной миграции пациентов на примере Сибирского федерального округа (СФО);

- 3) провести сравнительный анализ оттока и притока пациентов между территориальными фондами ОМС СФО;
- 4) определить факторы, влияющие на миграцию пациентов;
- 5) предложить рекомендации по совершенствованию деятельности ТФОМС и управленческих решений в системе ОМС.

Объект – показатели бюджетов территориальных фондов обязательного медицинского страхования СФО, динамика межрегиональных финансовых потоков, направляемых на оплату медицинских услуг граждан и отражающих уровень медицинской привлекательности региона.

Методы и материалы

Для выявления закономерностей в динамике доходов и расходов бюджета ТФОМС, доле межбюджетных трансфертов, налоговых и неналоговых поступлений, в бюджетном дефиците и источниках его покрытия, доле объемов финансирования медицинской помощи проведен структурно-динамический анализ показателей бюджета и данных об исполнении бюджетов территориальных фондов ОМС СФО за 2009–2024 гг. Сравнительный анализ применен в целях оценки межрегиональных потоков пациентов в системе ОМС, которая отражает объемы финансирования медицинской помощи жителям регионов, что показывает медицинскую привлекательность каждого субъекта СФО.

Для проведения корреляционного анализа использовались официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и показатели законов о бюджете и об исполнении бюджета ТФОМС по субъектам СФО за 2009–2024 гг. Коэффициент Пирсона рассчитывался по формуле:

$$r = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \sum (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i и y_i – значения соответствующих переменных (например, доля сельского населения и уровень оттока); $\bar{x}$ и $\bar{y}$ – их средние значения. Единицей измерения всех относительных показателей служит процент от общей численности населения региона.

Для предварительной оценки статистической взаимосвязи между уровнем миграции пациентов и социально-демографическими характеристиками регионов проведен корреляционный анализ. Данный метод позволил выявить потенциально значимые зависимости, которые в дальнейшем могут стать основой для построения причинно-следственных моделей с использованием регрессионного и факторного анализа. Следует отметить, что корреляция

не предполагает наличия каузальности, однако служит важным этапом формирования гипотез.

Изучены правовые аспекты функционирования ТФОМС, законодательные и нормативные правовые акты в сфере обязательного медицинского страхования. Согласно действующим нормативам, межбюджетные трансферты формируют основу доходной части бюджета (до 90–99 % от общих поступлений в ряде регионов). Это создает предпосылки для высокой степени «подстраховки» субъектов и одновременно отображает экономическую несамостоятельность территориальных фондов на местах.

Для достижения высокой аналитической значимости и объективности оценки необходим комплексный подход к исследованию структуры доходов и расходов бюджетов ТФОМС, с помощью которого возможно определить зоны неэффективности, скрытые дефициты и структурные дисбалансы, остающиеся незамеченными при анализе общих показателей.

Примененные методы позволили провести комплексный анализ финансовых показателей бюджетов ТФОМС, выявить ключевые проблемы и факторы, влияющие на устойчивость региональных систем здравоохранения и отток пациентов.

Результаты

В функционировании территориальных фондов обязательного медицинского страхования решающую роль играют формирование бюджета и распределение средств ОМС. Поэтому одним из важнейших аспектов исследования является сравнительная динамика изменений показателей бюджета ТФОМС за последние 15 лет, которая позволит выявить устойчивые тенденции и результативность его деятельности. В таблице 1¹ представлены показатели бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса

в 2009–2024 гг. За исследуемый период наблюдается значительное увеличение доходов в 6 раз: с 9054964,00 тыс. руб. в 2009 г. до 54878004,60 тыс. руб. в 2024 г. Наиболее существенный рост фиксируется в 2011 г. (увеличение составило 64,4 %). Установлен рост расходов почти в 7 раз: с 8748413,20 тыс. руб. в 2009 г. до 56337515,40 тыс. руб. в 2024 г.

По результатам анализа динамики доходов и расходов ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса выявлены устойчивые тенденции к увеличению как доходов, так и расходов, однако последние преобладают. Безвозмездные поступления являются основным источником доходов ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса. Их доля остается высокой на протяжении всего рассматриваемого периода с максимальным увеличением в 2016–2024 гг. (это связано с переходом на одноканальное финансирование в 2013 г.), где показатель составил более 99 % всех доходов. Налоговые и неналоговые поступления гораздо менее стабильны, что указывает на зависимость от внешних факторов и разовых поступлений. Их снижение наблюдается от 66,2 % в 2009 г. до 0,8 % в 2024 г. В среднем с 2014 г. доходы росли на 9,3 % ежегодно.

Расходы бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса также демонстрируют стабильный рост. Это обусловлено увеличением обязательств по финансированию медицинской помощи. Например, расходы на здравоохранение занимают доминирующее положение, составляя от 98 до 99 % общих расходов в 2009–2024 гг., что подчеркивает значимость расходного показателя бюджета в целом. Стабильность показателя по отношению к общим расходам бюджета (около 1–1,4 %) наблюдается в расходах на содержание аппарата управления территориального фонда.

¹ Сост. по: О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2009 г. и на плановый период 2010 и 2011 гг. Закон Кемеровской области № 109-ОЗ от 18.12.2008 (с изм. от 31.12.2009); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг. Закон Кемеровской области № 123-ОЗ от 30.11.2009 (с изм. от 29.12.2010); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2011 г. и на плановый период 2012 и 2013 гг. Закон Кемеровской области № 119-ОЗ от 03.12.2010 (ред. от 28.12.2011); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2012 г. и на плановый период 2013 и 2014 гг. Закон Кемеровской области № 134-ОЗ от 12.12.2011; О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг. Закон Кемеровской области № 114-ОЗ от 07.12.2012 (ред. от 26.12.2013); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. Закон Кемеровской области № 127-ОЗ от 16.12.2013 (ред. от 29.12.2014); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг. Закон Кемеровской области № 119-ОЗ от 18.12.2014 (ред. от 28.12.2015); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2016 г. Закон Кемеровской области № 114-ОЗ от 15.12.2015 (ред. от 28.12.2016); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2017 г. и на плановый период 2018 и 2019 гг. Закон Кемеровской области № 94-ОЗ от 23.12.2016 (ред. от 25.12.2017); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. Закон Кемеровской области № 105-ОЗ от 12.12.2017 (ред. от 05.12.2018); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. Закон Кемеровской области № 117-ОЗ от 24.12.2018 (ред. от 19.12.2019); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 145-ОЗ от 19.12.2019 (ред. от 28.12.2020); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 170-ОЗ от 28.12.2020 (ред. от 24.12.2021); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 132-ОЗ от 15.12.2021 (ред. от 16.12.2022); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 148-ОЗ от 16.12.2022 (с изм. от 21.12.2023); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 118-ОЗ от 14.12.2023 (с изм. от 14.10.2024). СПС Кодекс.

Табл. 1. Структура доходов и расходов ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса
 Tab. 1. Income and expenses of regional compulsory health insurance funds, Kemerovo Region

Год	Доходы				Расходы				Дефицит / профицит бюджета				
	Всего, тыс. руб.	Рост в % к предыдущему году	Налоговые и неналоговые поступления		Безвозмездные поступления		Всего, тыс. руб.	Здравоохранение		Общегосударственные вопросы		в абсолютном выражении, тыс. руб.	в % от объема дохода
			в абсолютном выражении, тыс. руб.	в % от общих доходов	в абсолютном выражении, тыс. руб.	в % от общих доходов		в абсолютном выражении, тыс. руб.	в % от общих расходов				
2009	9054964,00	–	3062031,40	33,8	5992932,60	66,2	8748413,20	8589092,30	98,2	159320,90	1,8	+306550,80	–
2010	9342804,60	3,2	3333839,00	35,7	6008965,60	64,3	9638446,10	9452924,10	98,1	185522,00	1,9	–295641,50	8,9
2011	15356889,90	64,4	4289080,60	27,9	11067809,30	72,1	15672764,70	15460764,70	98,6	212000,00	1,4	–315874,80	7,4
2012	18141231,10	18,1	470158,20	2,6	17671072,90	97,4	18049302,00	17798456,00	98,6	250846,00	1,4	+91929,10	0,5
2013	20907209,90	15,2	243140,00	1,2	20664069,90	98,8	21561798,80	21295902,00	98,8	265896,80	1,2	–654588,90	3,1
2014	23647737,50	13,1	103861,90	0,4	23543875,60	99,6	24472178,80	24191657,50	98,9	280521,30	1,1	–824441,30	3,5
2015	26803662,70	13,3	73428,10	0,3	26730234,60	99,7	26849302,30	26586544,20	99,0	262758,10	1,0	–45639,60	0,2
2016	27355965,70	2,1	97516,90	0,4	27258448,80	99,6	27376717,80	27096076,70	99,0	280641,10	1,0	–20752,10	0,1
2017	28639523,00	4,7	96510,20	0,3	28543012,80	99,7	29051655,80	28766721,90	99,0	284933,90	1,0	–412132,80	1,4
2018	34452277,20	20,3	129887,90	0,4	34322389,30	99,6	34716756,20	34429606,10	99,2	287150,10	0,8	–264479,00	0,8
2019	40183055,40	16,6	236819,90	0,6	39946235,50	99,4	40798027,40	40497305,00	99,3	300722,40	0,7	–614972,00	1,5
2020	41386754,90	3,0	149946,00	0,4	41236808,90	99,6	42713358,30	42403458,10	99,3	309900,20	0,7	–1326603,40	3,2
2021	45354558,60	9,6	207391,40	0,5	45147167,20	99,5	46109553,40	45795144,20	99,3	314409,20	0,7	–754994,80	1,7
2022	45531566,00	0,4	178012,20	0,4	45353553,80	99,6	47129699,90	46794569,70	99,3	335130,20	0,7	–1598133,90	3,5
2023	49467974,00	8,6	258457,30	0,5	49209516,70	99,5	50678333,30	50268853,80	99,2	409479,50	0,8	–1210359,30	2,4
2024	54878004,60	10,9	416802,60	0,8	54461202,00	99,2	56337515,40	55866547,50	99,2	470967,90	0,8	–1459510,80	2,7
Среднее значение с 2014 г.		9,3											

Дефицит бюджета свойственен практически каждому году (начиная с 2010 г.), кроме 2009 и 2012 гг., в которых наблюдается положительное финансовое сальдо (306550,80 и 91929,10 тыс. руб. соответственно). Наиболее значительные изменения в уровне доходов отмечаются между 2010 и 2011, 2017 и 2018 гг. При этом наименьший процентный показатель бюджетного дефицита относительно доходов наблюдался в 2016 г. (0,1 %), тогда как наибольший – в 2022 г. (3,5 %). В 2023 г. дефицит составил 1210359,30 тыс. руб., или 2,4 %.

Важно отметить: темпы прироста расходов опережают прирост доходов, что нивелируется остатком средств на счетах, которые являются индикатором баланса и одновременно источником финансирования дефицита бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса (рис. 1²).

Важнейшим инструментом управления и оценки финансовой деятельности ТФОМС является степень исполнения запланированных показателей бюджета (рис. 2³).

При этом критерии оценки эффективности системы ОМС могут существенно различаться в зависимости от позиции и интересов стейкхолдеров (*stakeholder*). Так, для получателей медицинской помощи приоритетными являются показатели доступности, качества, своевременности и комфортности лечения. Руководители медицинских учреждений ориентированы на стабильность финансирования, прозрачность тарифной политики и наличие кадров. Для ТФОМС основное значение имеет способность обеспечения сбалансированности бюджета, своевременное распределение средств и исполнение нормативов. Для органов власти на федеральном

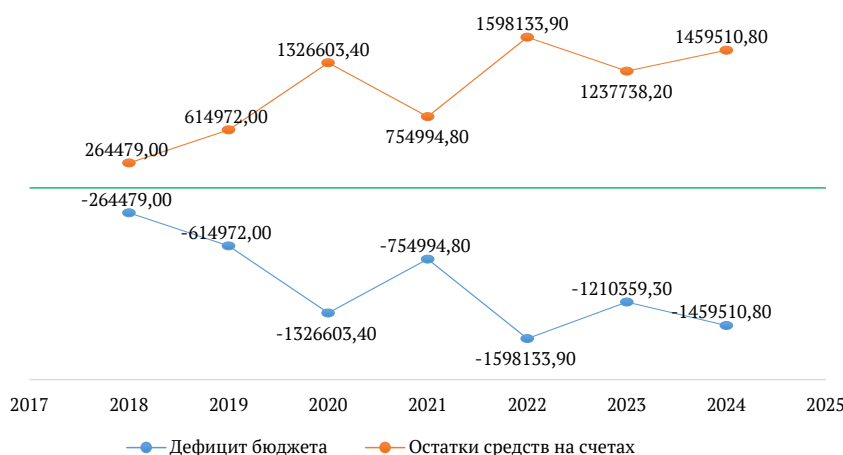

Рис. 1. Средства на счетах и дефицит бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса, млн руб.
Fig. 1. Funds in the accounts and budget deficit of regional compulsory health insurance funds, Kemerovo Region, million rubles

² Сост. по: О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. Закон Кемеровской области № 105-ОЗ от 12.12.2017 (ред. от 05.12.2018); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. Закон Кемеровской области № 117-ОЗ от 24.12.2018 (ред. от 19.12.2019); О бюджете ТФОМС Кемеровской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 145-ОЗ от 19.12.2019 (ред. от 28.12.2020); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2021 г. и на плановый период 2022 и 2023 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 170-ОЗ от 28.12.2020 (ред. от 24.12.2021); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 132-ОЗ от 15.12.2021 (ред. от 16.12.2022); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 148-ОЗ от 16.12.2022 (с изм. от 21.12.2023); О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 118-ОЗ от 14.12.2023 (с изм. от 14.10.2024). *СПС Кодекс*.

³ Сост. по: Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2010 г. Закон Кемеровской области № 55-ОЗ от 02.07.2011; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2011 г. Закон Кемеровской области № 68-ОЗ от 02.07.2012; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2012 г. Закон Кемеровской области № 84-ОЗ от 20.06.2013; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2013 г. Закон Кемеровской области № 58-ОЗ от 25.06.2014; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2014 г. Закон Кемеровской области № 69-ОЗ от 08.07.2015; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2015 г. Закон Кемеровской области № 53-ОЗ от 08.07.2016; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2016 г. Закон Кемеровской области № 42-ОЗ от 16.06.2017; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2017 г. Закон Кемеровской области № 38-ОЗ от 14.06.2018; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2018 г. Закон Кемеровской области № 49-ОЗ от 15.07.2019; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области за 2019 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 57-ОЗ от 29.05.2020; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2020 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 61-ОЗ от 30.06.2021; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2021 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 71-ОЗ от 07.07.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2022 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 55-ОЗ от 27.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2023 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 64-ОЗ от 19.06.2024. *СПС Кодекс*.

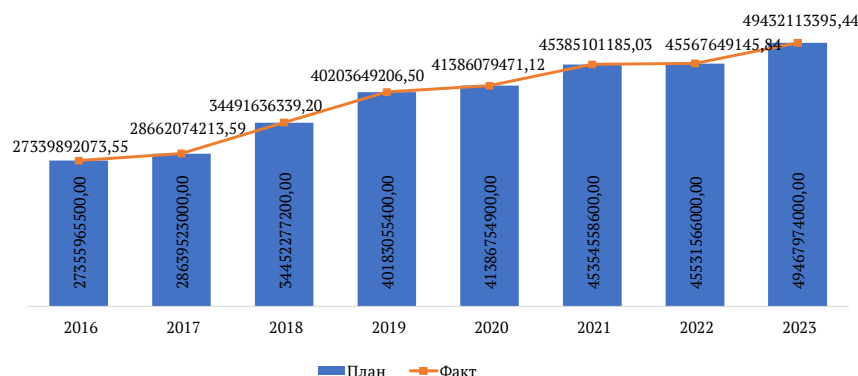

Рис. 2. Исполнение бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса, руб.

Fig. 2. Budget execution by regional compulsory health insurance funds, Kemerovo Region, rubles

и региональном уровнях особую важность представляет достижение макроцелей системы здравоохранения (снижение смертности, увеличение продолжительности жизни, снижение миграции пациентов). Указанный подход подчеркивает необходимость применения многоуровневой системы оценки, в которой учитываются интересы всех участников системы ОМС.

Итак, анализ структуры доходов и расходов доказывает, что текущая система управления и планирования бюджетных показателей территориальных фондов результативна и следование заранее установленным параметрам позволяет достичь стабильного исполнения бюджета за счет высокого уровня регламентированности бюджетного процесса и минимизации рисков дисбаланса.

В целях поиска проблемных зон бюджета ТФОМС и доказательств того, что для оценки эффективности его деятельности необходим глубокий структурный анализ, в качестве примера использованы межтерриториальные расчеты, которые формируются вследствие миграции пациентов. *Медицинский туризм* в межрегиональном разрезе – процесс, при котором гражданин выбирает получение медицинской помощи вне своего субъекта РФ, а средства из бюджета «уходят» по месту его фактического лечения. Для субъектов с высоким оттоком пациентов такая ситуация нередко свидетельствует

о наличии инфраструктурных, кадровых и организационных недостатков. Важность указанного феномена заключается в том, что даже при формальном соблюдении баланса доходов и расходов значительный отток сигнализирует о реальном дефиците возможностей: люди ищут более качественные, доступные или специализированные услуги. Если подобные проблемы долго остаются без решения, то региональное здравоохранение теряет ресурсы, а население продолжает испытывать неудобства, связанные с вынужденным выездом для лечения.

При проведении анализа межрегиональных миграционных потоков пациентов следует учитывать и социально-демографические показатели [2]. Ввиду этого рассмотрение межрегиональных миграционных потоков пациентов осуществлено в комплексе с социально-демографическими характеристиками регионов СФО, что позволит корректно интерпретировать полученные данные.

На каждой территории субъекта СФО свою деятельность осуществляет ТФОМС. Принимая во внимание характерный признак сбалансированности бюджетов ТФОМС между доходами и расходами, рассмотрение эффективности исполнения бюджетов территориальных фондов нецелесообразно. Для поиска возможных проблем и имеющихся тенденций рассмотрены показатели доходов бюджетов СФО за 2023 г. (табл. 2⁴).

⁴ Сост. по: О бюджете ТФОМС Республики Алтай на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Республики Алтай № 95-РЗ от 28.12.2022 (ред. от 22.12.2023); О бюджете ТФОМС Республики Тыва на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Республики Тыва № 888-ЗРТ от 21.12.2022 (с изм. от 27.12.2023); О бюджете ТФОМС Республики Хакасия на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Республики Хакасия № 99-ЗРХ от 29.11.2022 (с изм. от 12.12.2023); О бюджете ТФОМС Алтайского края на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Алтайского края № 109-ЗС от 30.11.2022 (с изм. от 07.10.2023); О бюджете ТФОМС Иркутской области на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Иркутской области № 109-ОЗ от 05.12.2022; О бюджете ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 148-ОЗ от 16.12.2022 (с изм. от 21.12.2023); О бюджете ТФОМС Красноярского края на 2023 г. и плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Красноярского края № 4-1340 от 09.12.2022 (с изм. от 22.06.2023); О бюджете ТФОМС Новосибирской области на 2023 г. и плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Новосибирской области № 290-ОЗ от 16.12.2022 (с изм. от 13.07.2023); О бюджете ТФОМС Омской области на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Омской области № 2550-ОЗ от 28.12.2022 (с изм. от 28.02.2024); О бюджете ТФОМС Томской области на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. Закон Томской области № 143-ОЗ от 28.12.2022 (с изм. от 27.12.2023). СПС Кодекс.

Табл. 2. Доходы бюджетов ТФОМС СФО, 2023 г., %

Tab. 2. Budget revenues of regional compulsory health insurance funds, Siberian Federal District, 2023, %

Субъекты СФО	Межбюджетные трансферты от фондов ОМС	Межбюджетные трансферты от фондов РФ	Компенсация затрат государства	Штрафы, санкции, возмещение ущерба	Прочие неналоговые доходы	Доходы от реализации имущества	Доходы от размещения временно свободных средств
Республика Алтай	91,15	8,09	0,53	0,24	–	–	–
Республика Тыва	96,89	2,65	0,28	0,18	–	–	–
Республика Хакасия	97,25	2,51	0,06	0,03	0,15	–	–
Алтайский край	97,90	2,10	–	0,00	–	–	–
Иркутская область	98,52	1,07	0,39	0,02	–	–	–
Кемеровская область	96,65	2,83	–	0,28	–	–	0,23
Красноярский край	97,95	1,65	0,29	0,11	–	–	–
Новосибирская область	97,85	2,15	–	–	–	–	–
Омская область	97,68	2,12	–	0,20	–	–	–
Томская область	95,47	4,13	0,13	0,26	–	–	–

В субъектах СФО наблюдается крайне высокая доля межбюджетных трансфертов (90–99 %). Это позволяет говорить о том, что экономическая стабильность фонда обеспечивается федеральным уровнем, а не внутренним потенциалом региона. Собственные налоговые и неналоговые доходы составляют всего 1–8,5 %.

В таблице 3⁵ представлены данные за 2021–2023 гг. о процентном соотношении притока пациентов и их оттока, что демонстрирует динамику поступлений от других регионов за оказанные медицинские услуги и объемы средств, которые направлены из региона для лечения граждан за пределами территории субъекта.

⁵ Таблицы 3, 4, рисунок 3 сост. по: Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Алтай за 2021 г. Закон Республики Алтай № 54-РЗ от 04.07.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Алтай за 2022 г. Закон Республики Алтай № 49-РЗ от 26.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Алтай за 2023 г. Закон Республики Алтай № 36-РЗ от 19.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Тыва за 2021 г. Закон Республики Тыва № 832-ЗРТ от 24.06.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Тыва за 2022 г. Закон Республики Тыва № 948-ЗРТ от 23.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Тыва за 2023 г. Закон Республики Тыва № 1045-ЗРТ от 23.05.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Хакасия за 2021 г. Закон Республики Хакасия № 39-ЗРХ от 14.06.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Хакасия за 2022 г. Закон Республики Хакасия № 50-ЗРХ от 21.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Республики Хакасия за 2023 г. Закон Республики Хакасия № 42-ЗРХ от 13.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Алтайского края за 2021 г. Закон Алтайского края № 51-ЗС от 30.06.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Алтайского края за 2022 г. Закон Алтайского края № 39-ЗС от 09.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Алтайского края за 2023 г. Закон Алтайского края № 36-ЗС от 13.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Иркутской области за 2021 г. Закон Иркутской области № 66-ОЗ от 26.09.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Иркутской области за 2022 г. Закон Иркутской области № 127-ОЗ от 30.10.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Иркутской области за 2023 г. Закон Иркутской области № 54-ОЗ от 25.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2021 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 71-ОЗ от 07.07.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2022 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 55-ОЗ от 27.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Кемеровской области – Кузбасса за 2023 г. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 64-ОЗ от 19.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Красноярского края за 2021 г. Закон Красноярского края № 3-881 от 23.06.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Красноярского края за 2022 г. Закон Красноярского края № 5-1920 от 22.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Красноярского края за 2023 г. Закон Красноярского края № 7-2931 от 04.07.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Новосибирской области за 2021 г. Закон Новосибирской области № 247-ОЗ от 05.10.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Новосибирской области за 2022 г. Закон Новосибирской области № 369-ОЗ от 04.10.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Новосибирской области за 2023 г. Закон Новосибирской области № 484-ОЗ от 03.10.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Омской области за 2021 г. Закон Омской области № 2489-ОЗ от 24.05.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Омской области за 2022 г. Закон Омской области № 2603-ОЗ от 20.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Омской области за 2023 г. Закон Омской области № 2711-ОЗ от 27.06.2024; Об исполнении бюджета ТФОМС Томской области за 2021 г. Закон Томской области № 57-ОЗ от 07.07.2022; Об исполнении бюджета ТФОМС Томской области за 2022 г. Закон Томской области № 50-ОЗ от 05.06.2023; Об исполнении бюджета ТФОМС Томской области за 2023 г. Закон Томской области № 52-ОЗ от 11.06.2024. СПС Кодекс.

Табл. 3. Динамика финансовых потоков по оказанию медицинской помощи за пределами регионов субъектов СФО, тыс. руб.

Tab. 3. Financial flows for medical care outside Siberian Federal District, thousand rubles

Субъекты СФО	Поступления от других регионов за пролеченных больных			Средства, направленные за пределы региона за пролеченных больных		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Республика Алтай	383196,40	491811,10	484138,30	280145,00	341445,40	420216,70
Республика Тыва	193729,30	159501,80	169094,70	210000,00	199913,30	244868,50
Республика Хакасия	271002,90	302004,10	320523,00	540000,00	599984,30	700385,90
Алтайский край	661857,10	805415,50	885000,00	869998,00	1046340,80	1139333,30
Иркутская область	533538,80	526563,00	522999,40	732722,10	679894,20	754998,90
Кемеровская область	597969,70	788879,40	884058,80	1219033,20	1275663,90	1444525,90
Красноярский край	1005438,10	1085970,50	1093431,20	1276111,20	1401400,00	1200000,00
Новосибирская область	1066049,50	1225401,40	1309363,60	954612,20	1021316,80	878072,10
Омская область	341261,30	355043,30	343222,40	754761,10	709999,80	710288,50
Томская область	739825,10	766117,70	909762,20	478152,40	501901,10	611775,50

Значение показателя, превышающее 100 %, указывает на то, что в конкретный регион приезжает больше пациентов, чем уезжает (табл. 4). Данный факт свидетельствует о его относительной привлекательности для получения медицинской помощи. Значение показателя ниже 100 % указывает на преобладание оттока над притоком, что, соответственно, свидетельствует о недостаточной привлекательности региона для получения медицинских услуг.

Табл. 4. Приток и отток пациентов в регионах СФО: соотношение, %

Tab. 4. Influx vs. outflow of patients in Siberian Federal District, %

Субъекты СФО	2021	2022	2023
Республика Алтай	136,8	144,0	115,2
Республика Тыва	92,3	79,8	69,1
Республика Хакасия	50,2	50,3	45,8
Алтайский край	76,1	77,0	77,7
Иркутская область	72,8	77,4	69,3
Кемеровская область	49,1	61,8	61,2
Красноярский край	78,8	77,5	91,1
Новосибирская область	111,7	120,0	149,1
Омская область	45,2	50,0	48,3
Томская область	154,7	152,6	148,7

На рисунке 3 показано, что субъектами с высокой привлекательностью для пациентов из других регионов СФО являются Томская область, Республика Алтай и Новосибирская область (152,6, 144,0 и 120,0 % соответственно). Это указывает на то, что данные регионы являются центрами притяжения для медицинских услуг, возможно, благодаря развитой инфраструктуре и высокой квалификации медицинских кадров. К регионам с умеренным оттоком пациентов относятся Республика Тыва, Красноярский край, Иркутская область и Алтайский край (79,8, 77,5, 77,4 и 77,0 % соответственно), где преобладает отток над притоком, что предположительно сигнализирует о необходимости модернизации и укрепления медицинской инфраструктуры, а также привлечения квалифицированных специалистов. Усиление специализированной медицинской помощи и увеличение доступности услуг могут способствовать сокращению оттока пациентов из данных регионов. Помимо этого, важно отметить, что Кемеровская область, Республика Хакасия, Омская область (61,8, 50,3 и 50,0 % соответственно) требуют особого внимания, т.к. в них отток пациентов значительно превышает приток.

Итак, в ряде регионов требуется улучшить условия предоставления медицинских услуг. Регионы же, которые обладают устойчивыми положительными показателями, могут служить примерами для внедрения успешных моделей оказания медицинской помощи, маркером для разработки эффективной методики в системе управления.

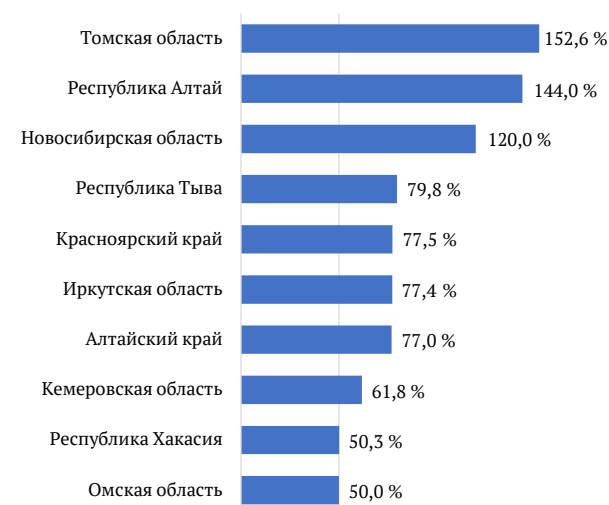

Рис. 3. Медицинская привлекательность регионов СФО по оттоку пациентов
Fig. 3. Medical attractiveness of Siberian Federal District in terms of patient migration

Для выявления социально-демографических факторов, коррелирующих с показателем оттока пациентов, и определения возможных причин и закономерностей, способствующих миграции населения в медицинских целях, проведен корреляционный анализ. Он подтвердил значимую связь между уровнем оттока пациентов и социально-демографическими факторами (табл. 5⁶).

Наибольшее положительное значение коэффициента корреляции продемонстрировал фактор численности врачей на 10 тыс. человек. Такой результат на первый взгляд выглядит парадоксальным, т.к. высокая обеспеченность врачами предполагает большую доступность медицинских услуг. Однако при более детальном рассмотрении это может свидетельствовать о следующих проблемах: неравномерное распределение врачей по территории региона (врачи сосредоточены в столицах, в то время как отдаленные районы остаются без покрытия), дефицит узких

Табл. 5. Степень влияния социально-демографических факторов на отток пациентов в пределах СФО
Tab. 5. Effect of socio-demographic factors on patient migration within Siberian Federal District

Фактор	Степень влияния	Коэффициент корреляции	Вероятные причины оттока пациентов
Численность врачей на 10 тыс. человек	Высокая	+0,577	Численность врачей сама по себе не гарантирует качества, доступности или профессионального уровня медицинского обслуживания. Недостаточность медицинских ресурсов или их неравномерное распределение по регионам
Доля сельских жителей	Средняя	+0,386	Плохо развитая инфраструктура
Доля трудоспособного населения	Средняя	+0,371	Экономически активные люди более мобильны и требовательны к уровню сервиса и оснащения
Удельный вес численности населения административного центра в общей численности населения региона	Слабая	+0,212	В региональных столицах качество и доступность медицинских услуг не всегда отвечают ожиданиям пациентов
Уровень урбанизации	Отрицательная	-0,386	В крупных городах региона более развитая медицинская инфраструктура, квалифицированные кадры, лучшее качество и доступность медицинских услуг
Социально-экономическое неравенство	Предположительно высокая*	-	Неравный доступ к качественным и платным услугам. Бедность ограничивает возможности, но стимулирует миграцию в поисках бесплатной помощи
Транспортная доступность медучреждений	Средняя / высокая**	-	Географическая удаленность, низкая плотность медучреждений и слабая инфраструктура стимулируют выезд в крупные города и соседние субъекты

Прим.: * – данные ограничены; ** – оценочно.

⁶ Рассчитано по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 853 с.

специалистов при наличии общего количества врачей и высокая концентрация квалифицированных кадров в учреждениях, не включенных в систему ОМС (федеральные центры или частные клиники).

Общее количество врачей на 10 тыс. человек не отражает профессиональную структуру кадров и территориальную доступность. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее исследование с использованием более детализированных данных Росстата, включая численность врачей по ключевым специальностям (онкологи, хирурги, анестезиологи и т.д.) и по муниципалитетам. Это позволит более точно оценить влияние кадрового фактора на отток пациентов и медицинскую привлекательность регионов.

Также средняя положительная корреляция наблюдается между оттоком пациентов и долей сельских жителей от общего населения. Этот фактор может указывать на структурные проблемы здравоохранения в сельских районах, такие как недостаточное количество медицинских учреждений, кадровый дефицит или низкий уровень инфраструктуры, что побуждает сельское население обращаться за медицинской помощью в другие регионы. При этом необходимо подчеркнуть, что установленные корреляции не следует интерпретировать как доказательство причинно-следственных связей. Они лишь фиксируют наличие статистической взаимосвязи, которая требует дальнейшего изучения с использованием более сложных аналитических моделей. Положительная корреляция оттока с долей сельских жителей указывает на диспропорции в уровне медицинского обслуживания между городскими и сельскими районами. Недостаток инфраструктуры и медицинских кадров в сельских населенных пунктах создает дефицит доступной помощи.

Доля трудоспособного населения также имеет положительную, хотя и слабую корреляцию с оттоком. Данный факт может быть объяснен стремлением трудоспособных граждан, активно участвующих в экономической деятельности, искать более качественные медицинские услуги, особенно если существующая инфраструктура региона не удовлетворяет их потребности. Слабая положительная корреляция между оттоком пациентов и долей трудоспособного населения предположительно является следствием недостаточного уровня специализированных медицинских услуг для работающего населения, в частности для людей среднего возраста. Трудоспособное население, как правило, предъявляет более высокие требования к качеству медицинской помощи, что при ее отсутствии становится стимулом для оттока.

Слабая положительная корреляция обнаружена с фактором удельного веса численности населения административного центра в общей численности населения региона, что может указывать на централизацию ресурсов при ограниченной доступности услуг вне столицы и на то, что даже в региональных столицах медицинские услуги не всегда отвечают ожиданиям населения, и это приводит к миграции за пределы региона.

Помимо рассмотренных социально-демографических факторов, значительное влияние на миграцию пациентов могут оказывать социально-экономическое неравенство и транспортная доступность медицинской инфраструктуры. Уровень доходов населения, разрыв между бедными и обеспеченными слоями, а также локальные различия в обеспеченности жильем, транспортом и коммуникациями – все это влияет на возможность и готовность граждан обращаться за медицинской помощью в других регионах. В условиях, когда в родном регионе отсутствуют бесплатные или доступные по цене специализированные услуги, пациенты с более высоким уровнем дохода чаще выезжают за медицинской помощью в «сильные» субъекты. Одновременно низкая транспортная доступность (удаленность от лечебных учреждений, слабая логистика, нехватка транспорта) может ограничивать возможность осуществления медицинской помощи внутри региона и стимулировать поиск альтернативных вариантов лечения в других субъектах РФ. В совокупности эти факторы усиливают территориальную поляризацию в доступе к медуслугам.

Среди факторов с отрицательной корреляцией наибольшее значение имеет урбанизация. Данная зависимость показывает, что в более урбанизированных регионах отток пациентов ниже. Это может объясняться более развитой медицинской инфраструктурой регионов и квалифицированными кадрами, что снижает потребность населения в выезде за пределы региона для получения медицинской помощи.

Полученные результаты подчеркивают важность комплексного подхода к развитию региональной медицинской инфраструктуры. Выявленные зависимости могут быть полезны для разработки стратегий, направленных на сокращение оттока пациентов путем улучшения качества медицинских услуг, особенно в сельских и слабо урбанизированных районах. Представленный анализ свидетельствует о возможности выстраивания эффективных методов управления, которые позволяют принимать решения на основе установления критериев, выбранных с помощью сравнительного анализа и метода корреляции.

ТФОМС как главный гарант финансовой устойчивости системы ОМС обладает инструментами, способными управлять финансовыми дисбалансами. Помимо того, одним из наиболее важных и часто недооцененных преимуществ территориальных фондов ОМС в управлении региональной системой здравоохранения является обширная база персонифицированных данных об оказанных медицинских услугах, позволяющая идентифицировать не только сам факт оказания медицинской помощи, но и ее детали. В соответствии с действующим законодательством, все сведения о пациентах, медицинских организациях, страховых медицинских организациях и фактах оказания медпомощи (включая объемы, сроки, стоимость, результаты) аккумулируются в информационных системах ТФОМС.

Наличие такой детальной «карты» медицинской активности обеспечивает беспрецедентно точный мониторинг в режиме реального времени (или близком к нему). Кроме того, в случаях, когда пациент получает помощь за пределами родного региона, информация об этом также отражается в единой системе взаиморасчетов, что дает возможность ТФОМС видеть межрегиональные перемещения застрахованных лиц, анализировать масштабы миграции, оценивать ее финансовые последствия, а также оперативно отслеживать, в какие медицинские организации вне региона уезжают пациенты, каковы основные причины (отсутствие необходимого оборудования, дефицит специализированных кадров и т.д.).

Для скорости и точности обработки информации важным фактором в современных реалиях становится внедрение цифровых и медицинских инноваций: искусственный интеллект, телемедицина, носимые устройства для мониторинга здоровья и др., что помогает оптимизировать диагностику, лечение и контроль за состоянием пациентов [18–22].

ТФОМС, обладая полным набором персонифицированных сведений, становится центральным агентом интеграции в региональной системе здравоохранения. Совместно с Министерством здравоохранения РФ, органами исполнительной власти и руководителями медицинских организаций фонд может формировать приоритетные направления развития здравоохранения, оперативно реагировать на дефицит узких специалистов, анализируя, где именно наблюдается самый высокий отток по профилю (например, в хирургии или онкологии),

вовлекать частный сектор в систему ОМС, показывая ему конкретные ниши услуг, наиболее востребованные в регионе, развивать программы государственно-частного партнерства, сохраняя при этом контроль качества и доступности [23; 24]. В результате пациенты могут получить требуемые услуги в своем регионе, а не уезжать за его пределы.

Следующим логическим шагом в развитии анализа межтерриториальной миграции пациентов является исследование медико-социального портрета когорты граждан, которые получают медицинскую помощь за пределами своего региона. Особое значение имеют профиль оказываемой помощи (хирургия, онкология, высокотехнологичная помощь и др.), социальный статус пациентов (дети, пенсионеры, работающие граждане), а также форма собственности медорганизаций, принимающих пациентов (государственные, частные, федеральные структуры). Совокупность указанных факторов позволяет определять приоритетные направления в развитии здравоохранения не только на уровне субъекта, но и в разрезе муниципальных образований, встраивать полученные выводы при формировании территориальной программы государственных гарантий.

Благодаря детальному массиву данных ТФОМС может перейти от реактивного управления (когда проблемы выявляются постфактум) к превентивному (когда финансирование и кадровая политика «перехватывают» потенциальные узкие места до того, как они станут критичными).

Конкретные примеры цифровых инструментов, уже применяющихся или потенциально внедряемых в систему ОМС, включают Единую государственную информационную систему здравоохранения⁷, обеспечивающую сбор, хранение и передачу медицинской информации, и автоматизацию рутинных задач. Наряду с ней на государственном уровне внедряется Государственная информационная система ОМС⁸, которая играет центральную роль в учете объемов оказания медицинской помощи и контроле качества медицинских услуг в рамках обязательного медицинского страхования. Такие аналитические платформы на базе больших данных имеют ряд преимуществ:

- 1) выявление отклонений в объемах и стоимости оказанных услуг;
- 2) выявление закономерностей в миграции пациентов;

⁷ Информационный портал ЕГИСЗ Минздрава. URL: <http://egisz-minzdrav.ru/> (дата обращения 10.02.2025).

⁸ Правительство утвердило правила работы государственной информационной системы ОМС. *Правительство России*. URL: <http://government.ru/docs/42484/> (дата обращения 10.02.2025).

- 3) прогнозирование дефицита финансирования, сезонных пиков нагрузки и потенциальных точек оттока пациентов;
- 4) аккумуляция информации с возможностью проведения перекрестного контроля достоверности данных между медицинскими организациями, фондами и страховыми медицинскими организациями;
- 5) повышение скорости и обоснованности управленческих решений.

Эти системы позволяют территориальным фондам не просто фиксировать проблему постфактум, а действовать проактивно: вовремя перераспределять ресурсы, вовлекать недогруженные учреждения и стимулировать улучшения в рамках тарифной политики.

Таким образом, цифровизация переходит из статуса вспомогательного механизма в ключевой управленческий ресурс. Персонифицированная информационная система ТФОМС – это не просто хранилище данных, а мощный аналитический инструмент, открывающий широкие горизонты для совершенствования качества и доступности медицинской помощи в регионе. Территориальный фонд ОМС как один из основных источников информации в сфере обязательного медицинского страхования на уровне субъекта РФ обладает ключевыми инструментами, которые могут повлиять на динамику оттока / притока пациентов и в целом совершенствовать систему здравоохранения.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что формальная сбалансированность бюджетов ТФОМС – не единственный и далеко не самый достоверный критерий оценки эффективности системы ОМС. Суммарный анализ доходов и расходов ТФОМС, который обеспечен фискальной синхронизацией, не отражает всех аспектов эффективности системы ОМС. В то время как детальный анализ структуры доходов и расходов, а также учет динамики межрегиональной миграции пациентов позволяют выявить скрытые проблемы, т.е. неочевидные при традиционном подходе к рассмотрению финансовых потоков. При этом *медицинский туризм* выступает конкретным примером финансовых потерь региона, которые не видны при верхнеуровневом анализе.

Территориальный фонд ОМС, располагая существенными финансовыми и организационными инструментами, может непосредственно влиять на качество региональной системы здравоохранения и, следовательно, на отток / приток пациентов. Через продуманную тарифную политику, модернизацию

инфраструктуры и контроль исполнения программ он способен повышать конкурентоспособность региональных медицинских организаций, обеспечивая тем самым медицинскую привлекательность регионов. Если же данный потенциал не реализуется, даже при внешней сбалансированности бюджета пациенты будут продолжать уезжать в более привлекательные регионы, усугубляя проблемы «донорского» субъекта.

Ключевая роль ТФОМС в совершенствовании системы ОМС заключается в оптимизации бюджета, развитии тарифной политики, внедрении контрольных механизмов, которые способствуют снижению оттока пациентов. Использование персонифицированных данных еще раз подчеркивает, что территориальный фонд ОМС играет первостепенную роль не только в распределении бюджетных средств, но и в системном анализе всей совокупности медицинских услуг. Накопленная информация о маршрутах пациентов (в том числе выезжающих за пределы региона), стоимости и видах оказанных услуг, профиле учреждений и уровне их загрузки дают фонду инструменты для своевременного контроля целевых расходов, анализа причин оттока пациентов и стимулов, которые будут способствовать привлечению узких специалистов в «проблемные» зоны, а также для планирования ключевых направлений развития системы здравоохранения совместно с Министерством здравоохранения РФ и медицинскими организациями.

Интеграция этих данных с информационными системами региональной и федеральной власти, а также с базами медицинских организаций помогает скоординировать работу на всех уровнях, укрепить качество и доступность медицинской помощи. В конечном итоге именно такая аналитическая глубина в сочетании с грамотным стратегическим и оперативным управлением позволит сделать формально сбалансированные бюджеты ТФОМС действительно эффективными и устойчивыми.

Перспективы исследований в области совершенствования системы ОМС и управления ТФОМС могут охватывать:

- мультифакторные модели, которые учитывают не только социально-демографические показатели, но и уровень технологического оснащения медицинской организации, квалификацию кадров, показатели смертности и заболеваемости;
- экономико-социологические исследования, позволяющие понять мотивацию пациентов при выборе места лечения и оценить качество услуг как по формальным статистическим критериям, так и по субъективной удовлетворенности;

- включение в анализ дополнительных факторов, таких как транспортная логистика и социально-экономическое расслоение, для формирования более полной картины причин оттока пациентов;
- детализация показателя обеспеченности врачами с учетом врачебных специальностей и их территориального распределения внутри регионов;
- анализ медико-социальных характеристик миграционных потоков пациентов (профиль помощи, возраст и социальный статус, форма собственности медицинской организации) как основа для уточнения стратегии развития регионального здравоохранения;
- расширение масштабов анализа за счет цифровизации и использования технологий ИИ.

Таким образом, эффективность системы ОМС не может оцениваться исключительно через призму сбалансированности бюджета. Необходимо учитывать комплексную систему критериев, включающую как финансовую эффективность управления, так и результативность с точки зрения пациентов, медицинских организаций и органов власти. Только многомерный подход позволяет выявить реальные слабые места системы и принимать управленческие решения, которые направлены на устойчивое

развитие здравоохранения региона. Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по совершенствованию механизмов управления в системе ОМС и повышению медицинской привлекательности регионов.

Особое внимание в будущем должно быть уделено развитию цифровой инфраструктуры ТФОМС. Внедрение инструментов на базе искусственного интеллекта, аналитики больших данных и телемедицины позволяет фондам переходить от оценки к прогнозированию, от фиксации проблем к их упреждению. Это открывает новые горизонты для трансформации модели управления системой ОМС.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Астапов К. Л., Мусаев Р. А., Малахов А. А. Оценка эффективности политики бюджетных расходов. *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 6. С. 9–24. [Astapov K. L., Musaev R. A., Malakhov A. A. Evaluating the effectiveness of the budget expenditure policy. *Financial Journal*, 2020, 12(6): 9–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-9-24>
2. Калмыков Ю. П. О развитии механизма финансового обеспечения территориальных фондов медицинского страхования. *Страховое дело*. 2022. № 9. С. 46–58. [Kalmykov Yu. P. Improvement of the health insurance system. *Strakhovoe delo*, 2022, (9): 46–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lnuejm>
3. Градобоев Е. В., Сольская И. Ю. Обеспечение финансовой устойчивости системы обязательного медицинского страхования. *Известия Байкальского государственного университета*. 2022. Т. 32. № 3. С. 485–492. [Gradoboev E. V., Solskaya I. Yu. Ensuring the financial stability of the compulsory health insurance system. *Bulletin of Baikal State University*, 2022, 32(3): 485–492. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32\(3\).485-492](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2022.32(3).485-492)
4. Гурвич Е. Т., Краснопеева Н. А. Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов. *Вопросы экономики*. 2020. № 2. С. 5–29. [Gurvich E. T., Krasnopeeva N. A. Analysis of tax-spend nexus for Russian regional budgets. *Voprosy ekonomiki*, 2020, (2): 5–29. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-5-29>
5. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В., Царева С. В. Финансирование системы здравоохранения. *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2023. № 3. С. 12–19. [Babkina L. N., Skotarenko O. V., Tsareva S. V. Financing of the healthcare system. *Economy. Profession. Business*. 2023, (3): 12–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14258/epb202332>
6. Кадыров Ф. Н., Обухова О. В., Митрошин П. В., Чилилов А. М. Перспективы финансового обеспечения и функционирования системы обязательного медицинского страхования. *Менеджер здравоохранения*. 2024. № 2. С. 116–126. [Kadyrov F. N., Obukhova O. V., Mitroshin P. V., Chililov A. M. Prospects for the financial

- provision and functioning of the compulsory health insurance system. *Manager Zdravoochranenia*, 2024, (2): 116–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-3-116-126>
7. Гайфуллин А. Н. Отраслевые особенности регионального здравоохранения и проблемные аспекты оценки его эффективности. *Вестник Российского университета кооперации*. 2021. № 4. С. 16–22. [Gayfullin A. N. Sectoral features of regional healthcare and problematic aspects of evaluating its effectiveness. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2021, (4): 16–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lqxjbp>
 8. Кривенко Н. В. Уровень доступности медицинской помощи населению России: региональная дифференциация. *Journal of New Economy*. 2024. Т. 25. № 2. С. 89–107. [Krivenko N. V. The level of medical care accessibility in Russia: Regional differentiation. *Journal of New Economy*. 2024, 25(2): 89–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2024-25-2-5>
 9. Обухова О. В., Митрошин П. В., Чилилов А. М. Система обязательного медицинского страхования: на пути к справедливому распределению средств. *Страховое дело*. 2022. № 10. С. 43–52. [Obukhova O. V., Mitroshin P. V., Chililov A. M. The mandatory health insurance system: Towards equitable distribution of funds. *Strakhovoe delo*, 2022, (10): 43–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mxlxjq>
 10. Лукьянцева Д. В., Попов А. А., Федяев Д. В. Эффективность управления бюджетными расходами в сфере здравоохранения в части реализации Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи с учетом показателей состояния здоровья. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2021. № 11. С. 821–833. [Lukyantseva D. V., Popov A. A., Fediaev D. V. Efficiency of budget expenditure management in the field of healthcare in terms of implementing the Program of state guarantees of free medical care to citizens, taking into account health indicators. *Topical Issues of the Modern Economy*, 2021, (11): 821–833. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.15.67.003>
 11. Рудакова О. В., Макунина И. В., Гусева А. В. Формирование бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования (на примере Тверского ФОМС). *Экономическая среда*. 2024. Т. 13. № 2. С. 99–106. [Rudakova O. V., Makunina I. V., Guseva A. V. Budget formation of territorial compulsory medical insurance fund (on the example of the Tver FMIF (Federal Medical Insurance Fund)). *Economic environment*, 2024, 13(2): 99–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36683/ee242.99-106>
 12. Игонина Л. Л. Инструменты межбюджетного регулирования и обеспечение финансовой самостоятельности территорий. *Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований*: Междунар. науч.-практ. конф. (Ереван, 27–30 апреля 2023 г.) Краснодар: НИИ ИЭП, 2023. С. 41–46. [Igonina L. L. Instruments of inter-budgetary regulation and ensuring financial independence of territories. *Eurasian economic integration and sustainable development in the context of global transformations*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Yerevan, 27–30 Apr 2023. Krasnodar: HELRI, 2023, 41–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxkbbkg>
 13. Репринцева Е. В. Состояние и проблемы финансового обеспечения системы здравоохранения РФ. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 1. С. 264–267. [Reprintseva E. V. Condition and problems of financial support of the Russian healthcare system. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2021, 10(1): 264–267. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1001-0064>
 14. Куконков П. И., Устинкин С. В. Неравенства и диспропорции региональной системы здравоохранения. На примере Приволжского федерального округа. *Обозреватель*. 2023. № 1. С. 70–80. [Kukonkov P. I., Ustinkin S. V. Inequalities and disparities in the regional health system. *Obozrevatel*, 2023, (1): 70–80. (In Russ.)] https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_1_70
 15. Гурина А. Е., Дзулаева И. Ю., Аликова З. Р., Корнетов А. Н., Тотров И. Н., Улубиева Е. А., Золкин А. Л., Домничев Д. Ю., Леснова Н. И., Дзобелова В. Б. Совершенствование финансирования систем здравоохранения: международный опыт. Уфа: Аэтерна, 2024. 186 с. [Gurina A. E., Dzulaeva I. Yu., Alikova Z. R., Kornetov A. N., Totrov I. N., Ulubieva E. A., Zolkin A. L., Domnichenov D. Yu., Lesnova N. I., Dzobelova V. B. *Improving the financing of health systems: International experience*. Ufa: Aeterna, 2024, 186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sefhjg>
 16. Малышева А. А. Роль территориальных фондов обязательного медицинского страхования в распределении средств обязательного медицинского страхования. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2021. № 1. С. 46–49. [Malysheva A. A. The role of territorial compulsory medical insurance funds in the distribution of compulsory medical insurance funds. *Electronic Supplement to the Russian Law Journal*, 2021, (1): 46–49. (In Russ.)] https://doi.org/10.34076/22196838_2021_1_46

17. Рудакова О. В., Стеблецова Н. Н., Лисичкина Н. В. Обязательное медицинское страхование в системе финансирования здравоохранения в России. *Форпост науки*. 2024. Т. 18. № 1. С. 81–88. [Rudakova O. V., Stebletsova N. N., Lisichkina N. V. Compulsory medical insurance in financing system of public health in Russia. *Science Outpost*, 2024, 18(1): 81–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/sp241.81-88>
18. Буранбаева Л. З., Сабирова З. Э. Ключевые вызовы системы здравоохранения в современных условиях. *Вестник ГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2024. Т. 20. № 1. С. 5–14. [Buranbayeva L. Z., Sabirova Z. E. Key challenges of the healthcare system in modern conditions. *Herald of GSTOU. Humanitarian, social and economic sciences*, 2024, 20(1): 5–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/joolfg>
19. Селиверстов П. В. Перспективы использования телемедицинских технологий на основе искусственного интеллекта при проведении медицинского осмотра. *Медицинский совет*. 2024. Т. 18. № 5. С. 312–319. [Seliverstov P. V. Prospects for the use of telemedicine technologies based on artificial intelligence during medical examination. *Meditsinskiy Sovet*, 2024, 18(5): 312–319. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/ms2024-072>
20. Пономарева О. Н. Цифровизация в медицине: плюсы и минусы. *Системная интеграция в здравоохранении*. 2023. № 4. С. 108–121. [Ponomareva O. N. Digitalization in medicine: Advantages and disadvantages. *Sistemnaia integratsiia v zdravookhraneni*, 2023, (4): 108–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/feytbn>
21. Ивлиев П. В. Перспективы применения цифровых технологий в медицине. *Аграрное и земельное право*. 2023. № 6. С. 28–30. [Ivliev P. V. Prospects of application of digital technologies in medicine. *Agrarian and Land Law*, 2023, (6): 28–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubozax>
22. Карайланов М. Г., Ужох-Бажноков О. А., Моисеева К. Е., Алексеева А. В., Дайнеко М. Ю., Горланов И. А. Основные направления улучшения диспансерного наблюдения за пациентами с применением цифровых технологий. *Медицина и организация здравоохранения*. 2024. Т. 9. № 1. С. 136–150. [Karailanov M. G., Uzhokh-Bazhnokov O. A., Moiseeva K. E., Alekseeva A. V., Daineko M. Yu., Gorlanov I. A. The main directions of improving dispensary monitoring of patients using digital technologies. *Medicine and Health Care Organization*, 2024, 9(1): 136–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.40.98.011>
23. Тимурзиева А. Б., Линденбрaten А. Л. О некоторых вопросах развития современной системы здравоохранения. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2024. Т. 32. № 4. С. 723–730. [Timurzieva A. B., Lindenbraten A. L. On certain issues of modern health care system development. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*, 2024, 32(4): 723–730. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-4-723-730>
24. Тишутин А. А. Финансовые аспекты развития здравоохранения. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2024. Т. 32. № S1. С. 664–669. [Tishutin A. A. Financial aspects of healthcare development. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*, 2024, 32(S1): 664–669. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2024-32-s1-664-669>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ciujrn>

Механизм управления туристской индустрией Владимирской области с учетом особенностей новой системы управления государственными программами

Дерен Иванна Ивановна

Владимирский юридический институт Федеральной службы
исполнения наказаний, Россия, ВладимирВладимирский филиал Российской академии государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Владимир
eLibrary Author SPIN: 8693-5156<https://orcid.org/0000-0001-9652-4092>

Земляникина Анастасия Дмитриевна

Министерство экономического развития и промышленности
Владимирской области, Россия, Владимир

eLibrary Author SPIN: 2458-1144

<https://orcid.org/0009-0007-5494-3329>n.zemlanikina@mail.ru

Аннотация: Рассмотрена роль механизма управления туристской индустрией для обеспечения ее динамичного роста с учетом особенностей трансформации системы управления государственными программами, обусловленных внедрением инновационных решений в государственное управление в целом. Цель – разработать эффективный механизм управления туристской индустрией Владимирской области на базе новых подходов к управлению государственными программами. Предмет – деятельность органов исполнительной власти Владимирской области в части целеполагания, планирования и реализации туристской политики региона. Определены факторы, которые оказывают влияние на поиск новых управленческих решений, направленных на совершенствование текущих моделей государственного управления. Проведен анализ документов стратегического планирования и программирования во Владимирской области, по результатам которого обозначены проблемы имеющихся стратегических подходов при формировании туристской политики региона. Предложен перспективный механизм управления туристской индустрией Владимирской области с использованием программно-проектного подхода. В основе данного механизма управления заложена сквозная система стратегических приоритетов, спектр инструментов государственной поддержки, а также инструменты взаимодействия с муниципальным сообществом граждан, бизнес-сообществом в целях сбора и анализа обратной связи. Апробация механизма управления туристской индустрией планируется при проведении комплексной госпрограммы «Развитие туризма во Владимирской области». В последующем, после получения результатов оценки эффективности реализации представленного механизма управления, он может быть применен на всю систему управления государственными программами в регионе.

Ключевые слова: региональное управление, механизм управления, государственные программы, проектное управление, стратегические приоритеты, национальные цели, цифровизация, дашборд, туристская индустрия, Владимирская область

Цитирование: Дерен И. И., Земляникина А. Д. Механизм управления туристской индустрией Владимирской области с учетом особенностей новой системы управления государственными программами. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 276–287. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-276-287>

Поступила в редакцию 30.11.2024. Принята после рецензирования 14.01.2025. Принята в печать 20.01.2025.

full article

Managing the Tourism in the Vladimir Region: New Management System of State Programs

Ivanna I. Deren

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation, Russia, Vladimir
Vladimir Branch of the Russian Academy of Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia, Vladimir
eLibrary Author SPIN: 8693-5156
<https://orcid.org/0000-0001-9652-4092>

Anastasia D. Zemlyanikina

Ministry of Economic Development and Industry of the Vladimir
Region, Russia, Vladimir
eLibrary Author SPIN: 2458-1144
<https://orcid.org/0009-0007-5494-3329>
n.zemlanikina@mail.ru

Abstract: A proper management mechanism can catalyze a regional tourism industry based on the new management system of state programs with its innovative solutions in public administration. The article describes an effective mechanism for managing regional tourism based on new approaches to state program management. The authors studied the way the local executive authorities strategize the tourism in the Vladimir Region. The research revealed the factors that affect the managerial solutions aimed at improving the current models of public administration. The analysis of strategic documents also revealed some problems of current strategic approaches in shaping the local tourism policy. A software and project approach could improve the management in the sphere of tourism in the Vladimir Region. The mechanism relies on a unified system of strategic priorities, and state support tools. The feedback comes from a complex system of interaction with local municipal communities and businesses. The new management mechanism will be tested as part of a comprehensive state program on the development of tourism in the Vladimir Region. If it proves effective, it can be applied to the entire management system of government programs in the region.

Keywords: regional management, management mechanism, government programs, project management, strategic priorities, national goals, digitalization, dashboard, tourism industry, Vladimir Region

Citation: Deren I. I., Zemlyanikina A. D. Managing the Tourism in the Vladimir Region: New Management System of State Programs. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 276–287. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-276-287>

Received 30 Nov 2024. Accepted after review 14 Jan 2025. Accepted for publication 20 Jan 2025.

Введение

Экономика регионов сталкивается с рядом серьезных вызовов, которые связаны с влиянием санкционных ограничений [1]. В ближайшие годы в самых различных сферах экономики, социальной сфере и сфере туризма [2; 3] будут происходить значительные изменения. Несмотря на то, что поиск единых и простых решений в сложившейся ситуации представляется довольно сложным, ученые убеждены: всем субъектам туристской отрасли, включая отраслевые органы исполнительной власти и бизнес-сообщество, предстоит скоординировать усилия в рамках общей политики по развитию туристской индустрии [4; 5].

С 2019 г. общемировым трендом является поиск инновационных решений и современных моделей управления, способных повысить эффективность работы органов исполнительной власти [6; 7]. Необходимо отметить, что их более ранняя структура, функции и полномочия не подходят для решения текущих задач [8; 9]. Так, в исследовании [10]

проанализированы задачи, поставленные перед отраслевыми органами исполнительной власти Владимирской области, и представлен комплекс мер по совершенствованию действующих управленческих механизмов. Кроме того, в основу организации системы управления туристской отраслью Т. В. Косинцев закладывает элемент *комплексности* с перечислением мероприятий иных отраслей, однако системного решения не предлагает [10].

В работе [11] обозначена некорректность целеполагания и формирования перечня основных мероприятий по развитию туристской индустрии Владимирской области, а также предложена и обоснована институциональная и инструментальная база ее развития, которая включает укрупненные элементы управления на уровне региона и муниципалитетов области без детального описания их взаимосвязи.

Проблема самостоятельности профильного органа исполнительной власти по вопросам реализации

туристской политики или включения его в состав иных органов управления в качестве структурного подразделения обозначена в труде [12]. Помимо этого, Т. Б. Мельникова представляет подходы к управлению туризмом на региональном уровне с позиции использования новых сетевых технологий [12].

С 2019 г. в работе системы государственного управления России произошли значительные изменения [13], в том числе трансформация системы управления государственными программами на федеральном и региональном уровнях, вызванная внедрением проектной составляющей [14]. Однако дальнейшее совершенствование механизмов государственного управления, внедрение инновационных управленческих технологий представляет собой задачи, стоящие перед органами исполнительной власти всех уровней управления в новых экономических и геополитических условиях [15].

Разработка и внедрение указанных механизмов обусловлены следующими факторами:

- 1) влияние антироссийских санкций, которые способствовали уходу из российского экономического пространства туристских корпораций и сервисов по созданию и предоставлению туристских услуг, что формирует запрос на новые решения и методы государственной политики в сфере управления развитием туризма региона [16];
- 2) повышение влияния государства на экономику [17]: разрабатываемые и внедряемые меры государственной поддержки требуют упорядочения и синхронизации с национальными целями развития России, а также внедрения нового механизма управления с учетом объема и содержания стратегических задач, в частности в сфере туризма [18; 19];
- 3) изменяющиеся ожидания граждан и бизнес-сообщества: от органов государственной власти ожидается более высокий уровень предоставления государственных услуг в формате *одного окна* и большая прозрачность [20].

Немаловажной предпосылкой создания механизма управления туристской индустрией региона является объективная потребность во встраивании в текущую систему управления муниципального уровня, представителей бизнес-сообщества и разработка способов учета их потребностей [21–24].

Необходимо отметить, что на данный момент присутствует серьезная потребность в разработке нового управленческого механизма в сфере государственного управления развитием туристской сферы [25; 26]. Научная новизна статьи заключается в разработке механизма управления туристской

индустрией Владимирской области с использованием программно-проектного подхода, посредством которого будет обеспечено расширение и взаимосвязь всей совокупности инструментов управления на основании единого *дерева целей* и непрерывного мониторинга за достижением национальных целей развития России, а также региональных стратегических параметров.

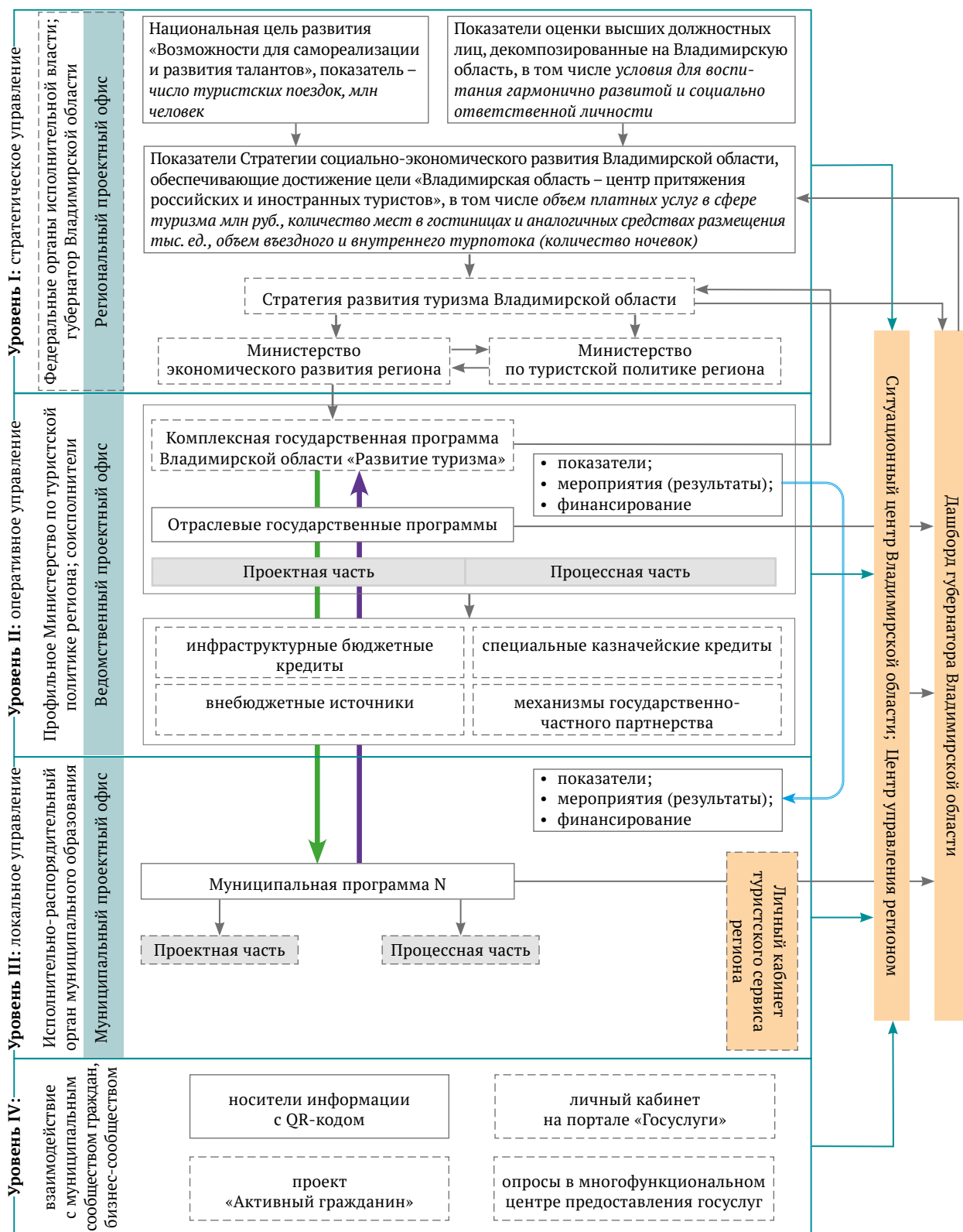
Цель – разработать эффективный механизм управления туристской индустрией Владимирской области на базе новых подходов к управлению государственными программами. Применена концепция системного подхода, посредством которой осуществлялся комплексный подход к изучению формирования и реализации государственной политики по развитию туристской индустрии Владимирской области. Использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, сравнение, а также табличный и графический методы для визуального представления результатов и метод сравнительного анализа и обобщения, проектный и логический методы.

Результаты

Авторами разработан механизм управления туристской индустрией Владимирской области с использованием программно-проектного подхода для обеспечения ее динамичного развития (рис. 1). Данный подход позволяет аккумулировать усилия органов управления всех уровней, всевозможные источники финансирования для достижения национальных целей развития как России, так и Владимирской области. Реализуется это посредством интеграции параметров отраслевых государственных программ региона, влияющих на развитие его туристской индустрии. Представленный механизм охватывает все уровни управления:

Уровень I: стратегическое управление, на котором осуществляется разработка стратегических приоритетов, нормативного обеспечения в области государственного управления развитием туризма, разделение полномочий федерального и регионального уровней в данной области. Акцент делается на целеполагании, что связано с фокусированием усилий и внимания на выявлении и достижении четких, измеримых целей, а также с решением задач, поставленных Президентом Российской Федерации и губернатором Владимирской области.

Механизм, представленный на рисунке 1, предполагает сосредоточение на целевых показателях и подразумевает внедрение системы *дерева показателей* в структуре стратегического планирования. Это необходимо для обеспечения непрерывного мониторинга на всех уровнях реализации и для увеличения

Прим.: зеленая стрелка – взаимосвязь уровней управления в части реализации декомпозлируемых параметров на каждом ниже-стоящем уровне; фиолетовая стрелка – взаимосвязь уровней управления в части предоставления фактических данных по декомпозлируемым плановым параметрам, которые на каждом вышестоящем уровне синтезируются в единое фактическое значение; блоки с пунктирной обводкой – нововведения в систему управления (авторская новация).

Рис. 1. Механизм управления туристской индустрией Владимирской области: программно-проектный подход
Fig. 1. Managing the tourism industry in the Vladimir Region: a software and project approach

объективности в процессе принятия управленческих решений. Так, Министерство экономического развития и промышленности Владимирской области предлагается наделить полномочиями по формированию показателей Стратегии развития туризма Владимирской области, а Министерству предпринимательства и туризма Владимирской области – оставить только их согласование. Данное изменение обусловлено спецификой деятельности Министерства экономического развития и промышленности Владимирской области, положение о деятельности которого содержит полномочие по осуществлению целеполагания, прогнозирования и планирования социально-экономического развития региона.

С 2023 г. в регионе целеполагание осуществляется Министерством экономического развития и промышленности Владимирской области, а наполнение отраслевых стратегических документов (включая государственные программы региона как документы второго уровня планирования, согласно ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹) – отраслевыми исполнительными органами Владимирской области. В связи с этим отмечается факт несогласованности параметров развития отраслей экономики Владимирской области в различных документах, в том числе и параметров развития туристской индустрии региона. Каждый отдельный случай несоответствия параметров в региональном управлении требует разработки специфического решения, т.к. это негативно влияет на эффективность самого процесса управления. При этом особое внимание стоит обратить на несоответствие между стратегическими и оперативными целями, которое может привести к невозможности достижения и оперативных задач конкретных проектов или программ, и к невыполнению стратегических параметров развития России.

После передачи полномочий по стратегированию Министерству экономического развития и промышленности Владимирской области будет обеспечена координация всех стратегических документов в рамках одного структурного подразделения Правительства Владимирской области и построено *дерево показателей*. Таким образом, связь показателей Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 г. и показателей государственных программ Владимирской области станет подконтрольна ответственным специалистам Министерства экономического развития и промышленности.

Основу стратегирования Министерства экономического развития и промышленности Владимирской области в таком случае составят не только федеральные, но и региональные документы стратегического планирования. Кроме того, Министерство экономического развития и промышленности располагает широким спектром статистических данных, получаемых из информационных систем различного профиля, что позволяет осуществлять прогнозирование и построение моделей развития туристской отрасли региона. Владимирская область как туристский регион имеет потребность в использовании такого механизма развития территорий, который позволит обновить уже существующую инфраструктуру, провести благоустройство, доукомплектовать муниципальные территории недостающими туристскими объектами и пр. [27].

Уровень II: оперативное управление, на котором осуществляется планирование достижения стратегических приоритетов уровня I. Инструменты – государственные программы Владимирской области, а именно комплексная госпрограмма «Развитие туризма во Владимирской области»², которая наиболее полно отвечает специфике туристской отрасли как сложной по составу межотраслевой системы с межведомственным взаимодействием.

Комплексная государственная программа состоит из проектной и процессных частей. В первой реализуются проекты по развитию кластеров, а также мероприятия (результаты), имеющие иную отраслевую специфику, но оказывающие влияние на туристские потоки в регион. Вторая часть включает перечень мероприятий, которые реализуются на постоянной основе и обеспечивают исполнение стратегических параметров, таких как содержание подведомственных учреждений, техническая поддержка информационных систем и др. Соответственно, учитывая ежегодную повторяемость и идентичность процессных мероприятий, более пристальное внимание в части мониторинговых мероприятий следует уделять проектной части, ориентированной на создание уникальных результатов.

Планирование финансового обеспечения комплексной государственной программы необходимо осуществлять с использованием инструментов Инфраструктурного меню (рис. 2).

Кроме того, необходимо предусмотреть применение механизмов инициативного бюджетирования как совокупность практик вовлечения граждан,

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. ФЗ № 172-ФЗ от 28.06.2014 (с изм. и доп.). ИПП Гарант.

² О государственной программе Владимирской области «Развитие туризма во Владимирской области». Постановление Администрации Владимирской области № 40 от 29.01.2021 (с изм. от 09.08.2023). СПС Кодекс.

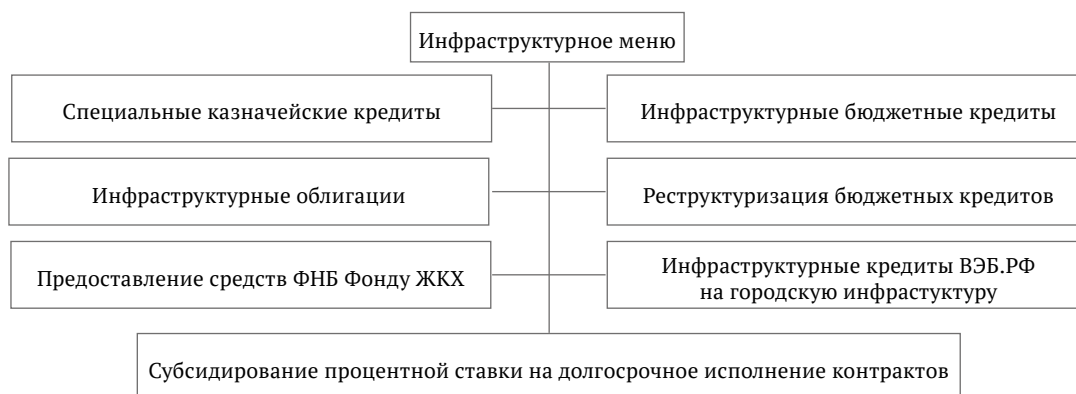

Рис. 2. Компоненты Инфраструктурного меню
Fig. 2. Infrastructure Menu: components

которые объединены идеологией гражданского участия, в бюджетный процесс и как сферу государственного и муниципального регулирования участия населения в определении и выборе проектов по развитию туризма на конкретных муниципальных территориях, финансируемых за счет средств соответствующих бюджетов. Также именно граждане будут осуществлять последующий контроль за реализацией отобранных проектов. Проекты инициативного бюджетирования, которые направлены на решение вопросов местного значения, по своей сущности отражают уникальные социально значимые результаты, которые в свою очередь имеют количественно измеримые итоги [28].

Все параметры комплексной государственной программы (показатели, мероприятия (результаты), финансирование) декомпозированы на муниципальные образования Владимирской области и «погружены» в муниципальные программы. Так как процессная часть может включать представленные механизмы финансирования и декомпозируемые параметры, то на данном уровне, согласно рисунку 1, проектная и процессная части объединены в единый элемент.

Уровень III: локальное управление, объектом которого является конкретное муниципальное образование Владимирской области, имеющее статус городского округа или муниципального района. Действующие муниципальные программы будут наследовать параметры, такие как показатели и мероприятия (результаты), с установленными значениями из комплексной государственной программы, а также финансирование на их реализацию.

Уровень IV: взаимодействие с муниципальным сообществом граждан, бизнес-сообществом. Для полноценной оценки результатов мероприятий, которые направлены на целевые группы, важно

постоянно получать обратную связь, а не просто формально фиксировать достижения запланированных значений в установленные сроки. Это позволит своевременно вносить нужные корректировки в документы стратегического и оперативного управления.

С 2023 г. основной инструмент получения обратной связи от всех целевых групп – носители информации с QR-кодом. Сведения, производимые с его помощью, подлежат обработке исполнительными органами Владимирской области и Министерством экономического развития Российской Федерации. Посредством указанного инструмента может быть получена обратная связь по различным объектам инфраструктуры (парки и скверы, дома культуры и т.д.). Однако формат реализации туристской политики зачастую предполагает проведение событийных мероприятий (составляющими которых являются буклеты, выставочные стенды, переносные баннеры, сувенирная и канцелярская продукция, видеоролики для социальных сетей и телевидения). В таком случае получение обратной связи уже не представляется возможным.

Исходя из этого предлагается интегрировать указанный способ передачи информации (с помощью QR-кодов) во все социально-значимые мероприятия и расширить перечень инструментов взаимодействия с целевыми группами, включив опросы в многофункциональных центрах предоставления госуслуг (МФЦ) в офлайн-режиме и проект «Активный гражданин», а также личный кабинет на портале «Госуслуги» в онлайн-режиме.

Предложенный на рисунке 1 механизм управления должен включать обеспечение интеграции и с Ситуационным центром Владимирской области, и Центром управления регионом для системности информирования о существующих проблемах и возможных рисках. Помимо этого, включение центров

в указанный механизм позволит повысить эффективность управления и обеспечит минимизацию потенциальных угроз благодаря применению методов прогнозного анализа (процессы использования статистических моделей и алгоритмов машинного обучения для анализа данных с целью прогнозирования будущих событий). В результате такой инструмент взаимодействия с целевыми группами, как Ситуационный центр Владимирской области и Центр управления регионом, позволяет принимать обоснованные решения на основе достоверных данных и тенденций. Дополнительно следует отметить возможность получения через перечисленные центры обратной связи с предложениями по изменению содержания государственных программ, расширению механизмов государственной поддержки, совершенствованию обязательных требований ее предоставления.

Механизм управления туристской индустрией Владимирской области реализуется посредством гибкой модели управления, предполагающей формирование проектных команд на каждом ее уровне, а также усиление «прямого руководства» первого заместителя губернатора региона в управлении комплексной государственной программой «Развитие туризма во Владимирской области». Так, на уровне I (стратегическое управление) основу проектной команды составляют кураторы стратегического планирования в Правительстве Владимирской области и представители регионального проектного офиса, на уровне II (отраслевое управление) – ведомственный проектный офис, включающий по одному представителю из каждого отраслевого исполнительного органа Владимирской области, на уровне III (локальное управление) – муниципальный проектный офис. Все участники данных проектных команд будут образовывать функциональную структуру проектной деятельности в исполнительных органах Владимирской области.

Функционирование данного механизма невозможно без цифровизации процессов и задач. Именно она повысит прозрачность деятельности исполнительных органов Владимирской области за счет внедрения мониторинговой панели, или дашборда губернатора Владимирской области, который позволит своевременно принимать управленческие решения. Вместе с тем цифровизация предполагает открытость и доступность информации о реализации комплексной госпрограммы для всех участников проектных команд и иных заинтересованных сторон. Дашборд включает в себя своевременное предоставление данных о ходе проекта, его целях, плановых и фактических значениях параметров,

сроках реализации значимых мероприятий и принятых решениях. Информационной системой для ведения комплексной государственной программы может послужить государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» (ГИИС «Электронный бюджет»), разработкой которой занимается Министерство финансов РФ.

Такой инструмент, как дашборд, дает целостное представление о статусе реализации всех параметров проекта в простой визуальной форме. Это необходимо для обеспечения оперативности реагирования на проблемы и риски и своевременного принятия управленческих решений. В настоящее время дашборд губернатора Владимирской области находится в стадии проектирования, что открывает широкие возможности для выработки предложений по его наполнению. По мнению авторов, наполнение дашборда, связанное с реализацией комплексной государственной программы «Развитие туризма во Владимирской области», должно включать несколько вкладок различного уровня детализации ежегодно предоставляемых данных о ходе выполнения госпрограмм Владимирской области и об оценке их эффективности, согласно таблице:

1. *Реализация государственных программ Владимирской области*: данные в целом по региону;
2. *Анализ хода реализации, оценка эффективности реализации государственных программ Владимирской области*: данные о ходе реализации и об оценке эффективности проведения госпрограммы региона;
3. *Анализ хода реализации структурного элемента*: данные о ходе реализации и об оценке эффективности проектной и процессной частей государственной программы Владимирской области;
4. *Онлайн-расчет рейтинга по уровню достижения целей государственных программ Владимирской области и муниципальных образований региона*.

Дополнительно на каждой представленной вкладке необходимо предусмотреть виджет «Риски и текущие проблемы», содержащий не только информацию из ГИИС «Электронный бюджет», но и сведения, обработанные Центром управления регионом.

Дополнительным инструментом реализации туристской политики региона и источником данных дашборда станет туристский сервис региона, посредством которого будет предоставлена доступная и актуальная информация о туристских возможностях региона. Доступ на уровне III (локальное управление) планируется организовывать через личные кабинеты в целях наполнения и поддержания актуальности информации о туристском потенциале каждой муниципальной территории.

Табл. Архитектура дашборда губернатора Владимирской области: управление госпрограммами

Tab. Governor's dashboard for government program management

Наименование листа дашборда	Показатель	Аналитика
Госпрограммы в разрезе вице-губернаторов Владимирской области	Количество госпрограмм	- общее значение по региону на реализацию госпрограммы; - в разрезе каждого вице-губернатора
	Финансирование госпрограмм	- плановое значение по региону на реализацию госпрограммы; - объем исполненных денежных средств на реализацию госпрограммы (в абсолютном и процентном виде) с указанием всех источников финансового обеспечения, включая детализацию по исполнению доли федерального бюджета, эффективность реализации которого определяется выделением общей доли проектного и процессного финансирования, а также для каждой госпрограммы
	Интегральная оценка эффективности (сводный годовой доклад) и квартальный уровень достижения госпрограмм	- общее значение по региону на реализацию госпрограммы; - в разрезе каждого вице-губернатора Владимирской области; - общее значение: количество госпрограмм с показателем выше и ниже среднего значения; - в виджете будет предусмотрен механизм <i>drill down</i> (переход в карточку конкретной госпрограммы); - на странице будут предусмотрены сортировки по наименованию, оценке уровня достижения, финансовому исполнению
	Количество объектов капитального строительства	по региону, в разрезе вице-губернаторов Владимирской области с указанием статусов: <i>всего, построено, строится, просрочено</i>
Паспорт госпрограммы	Первичная информация	- наименование; - куратор госпрограммы; - ответственный исполнитель; - сроки реализации
	Показатели	- индивидуальные для каждой госпрограммы (наименование, единица измерения, план / факт); - уровень достижения показателей паспорта госпрограммы с разбивкой до показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и госпрограммы (годовое значение)
	Исполнение финансового обеспечения	эффективность исполнения объема финансового обеспечения госпрограммы в разрезе ее структурных элементов и по годам реализации с указанием всех источников финансового обеспечения, в том числе детализация по исполнению доли федерального бюджета
	Структурные элементы госпрограммы	перечень структурных элементов госпрограммы с указанием их типа, наименования, ответственного исполнителя и статуса реализации, с возможностью <i>drill down</i> до конкретного структурного элемента
	Интегральная оценка эффективности (сводный годовой доклад) и квартальный уровень достижения госпрограммы	уровень достижения госпрограммы (в квартале с отражением доли выполненных контрольных точек)
	Общий уровень достижения всех структурных элементов	уровень достижения элементов
	Объекты капитального строительства госпрограммы	количество и статус объектов капитального строительства (<i>построено, строится, просрочено</i>) за период
	Индикатор риска госпрограммы	статус госпрограммы с возможностью перехода на перечень рисков, выявленных в ходе мониторинга реализации структурного элемента

Наименование листа дашборда	Показатель	Аналитика
Паспорт структурного элемента госпрограммы	Информация	- данные о наименовании, сроках реализации, кураторе, руководителе проекта / ответственном исполнителе структурного элемента, администраторе проекта / процесса; - данные об уровне достижения структурного элемента, эффективность исполнения объемов финансового обеспечения с детализацией до источников финансирования; - отражение количества объектов капитального строительства, сопряженных с дашбордом указанных объектов при его реализации: <i>всего</i> (в рамках структурного элемента), <i>построено, строится, просрочено</i>; - таблица достижения объема запланированного результата с отражением общего уровня достижения показателей, % исполнения, количества мероприятий, с возможностью раскрытия полного перечня показателей и их достижением; отражение реализации мероприятий в разрезе контрольных точек; механизм <i>drill down</i> должен быть настроен до конкретной контрольной точки

На уровне II (оперативное управление) вся информация аккумулируется в Ситуационном центре Владимирской области и Центре управления регионом.

Важно отметить, что в рамках дашборда губернатора Владимирской области и Ситуационного центра Владимирской области информация собирается по всем уровням управления. При этом Центр управления регионом не осуществляет прием информации из каких-либо информационных систем, работая только с комментариями граждан в публичных ресурсах. Помимо этого, сведения о ходе выполнения госпрограмм аккумулируются в Ситуационном центре Владимирской области.

Важным элементом механизма управления туристской индустрией Владимирской области является создание единого справочника показателей национальных целей развития Российской Федерации и государственных программ, включающего информацию по каждому уровню управления. Ключевая особенность предложенного механизма управления заключается в осуществлении сквозного мониторинга конкретных изменений состояния каждой целевой группы благоприобретателей в результате реализации мероприятий (результатов) комплексной госпрограммы «Развитие туризма во Владимирской области», а также предоставления возможности использовать универсальные метрики измерения достижения целевых приоритетов на каждом уровне управления.

Заключение

В научном сообществе вопрос выбора механизмов управления любой сферой жизни общества является предметом широких дискуссий. В частности, в рамках анализа Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.³ многими исследователями неэффективное государственное управление рассматривается как одна из главных угроз экономической безопасности. Сегодня проблема повышения качества, эффективности и результативности государственного управления является приоритетной.

Один из основных компонентов эффективного и качественного управления – выбор такого управленческого механизма, который будет способствовать достижению запланированных показателей в рамках установленных целей. Процесс целеполагания служит основой стратегического планирования. Качество сформулированных целей влияет как на возможность их достижения, так и на общее направление развития. Тем не менее в практике государственного управления РФ в недостаточной степени учитываются потери, связанные с низким качеством выбранных управленческих инструментов, даже несмотря на то, что они могут быть весьма значительными. Помимо этого, часто поднимается проблема несогласованности целей в различных сферах управления. Например, в туристской сфере – в части нормативного

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017. СПС КонсультантПлюс.

регулирования, финансового управления и стратегического планирования.

Элементы же предложенного механизма управления позволят повысить эффективность стратегического управления туристской отраслью, в том числе в части привлечения внебюджетных средств, через активизацию и вовлечение в процессы инициирования проектов всех целевых групп благоприобретателей. Апробация механизма управления туристской индустрией планируется при проведении комплексной госпрограммы «Развитие туризма во Владимирской области». В последующем, после получения результатов оценки эффективности реализации представленного механизма управления, он может быть применен на всю систему управления государственными программами в регионе.

Разработанный механизм управления туристской индустрией Владимирской области посредством программно-проектного подхода включает в себя единую систему планирования целевых параметров на всех уровнях управления, функциональную структуру управления туристской отраслью на уровне региона, инструменты финансового обеспечения и взаимодействия с муниципальным сообществом граждан и бизнес-сообществом. Консолидация и визуализация данных осуществляется

с использованием мониторинговой панели (дашборд). Данный механизм управления обеспечивает сквозную систему мониторинга благодаря прозрачной декомпозиции параметров документов стратегического планирования с федерального на региональный и муниципальный уровни. Структурные элементы указанного механизма также предполагают учет ответственности каждого должностного лица за качество работы и соблюдение сроков, ориентацию на результат, эффективное использование ресурсов и сотрудничество с другими членами команды.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Fu S. The effectiveness of Governmental assistance policies for the tourism industry in the context of pandemic. *Highlights in Business, Economics and Management*, 2024, 24: 499–504. <https://doi.org/10.54097/74c32w51>
2. Ersungur Kaçar M., Selçuk G. N. Evaluation of the tourism potential of the TRA1 region in terms of regional development policies. *Current Perspectives in Social Sciences*, 2022, 26(1): 112–117. <https://doi.org/10.54614/JSSI.2022.1015212>
3. Желнина З. Ю. Туризм в фокусе государственной поддержки и стратегий развития территорий. *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 4. С. 84–94. [Zhelnina Z. Yu. Tourism in the focus of state support and territorial development strategies. *Theory and Practice of Social Development*, 2023, (4): 84–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpfpoj>
4. Дерен И. И., Земляникина А. Д. Факторы формирования туристских потоков в условиях современного развития туризма в Российской Федерации. *Вестник университета*. 2024. № 3. С. 40–53. [Deren I. I., Zemlyanikina A. D. Factors of forming tourist flows in modern development of tourism in the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, 2024, (3): 40–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-3-40-53>
5. Николенко П. Г., Терехов А. М. Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития. *Статистика и Экономика*. 2022. Т. 19. № 4. С. 57–70. [Nikolenko P. G., Terekhov A. M. Analysis of the state of the tourism industry in Russia and the direction of its development. *Statistics and Economics*, 2022, 19(4): 57–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70>
6. Потапова Е. П., Земляникина А. Д. Трансформация внутреннего туристского рынка с позиции мегатрендов-2035. *Стратегическое развитие в условиях неопределенности: XXI науч.-практ. конф.* (Владимир, 17 ноября 2023 г.) Владимир: РАНХиГС, 2024. С. 118–123. [Potapova E. P., Zemlyanikina A. D. Transformation of the domestic tourism market from the perspective of megatrends-2035. *Strategic development in conditions of uncertainty: Proc. XXI Sci.-Prac. Conf.*, Vladimir, 17 Nov 2023. Vladimir: RANEPa, 2024, 118–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxeohh>

7. Бареева Е. Д., Прохорова О. Н. Антикризисные меры по развитию внутреннего туризма в России. *Экономика. Информатика*. 2021. Т. 48. № 2. С. 252–263. [Bareeva E. D., Prokhorova O. N. Anti-crisis measures for the development of domestic tourism in Russia. *Economics. Information Technologies*, 2021, 48(2): 252–263. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52575/2687-0932-2021-48-2-252-263>
8. Астафьева А. Д. Пути совершенствования современной системы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 8. С. 312–315. [Astafieva A. D. Current system of state support of small and medium enterprises: Improvement ways. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2016, (8): 312–315. (In Russ.)]
9. Афиногенов Д. А., Кочемасова Е. Ю., Сильвестров С. Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения. *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13. № 2. С. 23–31. [Afinogenov D. A., Kochemasova E. Yu., Silvestrov S. N. Strategic planning: Challenges and solutions. *Mir novoy ekonomiki*, 2019, 13(2): 23–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31>
10. Косинец Т. В. Совершенствование системы управления в сфере туризма и гостеприимства на примере Владимирской области. *Рынок транспортных услуг (проблемы повышения эффективности)*. 2014. № 7. С. 254–262. [Kosinets T. V. Improve the management system in the tourism and hospitality example of Vladimir Region. *Rynok transportnykh uslug (problemy povysheniia effektivnosti)*, 2014, (7): 254–262. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yllvue>
11. Абатури А. А. Проблема развития туризма в г. Владимире и необходимость ее решения программным методом. *Социально-экономическое развитие современного государства: инновационный подход*: Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 2008 г.) Владимир: ВИБ; Собор, 2008. С. 142–149. [Abaturin A. A. The problem of tourism development in Vladimir and the need to solve it using a program method. *Socio-economic development of the modern state: An innovative approach*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladimir, 2008, 142–149. Vladimir: VIB; Sobor, 2008. (In Russ.)]
12. Мельникова Т. Б. Новые подходы к управлению туристским развитием региона. *Региональная экономика: опыт и проблемы*: XII Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 15 мая 2019 г.) Владимир: РАНХиГС, 2019. С. 220–228. [Melnikova T. B. New approaches to managing regional tourism development. *Regional economy: Experience and problems*: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladimir, 15 May 2021. Vladimir: RANEPa, 2019, 220–228. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/axmsnn>
13. Яхварова Е. В. Повышение конкурентоспособности регионального туризма в России (на примере Саратовской области). *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2022. № 2. С. 185–196. [Yakhvarova E. V. Improving the competitiveness of regional tourism in Russia (on the example of the Saratov Region). *Aktualnye problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2022, (2): 185–196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kndbep>
14. Калабкина И. М., Зотова Е. В. Современные формы получения доходов в туристской отрасли. *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2021. № 1. С. 152–158. [Kalabkina I. M., Zotova E. V. Modern forms of income in the tourism industry. *Fundamental and applied researches of the cooperative sector of the economy*, 2021, (1): 152–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ecyxbk>
15. Dioko L. D. A. N. The content and structure of tourism and public policies: A temporal analysis of stability and change. *Cornell Hospitality Quarterly*, 2024, 65(1): 7–33. <https://doi.org/10.1177/19389655231182086>
16. Дерен И. И. Экономические тенденции в сфере услуг в Российской Федерации с учетом глобальных факторов. *Вестник Национальной академии туризма*. 2020. № 3. С. 34–37. [Deren I. I. Economic trends in the service sector in the Russian Federation taking into account global factors. *Vestnik of National Tourism Academy*, 2020, (3): 34–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzlprb>
17. Хайретдинова О. А. К вопросу о создании региональной бизнес-экосистемы туризма и гостеприимства. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2022. № 4. С. 146–152. [Khairtudinova O. A. On the issue of creating a regional business ecosystem of tourism and hospitality. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 2022, (4): 146–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-4-42-146-152>
18. Басюк А. С., Демченко Д. О., Сапоньянс К. Д. Современное состояние, перспективы развития и основные тренды туристской отрасли России. *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 5. С. 569–572. [Basyuk A. S., Demchenko D. O., Saponyans K. D. Current state, development prospects and main trends of the Russian tourism industry. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2023, (5): 569–572. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.154.5.110>

19. Берлизев Р. Н., Курашева Д. А. Современное состояние и перспективы развития туристской отрасли России. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 9-1. С. 37–39. [Berlizev R. N., Kurasheva D. A. Current state and prospects of Russian tourism industry development. *Ekonomika i biznes: Teoriia i praktika*, 2021, (9-1): 37–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-1-37-39>
20. Ke W. The impact of tourism policies on the competitiveness of tourist destinations. *Economics, Law and Policy*, 2024, 7(1): 126–135. <https://doi.org/10.22158/elp.v7n1p126>
21. Каверзин И. Л., Чернов М. Д. Матричная концепция формирования стратегии развития индустрии туризма и гостеприимства на муниципальном и региональном уровнях. *Научный аспект*. 2024. Т. 4. № 6. С. 427–431. [Kaverzin I. L., Chernov M. D. Matrix concept of forming a strategy for the development of the tourism and hospitality industry at the municipal and regional levels. *Nauchnyi aspekt*, 2024, 4(6): 427–431. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxhygl>
22. Смирнова О. О., Бочарова Л. К., Беляевская-Плотник Л. А., Богданова Ю. Н. Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2019. Т. 10. № 4. С. 440–456. [Smirnova O. O., Bocharova L. K., Belyaevskaya-Plotnik L. A., Bogdanova Yu. N. Conceptual approaches to the formation of architecture of documents of strategic planning in Russia. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2019, 10(4): 440–456. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.440-456>
23. Блохин А. А., Адамян Э. А., Китаев А. Е., Миронова И. И. Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2019. № 2. С. 3–25. [Blokhin A. A., Adamian E. A., Kitaev A. E., Mironova I. I. Comparative assessment of public management objectives in Russia's economy. *Moscow University Economics Bulletin*, 2019, (2): 3–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cdidpt>
24. Гумеров Р. Р. Реализация национальных целей в предлагаемой модели стратегического народно-хозяйственного планирования. *Российский экономический журнал*. 2019. № 5. С. 3–24. [Gumerov R. R. Realization of national goals in the proposed model of strategic economic planning. *Russian Economic Journal*, 2019, (5): 3–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-5-3-24>
25. Болдырева С. Б. Комплексный подход к повышению уровня социально-экономического развития региона на основе туризма: скоординированное развитие на региональном, отраслевом и микроуровне. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2022. Т. 19. № 2. С. 105–114. [Boldyreva S. B. Integrated approach to rising the level of social and economic development of the region based on tourism: Coordinated development on regional, sectoral and micro-levels. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2022, 19(2): 105–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkisdp>
26. Жигарева М. И., Макаров С. Д. Управление туризмом в Российской Федерации на основе проектного подхода. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2023. Т. 18. № 3. С. 798–803. [Zhigareva M. I., Makarov S. D. Tourism management in the Russian Federation based on the project approach. *Zdorove – osnova chelovecheskogo potentsiala: Problemy i puti ikh resheniia*, 2023, 18(3): 798–803. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbdxqf>
27. Дерен И. И., Земляникина А. Д. Повышение конкурентоспособности специализированных средств размещения во Владимирской области в контексте туристских ресурсов региона. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика*. 2024. № 3. С. 49–60. [Deren I. I., Zemlyanikina A. D. Improving the competitiveness of specialized accommodation facilities in the Vladimir Region in the context of the region's tourism resources. *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*, 2024, (3): 49–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2949-5024-2024-3-49-60>
28. Коломиец А. Г. К новому качеству управления государственными финансами. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. № 2. С. 147–161. [Kolomiyets A. G. Towards a new quality of public finance management. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, 2020, (2): 147–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eyslnq>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cvlosq>

Синергетический подход в формировании экономического пространства регионов

Курносов Алексей Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7701-4187

akurnosov_73@mail.ru

Аннотация: Цель – рассмотреть синергетический подход при формировании экономического пространства на примере Кемеровской области – Кузбасса. В регионе сформированы две агломерации, имеющие определенную специализацию с центрами в городах Кемерово и Новокузнецк. Выявлено, что для Кузбасса характерно демографическое сжатие, проявляющееся в выбытии населения, и коммуникативное сжатие, положительный эффект которого позволяет усилить транспортную связанность пространства. Компактность территории, наличие транспортных коммуникаций позволяют связать муниципальные образования с центрами агломераций. Агломерационная экономика как часть пространственной экономики изучает агломерационные (синергетические) эффекты. Для оценки агломерационного эффекта проведены расчеты производительности труда в разрезе Северо-Кузбасской и Южно-Кузбасской агломераций. Используются данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу по всем муниципальным образованиям, данные сайтов муниципальных образований, статистика Министерства экономического развития Кузбасса и транспортных организаций. Нормативную базу составили законодательные акты Кемеровской области – Кузбасса и Министерства экономического развития РФ. Установлено, что агломерационные эффекты в большей степени связаны не с масштабом, а со специализацией агломераций; производительность труда не всегда выше в центрах агломераций, так как в них развиты инновационные виды деятельности (финансовая, научно-образовательная, культурно-просветительская), которые являются источниками синергетического эффекта. Выявлено, что проявление синергетического подхода при формировании экономического пространства заключается в формировании новых *точек роста* в ресурсном монопрофильном регионе, не связанных с ведущей отраслью: территории опережающего развития в четырех городах (Новокузнецк, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Юрга), особая экономическая зона «Кузбасс» и спортивно-туристический комплекс «Шерегеш».

Ключевые слова: синергетический подход, агломерация, экономическое пространство, агломерационная экономика, точки роста, Кемеровская область – Кузбасс

Цитирование: Курносов А. В. Синергетический подход в формировании экономического пространства регионов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 288–300. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-288-300>

Поступила в редакцию 31.03.2025. Принята после рецензирования 25.04.2025. Принята в печать 28.04.2025.

full article

Synergetic Approach in the Formation of the Economic Space of the Regions

Alexey V. Kurnosov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7701-4187

akurnosov_73@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to consider a synergetic approach to the formation of an economic space using the example of the Kemerovo Region – Kuzbass. Two agglomerations have been formed in the region, which have their own specialization with centers in the cities of Kemerovo and Novokuznetsk. The authors have revealed that Kuzbass is characterized by demographic compression, manifested in the outflow of population, and communicative compression, the positive effect of which makes it possible to strengthen the transport connectivity of space. An assessment of the transport connectivity of the space is given. The compactness of the territory and the availability of transport communications make it possible to connect municipalities with the centers of agglomerations. Agglomeration economics as a part of spatial economics studies agglomeration (synergetic) effects. To assess the agglomeration effect, labor productivity calculations were carried out in the context of the North Kuzbass and South Kuzbass agglomerations. The author used statistical data from the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kemerovo Region – Kuzbass for all municipalities, data from the websites of municipalities, statistics from the Ministry of Economic Development of Kuzbass and transport organizations. The legislative acts of the Kemerovo Region – Kuzbass and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation formed the regulatory framework. It has been established that agglomeration effects are more related not to scale, but to the specialization of agglomerations; labor productivity is not always higher in the centers of agglomerations, since its have developed innovative activities (financial, scientific, educational, cultural and educational), which are sources of synergetic effect. It has been revealed that the manifestation of the synergetic approach in the formation of an economic environment space consists in the formation of new *growth points* in a resource-rich single-industry region that are not related to the leading industry: priority of development territories in four cities (Novokuznetsk, Prokopyevsk, Anzhero-Sudzhensk, Yurga), the Kuzbass special economic zone and the Sheregesh sports and tourism complex.

Keywords: synergetic approach, agglomeration, economic space, agglomeration economy, growth points, Kemerovo Region – Kuzbass

Citation: Kurnosov A. V. Synergetic Approach in the Formation of the Economic Space of the Regions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 288–300. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-288-300>

Received 31 Mar 2025. Accepted after review 25 Apr 2025. Accepted for publication 28 Apr 2025.

Введение

Министерством экономического развития Российской Федерации разработана Концепция Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.¹ Цель Концепции – обеспечить устойчивое сбалансированное развитие регионов, уменьшить дифференциацию их социально-экономического положения. Среди задач следует отметить такие, как создание условий для устойчивого расселения

на территории России и снижение оттока населения из сибирских регионов.

Россия – самое большое государство мира, которое обладает огромными освоенными и требующими освоения и заселения землями. Неравномерность заселения территорий, диспропорция между природными ресурсами и размещением населения, агломерационная концентрация в европейской части

¹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptsiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf?ysclid=m2n03zs77c91718466 (дата обращения: 20.03.2025).

страны приводят к дифференциации регионов и различиям в их социально-экономическом развитии. Так, «дифференциация между российскими регионами по сравнению с развитыми странами выше почти в 2 раза. Дифференциация между 10 "первыми" и 10 "последними" регионами по уровню ВРП на душу населения составляет 14,2 раза, по объему инвестиций – 15,7 раза, а по уровню бедности населения – 4,2 раза, по уровню смертности – 2,3 раза» [1, с. 80].

Одним из востребованных в научной среде направлений изучения агломерационной концентрации является *агломерационная экономика*. Экономическая концентрация в рамках моделей экономического роста, теория агломераций, центральных мест и случайного роста, которые основаны на положительном эффекте масштаба, широко освещались в научной литературе [2–6]. В коллективной монографии [7] приведен полный обзор исследований агломерационных процессов в региональной экономике с использованием подходов новой экономической географии.

Агломерационный эффект обусловлен экономической выгодой от концентрации деловой активности в регионе. Экономические выгоды от концентрации, в свою очередь, стимулируют развитие городских агломераций, имеющих преимущества в привлечении рабочей силы, условиях и оплате труда, использовании квалифицированных специалистов, и достигаются за счет наличия факторов внешней экономии для объектов, которые включены в процесс концентрации, сокращения издержек производства за счет положительного эффекта масштаба, повышения производительности по причине диффузии технологий, привлечения в отрасли региона смежных фирм.

Комплексное исследование ученых из Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук [8; 9] посвящено пространственному развитию России. В дополнение к этому Е. А. Коломак анализировала трансформацию пространственных пропорций развития РФ по направлениям *запад – восток, центр – периферия, регионы добывающей промышленности – регионы обрабатывающей промышленности* и сделала вывод об усилении концентрации и росте межрегиональных различий. Наряду с этим она выявила агломерационные эффекты и провела их количественную оценку для таких экономических показателей предприятий регионов, как прибыль и выручка [10]. Кроме того, при расчете агломерационных эффектов Ангаро-Енисейского

региона на основе эконометрического моделирования Е. А. Коломак обнаружила наличие как положительных, так и отрицательных агломерационных эффектов и опровергла мнение о том, что реализация агломерационной экономики возможна только в европейской части страны [11].

В коллективной работе [12] проанализированы агломерационные эффекты в зависимости от специализации регионов России. Ученые выделили регионы, которые специализируются на сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности, сфере услуг. В качестве показателя социально-экономического развития региона рассмотрен ВРП на душу населения. Помимо этого, в труде [13] проводилась оценка агломерационных эффектов с помощью эконометрических моделей для предприятий в 85 регионах. Результаты расчетов показали, что наибольшие агломерационные эффекты достигаются для населенных пунктов с численностью от 1,5 до 5 млн человек. Также агломерационные эффекты зависят от зоны транспортной доступности: как правило, 1,5–2-часовая транспортная доступность до центров крупных городов дает наибольший агломерационный эффект.

Исследование Центра стратегических разработок, основанное на анализе 22 агломераций с численностью населения более 1 млн человек, подтверждает, что агломерационные эффекты выражаются в росте производительности труда, его более высокой оплате, росте качества потребления². В дополнение к этому подчеркивается расширение зоны агломераций за счет транспортной доступности пригородов, строительства новых жилых районов в границах прежней агломерации и стирание барьеров, которые мешают экономическому обмену между близко расположенными населенными пунктами. Все это приводит к физическому увеличению агломерации, росту в ней численности населения и повышению производительности труда. Таким образом, наибольший эффект достигается в городских агломерациях с численностью населения более 1 млн человек и транспортной доступностью 1,5 часа от центра агломерации.

Вместе с тем крупные агломерации могут иметь и дезагломерационные эффекты (рост стоимости жизни, ухудшение экологии, снижение рождаемости). Полная картина положительных и отрицательных агломерационных эффектов территории отражена в работах [14; 15]. Таким образом, роль крупных агломераций в социально-экономическом развитии территории оценивается неоднозначно.

² Агломерации – точки роста в эпоху турбулентности. ЦСР. 16.06.2023. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/aglomeratsii-tochki-rosta-v-epokhu-turbulentnosti/> (дата обращения: 20.03.2025).

Агломерации зачастую рассматриваются как система взаимосвязанных элементов, которые формируют хозяйственный эффект, называемый синергетическим, эмерджентным, агломерационным и др. [16]. Опыт использования синергетического подхода для формирования Санкт-Петербургской агломерации представлен в труде [17]: автор определяет основные группы инновационной деятельности, которые формируют источники роста, способствующие повышению эффективности территориального управления. Преимуществом синергетического подхода, по мнению Д. И. Олифира, является формирование экономического пространства на основе имеющихся элементов производства, инфраструктуры, культурных кластеров, которые необходимы для получения дополнительных синергетических эффектов развития территории [16].

Цель – рассмотреть синергетический подход при формировании экономического пространства на примере Кемеровской области – Кузбасса. Кемеровская область характеризуется постоянным сокращением численности населения и его старением, специализацией на добыче угля, отсутствием городов-миллионников, преимущественным числом моногородов. В таких условиях сложно говорить про агломерационные эффекты в их классическом понимании. Однако в регионе на законодательном уровне созданы две агломерации с конкретным перечнем муниципальных образований (МО) и поставлена задача по выравниванию их социально-экономических условий.

Использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу (Кемеровостат) по всем муниципальным образованиям, данные сайтов муниципальных образований, статистика Министерства экономического развития Кузбасса и транспортных организаций. Нормативную базу составили законодательные акты Кемеровской области – Кузбасса, Министерства экономического развития РФ.

Результаты

Кузбасс является субъектом Российской Федерации, который входит в состав Сибирского федерального округа (СФО). В настоящее время в Кемеровской области 50 различных типов МО, среди которых 24 монопрофильных (значительную их часть составляют городские округа). К наиболее крупным

моногородам (с численностью населения не менее 100 тыс. человек) относятся Новокузнецкий, Прокопьевский и Беловский городские округа.

Существенные проблемы Кузбасса заключаются, во-первых, в большом количестве моногородов и ресурсном типе экономики, которая основана на угольной промышленности. Так, добыча угля занимает наибольший удельный вес в структуре ВРП (от 26 до 35 % в разные годы), а поступления от угольных предприятий составляют около 33 % налоговых доходов областного бюджета.

Во-вторых, в сокращении численности населения. Сложная демографическая ситуация вызвана как естественной убылью населения, так и массовым сокращением его численности за счет миграции в другие субъекты РФ. Стоит отметить, что с 2020 г. на убыль и прирост населения также повлияла пандемия COVID-19. Небольшой рост численности занятых по всем видам экономической деятельности в 2021 г. объясняется повышением пенсионного возраста. На фоне ускоренного старения населения численность населения в Кемеровской области сократилась с 2647693 человек в 2019 г. до 2547684 человек в 2023 г. За 2019–2023 гг. среднегодовая численность занятых в экономике снизилась на 29,1 тыс. человек, или 2,5 %.

В контексте пространственного развития все муниципальные образования Кемеровской области поделены на две крупные агломерации:

1. **Северо-Кузбасская (СКА)**, в состав которой входят территории 22 МО³. СКА расположена в северной части региона и занимает значительную долю всей площади Кузбасса (59,5 %). При этом площадь самой агломерации составляет 57675,6 км²; плотность населения – 23,65 человек/км², что меньше средней плотности населения региона в целом (26,9 человек/км²). Центр СКА образует Кемеровский городской округ с численностью населения 544600 человек. Наиболее развитые отрасли – химическая, металлургическая, машиностроительная, энергетическая, а также пищевая, текстильная, деревообрабатывающая. Основную долю в структуре промышленного комплекса составляют предприятия вида экономической деятельности *обрабатывающие производства*, где наибольший удельный вес занимают химическая промышленность и производство кокса.

2. **Южно-Кузбасская (ЮКА)**, в состав которой входят территории 21 МО⁴. ЮКА расположена

³ О создании Северо-Кузбасской агломерации. Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса № 2459 от 14.04.2022. *СПС Кодекс*.

⁴ О создании Южно-Кузбасской агломерации. Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса № 2458 от 14.04.2022. *СПС Кодекс*.

в южной части региона, ее центром является Новокузнецкий городской округ с численностью населения 531186 человек. В данной агломерации значительно развит сектор угольной промышленности. Угледобывающие производства имеются во всех городских и муниципальных округах и районах, входящих в состав ЮКА. Здесь ведут хозяйственную деятельность крупнейшие угольные холдинги России, такие как АО «УК "Кузбассразрезуголь"», «Сибирская угольная энергетическая компания», ОАО «ОУК "Южкузбассуголь"» и ПАО «Распадская». Металлургия сконцентрирована преимущественно в Новокузнецком городском округе и представлена ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат», а также ферросплавным и алюминиевым заводами. Кроме того, в Южно-Кузбасской агломерации имеется значительное количество крупных электростанций. В ЮКА насчитывается 379 населенных пунктов, что почти в 2 раза меньше, чем в СКА.

За последние три года численность СКА снизилась на 1,9 %, ЮКА – на 1,4 %. При проведении расчетов на основе данных Кемеровостата мы пришли к выводу, что плотность населения в агломерациях имеет общие тенденции. Так:

1. В СКА плотность населения в среднем в отдаленных муниципальных образованиях составляет 9,94 человек/км², тогда как в МО с близкой транспортной доступностью (включая центр агломерации) – 706,75 человек/км². Стоит отметить, что самый отдаленный муниципальный округ – Тяжинский – расположен в 5-часовой транспортной доступности.

2. В ЮКА плотность населения в среднем в отдаленных муниципальных образованиях – 7,16 человек/км², тогда как в МО с близкой транспортной доступностью (включая центр агломерации) – 466,95 человек/км². В ЮКА все городские и муниципальные округа расположены вблизи центра в 1,5–2-часовой транспортной доступности. Из самого отдаленного муниципального района – Таштагольского – можно доехать до центра агломерации за 3,5 часа.

Таким образом, при пространственном размещении наблюдается сокращение численности населения и уменьшение его плотности по мере увеличения транспортной доступности от центра агломераций. Однако компактность территории агломераций способствует миграционным потокам, что отражает не эффект масштаба, а эффект коммуникативного сжатия. Так, вопросы транспортной обеспеченности и сжатия экономического пространства Кузбасса исследовались в работе [18]. Кроме того, следует

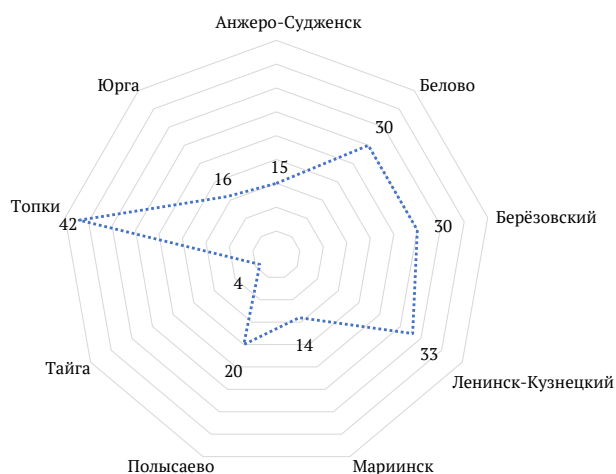
уточнить, что транспортная обеспеченность и связанность экономического пространства отражают активность экономических процессов и готовность территории к принятию инвестиционных проектов.

Кемеровская область имеет развитую транспортную сеть, которая включает в себя все виды транспорта, за исключением морского, обеспечивает и обслуживание пассажиров, и грузовые перевозки. Оценка транспортной доступности в агломерациях Кузбасса на основе данных о количестве автобусных рейсов, взятых с сайтов «Автовокзал Кемерово. Автовокзалы Кузбасса», E-traffic, «На Автобус», Tutu.ru и местных автовокзалов, представлена на рисунках 1, 2. Таким образом, наибольшая связанность автобусным сообщением в Северо-Кузбасской агломерации зафиксирована в городских округах Топки, Белово, Ленинск-Кузнецкий (40, 30, 30 рейсов соответственно), в Южно-Кузбасской – в городских округах Осинники и Прокопьевск (30 и 25 рейсов соответственно). Помимо этого, в СКА все города, кроме 5 поселков городского типа, имеют прямое автобусное сообщение. В то время как в ЮКА лишь у города Салаир и поселка Спасск отсутствует прямой рейс; добраться в таком случае до центра можно с пересадкой (транзитный рейс).

Сравнительная оценка транспортной доступности Кузбасса и соседних регионов приведена в работе [19]. Показатели, представленные в таблице 1⁵, отражают количественную составляющую транспортной обеспеченности территории путями сообщения, что непосредственно оказывает влияние на дальнейшее планирование при развитии транспортной инфраструктуры [20]. Так, для Кемеровской области характерен относительно высокий уровень транспортной обеспеченности, наиболее развитая транспортная сеть находится в тех МО, которые тяготеют к центрам агломераций, где сосредоточена основная часть населения региона.

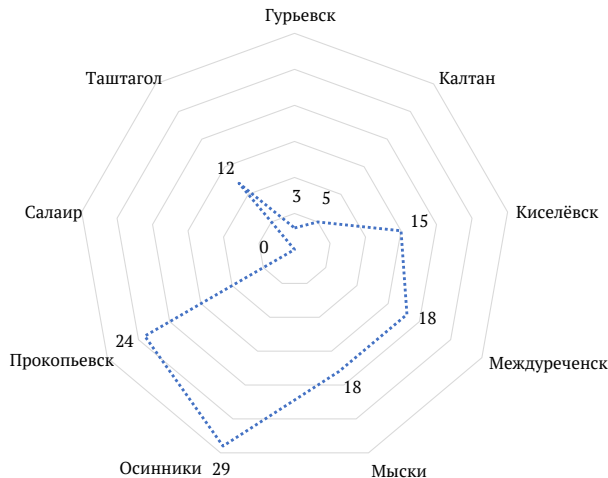
Например, в Северо-Кузбасской агломерации наибольшую транспортную обеспеченность имеют следующие муниципальные образования (табл. 1): Ленинск-Кузнецкий, Беловский, Полысаевский, Кемеровский, Березовский, Юргинский и Анжеро-Судженский городские округа (по плотности транспортной сети); Беловский, Полысаевский, Березовский, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженский, Юргинский, Тайгинский городские округа (по коэффициенту Энгеля); Ленинск-Кузнецкий, Юргинский, Беловский, Полысаевский городские округа (по коэффициенту Гольца).

⁵ Сост. по: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru>; МБД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.03.2025).

Прим.: цифрами обозначено количество прямых и транзитных рейсов до города.

Рис. 1. Транспортная доступность прямого автобусного сообщения городов относительно центра Северо-Кузбасской агломерации, 2023 г. [19, с. 388]
Fig. 1. Transport accessibility of direct bus services to cities relative to the center of the North Kuzbass agglomeration, 2023 [19, p. 388]

Прим.: цифрами обозначено количество прямых и транзитных рейсов до города.

Рис. 2. Транспортная доступность прямого автобусного сообщения городов относительно центра Южно-Кузбасской агломерации, 2023 г.
Fig. 2. Transport accessibility of direct bus services to cities relative to the center of the South Kuzbass agglomeration, 2023

Табл. 1. Оценка транспортной связанности кузбасских агломераций, 2022 г.

Tab. 1. Assessment of transport connectivity of Kuzbass agglomerations, 2022

Показатели	Кемеровская область – Кузбасс	Северо-Кузбасская агломерация	Южно-Кузбасская агломерация
Плотность транспортных путей, км/тыс. км ²	219,2	152,6	148,3
Плотность транспортной сети, км/10 тыс. человек	82,5	64,5	50,0
Транспортная подвижность, количество поездок на жителя в год	70,8	14,7	14,0
Уровень автомобилизации, ед./тыс. человек	271,0	287,0	273,0
Коэффициент Энгеля	0,04	0,03	0,03
Коэффициент Гольца	2,04	1,36	1,5

В Южно-Кузбасской агломерации по всем трем показателям (плотность транспортной сети, коэффициенты Энгеля и Гольца) наибольшую транспортную обеспеченность имеют Калтанский, Осинниковский, Киселевский и Прокопьевский городские округа (табл. 1). Такие результаты связаны в первую очередь с высокой заселенностью и пространственной концентрацией промышленных объектов на относительно небольшой по площади территории.

Компактность территории наряду с высоко-развитой транспортной системой обеспечивает коммуникационную связанность и проницаемость общественного пространства. Термин *связанность* используется для изучения уровня освоения

регионального пространства [21; 22]. Коммуникационная проницаемость зависит не только от транспортной системы, но и от степени развития мобильной связи и Интернета. В настоящий момент спектр современных услуг связи на территории Кемеровской области развит достаточно широко. Информационно-коммуникационная структура Кузбасса представлена телефонными станциями, сотовой и радиосвязью, сетью маркетплейсов, пунктами выдачи заказов.

«В регионах, богатых полезными ископаемыми, происходит упрощение механизма формирования агломераций. Их развитие носит преимущественно односторонний узкопрофильный характер, основанный на эффекте масштаба и концентрации

низкотехнологичных добывающих отраслей хозяйства» [14, с. 14]. Однако особенности Кемеровской области позволяют говорить о возможности формирования агломераций с использованием преимуществ компактности территории, обеспеченности транспортной и коммуникационной связями, которые сложились сетью научно-образовательных и культурно-просветительских организаций.

Агломерации Кузбасса, сформированные на законодательном уровне, благодаря информационно-коммуникационным связям, специализации и сочетанию смежных видов деятельности обладают синергетическим (агломерационным) эффектом. Д. И. Олифир выделяет основные виды инновационной деятельности: финансовые, сервисные, деловые услуги; туристская индустрия; информационная индустрия; наука и образование; региональные органы управления [16]. Именно они являются источниками синергетического эффекта и могут оказывать влияние не только на городские агломерации, но и на периферийные территории.

В центрах кузбасских агломераций формировались и продолжают формироваться виды деятельности, обладающие синергетическим эффектом. В последние годы они значительно расширяются в связи с проведением целенаправленной региональной политики по формированию спортивной и театрально-выставочной инфраструктуры

и событийного туризма. Синергетический эффект агломерационной экономики Кемеровской области формируется под влиянием высокой транспортно-коммуникационной связанности территории и усиления значения новых видов экономической деятельности.

В работе [23] показателями агломерационных эффектов также являются производительность труда, валовая добавленная стоимость, валовая добавленная стоимость на душу населения, прибыль и выручка предприятий. Расчеты проводятся для предприятий или населенных пунктов, вошедших в агломерацию (т.е. находящихся в 1,5–2-часовой доступности от центра), и предприятий или населенных пунктов, не включенных в нее. Нами же рассчитана производительность труда в обеих агломерациях⁶ за 2019–2023 гг. (табл. 2, 3⁷) на основе таких показателей, как *среднесписочная численность работников организаций, без субъектов малого предпринимательства и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, без субъектов малого предпринимательства*. Средняя численность работников СКА и ЮКА по фактическим видам экономической деятельности превышает 15 человек.

Сведения таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что наибольшая производительность труда

Табл. 2. Производительность труда по муниципальным образованиям, находящимся в 1,5–2-часовой доступности от центра Северо-Кузбасской агломерации, тыс. руб. на одного занятого

Tab. 2. Labor productivity in municipalities located within 1.5–2 hours of the center of the North Kuzbass agglomeration, thousand rubles per employee

Муниципальные образования	2019	2020	2021	2022	2023
Кемеровский городской округ	1693,5	2455,0	2359,0	2474,5	2455,0
Беловский городской округ	2600,1	4541,9	4107,7	5065,0	4541,9
Ленинск-Кузнецкий городской округ	2615,4	4272,4	3262,9	4753,5	4272,4
Юргинский городской округ	1067,8	1628,2	1554,2	1582,1	1628,2
Анжеро-Судженский городской округ	7934,9	9090,4	9251,4	9392,6	9090,4
Березовский городской округ	1408,0	1858,3	2744,2	2942,0	1858,3
Полысаевский городской округ	3094,1	2534,1	1102,1	2964,9	2534,1
Беловский муниципальный округ	5390,0	7177,8	8188,6	10633,5	7177,8
Юргинский муниципальный округ	321,5	–	–	–	–
Всего	2354,0	3448,2	2601,0	3807,0	3448,2

Прим.: курсивом выделены значения производительности труда, превышающие значения этого показателя в среднем по агломерации.

⁶ Более высокие значения показателей свидетельствуют об агломерационном эффекте.

⁷ Таблицы 2, 3 и рисунки 3, 4 сост. по: Кемеровостат. URL: <https://42.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

Табл. 3. Производительность труда по муниципальным образованиям, находящимся в 1,5–2-часовой доступности от центра Южно-Кузбасской агломерации, тыс. руб. на одного занятого

Tab. 3. Labor productivity in municipalities located within 1.5–2 hours of the center of the North Kuzbass agglomeration, thousand rubles per employee

Муниципальные образования	2019	2020	2021	2022	2023
Новокузнецкий городской округ	3312,3	3995,1	6182,9	5836,3	5559,4
Киселевский городской округ	2757,6	2347,9	5853,4	7157,0	5684,2
Междуреченский городской округ	5432,9	3815,3	7257,9	9025,6	6973,1
Мысковский городской округ	7446,8	5101,1	9693,0	16462,0	13130,3
Осинниковский городской округ	1360,0	1808,7	2018,0	2102,0	2220,1
Прокопьевский городской округ	1155,1	1014,9	1636,3	1848,1	1316,4
Калтанский городской округ	2202,4	2287,4	3772,3	2820,9	1606,4
Всего	3381,0	2910,0	5202,0	6464,6	5212,9

Прим.: курсивом выделены значения производительности труда, превышающие значения этого показателя в среднем по агломерации.

в Северо-Кузбасской агломерации свойственна Беловскому, Анжеро-Судженскому, Ленинск-Кузнецкому городским округам и Беловскому муниципальному округу. В них наблюдается устойчивая тенденция превышения производительности труда над значением этого показателя в среднем по агломерации в течение 5 лет. Это объясняется преобладанием угольных производств, которые обеспечивают значительные объемы продукции. Однако в 2023 г. по всем МО зафиксировано снижение численности занятых, за исключением Юргинского муниципального округа, что привело к снижению производительности труда в целом по агломерации на 9,4 %.

В Южно-Кузбасской агломерации рост производительности труда наблюдался до 2023 г. (табл. 3). Далее произошло снижение числа занятых во всех городских округах, кроме Калтанского и Мысковского, что привело к снижению производительности труда в целом по агломерации на 11,7 %. В трех городских округах (Новокузнецкий, Междуреченский, Мысковский) данный показатель в течение 5 лет превышал средние значения по агломерации.

Исходя из результатов сравнения производительности труда двух агломераций, представленных на рисунке 3, установлено, что, во-первых, производительность труда в Южно-Кузбасской агломерации выше, чем в Северо-Кузбасской, хотя численность занятых меньше. Во-вторых, в ЮКА численность занятых за 2019–2023 гг. сократилась на 4,5 %, а производительность труда выросла на 59,9 %. В-третьих, в СКА численность занятых становилась меньше (за исключением 2021 г.) и за 5 лет

сократилась на 5,3 %. Производительность же труда за 2019–2023 гг. выросла на 46,2 %. Такие результаты связаны с модернизацией производства: несмотря на сокращение числа занятых выпускаемая продукция увеличилась.

Для более полного анализа автором проведены расчеты производительности труда по видам экономической деятельности, т.к. агломерации имеют четко выраженную специализацию. Следует отметить, что расчеты ограничены двумя видами деятельности

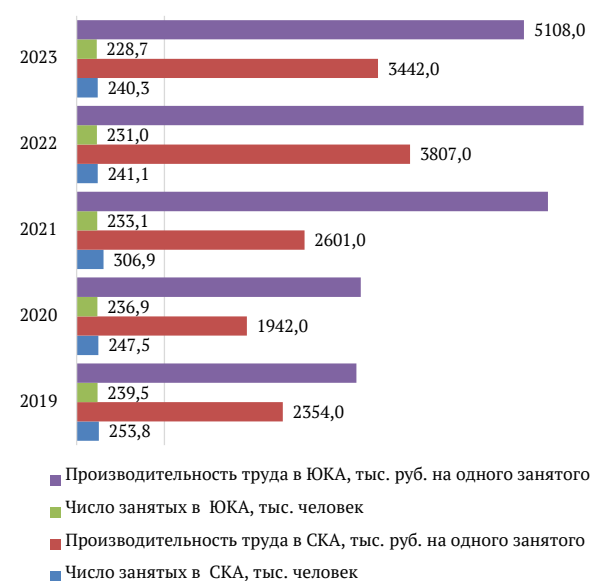

Рис. 3. Северо-Кузбасская и Южно-Кузбасская агломерации: производительность труда и численность занятых
Fig. 3. North Kuzbass and South Kuzbass agglomerations: labor productivity and number of employees

ввиду того, что соответствующая муниципальная статистика по большинству МО отсутствует (рис. 4).

Например, в Северо-Кузбасской агломерации производительность труда по видам экономической деятельности *добыча полезных ископаемых* и *обрабатывающие производства* выше, чем по всей агломерации, поскольку для указанной агломерации они являются ведущими отраслями. За 2019–2023 гг. численность занятых в СКА по представленным видам экономической деятельности сократилась на 8,4 %, а производительность труда выросла на 19,4 % (однако ее значения ниже, чем по отдельным видам). За 5 лет наибольшее значение данного показателя наблюдалось в отрасли *обрабатывающие производства* (рост на 75,9 %). В отрасли *добыча полезных ископаемых* производительность труда выросла на 30 %.

В Южно-Кузбасской агломерации зафиксирован рост производительности труда как по отдельным видам экономической деятельности, так и в общем. При этом численность занятых стала меньше. В 2023 г. отмечалось сокращение производительности труда по всей агломерации по сравнению с 2022 г. Наибольшее снижение произошло в отрасли *добыча полезных ископаемых*, поскольку

уменьшение добычи угля ввиду санкций привело к уменьшению производства в металлургической промышленности. В связи с тем, что эти отрасли являются основными для ЮКА, данная ситуация в целом повлияла на сокращение производительности труда в агломерации.

Итак, производительность труда в большей степени зависит от специализации агломераций и размещения производств на территориях. Центры агломераций имеют функциональные районы, в которых сосредоточены научно-образовательные учреждения, органы власти и управления, инновационные кластеры, способные генерировать синергетический эффект.

При создании агломераций в Кузбассе ставились задачи устранения диспропорций в социально-экономическом развитии муниципальных образований, т. е. нормализация экономических показателей и создание равных условий жизни. Небольшие расстояния, транспортная доступность, коммуникационная связанность дают возможность использовать достижения «столиц» агломераций. Равномерное распределение производительности труда по всей территории Кемеровской области, а не по мере удаления от центров агломераций отличает ее от агломерационной экономики других регионов.

Дальнейшее развитие агломераций связано с топливно-энергетическим комплексом, однако изменения, произошедшие в последние годы, демонстрируют, что в Кузбассе складывается ситуация для формирования ядер новых кластеров [24]. Именно они создают основу для структурных сдвигов в ресурсном регионе как с позиции занятости населения, так и снижения углеродоемкости экономики. Ядра новых кластеров формируются в таких отраслях, как строительство; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство; обрабатывающие производства. Потенциально деятельность по транспортировке и хранению может образовать ядро кластера при стимулирующей региональной политике.

В текущих условиях сложно рассчитывать на расширение границ муниципальных образований или рост численности населения, поэтому для купирования рисков, связанных с монополией одной отрасли, существует только один путь – диверсификация экономики и создание новых рабочих мест, т. е. выявление новых *точек роста*. В Кузбассе созданы четыре территории опережающего развития (ТОР): Юрга⁸,

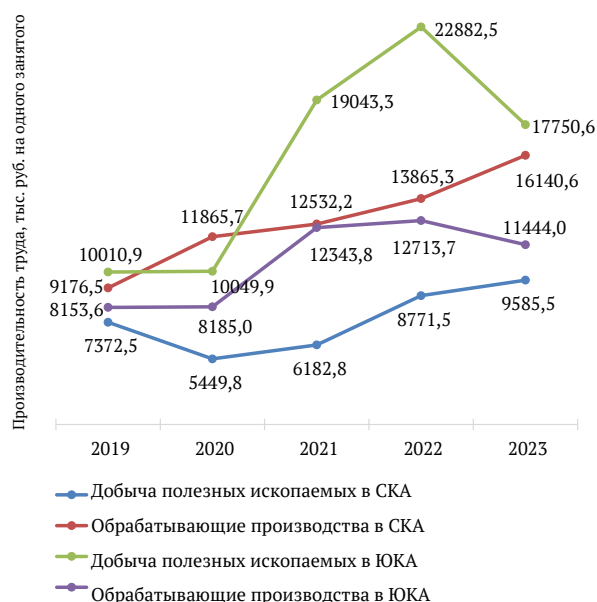

Рис. 4. Северо-Кузбасская и Южно-Кузбасская агломерации: производительность труда по видам экономической деятельности

Fig. 4. North Kuzbass and South Kuzbass agglomerations: labor productivity by type of economic activity

⁸ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Юрга». Постановление Правительства РФ № 641 от 07.07.2016 (ред. от 21.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

Анжеро-Судженск⁹, Новокузнецк¹⁰, Прокопьевск¹¹. Они представляют собой своего рода *точки роста* в периферийных поясах агломерации, сглаживающие территориальные диспропорции.

Становление резидентами территории опережающего развития является выгодным для бизнеса с точки зрения льготного налогового режима, который продлен до 2030 г. С 2018 г. выручка резидентов ТОР выросла с 2,7 млрд руб. до 10,2 млрд руб., или в 3,7 раза. Объем инвестиций за время действия режима ТОР в регионе увеличился в 10,2 раза, создано более 3 тыс. рабочих мест¹². В Юрге появились две текстильные фабрики: одна выпускает флис и искусственный мех, вторая – синтепон и прочие утеплители для верхней одежды.

Постановлением Правительства РФ № 1935 от 29.10.2022 создана особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Кузбасс» на территории Кемеровского городского округа и Топкинского муниципального округа¹³. Отличия данной зоны от ТОР заключаются в сроках действия, системе налоговых льгот, размере стартовых инвестиций, статусе предпринимательской деятельности и свободе таможенной зоны. Территория особой экономической зоны «Кузбасс» составляет 628 га, среди которых 563 га занимает Топкинский муниципальный округ, 65 га – Кемеровский городской округ. В указанной зоне планируется производство минеральных удобрений (аммиак, гранулированный карбамид, жидкая углекислота) и запуск работы предприятий по производству извести, медицинской мебели и продуктов питания, а также по переработке зерен амаранта, которые богаты полезными веществами и могут быть использованы для профилактики онкологических заболеваний. Сумма, направленная на реализацию проектов в рамках особой экономической зоны «Кузбасс», составляет около 93 млрд руб., а количество высокотехнологичных рабочих мест – 1200. Крупнейшим инвестором является ООО «Азот-2» с проектом

по производству аммиака и гранулированного карбамида (76 млрд руб.).

С целью развития внутреннего и въездного туризма Правительством Кемеровской области – Кузбасса утверждена Стратегия спортивно-туристического комплекса «Шерегеш»¹⁴. Основные задачи – развитие туристской отрасли и создание горнолыжного курорта круглогодичного цикла. В 2023 г. туристская инфраструктура включала в себя 93 гостиницы, 77 ресторанов, кафе, баров, 19 канатных дорог, 50 СПА-комплексов, бань, саун, 30 пунктов проката и инструкторских школ, 20 открытых бассейнов, 16 автостоянок, 3 снегоходные трассы. Для создания курорта мирового уровня этих объектов недостаточно – необходимо строительство гостиниц, культурных центров, транспортных путей. Бюджет Стратегии составляет 172,03 млрд руб., а количество рабочих мест – 10737. Кроме того, спортивно-туристический комплекс «Шерегеш» в Южно-Кузбасской агломерации также играет роль *точки роста* и инструмента сглаживания диспропорций развития.

Таким образом, агломерации Кузбасса различаются численностью занятых в экономике и специализацией производства. СКА более диверсифицирована, чем ЮКА. Создание спортивно-туристического комплекса «Шерегеш» позволит решить не только задачу развития туристской отрасли, но и сформировать новый центр с привлечением квалифицированных кадров.

Заключение

Отрицательные эффекты, которые могут возникнуть в крупных городских агломерациях, приводят к дифференциации территорий в социально-экономическом развитии, оттоку населения из восточных регионов страны. Пространственные диспропорции способны нарушить безопасность страны, вызвать социальную напряженность, ухудшить демографическую обстановку.

⁹ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Анжеро-Судженск». Постановление Правительства РФ № 941 от 19.09.2016 (ред. от 21.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Новокузнецк». Постановление Правительства РФ № 278 от 16.03.2018 (ред. от 21.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹¹ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Прокопьевск». Постановление Правительства РФ № 1470 от 03.12.2018 (ред. от 21.07.2023). СПС КонсультантПлюс.

¹² Цивилев: резиденты ТОР в Кузбассе инвестировали 8,2 миллиарда рублей. РИА Новости. 13.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230213/kuzbass-1851731859.html> (дата обращения: 20.03.2025).

¹³ О создании на территории города Кемерово и муниципального образования «Топкинский муниципальный округ» Кемеровской области – Кузбасса особой экономической зоны промышленно-производственного типа. Постановление Правительства РФ № 1935 от 29.10.2022. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Об утверждении Стратегии развития спортивно-туристического комплекса «Шерегеш» до 2035 г. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 37 от 31.01.2024. Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202402050002?index=1> (дата обращения: 20.03.2025).

Принятая Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. направлена на формирование сбалансированности и выравнивание социально-экономического развития севера и юга Кузбасса (создание агломераций).

При формировании экономического пространства актуальным является синергетический подход, который предполагает на основе агломерационного (синергетического) эффекта выявление инновационных видов деятельности, которые представляют собой источники *точек роста*. Так:

1. В Кемеровской области наблюдаются демографическое и коммуникационное сжатие пространства.

2. Одним из показателей агломерационного эффекта является производительность труда. Обычно в центрах агломераций значения этого показателя выше, чем в отдаленных от центров территориях. Проведенные автором расчеты производительности труда по муниципальным образованиям в 1,5–2-часовой доступности от центров агломераций показывают, что это не всегда так. То есть агломерационный эффект связан не с масштабом городской агломерации, а со специализацией и размещением производств. Также следует отметить, что центрами

агломераций должны быть города-миллионники, однако агломерации Кузбасса этим требованиям не отвечают.

3. Синергетический подход основывается на инновационных видах деятельности, таких как финансовая, культурно-просветительская, туристская, научная, которые формируют новые *точки роста*. Указанное обуславливает создание территорий опережающего развития, формирование туристского кластера в Шерегеше, предпосылок для разработки новых кластеров, не связанных с добычей полезных ископаемых.

Итак, синергетический подход при формировании экономического пространства региона имеет практическое применение в территориальном планировании муниципальных образований и создает конкурентные преимущества региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Клепач А. Н. Организация российского пространства в новой реальности. *Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении*: VI Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 21–22 марта 2024 г.) Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2024. Т. 6. С. 79–85. [Klepach A. N. Organization of the Russian space in the new reality. *Russia's economic policy in the intersectoral and spatial dimension*: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Tomsk, 21–22 Mar 2024. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2024, vol. 6, 79–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojfpui>
2. Krugman P. R., Venables A. J. The seamless word: A spatial model of international specialization and trade. *NBER*, 1995. URL: <https://ssrn.com/abstract=225284> (accessed 28 Mar 2025).
3. Harris C. D. The market as a factor in the localization of production. *Annals of the Association of American Geographers*, 1954, 44(4): 315–348.
4. Ellison G., Glaeser E. L. Geographic concentration in U.S. manufacturing industries: A dashboard approach. *Journal of Political Economy*, 1997, 105(5): 889–927. <https://doi.org/10.1086/262098>
5. Romer P. Increasing returns and new developments in the theory of growth. *NBER*, 1989. URL: <https://ssrn.com/abstract=227464> (accessed 28 Mar 2025).
6. Holmes T. J., Stevens J. J. Geographic concentration and establishment scale. *Review of Economics and Statistics*, 2002, 84(4): 682–690. <https://doi.org/10.1162/003465302760556495>
7. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации экономики, ред. С. Н. Растворцева. М.: Экон-информ, 2013. 335 с. [*Competitiveness of Russian regions in a globalized economy*, ed. Rastvortseva S. N. Moscow: Ekon-inform, 2013, 335. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwoeox>
8. Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты, ред. Е. А. Коломак. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 500 с. [*Spatial development of contemporary Russia: Trends, factors, mechanisms, institutions*, ed. Kolomak E. A. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2020, 500. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwzwlw>

9. Коломак Е. А. Пространственное развитие России в XXI в. *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. [Kolomak E. A. Spatial development of Russia in XXI century. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2019, 15(4): 85–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
10. Коломак Е. А. Региональная проекция агломерационной экономики в России. *Регион: экономика и социология*. 2024. № 1. С. 150–176. [Kolomak E. A. Spatial development of Russia in XXI century. *Region: Ekonomika i sotsiologiya*, 2024, (1): 150–176. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/REG20240104>
11. Коломак Е. А. Оценка влияния агломерационных факторов на экономическую активность Ангаро-Енисейского региона. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16. № 9. С. 1560–1566. [Kolomak E. A. Assessment of the influence of agglomeration factors on the economic activity of the Angara-Yenisei Region. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(9): 1560–1566. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gordcz>
12. Растворцева С. Н., Снитко Л. Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 3. С. 46–58. [Rastvortseva S. N., Snitko L. T. Regional specialization and agglomeration effects in the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, 13(3): 46–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.4>
13. Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития. *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 3. С. 50–59. [Lavrinenko P. A., Mikhailova T. N., Romashina A. A., Chistyakov P. A. Agglomeration effect as a tool of regional development. *Problemy prognozirovaniia*, 2019, (3): 50–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfxhgx>
14. Гладкий А. В. Сущность агломерационного эффекта территории и его влияние на прибыльность регионального развития предприятий. *Региональные исследования*. 2014. № 2. С. 10–16. [Gladkey A. V. The essence of agglomeration's effect and their influence on economic efficiency of enterprises' regional development. *Regionalnye issledovaniia*, 2014, (2): 10–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/silexz>
15. Федоляк В. С. Агломерационные и дезагломерационные эффекты в социально-экономическом развитии территорий. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 3. [Fedolyak V. S. Agglomeration and disagglomeration effects in socio-economic development of territories. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2024, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.13>
16. Олифир Д. И. Синергия пространства как источник инновационной системы управления и развития городских агломераций (на примере Санкт-Петербургской агломерации). *Вопросы инновационной экономики*. 2019. Т. 9. № 4. С. 1403–1414. [Olifir D. I. Synergy space as the source of innovation system of urban agglomerations management and development (on the example of Sankt-Petersburg agglomeration). *Russian Journal of Innovation Economics*, 2019, 9(4): 1403–1414. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/vinec.9.4.41300>
17. Олифир Д. И. Совершенствование практики территориального планирования Санкт-Петербургской агломерации: стратегические ориентиры и формирование инновационной структуры. *Креативная экономика*. 2020. Т. 14. № 10. С. 2331–2352. [Olifir D. I. Improving the practice of territorial planning in the St. Petersburg agglomeration: Strategic guidelines and innovative structure. *Kreativnaya ekonomika*, 2020, 14(10): 2331–2352. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/ce.14.10.110939>
18. Курносов А. В. «Управляемое сжатие» экономического пространства как стратегия адаптации к существующей реальности. *Экономика устойчивого развития*. 2023. № 4. С. 138–142. [Kurnosov A. V. "Controlled compression" of economic space as a strategy of adaptation to the existing reality. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia*, 2023, (4): 138–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwukne>
19. Курносов А. В., Мекуш Г. Е. Транспортно-коммуникационная связанность экономического пространства и агломерации как факторы развития экономики моногорода Белово. *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кузбасс, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. Т. 3. С. 385–394. [Kurnosov A. V., Mekush G. E. Transport and communication connectivity of economic space and agglomeration as factors of economic development in the single-industry town of Belovo. *Development of the Kuzbass productive forces: History, modern experience, future strategy*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kuzbass, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, vol. 3, 385–394. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dpudrm>
20. Лебедева Н. А. Оценка транспортной обеспеченности Северо-Западного федерального округа. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент*. 2021. № 2. С. 47–54. [Lebedeva N. A. Estimation of transport security in the north-western federal district. *Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, 2021, (2): 47–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2021-14-2-47-54>

21. Чувашова М. Н., Мыльникова А. А., Горбачева А. К. Исследование вопросов связанности регионального пространства информационно-коммуникационными технологиями. *Фундаментальные исследования*. 2020. № 12. С. 240–245. [Chuvashova M. N., Mylnikova A. A., Gorbacheva A. K. The study of issues of regional space connectivity with using of information and communication technologies. *Fundamental research*, 2020, (12): 240–245. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/fr.42940>
22. Синицкая Н. П., Алешина Г. Н. Транспортно-коммуникационная проницаемость межрегиональных границ как фактор пространственной связности территории. *Градостроительство*. 2019. № 5. С. 9–13. [Sinitskaya N. P., Aleshina G. N. Transport and communication permeability of interregional borders as a factor of spatial connectivity of the territory. *Gradostroitelstvo*, 2019, (5): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocnntk>
23. Трубехина И. Е. Факторы пространственных различий производительности труда на муниципальном уровне в обрабатывающей промышленности на примере Сибирского федерального округа. *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 11. С. 49–62. [Trubekhina I. E. factors of spatial differences in labor productivity in manufacturing at the municipal level (the Siberian Federal district case study). *Regional economics: Theory and practice*, 2015, (11): 49–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tljman>
24. Мекуш Г. Е., Курносов А. В., Панов А. А. Структурные сдвиги и кластерообразование как основа конкурентоспособности экономики региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2024. Т. 22. № 12. С. 2213–2233. [Mekush G. E., Panov A. A., Kurnosov A. V. Structural changes and cluster formation as the basis of the competitiveness of the region's economy. *Regional economics: Theory and practice*, 2024, 22(12): 2213–2233. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/re.22.12.2213>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/drhqow>

Формирование цифровых компетенций студентов: институциональный и региональный аспекты (на примере программ дополнительного образования цифровых кафедр вузов)

Лысенко Елена Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6959-7364

<https://orcid.org/0000-0001-9842-6031>lysenko.elena@bk.ru

Аннотация: Актуальность формирования цифровых компетенций в подготовке кадров в системе высшего образования обусловлена стратегическим характером цифровой трансформации всех сфер экономики и социальной сферы. «Цифровые кафедры» – проект, который реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» и является базой для формирования цифровых компетенций в региональных университетах, инструментом повышения конкурентоспособности регионального вуза. Цель исследования – выявить проблемные зоны и перспективы работы цифровых кафедр в региональных университетах, не обладающих особыми статусами (федеральный, научно-исследовательский), чтобы в дальнейшем разработать рекомендации по повышению эффективности деятельности для формирования цифровых компетенций. Проанализировано понятие *цифровые компетенции*. В 2022–2024 гг. проведены глубинное интервью обучающихся на цифровой кафедре Кемеровского государственного университета ($n = 12$) и экспертный опрос тьюторов и кураторов обучения в четырех региональных университетах, не обладающих особым статусом ($n = 5$). Проанализированы публикации по исследуемой теме и нормативные документы. Обнаружены барьеры, которые влияют на эффективность деятельности цифровых кафедр: излишняя зарегулированность (перегруженность деятельности кафедр нормативными документами); недостаток мотивации и вовлеченности почти у всех участников процесса (студенты, преподаватели, партнеры); частое отсутствие необходимых профильных компаний-партнеров в регионе; проблемы с материально-техническим оснащением; сложности в продвижении программ. Предложены направления совершенствования деятельности цифровых кафедр: 1) развитие института тьюторства; 2) привлечение сетевых партнеров и онлайн-платформ; 3) использование инструментов мягкой силы; 4) встраивание проектов цифровых кафедр в уже имеющуюся университетскую инфраструктуру; 5) составление и развитие рейтинга эффективности цифровых кафедр на институциональном уровне и повышение прозрачности мониторинга их деятельности с участием промышленных партнеров.

Ключевые слова: подготовка кадров, высшее образование, региональные университеты, конкурентоспособность региональных вузов, цифровая кафедра, цифровые компетенции, эффективность обучения

Цитирование: Лысенко Е. А. Формирование цифровых компетенций студентов: институциональный и региональный аспекты (на примере программ дополнительного образования цифровых кафедр вузов). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 301–314. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-301-314>

Поступила в редакцию 03.02.2025. Принята после рецензирования 11.04.2025. Принята в печать 14.04.2025.

full article

Formation of Students' Digital Competencies: Institutional and Regional Aspects (Using the Example of Continuing Education Programs at Digital University Departments)

Elena A. Lysenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6959-7364

<https://orcid.org/0000-0001-9842-6031>lysenko.elena@bk.ru

Abstract: The ongoing digital transformation of economy and society demands digital literacy from university personnel. Digital Departments is a project of Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program. Its goal is to develop digital competencies in regional universities, thus improving their competitiveness. The authors studied the problem areas and prospects of digital departments in regional universities with no federal / research status to develop recommendations on improving the digital literacy in the Kemerovo State University. The in-depth interview (2022–2024) involved students of the digital department (n = 12); the expert survey involved tutors and supervisors at four regional universities with no special status (n = 5). A review of scientific publications and normative documents made it possible to define the phenomenon of digital competency. The problem areas included excessive regulation (overload of normative documents); lack of motivation and involvement (students, professors, potential employers); lack of specialized partner companies in the region; poor material and technical base; low promotion level. The list of recommendations included the following measures: 1) to develop the system of tutorship; 2) to attract network partners and online platforms; 3) to apply soft power tools; 4) to incorporate the projects of digital departments into the existing university infrastructure; 5) to rate the effectiveness of digital departments at the institutional level and increase the monitoring transparency for industrial partners.

Keywords: personnel training, higher education, regional universities, competitiveness of regional universities, digital department, digital competencies, learning efficiency

Citation: Lysenko E. A. Formation of Students' Digital Competencies: Institutional and Regional Aspects (Using the Example of Continuing Education Programs at Digital University Departments). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 301–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-301-314>

Received 3 Feb 2025. Accepted after review 11 Apr 2025. Accepted for publication 14 Apr 2025.

Введение

В последние годы региональное высшее образование испытывает немало трудностей, связанных прежде всего с выездом молодежи из ряда регионов. Этот процесс, во-первых, сопровождается высокими темпами оттока высококвалифицированных кадров (в группе экономически активного населения трудоспособного возраста, покидающего Кемеровскую область – Кузбасс, около 18–20 % составляют люди с высшим образованием¹), а во-вторых, обусловлен образовательной миграцией – получением образования в других регионах страны [1; 2]. В такой непростой ситуации находятся все регионы Сибири

и Дальнего Востока. Помимо этого, происходит общее снижение численности населения. Например, в Кузбассе численность населения упала с 2592 тыс. человек в 2018 г. до 2547,7 тыс. человек в 2024 г.² Указанное является серьезной угрозой для трудового потенциала регионов и может привести к «вымыванию» из них конкурентоспособных специалистов. И. А. Коршунов с соавторами подчеркивает, что запрос на высококвалифицированные кадры в субъектах Российской Федерации связан с увеличением валовой добавленной стоимости в соответствующих отраслях [3].

¹ Кузбасс языком цифр 2024: стат. сб. (оперативные данные). Кемерово: Кемеровостат, 2024. 40 с.

² Там же.

Образовательная миграция как смена места проживания для получения образования с последующим трудоустройством не выглядит так масштабно, как отток трудоспособного населения. Однако она способна оказать существенное отложенное воздействие на региональные рынки труда [4]. Государством предпринимаются меры, направленные на повышение привлекательности региональных университетов для абитуриентов и уменьшение дифференциации подготовки высококвалифицированных кадров в региональном разрезе. Это способствует сохранению контингента и минимизации оттока молодежи, получению региональными университетами ресурсов для развития. Одним из аспектов уменьшения указанной дифференциации является формирование цифровых компетенций у студентов разных направлений подготовки на базе региональных университетов. Реализация данного решения повысит конкурентоспособность учебных заведений региона.

Внимание со стороны государства к формированию цифровых компетенций студентов высшего образования обусловлено необходимостью технологического суверенитета, импортозамещения элементов цифровой среды, цифровой инфраструктуры, минимизации цифрового неравенства внутри страны и дифференциации регионов и отраслей по степени цифровой зрелости. Цифровая трансформация отраслей и сфер экономики как один из основных векторов развития страны непосредственно затрагивает сферу высшего образования, задачей которого является подготовка кадров высокой квалификации, владеющих цифровыми компетенциями. Причем речь идет не только о сфере информационных технологий: цифровые компетенции сейчас необходимы в любой сфере.

Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» предусматривается дальнейшее углубление цифровой трансформации через достижение технологического лидерства и цифровизацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы³. Цифровая трансформация предполагает непрерывный перевод всех процессов из аналогового формата в цифровой, что является базой для стимулирования социальных и экономических преобразований [5, с. 2]. Таким образом, развитие всех сфер жизнедеятельности человека в настоящее время требует появления и развития новых практик профессиональной деятельности,

которые невозможны без специалистов, обладающих соответствующими цифровыми компетенциями.

Дифференциация регионов, неравномерность социально-экономического развития, в том числе обусловленная оттоком квалифицированных кадров, выездом молодежи из регионов, включая абитуриентов вузов (около 30 % для Кемеровской области [6, с. 36] – угроза формированию регионального человеческого капитала. Кроме того, продолжается конкуренция региональных университетов не только между собой, но и со статусными университетами соседних и центральных регионов. Существует зависимость дифференциации регионов по востребованности вузов абитуриентами, в том числе от мер государственной поддержки. Так как эти вопросы имеют высокий приоритет для государства, то появились новые инструменты и институты в рамках реализуемых мер поддержки. Например, цифровые кафедры в вузах-участниках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»⁴. В связи с этим возникла необходимость исследования эффективности новых инструментов и институтов, их влияния на изменения в сфере высшего образования и конкурентоспособность региональных вузов и их выпускников.

Цель – выявить проблемные зоны и перспективы работы цифровых кафедр в региональных университетах, не обладающих особыми статусами (федеральный, научно-исследовательский), чтобы разработать рекомендации по повышению эффективности деятельности для формирования цифровых компетенций. Задачи: проанализировать понятие *цифровые компетенции*; провести анализ институциональных и региональных аспектов формирования цифровых компетенций кадров в региональных университетах на примере развития цифровых кафедр.

Методы и материалы

На примере анализа деятельности цифровых кафедр в региональных университетах особенности формирования цифровых компетенций рассматриваются в двух аспектах – институциональном и региональном. Первый проявляется в создании и развитии мер и институтов государственной поддержки региональных университетов, что делает предоставляемое ими высшее образование более привлекательным и конкурентоспособным. Как следствие, указанное способствует снижению доли молодежи,

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. *Президент России*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 02.02.2025).

⁴ О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Постановление Правительства РФ № 729 от 13.05.2021 (с изм. и доп.). *ИПП Гарант*.

выезжающей из регионов, и положительно влияет на формирование регионального человеческого капитала. Также с учетом институционального аспекта проанализированы нормативные документы по рассматриваемой теме.

Второй же аспект подразумевает, что меры государственной поддержки формирования цифровых компетенций реализуются в региональных университетах, имеющих разные статусы и возможности. Это может объяснить особенности функционирования одного из инструментов такой поддержки – цифровых кафедр. С учетом регионального аспекта, недавнего появления указанного инструмента и отсутствия фундаментальных исследований методологической основой работы является анализ текущей информации о деятельности цифровых кафедр в региональных вузах с применением традиционных методов исследования, а также анализ статистической информации, мнений экспертов и данных, полученных ими.

Применены такие методы, как выборочное глубинное интервью студентов, которые обучались на цифровой кафедре Кемеровского государственного университета (КемГУ) в 2022–2024 гг. ($n = 12$); экспертный опрос ($n = 5$); учебная аналитика; анализ научных публикаций отечественных ученых, экспертных публикаций на тематических сайтах. Экспертный опрос проводился среди ответственных за обучение на цифровых кафедрах (тьюторы, кураторы) в четырех региональных университетах, не обладающих особыми статусами.

Использованы данные Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу. Проведен анализ отчета АНО «Цифровая экономика» (АНО ЦЭ) о барьерах работы с индустриальными партнерами. Результаты опроса участников акселерационной программы студенческих стартапов в региональном университете (май 2024 г., $n = 154$ ⁵) послужили для оценки осведомленности студентов о деятельности институтов, которые выполняют задачи по развитию цифровых компетенций в сфере высшего образования. Для понимания формируемого отношения стейкхолдеров и профессиональных сообществ к цифровым кафедрам проведен анализ нарративов в тематических медиа и средствах массовой информации (СМИ).

Результаты

Необходимо отметить, что несмотря на высокую актуальность рассматриваемой темы существует сильная терминологическая путаница в определении понятия *цифровые компетенции*. Так, параллельно и синонимично могут быть использованы такие понятия, как *цифровая грамотность*, *цифровые навыки*, *способность использовать цифровые инструменты* и даже *медиаграмотность* [5]. По-нашему мнению, наиболее терминологически близкими являются *цифровые компетенции* и *цифровые навыки*. В то время как *цифровые навыки* представляют собой более базовое понятие, связанное с автоматическим выполнением операций с использованием цифровых устройств, приложений, сетей, *цифровые компетенции* – более широкое.

Благодаря проведенному анализу публикаций [5–11], а также документов, которые отражают реализацию государственной политики в сфере цифровизации⁶, федеральных государственных образовательных стандартов (например, ФГОС 38.03.02 Менеджмент⁷) автор определяет цифровые компетенции как многоуровневый комплекс компетенций, гибко изменяющийся в динамике под влиянием развития технологий и позволяющий осуществлять работу с цифровыми продуктами, ресурсами, в цифровой среде. Стоит отметить, что особенностью цифровых компетенций является автоматизация процессов с помощью «цифры», создание цифровых инструментов, сбор данных, их обработка и анализ.

Многоуровневость цифровых компетенций означает, что они могут быть, во-первых, универсальными, т.е. применяться в рамках использования цифровых технологий и инструментов практически в любой сфере и «работать» на повышение эффективности деятельности (выполнение широкого круга задач в любой сфере). Во-вторых, профильными, способствуя созданию новой информации, новых прикладных цифровых продуктов и ресурсов для решения проблем, которые возникают в профессиональной деятельности (отраслевая специфика профессиональных задач).

Также в сфере образования цифровые компетенции представляют собой образовательный результат, формируемый при освоении образовательных

⁵ В опросе участвовали обучающиеся 1–3 курсов бакалавриата и специалитета.

⁶ Актуализированная концепция реализации результата «Обучающимся обеспечена возможность получения дополнительной квалификации по ИТ-профилю посредством обучения на "цифровой кафедре" образовательной организации высшего образования - участника программы стратегического академического лидерства "Приоритет-2030" федерального проекта "Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли" национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"». Социоцентр. URL: <https://sociocenter.info/upload/iblock/db6/ydwqglno8orl61ajde53twtsox0jx6m.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

⁷ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент. Приказ Минобрнауки РФ № 970 от 12.08.2020 (с изм. и доп.). ИПП Гарант.

программ (основной образовательной или дополнительной профессиональной программы переподготовки, или образовательного модуля в рамках программы). Для оценки образовательного результата уже существуют определенные инструменты, например матрица цифровых компетенций Университета Иннополис⁸, концепция развития цифровых компетенций студентов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁹. Они отражают перечень актуальных для цифровой экономики компетенций, которые разработаны в соответствии с подходом конкретной организации к решению задач цифровизации. Перечень структурирован по сферам применения, типу компетенций, характеристикам и уровням сформированности цифровых компетенций. Оценка их сформированности, согласно имеющимся инструментам, опирается на шкалу, т.е. этапы развития или формирования компетенций (в приведенных примерах это четырех- или пятиуровневая шкала). На основе данной оценки определяется целевой уровень компетенций как планируемый результат обучения.

Несмотря на разрозненность определений *цифровые компетенции*, терминологическую путаницу и отсутствие в образовательных стандартах четкого описания именно цифровых компетенций (например, в универсальных и общепрофессиональных компетенциях для высшего образования присутствует понятие *информационно-коммуникационные*) ряд образовательных организаций и институтов, в том числе государственных, в сфере развития высшего образования разрабатывают и применяют инструменты, которые позволяют оценить уровень сформированности цифровых компетенций и использовать их в качестве образовательного результата.

Выезд молодежи из регионов, конкуренция со статусными университетами центральных регионов и межрегиональная конкуренция, неравномерность социально-экономического развития, на которое оказывает влияние угроза снижения качества и численности регионального человеческого капитала, могут быть минимизированы с помощью мер государственной поддержки. В рамках статьи авторами рассматриваются меры поддержки региональных университетов, связанные с формированием

цифровых компетенций при подготовке кадров в образовательных организациях высшего образования. Таким образом, институциональный аспект проявляется в ряде законодательных инициатив: Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.», национальная программа «Цифровая экономика» (с 2025 г. – национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»), федеральный проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» (с 2025 г. – национальный проект «Кадры»).

Разработка и внедрение инициатив обусловили появление ряда институтов, выполняющих задачи развития цифровых компетенций в сфере высшего образования, например:

1. Национальная технологическая инициатива (НТИ), которая реализует ряд проектов, направленных на обучение молодежи через акселерацию студенческих стартапов и грантовую поддержку¹⁰. При этом достаточно четко определены приоритетные направления таких проектов – сферы, внутри которых предполагается внедрение технологических и цифровых решений: образование, медицина, социальная сфера, энергетика, логистика, дополненная и виртуальная реальность и пр.

2. Миссия Университета 2035 заключается в качественном и своевременном развитии каждого человека в условиях постоянных изменений¹¹. То есть Университет 2035 – площадка дополнительного образования (обучение сквозным технологиям, цифровым профессиям; отрасль беспилотных транспортных средств и др.), служащая базой для подготовки кадров в рамках национальных приоритетов страны, в том числе студентов, для прорывных технологических рынков. Также рассматриваемый цифровой университет является связующим звеном между академическим сообществом и индустриальными партнерами благодаря проведению образовательных интенсивов по акселерации студенческих стартапов. Следует также уточнить, что НТИ и Университет 2035 созданы при участии Агентства стратегических инициатив¹² – института, который представляет собой площадку для экспертной поддержки и реализации инициатив, имеющих

⁸ Модель цифровых компетенций, разработанная АНО ВО «Университет Иннополис», и процедура диагностики. Опыт реализации. Университет Иннополис. URL: https://innopolis.university/filespublic/предложение_ассесмент.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

⁹ Концепция развития цифровых компетенций студентов НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/444965207.pdf> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁰ Национальная технологическая инициатива. URL: <https://nti2035.ru/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹¹ Университет 2035. URL: <https://www.2035.university/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹² Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/> (дата обращения: 02.02.2025).

стратегическое значение в масштабах государства в социальной, экологической, технологической сферах.

3. Инновационный центр «Сколково» – научно-технологический комплекс, основной задачей которого является разработка и коммерциализация новых технологий¹³. В Сколково обеспечиваются особые экономические условия для российских компаний, занимающихся исследовательской деятельностью в рамках стратегического вектора развития страны. Одним из блоков деятельности инновационного центра является образование, например открытый университет, который интегрирует студентов и преподавателей, уже обладающих определенным уровнем цифровых, технологических и предпринимательских компетенций, в имеющуюся инновационную инфраструктуру экономики.

Это далеко не полный перечень институтов, призванных формировать цифровые компетенции у студенческого сообщества через конкретные проекты, практическую деятельность, поддержку инноваций. Несмотря на декларирование поддержки студенческих инициатив, в самом студенческом и академическом сообществе в целом довольно низкий уровень информированности не только о конкретных проектах, но и о наличии таких институтов. Так, результаты проведенного автором опроса в мае 2024 г. показывают, что менее 16 % студентов осведомлены о наличии цифровых институтов и предлагаемых ими проектах. Кроме того, у таких институтов прослеживается некоторое дублирование функционала и нечеткое разграничение задач. Это подтверждается тем, что и НТИ, и Университетом 2035, и инновационным центром «Сколково» заявлена реализация цифровых и иных инноваций в конкретных прикладных проектах, связь между академическим сообществом и индустриальными партнерами. Тем не менее поддержка государства указанных институтов будет осуществляться и в дальнейшем с опорой на приоритетные стратегические направления.

Региональный аспект формирования цифровых компетенций в сфере высшего образования проявляется исходя из следующих предпосылок:

I. Усиление роли региональных университетов: необходимость социально-экономического развития региона, удержание и привлечение молодежи.

II. Наличие территориальной концентрации предложения высшего образования в ряде регионов (кроме центральных регионов, таких как Новосибирская и Томская области) [12, с. 47].

III. Сохраняющаяся горизонтальная и вертикальная конкуренция вузов при неравенстве возможностей университетов.

IV. Переход от программ конкурсной государственной поддержки селективных университетов к программам поддержки региональных университетов. Прежде всего речь идет о переходе от государственной программы «Проект 5-100» (завершена в 2020 г.), направленной на повышение конкурентоспособности российских университетов в мировом образовательном пространстве и вхождение пяти российских вузов в топ-100 лучших университетов мира. Однако, несмотря на попадание в мировой рейтинг ряда российских вузов (в большей степени высокоселективных, обладающих особыми статусами), они так и не смогли полноценно интегрироваться в мировое образовательное пространство, на что также повлияли и политические причины.

В качестве одного из примеров государственной поддержки региональных университетов может служить проект «Формирование сети опорных региональных университетов» (2016–2017 гг.), итоги которого также были неоднозначны, как и в случае с Проектом 5-100. Так, появление опорных университетов в регионах хоть и оказало положительное влияние на региональное образовательное пространство, но не повлияло на то, чтобы указанные университеты стали полноценными драйверами социально-экономического развития. Помимо этого, их доля была относительно невелика. Госпрограмма стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в отличие от Проекта 5-100 и др., оказывает государственную поддержку на конкурсной основе в первую очередь региональным университетам, в том числе не обладающим особыми статусами. Некоторые из положений проекта «Формирование сети опорных региональных университетов» вошли в государственную программу стратегического академического лидерства. О. В. Опряткова отмечает, что Приоритет-2030 может изменить роль университетов в экономике и социальной сфере регионов, усилить влияние вузов на региональную экономику [13]. В рамках госпрограммы заявлены несколько показателей эффективности, одним из которых является количество студентов, обучающихся на цифровых кафедрах¹⁴.

Государственная политика развития кадрового потенциала в ИТ-сфере через реализацию соответствующих проектов и программ способствует изменениям в высшем образовании. Они, в свою очередь,

¹³ Фонд «Сколково». URL: <https://sk.ru/%0A> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁴ Цифровые кафедры. Социоцентр. URL: <https://sociocenter.info/projects/tsifrovye-kafedry/> (дата обращения: 02.02.2025).

возникают и распространяются в соответствии с разработанным планом, формируя совокупность институтов и организаций, которые способствуют развитию и распространению новых технологий в рамках национальной инновационной системы [14] и развитию кадров, способных осваивать эти технологии. Проект «Цифровые кафедры» является частью федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» национальной программы «Цифровая экономика» и курируется Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Операторы проекта – АНО ЦЭ¹⁵, Университет Иннополис¹⁶ и Центр социологических исследований (Социоцентр)¹⁷, подведомственный Министерству науки и высшего образования РФ. Начало реализации проекта – 2022 г. Обучение на программах дополнительного образования на базе цифровых кафедр затрагивает практически все сферы цифровых технологий (программирование, создание ИТ-продуктов, искусственный интеллект, машинное обучение), а также сферы цифрового маркетинга, стратегического управления, основанного на данных, веб-дизайна и т. д.

В 2022 г. было заявлено около 300 программ подготовки (в 2024 г. – более 800), которые прошли обязательную экспертизу перед запуском. В проекте «Цифровые кафедры» предусмотрено участие студентов двух категорий вузов-участников Приоритета-2030: к первой категории относятся студенты, не обучающиеся по направлениям подготовки ИТ-сферы, ко второй – обучающиеся по ИТ-направлениям. Студенты обеих категорий получают дополнительную квалификацию по ИТ-профилю. Различие между ними проявляется в программах подготовки и формируемых компетенциях¹⁸. Проект «Цифровые кафедры» реализуется очень динамично: в 2022 г. участниками стали 106 вузов и 80 тыс. студентов; в 2023 г. – 119 вузов и 170 тыс. студентов; в 2024 г. студентов цифровых кафедр стало более 385 тыс. К 2030 г. число обучающихся на таких кафедрах должно составить не менее миллиона человек. Обязательным условием функционирования цифровых кафедр является привлечение в качестве преподавателей и экспертов работодателей из ИТ-сектора, число которых за 2024 г. составило 1600 человек (из более 150 компаний ИТ-сферы и отраслевых партнеров)¹⁹.

Отношение направлений подготовки на цифровых кафедрах КемГУ, согласно проведенному в мае 2024 г. исследованию, составляет 78 % обучающихся на направлениях подготовки, не связанных с информационными технологиями, к 22 % обучающихся по ИТ-направлениям (по России – примерно 70 % к 30 %). Это говорит о том, что цифровые кафедры в большей степени ориентированы на студентов гуманитарных, естественно-научных и экономических направлений подготовки.

В настоящее время существует небольшое количество научных публикаций, посвященных работе цифровых кафедр. Это связано как с новизной рассматриваемого вопроса (проект «Цифровые кафедры» реализуется с 2022 г.), так и с сугубо прикладным значением цифровых кафедр. Тематика и содержание проанализированных публикаций в основном касаются организации работы кафедр в различных по статусу и уровню университетах [15–18] и подходов к разработке содержания программ [9; 19]. Также в статье [20] проведен анализ студенческих проектов, разработанных и защищенных на базе вузов в первые годы работы цифровых кафедр. В дополнение к этому большинство исследований посвящено техническим направлениям подготовки (технические науки, инженерное дело, математика и естественные науки, сельскохозяйственные науки) [15–17; 19; 21]. Однако практически отсутствуют упоминания о направлениях подготовки по гуманитарным наукам, образованию, наукам об обществе. Это не совсем согласуется с полученными нами результатами, подтверждающими, что большинство обучающихся на цифровых кафедрах – студенты гуманитарных направлений подготовки.

В рамках исследования были также проанализированы экспертные публикации в специализированных изданиях, в основном тематических медиа. Тематика и содержание публикаций отличаются от научных и обычно касаются организации, форматов и преимуществ дополнительных программ переподготовки, возможностей, которые они дают студентам профильных и непрофильных специальностей, участия в программах представителей бизнеса, практики и трудоустройства. Кроме того, рассматриваемые публикации содержат критические замечания по работе цифровых кафедр. Так, подчеркивается

¹⁵ Цифровая экономика. URL: <https://d-economy.ru/about/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁶ Университет Иннополис. *Innopolis*. URL: <https://innopolis.ru/ru/services/innopolis-university> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁷ Социоцентр. URL: <https://sociocenter.info/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁸ Актуализированная концепция реализации результата...

¹⁹ Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/bole-170-tysyach-studentov-zachisleny-na-tsifrovye-kafedry/> (дата обращения: 02.02.2025).

излишняя зарегулированность (перегруженность деятельности кафедр нормативными документами); недостаток мотивации и вовлеченности почти у всех участников процесса (студенты, преподаватели, партнеры); частое отсутствие необходимых профильных компаний-партнеров в регионе²⁰.

Для оценки формируемого отношения к цифровым кафедрам в разных сообществах (студенческое, академическое, бизнес-сообщество) проведен анализ нарративов по экспертным публикациям в СМИ и тематических медиа. Приведем некоторые из них:

- цифровые кафедры – новая ИТ-идеология²¹;
- студенты могут повысить свой рейтинг на рынке труда, обучаясь на цифровых кафедрах²²;
- компетенции, которые осваивают студенты, отражают актуальные требования работодателей²³;
- цифровые кафедры – ответ на запрос общества²⁴; помогают подготовить поколение, которое будет и дальше способствовать цифровизации в различных сферах;
- цифровые кафедры – выход для студентов, которые хотят поменять специальность или расширить компетенции²⁵: для работодателей должно стать абсолютно естественным наличие у соискателя дополнительной ИТ-квалификации; отсутствие диплома по программам Цифровой кафедры может быть воспринято работодателем как нежелание учиться, развиваться и получать новые навыки и компетенции.

Таким образом, в информационном поле формируется скорее положительное мнение о деятельности цифровых кафедр. При этом основная проблема заключается в завышенных ожиданиях, которые могут не совпасть с реальным уровнем подготовки студентов на цифровых кафедрах.

Анализ результатов учебной аналитики студентов КемГУ, обучающихся на цифровой кафедре, за 2022–2024 гг. позволил сделать выводы:

1. Основной показатель проекта (количество получивших дополнительную ИТ-квалификацию) увеличился в КемГУ, достигнув значения в 1367 человек.

Количество программ выросло с двух до пяти: «Создание сайтов на HTML и CSS», «Цифровой маркетинг», «Геоинформатика», «Современные технологии искусственного интеллекта», «Создание цифровых двойников робототехнических комплексов». В 2023 г. КемГУ попал в топ-10 университетов страны по числу привлеченных сотрудников компаний-партнеров к обучению на цифровых кафедрах (45 человек) и занял 4 место²⁶.

2. Для программ не рассчитывается качественная успеваемость, т.к. используются разные формы текущего контроля. Абсолютная успеваемость в среднем за 2022–2024 гг. составила 85 % (текущий контроль). Выявлена незначительная дифференциация по институтам (отклонения около 5 %), что связано с организацией работы в конкретном подразделении. Оценивание происходит по двум направлениям, включающим внутреннее оценивание по программам (текущий контроль) и внешнее оценивание – ассесмент, проводимый в виде входного, промежуточного и итогового тестирования оператором (Университет Иннополис). Ассесмент разработан Университетом Иннополис на базе матрицы цифровых компетенций и представляет собой оценку уровня развития компетенций обучающихся. Важно уточнить, что с программы дополнительного образования отчисляются студенты, показавшие неудовлетворительные результаты в ходе внешнего оценивания и не имеющие итоговой аттестации.

3. Анализ особенностей и причин отсева студентов, который влияет на показатели деятельности цифровых кафедр и, следовательно, на отчетность по выполнению мероприятий «Приоритет-2030», показывает, что доля отсеявшихся обучающихся в 2022–2024 гг. выше на ИТ-направлениях (в среднем 12 %). На остальных направлениях она составляла в среднем 7 %. По всем программам отсев фиксируется во второй трети обучения. К основным его причинам относится отчисление из вуза и необходимость работать, а также загруженность студентов. Зафиксирован средний или низкий

²⁰ Аюпова Р. Эксперты назвали проблемы цифровых кафедр. *Skillbox Media*. 28.04.2023. URL: <https://skillbox.ru/media/education/eksperty-nazvali-problemy-tsifrovyykh-kafedr/> (дата обращения: 02.02.2025).

²¹ Новая ИТ-идеология. Цифровые кафедры меняют ход образования. *РИА Новости*. 30.11.2023. URL: <https://na.ria.ru/20231130/obrazovanie-1911511776.html> (дата обращения: 02.02.2025).

²² «Цифровые кафедры» российских вузов открыли новый отбор. *Регнум*. 12.09.2024. URL: <https://regnum.ru/news/3914055> (дата обращения: 02.02.2025).

²³ Проект «Цифровые кафедры» совместно с Нетологией. *Нетология*. URL: https://l.netology.ru/cifrovye_kafedry_v_netology (дата обращения: 02.02.2025).

²⁴ Антипина Д. В современном мире нужно быть кросс-функциональным. Эксперты о важности проекта «Цифровые кафедры». *Юрайт*. 14.11.2023. URL: <https://urait.ru/news/3041> (дата обращения: 02.02.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Цифровые кафедры. *Цифровая экономика*. URL: <https://d-economy.ru/project/it-programs/> (дата обращения: 02.02.2025).

уровень внешнего оценивания, поскольку ассесмент построен таким образом, что определяется только уровень освоенности компетенций – от базового до продвинутого. Так, невысокий уровень связан с однотипными вопросами тестов, которые не дифференцированы по направлениям подготовки. Также в процессе текущего контроля фиксируется неуспеваемость (в среднем около 15 % за рассматриваемый период), нарушение дедлайнов (около 30 %; существенной дифференциации по программам не зафиксировано).

Факторы, влияющие на эффективность обучения на цифровых кафедрах, разбиты на два блока в зависимости от источников получения информации:

I. По результатам глубинных интервью обучающихся: нехватка информации о содержании программ; отсутствие мотивации, основанное на низкой ценности бесплатной программы; нехватка времени для вовлечения в программу и погружения в обучение из-за высокой нагрузки; содержание программ, не отвечающее текущим запросам, т.е. студенты не видят дальнейшего практического применения получаемых знаний; отсутствие единых критериев оценивания в текущем контроле; неоднозначность оценивания в ассесменте.

II. По результатам экспертного опроса тьюторов и кураторов обучения: сложности в привлечении индустриальных партнеров; недостаточная компетентность и погруженность преподавателей и партнеров в образовательный процесс; низкая мотивация преподавателей; сложности в разработке и утверждении новых программ подготовки; излишняя регламентация деятельности, сочетающаяся с необязательностью программ цифровой кафедры для студентов; сложности с организацией обязательных стажировок на базе индустриальных партнеров.

Таким образом, общие проблемы цифровых кафедр для всех университетов:

- недостаточная мотивация участников, обусловленная низкой ценностью бесплатной для студентов программы и нехваткой информации;
- излишняя регламентация деятельности наряду с неопределенностью и нечеткостью некоторых компонентов [18; 22–28].

В частности, на цифровых кафедрах не до конца продуманы требования к обязательной стажировке обучающихся. Формально ее должны пройти все, но такие потоки студентов практически невозможно обеспечить местами на предприятиях-партнерах.

Кроме того, часто регламенты по прохождению практик и стажировок в университетах и компаниях-партнерах не совпадают.

Одной из самых главных проблем на данный момент является низкая численность выпускников при большом количестве программ (более 200), а также фактическое число студентов, не достигших целевого уровня сформированности компетенций по результатам итоговой оценки (более 30 %), при 70 программах²⁷. Такие программы дорабатываются перед запуском и проходят повторную экспертизу, что подчеркивает наличие сложностей в их разработке и адаптации.

Несмотря на внешне неплохие показатели в деятельности цифровых кафедр достаточно много проблем. Это подтверждается проведенным анализом публикаций, результатами интервью и экспертного опроса, учебной аналитикой, наличием жалоб со стороны обучающихся, большим количеством программ (30–40 %), отклоняемых экспертами и отправляемых на доработку перед запуском.

Марафон цифровых кафедр, организуемый кураторами и операторами проекта «Цифровые кафедры», демонстрирует лучшие практики. Однако об имеющихся в публичном пространстве проблемах сообщают в основном представители бизнес-сообщества, тогда как академическое сообщество делает это реже. В качестве перспективных направлений формирования цифровых компетенций на базе развития цифровых кафедр представители бизнес-среды и академического сообщества предлагают следующее:

1. Развитие института тьюторства, т.к. не во всех университетах присутствуют официальные тьюторы, и конкретизация выполняемых ими задач. Развитие этого института позволит улучшить организацию взаимодействия участников процесса, усилит их мотивацию и вовлеченность.

2. Привлечение сетевых партнеров и онлайн-платформ с интересными и полезными для студентов курсами. Например, в КемГУ в рамках программы «Цифровой маркетинг» в качестве одного из обучающих блоков использован курс Skillbox «Креативный копирайтинг». Но несмотря на положительные отзывы со стороны обучающихся, был выявлен целый ряд организационных проблем, которые касались неготовности платформы к обучению большого количества студентов, невозможности получения учебной аналитики кураторами программы. Это подчеркивает несовпадение целей

²⁷ Цифровые кафедры. Минобрнауки России. 01.07.2024. URL: https://priority2030.ru/upload/iblock/ba8/ul01i2gveu1txji7pwt11cukyx2qe1ho/Proekt_TSifrovye_kafedry_Trubnikova_TN.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

и организационных аспектов университетов и образовательных онлайн-платформ при реализации таких массовых обучающих проектов.

3. Использование инструментов мягкой силы: мероприятия по вовлечению студентов, преподавателей и партнеров (например, публичные защиты проектов, ярмарки проектов, использование игровых, познавательных мероприятий, таких как квизы, викторины, экскурсии совместно с партнерами цифровых кафедр).

4. Встраивание проектов цифровых кафедр в уже имеющуюся университетскую инфраструктуру для снижения нагрузки студентов [29, с. 1136]. Так, можно связать формирование цифровых компетенций с развитием предпринимательских компетенций с помощью сквозных проектов студенческих акселераторов и цифровой кафедры.

5. Составление и развитие рейтинга эффективности цифровых кафедр на институциональном уровне и повышение прозрачности мониторинга их деятельности. Составителями рейтинга и организаторами мониторинга могут быть курирующие министерства с участием представителей промышленных партнеров.

6. Использование в деятельности цифровых кафедр перечня приоритетных отраслей, уточненного совместно с Минэкономразвития РФ в 2024 г.²⁸

По данным отчета АНО ЦЭ, можно сформулировать основные барьеры для компаний, которые сотрудничают с цифровыми кафедрами. Так, на вопрос *В чем заключаются замечания к сотрудничеству компании с цифровой кафедрой?* 15,5 % работодателей ответили, что студенты не заинтересованы в обучении по программам ИТ-профиля; 14,5 % респондентов указали на то, что обучающиеся не понимают, как ИТ-технологии применяются в конкретной отрасли; 8,2 % посчитали, что студенты воспринимают стажировки на предприятии как экскурсии²⁹. В целом в качестве основных сложностей во взаимодействии компаний с университетами в рамках цифровых кафедр работодатели считают низкую мотивацию и подготовленность студентов к освоению цифровых компетенций, а также низкую осведомленность о цифровых технологиях.

Далее выделим некоторые особенности для региональных неселективных вузов, которые можно рассматривать в качестве угроз при реализации проекта «Цифровые кафедры», но их учет может способствовать дальнейшему повышению эффективности деятельности цифровых кафедр:

- проблемы набора, связанные с необязательностью программ, недостатком информации о них и сложностью продвижения в студенческой среде;
- недостаточная материально-техническая база: отсутствие необходимого оборудования и программного обеспечения и у студентов, и в ряде университетов (например, отсутствие помещений и устройств для работы с беспилотными аппаратами);
- недостаточная компетентность преподавателей и партнеров;
- организационные сложности (несогласованность параметров обучения с промышленными партнерами, сложность привлечения партнеров);
- наличие нормативных количественных и качественных показателей, выполнение которых затруднительно для региональных университетов из-за необязательности программ для студентов [15], т.е. пока не принято решение о тотальном обучении всех студентов на цифровых кафедрах, указанный процесс осуществляется по желанию;
- необоснованное и недифференцированное регулирование процесса обучения.

Заключение

Результаты исследования можно использовать для последующей реализации проекта «Цифровые кафедры» в региональных университетах. Выявленные автором факторы, которые влияют на эффективность обучения, позволят увеличить ценность и успешность освоения программ, реализуемых в рамках указанного проекта. Вместе с увеличением количественных показателей деятельности цифровых кафедр обнаружены проблемные зоны в организации деятельности и обучения на цифровых кафедрах. Однако отсутствие прозрачности мониторинга деятельности (фиксация только количества программ, обучающихся, вузов, партнеров, участвующих в проекте) не позволяет сделать однозначные выводы об эффективности или неэффективности реализации рассматриваемых кафедр.

Перспективные направления формирования цифровых компетенций: развитие института тьюторства; привлечение сетевых партнеров и онлайн-платформ; использование инструментов мягкой силы; встраивание проектов цифровых кафедр в уже имеющуюся университетскую инфраструктуру; составление и развитие рейтинга эффективности

²⁸ Цифровые кафедры. Минобрнауки России...

²⁹ Цифровые кафедры. Цифровая экономика...

цифровых кафедр и повышение прозрачности мониторинга их деятельности; использование перечня приоритетных отраслей.

Формирование цифровых компетенций в вузах происходит очень динамично, и этот процесс поддерживается государством исходя из стратегических приоритетов развития страны, реализуется на региональном уровне. Институциональный аспект их формирования проявляется в новых законодательных инициативах, стратегических документах, национальных программах и проектах, федеральных проектах. Помимо этого, существует большое количество институтов, занимающихся формированием цифровых компетенций в сфере высшего образования (например, НТИ, Университет 2035, инновационный центр «Сколково» и др.). При этом главная проблема – низкая осведомленность студентов о наличии и деятельности таких институтов.

Переход от государственной поддержки селективных вузов к поддержке преимущественно региональных университетов обусловлен необходимостью уменьшения региональных социально-экономических диспропорций. Указанное невозможно реализовать без уменьшения региональной дифференциации сферы высшего образования и цифрового неравенства в регионах. Региональный аспект формирования цифровых компетенций отражен, в частности, в программе стратегического экономического лидерства «Приоритет-2030», направленной преимущественно на поддержку региональных университетов. Одним из результатов этой программы является обеспечение условий для формирования цифровых компетенций на базе дополнительных образовательных программ цифровых кафедр.

Выявлена существенная терминологическая путаница понятия *цифровые компетенции*. Как следствие, сформулировано авторское определение. Так, *цифровые компетенции* – многоуровневый комплекс компетенций, гибко изменяющийся в динамике под влиянием развития технологий и позволяющий осуществлять работу с цифровыми продуктами, ресурсами, в цифровой среде. Многоуровневость цифровых компетенций означает, что они могут быть, во-первых, универсальными, т.е. применяться в рамках использования цифровых технологий и инструментов практически в любой сфере и «работать» на повышение эффективности деятельности (выполнение широкого круга задач в любой сфере). Во-вторых, профильными, способствуя созданию новой информации, новых прикладных цифровых продуктов и ресурсов для решения проблем, которые

возникают в профессиональной деятельности (отраслевая специфика профессиональных задач).

В сфере образования цифровые компетенции – это еще и образовательные результаты, оцениваемые с помощью определенных инструментов, например для цифровых кафедр применяется матрица компетенций Университета Иннополис, представляющая собой сформированный перечень актуальных для цифровой экономики компетенций.

Цифровые кафедры – пример института, который становится полноценным участником деятельности университета (образовательной, научной, предпринимательской). Можно утверждать, что цифровые кафедры – инструмент развития кадрового потенциала в сфере информационных технологий для широкого круга отраслей, с помощью которого реализуется государственная политика на региональном уровне.

Выявлены особенности и проблемные зоны в деятельности цифровых кафедр региональных университетов, которые не имеют особых статусов и не являются селективными. Так, цифровые кафедры в большей степени ориентированы на студентов гуманитарных, естественно-научных, экономических направлений подготовки. В медиа и СМИ складывается скорее положительное мнение о деятельности цифровых кафедр: часто в них видят панацею, призванную резко повысить уровень цифровых компетенций студентов. Однако подчеркивается, что в будущем можно столкнуться с диссонансом ожиданий и реальным уровнем подготовки.

По результатам анализа учебной аналитики фиксируется отсев студентов с программ цифровой кафедры, в целом соответствующий отсеvu с основных образовательных программ. Основной его причиной считается загруженность обучающихся. Общие проблемы цифровых кафедр для всех университетов: недостаточная мотивация участников, обусловленная низкой ценностью бесплатной для студентов программы и нехваткой информации; излишняя регламентация деятельности наряду с неопределенностью и нечеткостью некоторых компонентов.

Конкурентоспособность региональных университетов зависит от ряда факторов, одним из которых является имеющаяся инфраструктура. Несмотря на все сложности цифровые кафедры являются элементом такой инфраструктуры, поэтому наличие цифровой кафедры в региональном вузе повышает его конкурентоспособность [30, с. 13].

Итак, цифровые кафедры наряду с учетом выявленных автором сложностей являются перспективным инструментом формирования цифровых компетенций в рамках дополнительных образовательных программ. Об этом свидетельствует положительная динамика

показателя количество получивших дополнительную ИТ-квалификацию, наличие студенческих проектов, разработанных на цифровых кафедрах и имеющих большое практическое значение, а также возможностей их развития, которые были перечислены ранее. На примере формирования цифровых компетенций у студентов региональных университетов на базе дополнительных образовательных программ цифровых кафедр можно говорить об институциональных изменениях в сфере высшего образования: появление новых функций у регионального вуза, изменение

роли университета в регионе как полноценного участника реализации ключевых стратегических планов государства на региональном уровне.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Морозова Е. А., Кочнева О. П. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 326–338. [Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 326–338. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338>
2. Пастухова Е. Я., Морозова Е. А., Мухачева А. В. Трудовой потенциал региона в условиях депопуляции: оценка, тенденции, факторы влияния. *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18. № 6. С. 1079–1100. [Pastukhova E. Ya., Morozova E. A., Mukhacheva A. V. Labour potential of the region in conditions of depopulation: Assessment, trends, factors of influence. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, 18(6): 1079–1100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/re.18.6.1079>
3. Коршунов И. А., Ширкова Н. Н., Завиваев Н. С. Вклад высококвалифицированных работников в развитие экономики регионов. *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 3. С. 873–887. [Korshunov I. A., Shirkova N. N., Zavivaev N. S. Contribution of highly qualified employees to regional economy. *Economy of Region*, 2021, 17(3): 873–887. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-11>
4. Лысенко Е. А. Особенности современной образовательной миграции (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кузбасс, 17–23 ноября 2023 г.) М.: РАН, 2024. С. 129–134. [Lysenko E. A. Features of modern educational migration (on the example of the Kemerovo Region – Kuzbass). *Development of productive forces of Kuzbass: History, modern experience, strategy of the future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kuzbass, 17–23 Nov 2023. Moscow: RAS, 2024, 129–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/asylua>
5. Вяликова Г. С., Ерофеева М. А., Плеханова М. В., Плужникова Ю. А. Мониторинг процесса формирования цифровых компетенций у студентов вуза. *Прикладная психология и педагогика*. 2024. № 4. С. 1–20. [Vyalikova G. S., Erofeeva M. A., Plekhanova M. V., Pluzhnikova Yu. A. Monitoring the process of forming students's digital competences. *Applied psychology and pedagogy*, 2024, (4): 1–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-1-20>
6. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 48 с. [Gabdrakhmanov N. K., Nikiforova N. Yu., Leshukov O. V. "From Volga to Yenisei...": Educational migration of young people in Russia. Moscow: HSE University, 2019, 48. (In Russ.)]
7. Ачкасова О. Г., Панасюк В. П., Широколобова А. Г., Ларионова Ю. С. Модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов высшего образования непрофильных ИТ-направлений в процессе ДПО. *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10. № 2. [Achkasova O. G., Panasyuk V. P., Shirokolobova A. G., Larionova Yu. S. A model for developing cross-curricular digital competences of higher education students in non-core areas it areas in the process of additional education. *Vestnik of Minin University*, 2022, 10(2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-2-4>
8. Максимкина О. И., Жадунова Н. В., Кирдяшова Е. В., Яшин Е. Е. Проект «цифровые кафедры»: как и у кого формировать цифровые компетенции? *Социальные нормы и практики*. 2023. № 4. С. 34–49. [Maksimkina O. I., Zhadunova N. V., Kirdyashova E. V., Yashin E. E. The "digital departments": How and from whom should digital competencies be formed? *Social norms and practices*, 2023, (4): 34–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-4-34-49>

9. Ильин И. В., Кузаев А. Ф. Практика формирования цифровых компетенций у студентов не ИТ-направлений в рамках проекта «Цифровая кафедра». *Педагогическое образование в России*. 2023. № 6. С. 190–198. [Ilyin I. V., Kuzaev A. F. The practice of forming digital competencies in non-IT students within the "Digital department" project. *Pedagogical Education in Russia*, 2023, (6): 190–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kcjlzv>
10. Поздеева С. Н., Зайчикова И. В. Вузовская подготовка ИТ-специалистов в современных условиях. *Известия Байкальского государственного университета*. 2024. № 1. С. 71–77. [Pozdeeva S. N., Zaychikova I. V. Training of IT specialists at the university in modern conditions. *Bulletin of Baikal State University*, 2024, (1): 71–77. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(1\).71-77](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(1).71-77)
11. Еремина И. И., Лысанов Д. М. Формирование цифровых компетенций студентов в рамках проекта «Цифровые кафедры». *Экономика и предпринимательство*. 2024. № 4. С. 366–368. [Eremina I. I., Lysanov D. M. Formation of students's digital competencies within the framework of the digital departments project. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2024, (4): 366–368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.165.4.070>
12. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 68 с. [Malinovskii S. S., Shibanova E. Yu. *Regional differentiation of accessibility of higher education in Russia*. Moscow: HSE University, 2020, 68. (In Russ.)]
13. Опрятова О. В. Влияние опорных университетов на развитие региональной экономики. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Экономика*. 2022. № 3. С. 62–69. [Opryatova O. V. The impact of supporting universities on the development of the regional economy. *Bulletin of the Adyghe State University, series "Economics"*, 2022, (3): 62–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-3-305-62-69>
14. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Институциональные изменения и вызовы российской инновационной системы. *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 4. С. 23–44. [Volchik V. V., Maslyukova E. V. Institutional change and Russian innovation system challenges. *Terra Economicus*, 2022, 20(4): 23–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/auzysf>
15. Ермаков С. Г., Куценко С. М., Гильванов Р. Г. Актуальные вопросы организации деятельности цифровой кафедры в условиях цифровой трансформации вуза. *Известия Петербургского университета путей сообщения*. 2023. № 1. С. 70–78. [Ermakov S. G., Kutsenko S. M., Gilvanov R. G. Topical issues of organizing digital department activities in the context of university digital transformation. *Proceedings of Petersburg Transport University*, 2023, (1): 70–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mxrevw>
16. Стрельников С. С., Каткова А. Л., Егоров Д. Б., Захаров С. Д. Реализация проекта «цифровая кафедра» в медицинском вузе: контекст цифровой трансформации здравоохранения. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 1. [Strelnikov S. S., Katkova A. L., Egorov D. B., Zakharov S. D. Implementation of the project "Digital department" in a medical university: The context of digital transformation of healthcare. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2024, 12(1). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/79PDMN124.pdf> (дата обращения: 02.02.2025). <https://elibrary.ru/dwygzi>
17. Леонтьева И. Н., Бурцев Д. С. Организационно-экономические инструменты интеграции вузов и промышленных предприятий в условиях инновационной экономики. *Экономика. Право. Инновации*. 2022. № 1. С. 13–20. [Leonteva I. N., Burtsev D. S. Organisational and economic instruments for integration of universities and industrial enterprises in the innovative economy. *Economics. Law. Innovation*, 2022, (1): 13–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17586/2713-1874-2022-1-13-20>
18. Кротова А. В., Бугаева Е. С., Путивцева Н. П., Зайцева Т. В. Описание онтологии цифровой кафедры: разработка и применение. *Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт*: Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25 декабря 2023 г.) Белгород: ГиК, 2023. С. 20–28. [Krotova A. V., Bugaeva E. S., Putivtseva N. P., Zaitseva T. V. Description of the ontology of the digital department: Development and application. *Science and education: Domestic and foreign experience*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 25 Dec 2023. Belgorod: GiK, 2023, 20–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ihsyvv>
19. Андришина Д. В., Чугунова А. А. Опыт подготовки и проведения первой гуманитарно-технической программы в рамках цифровой кафедры СПбГЭТУ «ЛЭТИ». *Российская школа связей с общественностью*. 2023. № 31. С. 96–117. [Andriushina D. V., Chugunova A. A. Experience in designing and implementation of the first humanitarian-technical program within the framework of the St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" digital department. *Russian School of Public Relations*, 2023, (31): 96–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-30-96-117>
20. Лысенко Е. А. Проект «цифровые кафедры» в региональных университетах: инструмент изменений в сфере высшего образования. *Национальные институты для современной России: субъекты и нарративы*: XIV науч.

- конф. (Ростов-на-Дону, 30–31 октября 2024 г.). Красноярск: СФУ, 2024. С. 49–51. [Lysenko E. A. Project "Digital Departments" in regional universities: An instrument of change in higher education. *National institutions for modern Russia: Subjects and narratives*: Proc. XIV Sci. Conf., Rostov-on-Don, 30–31 Oct 2024. Krasnoyarsk: SFU, 2024, 49–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ehawdi>
21. Гончаров А. И. Особенности продвижения проекта «Цифровая кафедра» в вузе. *Экономика строительства*. 2023. № 10. С. 4–7. [Goncharov A. I. Features of promoting the "Digital department" project at the university. *Ekonomika stroitelstva*, 2023, (10): 4–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/azkxik>
 22. Щетинина А. С. Обучение студентов Алтайского государственного университета на программах «Цифровой кафедры»: взгляд тьютора. *Историческая информатика*. 2024. № 1. С. 153–161. [Shchetinina A. S. Teaching students of Altai State University on the programs of the «Digital Department»: The tutor's view. *Historical informatics*, 2024, (1): 153–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akvznw>
 23. Гучетль И. Н., Манченко Т. В. Актуальные направления цифровой трансформации образования. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022. Т. 14. № 2. С. 32–39. [Guchetl I. N., Manchenko T. V. Current trends of digital transformation of education. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 2022, 14(2): 32–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-2-32-39>
 24. Панина Е. А. Стратегические ориентиры цифровой трансформации современного образования. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022. Т. 14. № 2. С. 57–62. [Panina E. A. Strategic guidelines for the digital transformation of modern education. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 2022, 14(2): 57–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-2-57-62>
 25. Александрова Н. А., Кабанова Л. В., Кондратова Ю. Н., Кудрина Е. В., Миронов С. В., Огнева М. В., Удалов С. В. Реализация проекта «Цифровые кафедры» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в СГУ. *Информационные технологии в образовании*. 2022. № 5. С. 9–13. [Aleksandrova N. A., Kabanova L. V., Kondratova Yu. N., Kudrina E. V., Mironov S. V., Ogneva M. V., Udalov S. V. Implementation of the project "Digital Department" of the national programme "Digital Economy of the Russian Federation" in SGU. *Saratov State University. Information Technology in Education*, 2022, (5): 9–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcjepn>
 26. Лавренова Е. В., Теплякова А. Ю. Цифровые кафедры. *Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования»*. 2024. № 1. С. 41–52. [Lavrenova E. V., Teplyakova A. Yu. Digital departments. *MCU Journal of Informatics and Informatization of Education*, 2024, (1): 41–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2072-9014.2024.67.1.04>
 27. Носкова Е. В., Бехарская Е. Б., Бурдинская И. А. Результативные каналы коммуникаций для проекта «цифровые кафедры» ДВФУ. *Практический маркетинг*. 2024. № 11. С. 20–27. [Noskova E. V., Beharskaya E. B., Burdinskaya I. A. Effective communication channels for the «Digital Departments» project of DVFU. *Prakticheskii marketing*, 2024, (11): 20–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akeclv>
 28. Кукин М. Ю. Веб-технологии продвижения дополнительных образовательных программ в среде обучающихся. *Инновации и инвестиции*. 2023. № 10. С. 116–118. [Kukin M. Yu. Web technologies for promotion of additional educational programs among students. *Innovation & Investment*, 2023, (10): 116–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/riodmb>
 29. Никулина Ю. Н. Проектная деятельность как инструмент профессионального и карьерного развития выпускников. *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 7. С. 1133–1146. [Nikulina Yu. N. Project activity as a tool for the graduates' professional and career development. *Russian Journal of Labour Economics*, 2022, 9(7): 1133–1146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/et.9.7.115122>
 30. Щеглова И. А., Дремова О. В., Бабаева Д., Маюкова Е. В. За кулисами студенческого выбора: оценка привлекательности инфраструктуры российских вузов. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 38 с. [Shcheglova I. A., Dremova O. V., Babaeva D., Mayukova E. V. *Behind the scenes of student choice: Assessing the attractiveness of the infrastructure of Russian universities*. Moscow: HSE University, 2024, 38. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/amwyls>

Вопросы анализа цифрового потенциала региона в социальной сфере

Мухачева Анна Валентиновна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 8481-8721

oblakkko@mail.ru

Аннотация: На текущий момент в научном дискурсе отсутствует методологическая проработка формирования и развития цифрового потенциала региона в социальной сфере. Существующие подходы к оценке результатов внедрения цифровизации ограниченно охватывают показатели качества жизни и представлены преимущественно объективными количественными показателями, которые не учитывают мнение населения. Цель – определить методологические и методические основы формирования цифрового потенциала региона в социальной сфере и представить его категориальную и структурную модель. Задачи: 1) выявить дефиниционные характеристики цифрового потенциала региона в целом и социальной сфере; 2) проанализировать существующие методики оценки цифрового потенциала региона и их результативность; 3) рассмотреть результативность существующих инструментов цифровизации социальной сферы, направлений развития цифрового потенциала региона в социальной сфере в рамках существующей системы регионального управления. Применены методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, формализации, моделирования, сравнения, аналогии и экономико-статистические методы. Сформулированы основные дефиниции цифрового потенциала региона и проведено его разграничение с родственными категориями (*цифровое развитие, цифровая зрелость, инновационный и информационный потенциал, цифровизация, цифровая трансформация*). Осуществлен обзор методических подходов к оценке цифрового потенциала региона в социальной сфере. Введено понятие *социально-цифровой потенциал региона* как лаконичное обозначение цифрового потенциала региона в социальной сфере. Представлена его структурно-системная модель. Установлен такой фактор развития социально-цифрового потенциала региона, как его *социально-цифровой профиль* – совокупность типологических особенностей территории.

Ключевые слова: социальная сфера, цифровизация, цифровой потенциал, цифровое развитие, управление, качество жизни, органы власти, регион

Цитирование: Мухачева А. В. Вопросы анализа цифрового потенциала региона в социальной сфере. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 315–326. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-315-326>

Поступила в редакцию 23.10.2024. Принята после рецензирования 16.12.2024. Принята в печать 16.12.2024.

full article

Analyzing the Regional Digital Potential in Social Sphere

Anna V. Mukhacheva

Financial University Under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 8481-8721

oblakkko@mail.ru

Abstract: Regional potential in the digital sphere is a promising research topic. The current approaches to digitalization assessment are limited to such objective and quantitative indicators as the quality of life, which fail to consider public opinion. The article describes the methodological foundations for digital development in the social life across Russia as a categorical and structural model. After defining the digital potential of a region in the social sphere, the author analyzed the existing methods of its assessment and identified the directions of digital development as part of the regional management system. A set of standard methods combined with economic and statistical analysis made it possible to differentiate the concept in question from *digital development*,

digital maturity, innovation potential, information potential, digitalization, digital transformation, etc. The concept of *regional socio-digital potential* was defined as a concise designation of the regional digital potential in the social sphere. Its structural and system model is presented. Such a factor in the development of the socio-digital development as the *socio-digital profile of the region*, i.e., a set of typological features of a particular territory.

Keywords: social sphere, digitalization, digital potential, digital development, management, quality of life, government bodies, region

Citation: Mukhacheva A. V. Analyzing the Regional Digital Potential in Social Sphere. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 315–326. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-315-326>

Received 23 Nov 2024. Accepted after review 16 Dec 2024. Accepted for publication 16 Dec 2024.

Введение

Тема развития цифрового потенциала региона набирает популярность в научном сообществе, однако до сих пор остается недостаточно изученной. Наиболее часто цифровой потенциал региона трактуется как ресурсы и компетенции территории в цифровой области [1; 2] и как способность территории активизировать факторы цифрового развития, цифровой конкурентоспособности и технологического лидерства [3; 4]. Другой подход к определению рассматриваемого нами термина подчеркивает, что цифровой потенциал отражает перспективный (будущий) уровень цифрового развития территории с учетом текущего состояния, ресурсных и инвестиционных возможностей [5]. Мы согласны с данной трактовкой, т. к. именно в ней особое внимание уделяется ресурсной основе формирования цифрового потенциала (финансово-экономическая, инновационно-инфраструктурная, кадровая), которая имеет существенные различия в зависимости от региона и при достаточной эффективности государственной политики и деятельности экономических субъектов приводит к максимально полной реализации резервов цифрового развития. Цифровой потенциал региона отражает некую проекцию в будущее сложившегося уровня цифрового развития региона в совокупности с факторами формирования его перспективного уровня.

Цифровизация в рамках трансформации социальной сферы в большей степени затрагивает потребительские условия жизни (сектор B2C, торговля, образование, финансовые услуги) и в меньшей – сферу здравоохранения в силу его консервативности, высокой зарегулированности и высоких рисков¹. Использование цифровых технологий в социальной сфере неразрывно связано с применением сети Интернет, доступной для большинства населения России.

Так, с 2020–2021 гг. наблюдался резкий рост спроса населения на цифровые продукты, который несколько скорректировался в 2022–2024 гг. в связи с санкционными ограничениями и уходом части компаний [6].

Цель – определить методологические и методические основы формирования цифрового потенциала региона в социальной сфере и представить его категориальную и структурную модель. Задачи: 1) выявить дефиниционные характеристики цифрового потенциала региона в целом и социальной сфере; 2) проанализировать существующие методики оценки цифрового потенциала региона и их результативность; 3) рассмотреть результативность существующих инструментов цифровизации социальной сферы, направлений развития цифрового потенциала региона в социальной сфере в рамках существующей системы регионального управления.

Методы и материалы

Применены методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, формализации, моделирования, сравнения, аналогии и экономико-статистические методы. Проведен структурно-логический и системный анализ цифрового потенциала, его составляющих и смежных категорий. Информационная база – научно-исследовательские публикации, официальные порталы органов власти. Несмотря на высокий интерес к теме цифровизации и цифровой трансформации, научных работ, посвященных развитию цифрового потенциала региона в целом и социальной сфере, крайне мало. При этом рассмотрение вопросов оценки цифрового потенциала региона относится к числу приоритетных направлений исследований по заказу органов власти, в частности Правительства Москвы².

¹ Тайжетинова М. Эксперты назвали лидирующие и отстающие по цифровизации отрасли в России. *РБК Тренды*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6054b0a89a7947fd6076994e?from=soru> (дата обращения: 20.10.2024).

² Москва является регионом, имеющим передовой цифровой потенциал и высокий уровень его реализации.

Результаты

Для формирования дефиниционных основ цифрового потенциала региона важно, на наш взгляд, проанализировать его соотношение с родственными категориями. Одни исследователи считают цифровой потенциал тождественным категории *цифровое развитие* [7], а другие – категории *цифровая зрелость* [8; 9]. Поскольку цифровой потенциал региона охватывает не только текущий, но и будущий уровень цифрового развития с учетом имеющихся условий, то данные категории некорректно полностью отождествлять. Цифровая же зрелость может характеризовать эффективность реализации этих уровней. В данном случае цифровое развитие представляет собой процесс и результат реализации цифрового потенциала, конкретный уровень которого в конкретный момент времени с учетом использования имеющихся резервов характеризуется уровнем цифровой зрелости. Также цифровой потенциал сопряжен с категориями *информационный* и *инновационный потенциал*. Большинство ученых полагают, что он органично включается в рамки указанных категорий [8; 10]. Действительно, цифровой потенциал региона отражает инновационный и информационный потенциал территории в виртуальном (цифровом) пространстве, активно развивающемся в последние десятилетия.

Таким образом, цифровой потенциал региона, на наш взгляд, является выражением инновационного и информационного потенциала в цифровой среде, текущего и перспективного уровня цифрового развития региона на основе имеющихся резервов и возможностей их эффективного использования, реализация которого в конкретный момент времени с учетом имеющихся ресурсов характеризуется уровнем цифровой зрелости. Следовательно, не каждый уровень цифрового развития можно назвать «зрелым», т. к. для оценки цифровой зрелости необходимо сопоставление достигнутого уровня цифрового развития и исходного цифрового потенциала территории.

Другими смежными с цифровым потенциалом региона категориями являются *цифровизация* и *цифровая трансформация*. Если под первой категорией в общем смысле понимается внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, то под второй – результаты цифровизации в виде накопленных изменений, нарастающих тенденций и перспектив, которая может быть применена не только к отраслям экономики, но и к социальной сфере.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что структура цифрового потенциала включает в себя потребности экономики и социальной сферы в цифровизации (потребностный потенциал цифровизации), которая определяет, с одной

стороны, спрос на цифровые продукты и сервисы, а с другой – ресурсный потенциал цифровой инфраструктуры, экономических субъектов, действующих в рамках цифровой экономики и определяющих предложение цифровых продуктов. Равновесие между указанными конструктами составляет баланс цифрового потенциала.

На формирование цифрового потенциала влияют такие виды потенциала (ресурсы) региона, как финансово-экономический, инновационно-технологический, кадровый и инфраструктурный, которые определяются его цифровым профилем (рис. 1). Достигнутый уровень их реализации (текущий уровень цифрового развития) характеризуется цифровой зрелостью, отражающей в свою очередь реализацию цифровой потребности и использование ресурсов цифровизации. Различие между цифровым потенциалом региона как перспективным уровнем цифрового развития с задействованием всех имеющихся ресурсов и текущего уровня цифрового развития (цифровой зрелости) отражает эффективность цифрового развития и резерв реализации цифрового потенциала.

Исходя из формулировки цифрового потенциала региона путем его проекции на социальную сферу можно вывести термин *социально-цифровой потенциал региона*, представляющий собой совокупность ресурсов / ресурсную базу территории (финансово-экономический, инновационно-технологический, кадровый, инфраструктурный потенциал региона), которая определяет максимально достижимый уровень текущего и перспективного цифрового развития социальной сферы региона и ее цифровой трансформации. Социально-цифровой потенциал региона зависит от его *социально-цифрового профиля*, включающего типологические особенности региона, определяемые отраслевой структурой, особенности цифрового развития, количественные и качественные параметры вовлеченности населения в цифровизацию, ресурсную базу.

На рисунке 2 представлена модель формирования и реализации социально-цифрового потенциала региона. Социально-цифровой профиль региона как определяющий фактор социально-цифрового потенциала включает достигнутый уровень социально-цифрового развития и резерв реализации социально-цифрового потенциала региона. Различие между перспективным (резерв реализации социально-цифрового потенциала региона) и достигнутым уровнем социально-цифрового развития позволяет оценить эффективность реализации социально-цифрового потенциала.

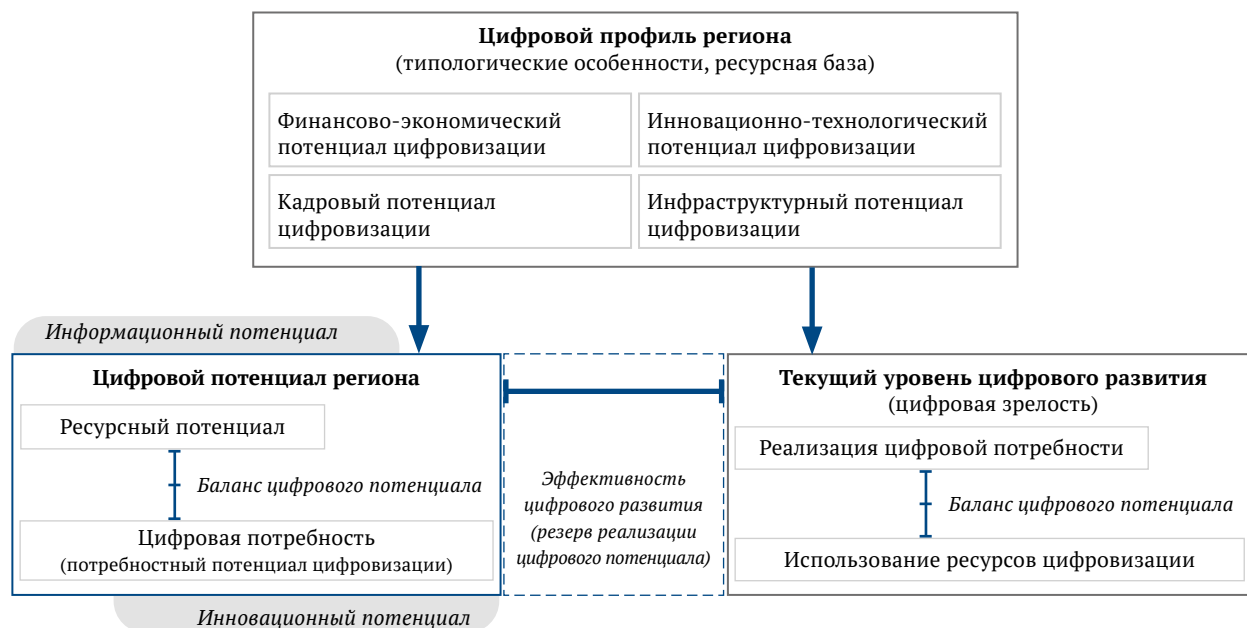

Рис. 1. Модель формирования и реализации цифрового потенциала региона

Fig. 1. Developing and implementing the regional digital potential

Рис. 2. Модель формирования и реализации социально-цифрового потенциала региона
Fig. 2. Formation and implementation of the social and digital potential of the region

Текущий уровень цифрового развития (цифровая зрелость) выступает отправной точкой для определения цифрового потенциала региона. В таблице 1³ представлены подходы к оценке уровня цифровизации региона. Так, подход, в котором используется индекс *Цифровая Россия*, в наибольшей степени учитывает социальные характеристики территории. С точки зрения оценки социально-цифрового развития следует обратить внимание на Национальный

индекс развития цифровой экономики РФ и Рейтинг цифровой зрелости регионов. В дополнение к этому Показатель оценки развития цифровой экономики охватывает все ключевые направления социальной сферы (образование, здравоохранение, городское хозяйство и строительство, транспорт и логистика, экология и др.) и преимущественно отражает технические характеристики в статическом разрезе (доступ к сети Интернет, расходы на цифровые

³ См. [6]. В текущем варианте добавлены характеристики и применение подходов в социальной сфере.

Табл. 1. Подходы к оценке уровня цифровизации региона

Tab. 1. Approaches to assessing the regional digitalization

Подход	Характеристика, применение в социальной сфере
Показатель оценки развития цифровой экономики (Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации»)⁴	• высокий охват направлений социальной сферы (образование, здравоохранение, городское хозяйство и строительство, транспорт и логистика, экология и др.); • акцент на техническом измерении (доступ к сети Интернет, расходы на цифровые технологии, использование цифровых государственных услуг и пр.); • социально-цифровые потребности граждан не учитываются
Индекс <i>Цифровая Россия</i> (Московская школа управления «Сколково») [11]	• учитывает социальный эффект от внедрения цифровизации, в том числе реализацию концепции «Умный город»
Национальный индекс развития цифровой экономики РФ (Центр компетенций проекта «Цифровые технологии» госкорпорации «Росатом»)⁵	• отражает цифровизацию отраслей социальной сферы, таких как образование, здравоохранение, население и его уровень жизни
Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) региона [12]	• слабо отражает социальную сферу (кроме человеческого капитала); • база – технические характеристики
Рейтинг цифровой зрелости регионов (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации) [9]	• отражает цифровизацию отраслей социальной сферы (транспорт, образование, здравоохранение, городское хозяйство), массовых социально-значимых услуг; • включает субъективные оценки населения (платформа обратной связи)

технологии, использование цифровых государственных услуг и пр.). Субъективные оценки результатов цифровизации социальной сферы в области транспорта, образования, здравоохранения, городского хозяйства, массовых социально-значимых услуг отражены в Рейтинге цифровой зрелости регионов.

Более трудной научной задачей является определение максимального уровня цифрового потенциала развития территории, его предельно возможной величины с учетом имеющейся ресурсной базы и условий ее эффективной реализации. Важность представляют реалистичность и обоснованность установленной перспективы цифрового развития при определении рамок цифрового потенциала. Векторы цифрового развития современного общества иногда настолько устремлены в «амбициозную неизвестность», что часто целевые значения и показатели технологического развития оказываются недостижимыми. Перспективный уровень цифрового развития при оценке цифрового потенциала региона рассматривается с позиции количественного

измерения (небольшое количество методик), например при расчете Регионального индекса цифрового развития (табл. 2⁶).

В таблице 3 рассмотрены подходы к оценке уровня цифровизации и цифрового потенциала региона в социальной сфере (в ограниченном количестве). Большинство из них направлено на анализ экономических факторов. Так, М. П. Петров и С. П. Маслов при оценке цифрового потенциала в социальной сфере выделили четыре типа регионов на основе соотношения показателей «цена» 1 % ежегодного прироста *Российского регионального индекса цифровизации качества жизни населения* (РРИЦКЖН) и *среднегодовое значение среднелюшевых инвестиций в ИКТ*. Кроме того, исследователи установили статистически значимую взаимосвязь между указанными показателями. По нашему мнению, это один из самых перспективных подходов, который отражает уровень цифровизации качества жизни населения (формирование цифрового качества жизни, новой активно разрабатываемой научной категории).

⁴ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Национальный индекс развития цифровой экономики: пилотная реализация. М.: Росатом, 2018. 92 с.

⁶ См. [6]. В текущем варианте произведена оценка подходов с позиции отражения различных сущностных аспектов цифрового потенциала и применения его в социальной сфере.

Табл. 2. Подходы к оценке цифрового потенциала региона

Tab. 2. Approaches to assessing the regional digital potential

Подход	Оценка
Показатель развития цифрового потенциала региона [1]	• характеризует уровень цифровизации, цифрового развития региона на текущий момент; • не позволяет оценить цифровой потенциал как перспективный уровень цифрового развития (не представляется возможным определить максимально возможные значения показателей); • акцент на технических показателях, отсутствие оценки социальных эффектов от развития цифрового потенциала, субъективных оценок
Показатель цифрового потенциала региона [13]	• к интегральным показателям второго уровня относится <i>цифровое развитие</i>, а не <i>цифровой потенциал</i>, как указано в названии подхода; • данные показатели не позволяют оценить перспективный (максимально возможный) уровень цифрового развития; • акцент на цифровизации отраслей экономики; • интерес представляет интегральный показатель формирования единого национального цифрового пространства как основной платформы экосистемы экономического и социально-цифрового развития региона
Региональный индекс цифрового развития [3]	• в названии индекса стоит <i>цифровое развитие</i>, а в показателях – <i>оценка цифрового потенциала региона</i>, причем не только в текущий момент времени, но и в будущем; • ценный футуристический подход

Табл. 3. Подходы к оценке уровня цифровизации и цифрового потенциала региона в социальной сфере

Tab. 3. Approaches to assessing the regional digitalization and digital potential in in the social sphere

Подход	Описание	Оценка
Российский региональный индекс цифровизации качества жизни населения [5]	• оценивает соотношение показателей «цена» 1 % ежегодного прироста РРИЦКЖН и среднегодовое значение среднедушевых инвестиций в ИКТ и на их пересечении выделяет четыре типа регионов; • установлена значимая взаимосвязь между указанными показателями	• один из самых перспективных подходов; отражает реальный уровень цифровизации качества жизни населения; • выявлено, что эффективнее рассматривать не прирост цифровизации качества жизни населения, а его реальный рост за счет применения цифровых технологий, в том числе на основе опросных методов
Код цифрового потенциала региона [14]	• имеет следующую структуру: 1) код цифровизации производства; 2) код цифровизации населения (включает удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения, увеличенный в 25 раз; долю домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету; долю населения, использовавшего Интернет для заказа товаров и / или услуг); 3) код цифровизации власти (включает долю граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме; долю организаций, использующих электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами)	• перспективен с точки зрения оценки цифрового потенциала в социальной сфере, т. к. два ключевых показателя (код цифровизации населения и кода цифровизации власти) из трех непосредственно отражают социальные эффекты от цифровизации; • в качестве частных индикаторов кода цифровизации населения и кода цифровизации власти используются преимущественно технические показатели (доступ к сети Интернет; доля граждан, использующих Единый портал государственных и муниципальных услуг и пр.); • отсутствуют субъективные данные

На наш взгляд, оценка цифрового потенциала региона в социальной сфере должна базироваться на количественных и качественных показателях внедрения цифровых технологий в рассматриваемую сферу. Ее структура традиционно включает блоки здравоохранения, физкультуры и спорта, образования, культуры, демографии, социальной защиты, экологии, комфортной городской среды, потребительского благополучия (реализуемого в условиях цифровой экономики за счет развития электронной коммерции), бытового обслуживания, социальных услуг (предоставляемых государством через сервисы электронного правительства и т.д.). Однако при этом необходимо учитывать и показатели цифровизации мнения населения (работа открытых цифровых платформ для взаимодействия с населением, учет пожеланий и рекомендаций граждан, оценка степени удовлетворенности результатами цифровизации социальной сферы и уровня реализации цифрового потенциала региона с позиции удовлетворения цифровых потребностей населения, возможных улучшений условий их жизни), и показатели цифрового неравенства и борьбы с цифровой дискриминацией (цифровая компетентность различных категорий населения, наличие альтернативных нецифровых методов решения указанных проблем, соответствующие помощники, дифференциация доходов граждан цифровых и нецифровых отраслей и т.п.). В данном случае аналитической базой, помимо статистических данных, могут выступать результаты регулярных социологических опросов, публикации в средствах массовой информации, социальных сетях. Использование таких источников позволит объективно оценить не только преимущества развития цифрового потенциала региона, но и его негативные эффекты, разработать адаптивные программы регионального развития в социально-цифровой сфере для учета интересов всех категорий граждан.

Анализ цифровых технологий, используемых в социальной сфере, позволил выявить ряд программных продуктов и сервисов:

- государственная автоматизированная система «Управление»: агрегация данных программ и проектов социальных ведомств на федеральном и региональном уровнях [15];
- информационно-аналитическая система (ИАС) «Национальные проекты»: оценка показателей реализации национальных проектов в социальной сфере;

- система «Электронный бюджет»: финансовая оценка реализуемых социальных программ на национальном и государственном уровнях.

Кроме того, до сих пор существуют и используются информационная система «Предприятия», ИАС «Федерация», информационная система «Опросы», информационная система мониторинга обстановки на территории РФ (включая радиационную, биологическую и общую экологическую), информационная система комплексной безопасности, государственная база экономико-географической информации (например, Федеральная служба государственной статистики), ИАС «Кризис-Инфо», оценка социально-политической стабильности, оценка эффективности органов исполнительной власти субъектов РФ⁷. Недостатком указанных информационных систем государственного управления, включающего во многих случаях региональный уровень и социальную сферу, является закрытый доступ для общественности, который обуславливает невозможность эффективности реализуемых мер и, как следствие, отсутствие реального отражения ситуации в области реализации программ социального развития в регионах. Особенно остро это ощущается в части расходования финансовых средств на социальные программы, которые состоят из налоговых поступлений граждан и региональных предприятий.

В рамках формирования единого цифрового пространства России в государственном управлении социальной сферой активно реализуются проекты по созданию цифрового контура здравоохранения, которое предусматривает объединение всех учреждений, использование цифровых медицинских карт, развитие телемедицины и пр.; внедрению цифровых технологий в сфере образования и культуры, в том числе для повышения доступа всех категорий граждан, вне зависимости от их местоположения [16]; обеспечению системы безопасности экологии и правопорядка, транспортного движения за счет внедрения инструментов интернета вещей (IoT): датчики шума, движения, загрязнения воздуха, системы видеофиксации правонарушений и др. [17; 18].

Цифровой контур здравоохранения, получивший развитие во время пандемии, внедряется во всех регионах России. На реализацию данного контура направлено порядка 13 млрд руб. В 2021 г. 30 млн человек уже воспользовались личным кабинетом пациента «Мое здоровье» на Едином портале

⁷ Доклад Н. И. Ильина на Пленарном заседании форума «Искусственные общества и информационные технологии». 24.09.2024.

государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ, Госуслуги); 98 % учреждений здравоохранения объединены в единую сеть. Благодаря Единой медицинской информационно-аналитической системе сегодня гражданин имеет в полном доступе полную информацию о собственном здоровье и может использовать ее для поддержания долгой активной жизни. В области образования планируется построить 340 мобильных технопарков для детей в сельской местности. Интеллектуальная транспортная система на основе интеграции информационных, телематических и управленческих технологий призвана стать значимой частью системы комплексного управления транспортным дорожно-хозяйственным комплексом в регионах и обеспечить безопасность дорожного движения. Она позволяет фиксировать дорожно-транспортные происшествия, нарушения требований весогабаритного контроля, управлять освещением дорог с помощью энергосберегающего оборудования.

Для обеспечения комфортной городской среды внедряются цифровые карты территорий (цифровые двойники). Современные цифровые карты должны предоставлять информацию о состоянии и структуре жилищного фонда в разрезе муниципалитетов, о стоимости жилья, состоянии и доступности рынка недвижимости для граждан. Чаще всего подобные карты снабжены соответствующими диаграммами, которые имеют стандартное оформление и не всегда информативны (среди современных геоинформационных систем подобные возможности реализуются ArcGIS, ArcView и др.). В связи с этим С. А. Гуров предлагает строить картограммы на основе псевдоизолиний (изоцен) в ППП ArcView – Spatial Analyst [19].

«Отечественными разработчиками вслед за мировыми тенденциями активно разрабатываются цифровые двойники территории, представляющие собой комбинацию концепций *Умный город* и *Цифровой двойник* (под последним понимается цифровая модель территории). Цифровой двойник территории (в текущем воплощении – чаще всего городов и их отдельных районов, в перспективе – регионов и даже страны) – прототип реальной территории, на базе которого можно анализировать жизненные циклы объекта, его реакцию на возможные изменения и внешние воздействия. Среди компаний-разработчиков в РФ можно выделить DigiCity, ООО «Цифровой двойник», Градостроительный институт «Гипрогорпроект». Наиболее популярными слоями цифрового двойника территорий выступают: численность и состав жителей домов / районов, технические параметры домов, функциональные зоны,

кадастровые данные, инфраструктура, объекты соцкультбыта, обеспеченность социальными учреждениями, графы дорог и пр. Также в них часто предусмотрена модель для сбора обращений жителей» [20, с. 136]. На рисунке 3 представлено расселение населения по типу жилых домов (отражена этажность и плотность расселения), оснащенности территории элементами соцкультбыта (аптеки, банки, библиотеки и т. п.).

Еще одним важным направлением развития цифрового потенциала в социальной сфере является использование инструментов цифрового маркетинга для продвижения социальных программ на региональном уровне: сайты национальных проектов и программ федерального и регионального уровней; реклама на ЕПГУ, сайтах министерств и ведомств, ответственных госучреждений; онлайн-конференции и форумы, трансляции встреч органов власти с населением, виртуальные приемные; освещение целей и задач социальных программ в средствах массовой информации, тематических медиа с привлечением экспертных мнений науки и общественности; email-маркетинг (электронные рассылки, например, от ЕПГУ и mos.ru); виртуальные помощники и чат-боты (реализованы на сайте Госуслуг, министерств и ведомств); контекстная и таргетированная реклама (частично) [20, с. 140]. «Не все указанные инструменты цифрового маркетинга используются с полной реализацией заложенного в них потенциала в различных регионах России, что открывает резерв для повышения эффективности их применения» [20, с. 140].

Актуальный перечень инструментов цифрового маркетинга следующий: email-маркетинг, сервисы видеохостингов, таргетированная реклама, SMM-менеджмент, SEO-оптимизация, контекстная реклама. Так, государственные сервисы осуществляют электронную рассылку писем населению с целью рекламы и информирования о текущих социальных программах. Информирование о них граждан также реализуется с помощью видеохостингов, таргетированной рекламы (активно использовалась в области содействия занятости населения в субъектах РФ).

Несмотря на приведенный перечень актуальных инструментов цифрового маркетинга, которые применяются при продвижении социальных программ в регионах, до сих пор недостаточно активно используются методы SMM-менеджмента (в том числе с задействованием социальных сетей), SEO-оптимизации (для повышения рейтинга официальных порталов органов власти в результатах поисковой выдачи по ключевым словам)

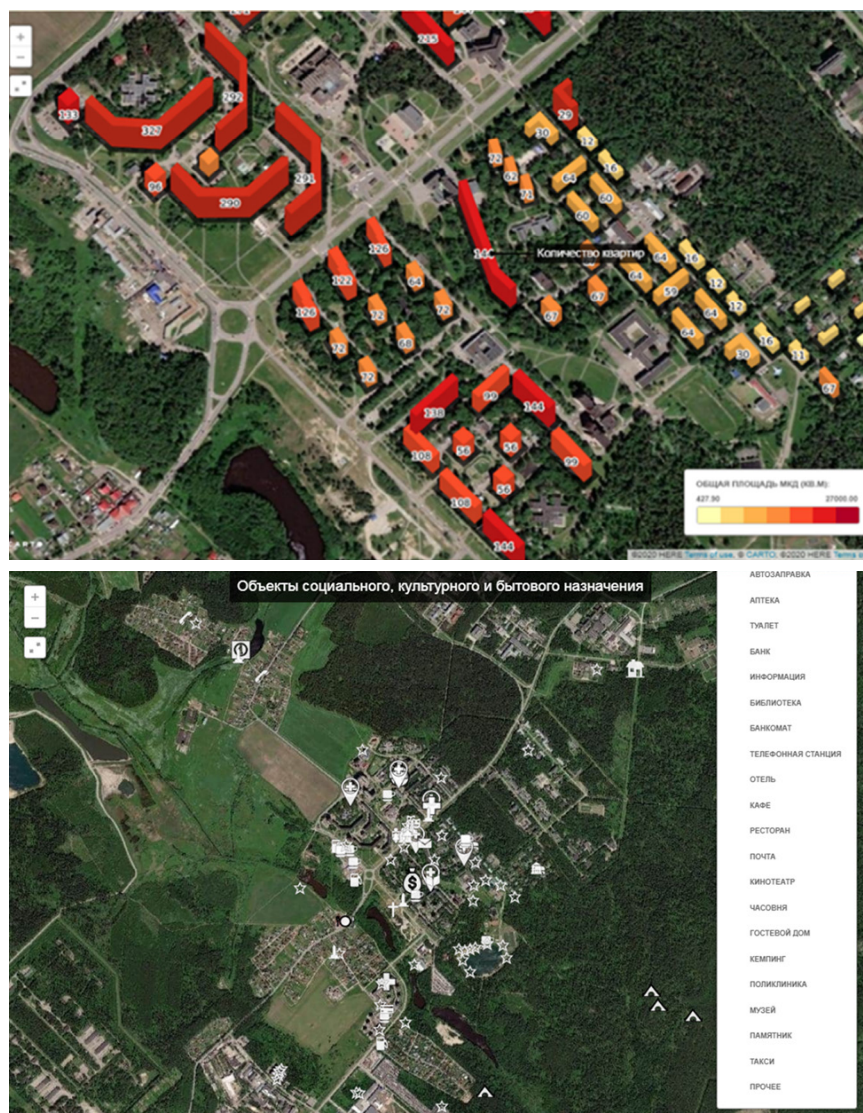

Рис. 3. Графическое представление слоев пространств в цифровых двойниках муниципалитета (данные о расселении населения по типу жилых домов, оснащении территории элементами соцкультбыта)

Fig. 3. Digital twins of a municipality in layers (data on the distribution of the population by type of residential buildings, the provision of the territory with elements of social and cultural life)

и контекстной рекламы. Развитие указанных методов позволило бы общественности увеличить информированность о реализуемых мероприятиях в социальной сфере и повысить доверие к органам власти. В то же время более часто в цифровом маркетинге социальной сферы специалисты прибегают к новым актуальным инструментальным трендам: виртуальные помощники и чат-боты; искусственный интеллект; IoT; QR-коды; мобильные устройства; ноутбуки; планшеты; умные гаджеты; цифровое телевидение; реклама в онлайн-играх и мобильных приложениях, мессенджерах, на цифровых экранах; технологии 5G [20, с. 140]. Использование инструментов цифрового маркетинга государственных социальных программ является важным инструментом цифровизации и цифровой трансформации социальной сферы регионов [21; 22].

Заключение

Представлено определение термина *цифровой потенциал региона* как текущего и перспективного уровня цифрового развития региона с учетом имеющейся ресурсной базы. При формировании дефиниционных основ указанной категории учитывалось предлагаемое автором разграничение его с другими родственными понятиями (*цифровое развитие, цифровая зрелость, инновационный и информационный потенциал, цифровизация, цифровая трансформация*). Разработанная модель формирования и реализации цифрового потенциала региона и социально-цифрового потенциала региона представляет собой результат структурно-логического анализа и нуждается в дальнейшем уточнении и дополнении. Если текущий уровень цифрового развития возможно измерить с помощью существующих методик, то его перспективный уровень

гораздо сложнее поддается методической оценке и методологическому осмыслению.

Между тем именно выявление резервов недоиспользованного цифрового потенциала региона позволит выйти ему в своем цифровом развитии на новый уровень, повысить цифровую зрелость. Открытым также остается вопрос о возможности использования цифрового потенциала регионов для сглаживания региональных диспропорций, что является ключевой задачей Стратегии пространственного развития России до 2025 г. Дополнительного изучения требует утверждение о том, что цифровые различия в регионах не только не снижают дифференциацию территорий по уровню социально-экономического развития, но и усиливают ее.

На текущий момент отсутствуют комплексные методики оценки цифрового потенциала региона в социальной сфере. Из представленных подходов только один оценивается как перспективный и позволяет определить максимально возможный уровень цифрового развития региона в конкретный момент времени, а также спрогнозировать значения будущих периодов – Региональный индекс цифрового развития. Однако важно уточнить, что он не учитывает социальные эффекты. Также практически во всех методиках используются только объективные индикаторы влияния цифровизации на социальную сферу.

Все социальные национальные проекты предполагают внедрение цифровой технологии в курируемой области. Чаще всего речь идет о создании единой общедоступной информационной системы, интегрированной с государственными программами и сервисами (включая государственную информационную систему «Управление» и систему «Электронный бюджет»), в сфере здравоохранения и обеспечения качественных и безопасных дорог. В сфере экологии и транспортного обеспечения, жилья и городской среды также предлагается использовать инструменты

IoT (датчики шума, движения, загрязнения воздуха, системы видеофиксации правонарушений и т.д.).

Городское управление в цифровой экономике немыслимо без развития цифровых двойников территорий. Указанные цифровые технологии будут активно развиваться только при условии такого же активного совершенствования инновационной инфраструктуры региона. Пользу населению они принесут при достаточном уровне продвижения социальных программ, в том числе за счет использования цифровых инструментов.

Социально-цифровой потенциал региона представляет собой текущий и перспективный уровень социально-цифрового развития при эффективном использовании имеющихся ресурсов / ресурсной базы (финансово-экономический, инновационно-технологический, кадровый и инфраструктурный потенциал региона). Цифровой потенциал региона в социальной сфере зависит от его социально-цифрового профиля – типологических особенностей территории (отраслевая структура, географическое положение, особенности цифрового развития, количественные и качественные параметры вовлеченности населения в цифровизацию) и ресурсной базы. Развитие цифрового потенциала региона в социальной сфере должно выражаться прежде всего в реализации цифровых инструментов и задействовании сложившейся цифровой инфраструктуры региона в федеральных и региональных программах социальной направленности и их продвижении.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Титова И. Н. Оценка цифрового потенциала областей Центрально-Черноземного макрорегиона. *Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: Междунар. науч.-практ. конф.* (Белгород, 22 октября 2020 г.) Белгород: Эпицентр, 2020. С. 158–163. [Titova I. N. The digital potential of the regions of central black soil macroregion. *Modern problems of socio-economic systems in the context of globalization: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belgorod, 22 Oct 2020. Belgorod: Epitsentr, 2020, 158–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gtrqop>
2. Глезман Л. В. Взаимосвязь цифрового потенциала региона и специфики цифровизации регионального промышленного комплекса. *Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии – 2020: II Междунар. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 27 ноября 2020 г.) Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2020. С. 92–108. [Glezman L. V. The relationship between the digital potential of the region and the specifics of digitalization of the regional industrial complex. *Digital transformation of industry: Trends, management,*

- and strategies 2020: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 27 Nov 2020. Ekaterinburg: IE UrO RAS, 2020, 92–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/blpcab>
3. Логачева Н. А. Модель оценки уровня цифровой трансформации региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2022. Т. 20. № 1. С. 88–110. [Logacheva N. A. A model for assessing the level of digital transformation of the region. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, 20(1): 88–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/re.20.1.88>
 4. Родионов Д. Г., Конников Е. А., Сергеев Д. А. Исследование механизмов взаимодействия субъектов цифровых экономических систем. *Экономические науки*. 2020. № 191. С. 25–31. [Rodionov D. G., Konnikov E. A., Sergeev D. A. Digital economic systems subject's interaction mechanism research. *Ekonomicheskie nauki*, 2020, (191): 25–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14451/1.191.25>
 5. Маслов М. П., Петров С. П. Методические аспекты оценки цифрового потенциала экономики регионов России. *ИТЭ-ЧС 2021: VII Междунар. науч.-практ. конф.* (Томск, 21–23 октября 2021 г.) Томск: ТГУ, 2021. С. 123–124. [Maslov M. P., Petrov S. P. Methodological aspects of assessing the digital potential of the Russian regional economy. *ITE-HS 2021: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tomsk, 21–23 Oct 2021. Tomsk: TSU, 2021, 123–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/978-5-907442-40-5-2021-86>
 6. Мухачева А. В., Никитская Е. Ф. Развитие цифрового потенциала региона в управлении качеством жизни населения. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024. Т. 14. № 3. С. 859–884. [Mukhacheva A. V., Nikitskaya E. F. Developing the region's digital potential in managing the quality of life. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2024, 14(3): 859–884. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18334/epp.14.3.120602>
 7. Кулагина Н. А., Сергеев Д. А. Цифровое развитие региона: вопросы оценки потенциала в условиях современных вызовов. *Цифровая экономика и онлайн-образование: ключевые тренды и препятствия: Междунар. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 26 мая 2022 г.) Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 48–52. [Kulagina N. A., Sergeev D. A. Digital development of the region: Issues of potential assessment in the context of modern challenges. *Digital economy and online education: Key trends and obstacles: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 26 May 2022. Ekaterinburg: USUE, 2022, 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bepcln>
 8. Куликова И. Ю. Место цифрового потенциала мезотерритории в системе потенциалов региона. *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 8. С. 451–455. [Kulikova I. Yu. The place of the digital potential of the mesoterritory in the system of potentials of the region. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2022, (8): 451–455. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.145.8.088>
 9. Киселева Е. Г. Влияние цифровизации на инвестиционный потенциал города. *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24. № 5. С. 72–83. [Kiseleva E. G. The impact of digital transformation on the investment potential of the Russian cities. *Finance: Theory and Practice*, 2020, 24(5): 72–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-5-72-83>
 10. Бредихин В. В., Астапенко Е. О. Оценка инновационного потенциала региона и исследование возможностей его роста. *Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: Междунар. науч.-практ. конф.* (Курск, 20–21 февраля 2018 г.) Курск: Университетская книга, 2018. С. 35–38. [Bredikhin V. V., Astapenko E. O. Assessing of the innovative potential of the region and its growth opportunities. *Modern approaches to the transformation of concepts of state regulation and management in socio-economic systems: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kursk, 20–21 Feb 2018. Kursk: Universitetskaia kniga, 2018, 35–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuysyp>
 11. Абдуллаева А. А., Махмудов Т. Г., Иваненко М. А. Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 2. № 6. С. 73–78. [Abdullayeva A. A., Makhmudov T. G., Ivanenko M. A. Potential and prospects for the development of the digital economy of Russian regions. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2021, 2(6): 73–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.06.02.012>
 12. Юрча И. А. Информационный потенциал как степень готовности региона к цифровой трансформации экономики. *Экономика. Управление. Инновации*. 2021. № 1. С. 45–51. [Yurcha I. A. Information potential as a level of the region's readiness for digital transformation of the economy. *Economics and innovation management*, 2021, (1): 45–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/edcwbyq>
 13. Кузовкова Т. А., Салютина Т. Ю., Кухаренко Е. Г. Методические основы и результаты интегральной оценки цифрового развития экономики и общества. *Век качества*. 2019. № 3. С. 106–122. [Kuzovkova T. A., Salutina T. Yu., Kukharenko E. G. Methodical bases and results of integrated assessment of digital development of economy and society. *Age of Quality*, 2019, (3): 106–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jeqjxl>

14. Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А. Цифровой код развития российских регионов: идентификация, морфология и оценка. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2019. № 6. С. 16–24. [Myslyakova Yu. G., Shamova E. A. Digital code of development of Russian regions: Identification, morphology and evaluation. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2019, (6): 16–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2019-6-176-16-24>
15. Першина Т. А., Авилова А. С., Измайлов Р. Р. Оценка существующей системы мониторинга реализации национальных проектов. *Социальные и экономические системы*. 2023. № 5-1. С. 262–275. [Perschina T. A., Avilova A. S., Izmailov R. R. Assessment of the existing system for monitoring national projects. *Social and economic systems*, 2023, (5-1): 262–275. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mglbtbx>
16. Маршова Т. Н., Моисеенко Н. В. Риски реализации национальных проектов (на примере национального проекта «Культура»). *Вестник МГПУ. Серия: Экономика*. 2021. № 4. С. 20–39. [Marshova T. N., Moiseenko N. V. Risks of implementation of national projects (using the example of the national project "Culture"). *MCU Journal of Economic Studies*, 2021, (4): 20–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2021.30.4.2>
17. Коробкова О. К. Цифровой контур сферы здравоохранения Хабаровского края: некоторые результаты внедрения. *Цифровой контент социального и экосистемного развития экономики: Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 8 ноября 2022 г.)* Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2022. С. 316–317. [Korobkova O. K. Digital contour of the healthcare sector of the Khabarovsk territory: Some implementation results. *Digital content for social and ecosystem development of the economy: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Simferopol, 8 Nov 2022. Simferopol: V. I. Vernadsky CFU, 2022, 316–317. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/susyct>
18. Яковлева Е. А., Титова Е. В. Региональные приоритеты реализации национальных проектов (на примере Воронежской области). *Региональная экономика и управление*. 2020. № 2. [Yakovleva E. A., Titova E. V. Regional priorities for the implementation of national projects (for example, the Voronezh Region). *Regional economy and management*, 2020, (2). (In Russ.)] URL: <https://eee-region.ru/article/6210/> (дата обращения: 20.10.2024). <https://elibrary.ru/mqzkyu>
19. Гуров С. А. Подходы к картографированию регионального рынка жилья для обеспечения визуализации национального проекта «Жилье и городская среда». *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2020. Т. 26. № 1. С. 503–515. [Gurov S. A. Approaches to mapping the regional housing market to provide visualization of the national project "Housing and urban environment". *InterKarto. InterGIS*, 2020, 26(1): 503–515. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-1-26-503-515>
20. Мухачева А. В. Реализация национальных проектов в социальной сфере в условиях цифровой экономики и дефицита ресурсов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 1. С. 132–146. [Mukhacheva A. V. National Social Projects in the Context of Digital and Shortage Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie I ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(1): 132–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-1-132-146>
21. Таймасов А. Р., Мухаметова А. Д. Методический подход к оценке уровня цифрового регионального развития. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2023. № 6. С. 18–21. [Taimasov A. R., Mukhametova A. D. Methodological approach to assessing the level of digital regional development. *Ekonomika i upravlenie: Nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2023, (6): 18–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34773/EU.2023.6.3>
22. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2023. № 1. С. 89–119. [Abramov V. I., Andreev V. D. Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. *Public Administration Issues*, 2023, (1): 89–119. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gnesxu>

Теория и практика применения маркетинговых инструментов стратегического планирования федеральных научно-медицинских организаций

Попсуйко Артем Николаевич

Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 4652-0570

<https://orcid.org/0000-0002-5162-0029>popsan@kemcardio.ru

Артамонова Галина Владимировна

Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3972-2791

<https://orcid.org/0000-0003-2279-3307>

Куш Оксана Васильевна

Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6999-0113

<https://orcid.org/0000-0002-8646-7810>

Аннотация: Цель – описать практики применения таких маркетинговых инструментов, как SWOT- и DEPLESET-анализ, в процессе стратегического развития деятельности научной медицинской организации, которая оказывает высокотехнологическую медицинскую помощь пациентам с болезнями системы кровообращения, проживающим на территории Кемеровской области – Кузбасса и Сибирского федерального округа. Актуальность использования SWOT- и DEPLESET-анализа в указанной отрасли обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности учреждений здравоохранения и медицинской науки, удовлетворенности пациентов условиями и качеством оказанной помощи. Применены общенаучные методы анализа и синтеза, принцип единства исторического и логического. Использованы базы данных eLibrary, поисковой системы по полным текстам научных публикаций Google Scholar, PubMed. Маркеры поиска – словосочетания *маркетинг в здравоохранении*, *маркетинговые исследования в медицине*. Первоначально в анализ было включено 55 публикаций, но для формирования обзора отобраны репрезентативные исследования (26 публикаций) в данной сфере. При работе с литературными источниками использовались элементы метода Prisma. Показана практическая значимость DEPLESET-анализа на примере федерального научного медицинского учреждения. Установлено, что применение данного инструмента вместе с традиционным SWOT-анализом позволяет сформировать ключевые направления развития учреждения, его факторы успеха и риска.

Ключевые слова: маркетинговые инструменты, SWOT-анализ, маркетинг в здравоохранении, DEPLESET-анализ, стратегическое развитие

Цитирование: Попсуйко А. Н., Куш О. В., Артамонова Г. В. Теория и практика применения маркетинговых инструментов стратегического планирования федеральных научно-медицинских организаций. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2025. Т. 10. № 2. С. 327–337. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-327-337>

Поступила в редакцию 10.12.2024. Принята после рецензирования 29.01.2025. Принята в печать 03.02.2025.

full article

Marketing Tools for Strategizing Federal Organizations of Medical Sciences: Theory and Practice

Artem N. Popsuyko

Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases,
Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 4652-0570

<https://orcid.org/0000-0002-5162-0029>popsan@kemcardio.ru

Galina V. Artamonova

Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases,
Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3972-2791

<https://orcid.org/0000-0003-2279-3307>

Oksana V. Kusch

Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases,
Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6999-0113

<https://orcid.org/0000-0002-8646-7810>

Abstract: Such marketing tools as SWOT and DEPLESET analyses can be applied to medical R&D organizations to strategize their development. These methods could make healthcare institutions more competitive, thus improving the conditions and quality of care provided. The review covered research articles (total: 55; representative sample: 25) retrieved from eLibrary, Google Scholar, and PubMed by search markers *marketing in healthcare* and *marketing research in medicine*. The review combined standard research methods with some elements of the Prisma method. The empirical part involved the methods of DEPLESET and SWOT applied to the case of a federal scientific medical institution, i.e., the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo, which provides high-tech medical care in the Kemerovo Region and the entire Siberian Federal District. Combined with conventional methods, these tools made it possible to reveal the success and risk factors to be used in strategizing the major growth areas.

Keywords: marketing tools, SWOT analysis, healthcare marketing, DEPLESET analysis, strategic development

Citation: Popsuyko A. N., Kusch O. V., Artamonova G. V. Marketing Tools for Strategizing Federal Organizations of Medical Sciences: Theory and Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 327–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-327-337>

Received 10 Dec 2024. Accepted after review 29 Jan 2025. Accepted for publication 3 Feb 2025.

Введение

Существование российского здравоохранения в условиях рыночных отношений сопряжено с необходимостью учреждений отрасли гибко реагировать на изменения внутренней и внешней среды, в том числе посредством имплементации современных маркетинговых инструментов в рутинную практику клинического и организационного менеджмента. На современном этапе развития медицинских организаций маркетинг обуславливает необходимость разработки и внедрения новых организационных, информационных технологий, направленных на поступательное развитие современных форм и методов управления в системе здравоохранения. Для более успешного функционирования медицинских организаций как предприятий услуг необходимо создание нового качественного управления, которое будет направлено

прежде всего на разработку, анализ запросов и потребностей рынка [1].

Маркетинг как инструмент экономической деятельности обеспечивает изучение запросов, ожиданий и потребностей целевой аудитории и инвариантно встроен в функционирование учреждений здравоохранения (внедрение концепции пациентоцентризма, идеи которого переплетены с сервисоориентированной экономикой). Вопросы стратегического развития учреждений здравоохранения и медицинской науки организационно и функционально связаны со стратегическим маркетингом, реализация которого предполагает учет потребностей и желаний целевой аудитории, эффективное предоставление продуктов и услуг для гармонизации удовлетворенности потребителей и благополучия общества [2].

Все чаще маркетинговые исследования в отрасли здравоохранения рассматриваются в качестве действенных, универсальных управленческих инструментов оценки собственной деятельности и возможностей оказания качественных медицинских услуг населению [3]. Теоретическое обоснование проблемы применения маркетинга в медицинской сфере, степень проработки и специфические особенности использования его инструментов в учреждениях здравоохранения неоднократно оказывались в центре научных дискуссий. В существующем многообразии проводимых исследований выделяется ряд работ отечественных и зарубежных авторов, изучающих цифровизацию маркетинга в здравоохранении [4–6], его роль в развитии учреждений медицинской отрасли [7; 8] и увеличении потока пациентов [9; 10].

Применение маркетинговых инструментов ассоциируется со следующими видами организационных действий: проведение анализа медицинского учреждения для выявления сильных и слабых сторон в развитии маркетинговой деятельности; повышение имиджа компании путем позиционирования медицинской организации и на внутреннем, и на мировом рынках; утверждение плана дальнейшей работы взаимодействия с другими организациями [11]. В работе [12] SWOT-анализ рассматривается как действенный маркетинговый инструмент определения стратегических перспектив развития отраслей здравоохранения и образования.

Специфичность проблемы, затронутой в статье, связана с высокой общественной значимостью здравоохранения. Это обуславливает обращение к социально ориентированному маркетингу: учреждения здравоохранения обязаны не только удовлетворять запросы клиентов, но и совершенствовать благосостояние социума в национальном и региональном измерении [13]. Сегодня медицинский маркетинг – это инновация, позволяющая экономить ресурсы и мобилизовать активы организации, обеспечивать возможность получения дополнительной прибыли и модернизации внутренних и внешних бизнес-процессов [7].

Учреждениям здравоохранения необходимо внедрять концепцию управления маркетингом, которая будет полностью соответствовать как реальным тенденциям на мировом рынке, так и потребностям и запросам потребителей услуг [14]. Однако стоит отметить, что на фоне активного использования маркетинга в других рыночных отраслях наблюдается недостаточная его востребованность в учреждениях здравоохранения и медицинской науки. По мнению С. А. Филина и др., маркетинговые инструменты

внедряются достаточно своевременно и успешно только в крупных западных фармакологических корпорациях. При этом учреждения здравоохранения не обладают такой степенью результативности внедрения эффективных маркетинговых программ и технологий [7].

Несмотря на повышенный интерес научного сообщества к данной проблеме [15–19], среди отечественных работ мало таких, которые бы отражали опыт применения маркетинговых инструментов в федеральных научных медицинских организациях (например, труд [20]). Цель – описать практики применения таких маркетинговых инструментов, как SWOT- и DEPLESET-анализ, в процессе стратегического развития деятельности научной медицинской организации, которая оказывает высокотехнологическую медицинскую помощь пациентам с болезнями системы кровообращения, проживающим на территории Кемеровской области – Кузбасса и Сибирского федерального округа. Рассмотрению подлежало федеральное научное медицинское учреждение «Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний» (НИИ КПССЗ). Выбор стратегического маркетинга в качестве методического ориентира основан на результатах работ отечественных авторов, в которых аргументированно доказаны его отличия от операционного маркетинга [21; 22].

Методы и материалы

База исследования – НИИ КПССЗ – организация, где реализуются научные и клинические направления международного уровня в области медицинских биотехнологий, эпидемиологии сердечно-сосудистых заболеваний. Применены общенаучные методы анализа и синтеза, принцип единства исторического и логического. Использованы базы данных eLibrary, поисковой системы по полным текстам научных публикаций Google Scholar, PubMed. Маркеры поиска – словосочетания *маркетинг в здравоохранении, маркетинговые исследования в медицине*. Первоначально в анализ было включено 55 публикаций, но для формирования обзора отобраны репрезентативные исследования (26 публикаций) в данной сфере. При работе с литературными источниками использовались элементы метода Prisma.

Результаты

Основа статьи – концепция стратегического маркетинга, имеющего следующие структурные элементы: анализ потребностей и определение характеристик отраслевого рынка; сегментация отраслевого рынка; анализ привлекательности учреждения в условиях

конкуренции; выбор и разработка стратегии развития медицинской организации [21]. Эти элементы демонстрируют последовательность действий анализа внутренней и внешней среды, результатом которого становится разработка стратегии развития медицинской организации.

К наиболее востребованным маркетинговым инструментам сегодня относятся пять сил Портера, анализ стратегических групп конкурентов и цепочки создания стоимости, SWOT-анализ [23]. Они позволяют выявить слабые и сильные стороны медицинской организации, оценить ее возможности и угрозы, а также факторы прямого и косвенного воздействия [20].

При проведении исследования авторы обращались к методу SWOT-анализа, который характеризует

возможности развития НИИ КПССЗ в условиях внешних вызовов и ограничений и формирует потенциальные точки роста, исходящие из внутренних возможностей учреждения. Применение SWOT-анализа осуществлялось в два этапа. На первом этапе была проведена общая оценка деловой среды учреждения (табл. 1). На втором использовался вариант расширенной матрицы SWOT-анализа, который позволил сформировать первичные стратегии развития НИИ КПССЗ с учетом характеристики факторов внутренней среды и внешнего окружения (табл. 2).

Результаты, представленные в таблицах 1 и 2, позволили дать целостную характеристику внутренней и внешней среды НИИ КПССЗ и обозначить первичные стратегические приоритеты его деятельности. На основании этого были определены

Табл. 1. SWOT-анализ деятельности НИИ КПССЗ

Tab. 1. SWOT analysis of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
1) приверженность высшего руководства к улучшениям; 2) наличие нескольких видов деятельности (научная, лечебная, образовательная, издательская) и клинических исследований; 3) высокопрофессиональный коллектив; 4) внедрение современных технологий профилактики и лечения болезней системы кровообращения; 5) организация деятельности на основе принципов международного стандарта качества ISO 9001:2015; 6) численность сотрудников в возрасте до 30 лет – 22 %; 7) наличие высококвалифицированных специалистов в управлении проектами и конфликтами, проведение и организация внутренних аудитов системы менеджмента качества; 8) регулярная оценка уровня удовлетворенности потребителей предоставляемыми услугами и сотрудников условиями труда	1) наличие устаревшего научного оборудования для фундаментальных исследований; 2) низкая мотивация персонала в обеспечении преемственности лечебно-диагностического процесса; 3) отсутствие навыков стратегического планирования и управления проектами у большей части сотрудников; 4) текучесть кадров среди медицинских сотрудников выше, чем среди других групп персонала; высокая доля внутреннего совместительства; 5) высокий уровень эмоционального выгорания сотрудников; 6) результаты опроса персонала не всегда используются для принятия организационных мер для улучшения деятельности учреждения
Возможности (O)	Угрозы (T)
1) политика государства в части реализации национальных проектов в науке и здравоохранении; 2) государственная поддержка оказания населению высокотехнологичной медицинской помощи; 3) административная поддержка деятельности НИИ КПССЗ со стороны органов публичной власти всех уровней; 4) внедрение проектов повышения доступности высокотехнологичной медицинской помощи для жителей малых территорий; 5) высокая потребность населения в медицинских услугах, в том числе платных; 6) принятие на государственном уровне критериев оценки деятельности учреждений и их категоричность; 7) потребность в эпидемиологических / клинических исследованиях на региональном и национальном уровнях	1) снижение доли финансирования здравоохранения и науки из федерального бюджета; 2) снижение потока пациентов с болезнями системы кровообращения из-за недостатков в организации первичного звена здравоохранения; 3) высокая технологическая, экологическая, климатическая нагрузка на здоровье населения в Кемеровской области – Кузбассе; 4) изменение законодательства в части ограничений в закупках ресурсов, особенно жизненно-важного оборудования; 5) наличие ситуаций непреодолимой силы (специальная военная операция, сложная эпидемиологическая обстановка и пр.)

ключевые факторы успеха и возможные риски в деятельности учреждения (табл. 3). В дальнейшем сведения таблиц 1–3 способствовали определению стратегических направлений развития НИИ КПССЗ.

Авторами проанализированы отечественные и зарубежные практики применения различных

инструментов стратегического маркетинга. Так, наиболее популярными методами на сегодняшний день являются: анализ сегментации рынка и его доли, конкурентного давления в отрасли (включая PESTEL-, STEEPLE- и STEER-анализ), матрица BCG или бизнес-экран GE, анализ предшественников

Табл. 2. Расширенный SWOT-анализ деятельности НИИ КПССЗ

Tab. 2. Extended SWOT analysis of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo

Комбинация факторов внешней среды	Номер фактора	Стратегическая реакция
S–O (сильные стороны–возможности)	S1,2–O1	Реализация проектов и стратегических мероприятий в рамках выполнения приоритетных национальных программ и проектов
	S3,4–O2,4	Развитие высокотехнологичной медицинской помощи в контексте направлений развития государственной политики здравоохранения
	S5,7,8–O5,6,7	Внедрение современных клинических и организационных технологий, направленных на обеспечение качества и безопасности медицинской деятельности
W–O (слабые стороны–возможности)	W1–O1,3	Составление грантовых заявок для привлечения дополнительного финансирования с целью приобретения оборудования для фундаментальных исследований
	W2,4,5–O3,4,5	Совершенствование системы стимулирования персонала за счет развития новых медицинских услуг и технологий, увеличение потока пациентов
W–T (слабые стороны–угрозы)	W1–T1,4	Привлечение дополнительных негосударственных источников финансирования, в том числе организаций–партнеров
	W3–T5	Повышение квалификации персонала в области проектного управления и риск-менеджмента
	W5–T2	Внедрение программ профилактики эмоционального выгорания сотрудников с опорой на разную интенсивность потоков пациентов
S–T (сильные стороны–угрозы)	S1–T1	Обеспечение устойчивого развития учреждения с учетом многоканального финансирования
	S1,5–T4,5	Развитие существующей практики управления качеством на основе международного стандарта качества ISO 9001:2015 (процессное управление, риск-менеджмент)
	S7–T2	Разработка и реализация проектов, направленных на совершенствование первичного звена в части ведения пациентов с болезнями кровообращения

Табл. 3. Факторы успеха и возможные риски развития НИИ КПССЗ

Tab. 3. Success factors and development risks of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo

Факторы успеха	Возможные риски
• высокий профессионализм сотрудников; • приверженность руководства к непрерывному обучению сотрудников; • востребованность медицинских услуг и результатов фундаментальных исследований в регионе и за его пределами; • лидерство НИИ КПССЗ в определенных научных и клинических областях; • сформированная эффективная система управления процессами на основе стандарта ISO 9001:2015	• высокая текучесть квалифицированных сотрудников; • нестабильная внешняя среда (санкции, внешние вызовы); • нестабильность финансирования процесса оказания медицинской помощи в условиях его многоканальности; • недостаточный уровень мотивации сотрудников; • недостаточно развитая транспортная логистика для совершенствования взаимодействия с другими территориями Сибирского федерального округа

(эволюционный анализ), анализ жизненного цикла продукта и S-образной кривой, анализ цикла эволюции продукта, анализ сценариев, анализ доли сегмента, ситуационный анализ, стратегический групповой анализ [24]. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, представленные в отечественной литературе [25–27].

Вместе с тем международный опыт показывает, что одним из действенных инструментов стратегического маркетинга является DEPLESET-анализ, который предполагает анализ и оценку демографического, экономического, политического, нормативно-правового, эпидемиологического, социально-демографического и технологического контекстов деловой среды учреждения [28]. Кроме того, на момент написания статьи среди отечественных публикаций практика применения указанного маркетингового инструмента на примере учреждения здравоохранения и медицинской науки не была представлена. Также DEPLESET-анализ обладает комплексным характером, доступностью и простотой применения. Как правило, данный вид анализа предусматривает формулировку вопросов, которые позволяют раскрыть содержание каждого фактора:

- **демографический (D)**: численность и структура населения (по возрасту, образованию, месту проживания); существующие тенденции в регионе нахождения медицинской организации;
- **экономический (Ec)**: перспективы экономического роста в различных сферах деятельности,

которые оказывают влияние на деятельность медицинской организации;

- **политический (P)**: структура регулирующих органов, оказывающих воздействие на медицинское учреждение;
- **нормативно-правовые условия (L)**: структура нормативно-правовых норм, которых должна придерживаться медицинская организация;
- **этический (Et)**: система ценностей в медицинской организации, уровень ее корпоративной культуры;
- **социологический (S)**: тенденции в обществе, которые могут повлиять на отрасль здравоохранения;
- **эпидемиологические (Ep)**: структура заболеваемости, характерная для данного региона;
- **технологический (T)**: инновационные технологии, которые применяются или потенциально могут быть использованы в медицинской организации.

Для определения ключевых направлений стратегического развития НИИ КПССЗ в дополнение к проведенному SWOT-анализу был впервые применен DEPLESET-анализ, результаты которого представлены в таблице 4.

Информация, представленная в таблице 4, демонстрирует прикладную ценность данного маркетингового инструмента, позволяющего провести комплексный анализ состояния различных факторов внутренней и внешней среды. Помимо этого,

Табл. 4. Проведение DEPLESET-анализа: фрагмент

Tab. 4. DEPLESET analysis (excerpt) of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo

Фактор	Содержание	Связь с другими факторами*
Демографический (D)	В 2021–2023 гг. наблюдалось ухудшение демографической ситуации: депопуляция и старение населения, миграционный отток в другие регионы. Кемеровская область – Кузбасс – высокоурбанизированный регион (в 2021 и 2023 гг. доля городского населения составляла 86,1 и 86,6 % соответственно, а доля сельского населения – 13,9 и 13,4 % соответственно) ¹ . Распределение числа посещений по возрастным группам заложено в планировании территориальной программы государственных гарантий.	Ec
Экономический (Ec)	В настоящее время развитие страны происходит в условиях политических и экономических санкций. Ограничения на поставку изделий медицинского значения, научного и медицинского оборудования приводят к несвоевременному обеспечению, нарушению планирования сроков поставок и логистических цепочек в целом. Импортзамещение позволит частично сократить издержки на материально-техническое обеспечение. Государство продолжает реализацию национальных проектов в сфере науки и здравоохранения. Отмечается дефицит рабочей силы во многих отраслях народного хозяйства на региональном и национальном уровнях	P, D, L

¹ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 05.12.2024).

Фактор	Содержание	Связь с другими факторами*
Политический (P)	Нестабильность внешнеполитической ситуации в России при устойчивой структуре публичной власти всех уровней. Реализация национальных проектов, непосредственно связанных с деятельностью НИИ КПССЗ. Резкое сокращение импорта техники, технологий, расходных материалов и медикаментов в связи с высоким санкционным давлением	Ec, D
Нормативно-правовые условия (L)	В НИИ КПССЗ, в соответствии с федеральным законом о науке, клинике, образовании, охране труда, в сфере экономики и финансов, закупок и др., приняты и работают локальные акты. Составлен перечень основных нормативных федеральных, ведомственных и региональных актов, которым организация следует в работе	Ec, P, S, T
Этический (Et)	В профессиональной деятельности сотрудники НИИ КПССЗ руководствуются этическим кодексом. На основании регулярных социологических опросов при принятии управленческих решений учитывается мнение сотрудников, а также регулярно оценивается уровень удовлетворенности пациентов. Отмечается взаимопонимание, доверие в коллективе, демократичность принятия решений, предупреждение конфликтов, готовность к инновациям и саморазвитию, высокий авторитет руководителя, соблюдение трудовой дисциплины. В систему ценностей входят семья, общество, здоровье, культура, материальное благополучие, жизненный опыт	P, L, S
Социологический (S)	По данным ВЦИОМ, в 2022 г. молодежь 18–24 лет в большей степени, чем другие социально-демографические группы, воспринимает врачей как статусную профессию ² . Установлено, что чем меньше размер населенного пункта, тем выше оценки положения врачей в обществе. За 15 лет показатель престижности данной профессии вырос в 3 раза (в 2006 г. – 11 %, в 2021 г. – 31 %). Кроме этого, на повышение престижа врача повлияла пандемия COVID-19. Вовлеченность сотрудников реализуется через участие в проведении внутренних аудитов, открытом обсуждении итогов работы служб, подразделений, директора, согласовании положений коллективного договора, разработке критериев оценки своего труда, системы материального стимулирования	D, Et, P, L, Ec
Эпидемиологический (Ep)	В 2023 г. в структуре общей заболеваемости взрослого населения Кузбасса первое место занимают болезни системы кровообращения (20,6 %), второе – болезни органов дыхания (15,5 %), третье – болезни костно-мышечной системы (10,3 %), четвертое – травмы и отравления (7,66 %), пятое – болезни мочеполовой системы (6,9 %). В 2019–2023 гг. первичная заболеваемость от болезней системы кровообращения имеет тенденцию к росту в целом по региону (+36,8 %) ³	D, Ec, P, S
Технологический (T)	В НИИ КПССЗ применяются минимально инвазивные и гибридные технологии лечения в соответствии с мировым трендом по минимизации хирургической операции в пользу рентгенэндоваскулярных технологий, off-pump хирургии, мини-доступа, гибридных технологий, внутрисосудистой визуализации. В этом же направлении происходит интеграция новых медицинских технологий и фундаментальной науки. Внедряется рентгенэндоваскулярная и сердечно-сосудистая хирургия с нейрофизиологией, молекулярной, цифровой, тканеинженерной медициной, а также обучение нейросетей, использование технологий искусственного интеллекта	Ec, S, P, T, L

Прим.: * – указывается взаимосвязь различных факторов в зависимости от содержания ответа на вопрос.

² Врачи: доверие, престиж, доходность профессии. ВЦИОМ. 20.06.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii> (дата обращения: 05.12.2024).

³ Об утверждении региональной программы «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями на 2019–2025 гг.» Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 384 от 27.06.2019 (с изм. от 31.05.2024). СПС Кодекс.

DEPLESET-анализ показывает их взаимосвязь и взаимодополняемость, а также особенные черты, характерные для НИИ КПССЗ и Кемеровской области – Кузбасса как крупного промышленного региона Сибири. В совокупности анализируемые факторы, с одной стороны, формируют обоснование необходимости развития кардиологической помощи в регионе, с другой – позволяют определить ключевые направления развития НИИ КПССЗ.

Например, старение населения приводит к увеличению потребности в кардиохирургической помощи, а падение рождаемости – к снижению данной потребности. Дефицит рабочей силы во многих отраслях народного хозяйства может привести к росту заработной платы и, как следствие, к росту ее целевых показателей для медицинских и научных работников. Одновременно необходимость импортозамещения в условиях международных санкций выступает катализатором проведения фундаментальных и прикладных исследований в НИИ КПССЗ, которые направлены на совершенствование процесса оказания высокотехнологичной медицинской помощи пациентам с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

В результате применения представленных в статье маркетинговых инструментов определены ключевые цели и направления стратегического развития НИИ КПССЗ (табл. 5).

По каждому из обозначенных направлений сформирован портфель проектов, объединенных общей целью. К наиболее значимым из них относятся проекты по внедрению бережливых технологий, управлению знаниями и изменениями, разработке новых изделий медицинского назначения, внедрению

и развитию малоинвазивной хирургии, пациентоцентричности и др. Для их успешной реализации в системе менеджмента качества НИИ КПССЗ существуют процессы стратегического и тактического планирования, которые обеспечивают непрерывный процесс мониторинга и контроля достижения целевых показателей.

Заключение

В статье продемонстрирована практика применения DEPLESET-анализа и матрицы SWOT, в том числе в ее расширенном варианте на примере федеральной научной медицинской организации. Если последний инструмент уже вошел в практику маркетинговых исследований, то опыт применения DEPLESET-анализа в учреждениях подобного типа является новым.

В ходе исследования были определены, во-первых, ключевые факторы успеха НИИ КПССЗ: высокий профессионализм сотрудников; приверженность руководства к непрерывному обучению сотрудников; востребованность медицинских услуг и результатов фундаментальных исследований в регионе и за его пределами; лидерство НИИ КПССЗ в определенных научных и клинических областях; сформированная эффективная система управления процессами на основе стандарта ISO 9001:2015. Во-вторых, возможные риски в деятельности учреждения: высокая текучесть квалифицированных сотрудников; нестабильная внешняя среда (санкции, внешние вызовы); нестабильность финансирования процесса оказания медицинской помощи в условиях его многоканальности; недостаточный уровень мотивации

Табл. 5. Направления и цели стратегического развития НИИ КПССЗ

Tab. 5. Trends and goals of strategic development of Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Kemerovo

Направления	Цели
Научная деятельность	Стать ведущим центром страны по разработке медицинских изделий в области биопротезирования структур сердца
Медицинская деятельность	Оказание высокотехнологичной медицинской помощи на основе современных технологий малоинвазивной кардиохирургии
Образовательная деятельность	Повышение качества образовательных программ НИИ КПССЗ по вопросам клинко-организационных технологий при болезнях системы кровообращения
Управление персоналом	Создать условия непрерывного развития кадрового потенциала и благоприятного морально-психологического климата
Управление знаниями	Повышение эффективности путем снижения неэффективных затрат
Финансы	Обеспечение финансовой устойчивости института
Управление инфраструктурой	Создание безопасной производственной среды и инфраструктуры института

сотрудников; недостаточно развитая транспортная логистика для совершенствования взаимодействия с другими территориями Сибирского федерального округа.

Кроме того, проведенный маркетинговый анализ позволил сформировать семь направлений стратегического развития НИИ КПССЗ, которые были положены в основу стратегии развития учреждения в 2024–2026 гг.: научная, медицинская, образовательная деятельность, управление персоналом и знаниями, финансы, а также управление инфраструктурой.

Представленная в статье практика может быть масштабирована для учреждений здравоохранения и медицинской науки, независимо от отраслевой принадлежности и формы собственности, с целью определения направлений стратегического развития. Перспективы дальнейшего исследования заявленной темы связаны с оценкой возможностей применения других современных методов маркетингового анализа, направленных на изучение потребностей и ожиданий внутренних и внешних потребителей НИИ КПССЗ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Н. Попсуйко – формулировка проблемы и цели исследования, критический обзор литературы. О. В. Куш – внесение корректировок, редакция статьи, сбор материалов. Г. В. Артамонова – внесение корректировок, редакция статьи.

Contribution: A. N. Popsuiko formulated the problems and goals of the research, conducted a critical review of the literature on the problem under consideration. O. V. Kusch made adjustments, edited the draft version of the article, and collected materials. G. V. Artamonova made adjustments, edited the draft version of the article.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН в рамках фундаментальной темы НИИ КПССЗ № 0419-2022-0002 «Разработка инновационных моделей управления риском развития болезней системы кровообращения с учетом коморбидности на основе изучения фундаментальных, клинических, эпидемиологических механизмов и организационных технологий медицинской помощи в условиях промышленного региона Сибири» (госрегистрация № 122012000364-5 от 20.01.2022).

Funding: The research was supported by the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Complex Fundamental Research no. 0419-2022-0002 (state registration no. 122012000364-5, January 20, 2022): Innovative models for managing circulatory risks based on comorbidity data and fundamental, clinical, epidemiological, and organisational technologies of healthcare in an industrial Siberian region.

Литература / References

1. Синицына Г. И. Некоторые аспекты развития маркетинга в здравоохранении. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 2. № 9. С. 22–26. [Sinitsyna G. I. Some aspects of marketing development in healthcare. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2020, 2(9): 22–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syowwb>
2. Богуславский В. Д. Роль стратегического маркетинга в управлении предприятиями в условиях рыночных отношений. *Академическая публицистика*. 2022. № 5-2. С. 128–137. [Boguslavskii V. D. Strategic marketing in enterprise management in market conditions. *Akademicheskaja publitsistika*, 2022, (5-2): 128–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xiojbu>
3. Ендовицкий Д. А., Разуваев Г. А. Особенности использования инструментов маркетинга в сфере оказания медицинских услуг. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2022. № 5. С. 20–32. [Endovitsky D. A., Razuvaev G. A. Peculiarities of using marketing instruments in the sphere of medical services. *Sovremennaja ekonomika: Problemy i reshenia*, 2022, (5): 20–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17308/meps.2022.5/9250>
4. Сова А. Н. Стратегии и DIGITAL-инструменты интернет-маркетинга, используемые для продвижения коммерческих медицинских организаций. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023. Т. 3. № 3. С. 157–166. [Sova A. N. Strategies and digital internet marketing tools for commercial medical organizations promotion. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2023, 3(3): 157–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.03.03.018>
5. Манакина Е. С., Медведева О. В. Опыт внедрения системы UDS в работу частной медицинской организации. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2024. № 1. С. 844–855. [Manakina E. S., Medvedeva O. V. Experience of implementing UDS system in the work of a private medical

- organization. *Current problems of health care and medical statistics*, 2024, (1): 844–855. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2312-2935-2024-1-844-855>
6. Рукина П. А., Дубгорн А. С., Калязина С. Е. Применение концепции data driven в управлении медицинской организацией: успешные кейсы и шаги по внедрению в РФ. *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 11. С. 1146–1154. [Rukina P. A., Dubgorn A. S., Kalyazina S. E. Application of the data-driven concept in the management of medical organizations: Successful cases and steps for implementation in the Russian Federation. *Ekonomika i upravlenie*, 2022, 28(11): 1146–1154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-11-1146-1154>
 7. Филин С. А., Можаров Р. С., Генкин Е. В. Внутренний и внешний маркетинг взаимоотношений в медицинских организациях. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021. Т. 17. № 6. С. 1052–1080. [Filin S. A., Mozharov R. S., Genkin E. V. Internal and external relationship marketing in medical organizations. *National Interests: Priorities and Security*, 2021, 17(6): 1052–1080. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/ni.17.6.1052>
 8. Лакхмил С., Каточков В. М., Асташова Ю. В. Анализ предпосылок использования технологий маркетинга в здравоохранении Алжира. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 6. С. 111–114. [Lakhmil S., Katochkov V. M., Astashova Yu. V. Prerequisites for the use of marketing technologies in healthcare in Algeria. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2018, (6): 111–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yudtit>
 9. Аксенова Е. И., Зудин А. Б. Маркетинг медицинских организаций: инструменты привлечения и удержания пациентов. *Вестник Авиценны*. 2020. Т. 22. № 4. С. 548–552. [Aksyonova E. I., Zudin A. B. Marketing of healthcare organizations: Tools for attracting and retaining patients. *Vestnik Avitsenny*, 2020, 22(4): 548–552. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25005/2074-0581-2020-22-4-548-552>
 10. Накенова А. А., Айдаралиев А. А., Аль-Шавабке Л. Д. О. Теоретические основы маркетинга в системе здравоохранения. *Бюллетень науки и практики*. 2021. Т. 7. № 5. С. 248–256. [Nakenova A. A., Aidaraliev A. A., Al-Shawabke L. D. O. Theoretical foundations of marketing in the healthcare system. *Bulletin of Science and Practice*, 2021, 7(5): 248–256. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33619/2414-2948/66/23>
 11. Магдиева Н. Т., Супуралиева Х. М. Перспективы развития маркетинга в медицине: проблемы и противоречия. *Russian Economic Bulletin*. 2022. Т. 5. № 2. С. 45–49. [Magdieva N. T., Supuralieva Kh. M. Prospects for the development of marketing in medicine: Problems and contradictions. *Russian Economic Bulletin*, 2022, 5(2): 45–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rekfaf>
 12. Пржедецкая Н. В. Маркетинговый подход к развитию образования и здравоохранения в России в новых экономических условиях в поддержку импортозамещения. *Вестник Ростовского государственного экономического университета*. 2022. № 3. С. 115–121. [Przhedetskaya N. V. Marketing approach to development of education and healthcare in Russia in new economic conditions in support of import substitution. *Vestnik of Rostov State University of Economics*, 2022, (3): 115–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.54220/vrsue.1991-0533.2022.79.3.015>
 13. Колесник В. И. Маркетинг медицинских услуг как инструмент эффективной деятельности учреждений здравоохранения. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2020. № 2. С. 121–126. [Kolesnik V. I. Health care marketing as a tool for effective activities of health care institutions. *Scientific Bulletin: finance, banks, investment*, 2020, (2): 121–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37279/2312-5330-2020-2-121-126>
 14. Jaksic-Stojanovic A., Jankovic M. Management and marketing in health institutions. *Health information management: Empowering public health*, eds. Mantas J., Šendelj R., Ognjanović I., Knaup P., Ammenwerth E., Varga O. 2020, 99–107. <https://doi.org/10.3233/SHTI200669>
 15. Двойников С. И., Архипова С. В. К проблеме повышения эффективности стратегического управления в здравоохранении. *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2019. № 1. С. 50–55. [Dvoynikov S. I., Arhipova S. V. To the problem of increased efficiency in health care strategic management. *Medical Technologies. Assessment and Choice*, 2019, (1): 50–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmcnmn>
 16. Сергеева Н. М. SWOT-анализ деятельности учреждения здравоохранения. *Региональный вестник*. 2020. № 3. С. 90–92. [Sergeeva N. M. SWOT analysis of a healthcare institution. *Regionalnyi vestnik*, 2020, (3): 90–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gpeihw>
 17. Власова О. В. Исследование внешней среды районной больницы на основе методов стратегического анализа. *Наука и практика регионов*. 2020. № 3. С. 108–111. [Vlasova O. V. Research of the external environment of a district hospital based on strategic analysis methods. *Nauka i praktika regionov*, 2020, (3): 108–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhankt>

18. Дарибаев Н. Краткий анализ современного состояния офтальмологической отрасли путем SWOT-анализа. *Фармация Казахстана*. 2022. № 1. С. 111–117. [Daribayev N. A brief analysis of the current state of the ophthalmic industry by SWOT-analysis. *Pharmacy of Kazakhstan*, 2022, (1): 111–117. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53511/pharmkaz.2022.18.30.018>
19. Колесникова Т. П., Седова И. Н., Макрушин Н. А. SWOT-анализ сферы здравоохранения Тульской области для определения направлений развития медицинских услуг. *Вестник Международной академии системных исследований. Информатика, экология, экономика*. 2022. № 24. С. 151–154. [Kolesnikova T. P., Sedova I. N., Makrushin N. A. SWOT-analysis of Tula Region healthcare to determine targeting medicine services development. *Vestnik Mezhdunarodnoi akademii sistemnykh issledovaniy. Informatika, ekologiya, ekonomika*, 2022, (24): 151–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzithy>
20. Каюмова А. В., Вышегородский Д. В. Методы стратегического анализа как эффективный аргумент для успешного управления медицинской организацией. *Вектор экономики*. 2022. № 12. [Kayumova A. V., Vyshegorodsky D. V. Methods of strategic analysis as an effective argument for successful management of a medical organization. *Vektor ekonomiki*, 2022, (12). (In Russ.)] https://doi.org/10.51691/2500-3666_2022_12_8
21. Васильева Ю. С. Стратегический маркетинг в управлении инновационным развитием организации. *Копирайт*. 2022. № 4. С. 90–109. [Vasilyeva Yu. S. Strategic marketing in the management of innovative development of the organization. *Copyright*, 2022, (4): 90–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ziujuq>
22. Васина Ю. Д. Роль маркетинга как стратегического инструмента в современных условиях функционирования экономики. *Символ науки*. 2019. № 11. С. 39–40. [Vasina Yu. D. The role of marketing as a strategic tool in modern economic conditions. *Simvol nauki*, 2019, (11): 39–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yyjela>
23. Курина Т. Н. Применение различных концепций маркетинга в стратегическом менеджменте. *Управленческие науки*. 2022. Т. 12. № 2. С. 98–110. [Kurina T. N. Application of various marketing concepts in strategic management. *Management Sciences*, 2022, 12(2): 98–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2022-12-2-98-110>
24. Казаков А. Г. Роль стратегического маркетинга в формировании конкурентных преимуществ медицинских учреждений. *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 2. С. 61–74. [Kazakov A. G. The role of strategic marketing in shaping competitive advantages of medical institutions. *Vestnik nauki*, 2024, 2(2): 61–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtmntqh>
25. Гомонко Э. А., Тарасова Т. Ф., Качан Н. А. Маркетинговый анализ как первичная функциональная область маркетинговой деятельности. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2022. № 6. С. 228–238. [Gomonko E. A., Tarasova T. F., Kachan N. A. Marketing analysis as a primary functional area of marketing activity. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, 2022, (6): 228–238. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqdyic>
26. Поддубная Е. С., Медведская Т. К. Матрица BCG как инструмент исследования современных тенденций и динамики развития рынка аудиторских услуг Российской Федерации. *Столица науки*. 2020. № 9. С. 70–77. [Poddubnaya E. S., Medvedskaya T. K. BCG matrix as a tool for research of current trends and dynamics of the audit services market in the Russian Federation. *Stolitsa nauki*, 2020, (9): 70–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfkdhn>
27. Бокова Р. Д., Косинова Н. Н. Использование PESTEL-анализа в управлении учреждениями здравоохранения. *Прикаспийский вестник медицины и фармации*. 2021. Т. 2. № 2. С. 23–33. [Bokova R. D., Kosinova N. N. Using PESTEL analysis in the management of healthcare institutions. *Caspian Journal of Medicine and Pharmacy*, 2021, 2(2): 23–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17021/2021.2.2.23.33>
28. *Health systems and the challenge of communicable diseases: Experiences from Europe and Latin America*, eds. Coker R., Atun R., McKee M. NY: McGraw Hill, 2008, 266.

full article

<https://elibrary.ru/ayufgc>

Strains on Sri Lankan Families: Pandemic, Politics, and Economic Turmoil

Felician Shehan

University of Colombo, Sri Lanka, Colombo

Muhammed Rilwan

University of Colombo, Sri Lanka, Colombo

Paboda Koralage

University of Colombo, Sri Lanka, Colombo

Faiz Marikar

General Sir John Kotelawala Defence University, Sri Lanka, Ratmalana

<https://orcid.org/0000-0003-4579-7263>

faiz@kdu.ac.lk

Abstract: Sri Lanka is currently navigating a complex interplay of crises, including the aftermath of the global COVID-19 pandemic, coupled with deeply intertwined political, social, and economic turmoil. This confluence of challenges has had a profound impact on families throughout the nation, disrupting individual lives, community structures, and the very foundation of family stability. Understanding the specific ways in which these crises affect families is crucial for the development and implementation of effective family policies aimed at mitigation and support. The research objective was to comprehend how families are being impacted by the pandemic, political unrest, and economic hardships. We sought to pinpoint the important issues, investigate their root causes, and offer guidance for creating laws and support networks. We delved into the key issues that are currently jeopardizing Sri Lankan families, with a focus on illuminating the underlying factors contributing to these challenges. First, we examined how the pandemic, political instability, and economic challenges have affected family stability and well-being in Sri Lanka, e.g., issues like financial strain, stress, and weak support systems. Second, we investigated what policies and support systems can help families cope with these challenges. These factors include the direct and indirect impacts of the pandemic, such as the strain on household resources, increased stress levels, and disruptions to social support networks. Third, we examined how the existing political and economic instability exacerbates these difficulties, creating a complex web of challenges for families to navigate. By thoroughly analyzing these interconnected issues, we provided some valuable insights for policymakers and other stakeholders. These insights can improve the development of targeted interventions, support systems, and social programs designed to strengthen Sri Lankan families in the face of adversity. Ultimately, this research is essential for crafting effective policies that not only bolster and protect families during these turbulent times but also promote long-term resilience and well-being.

Keywords: Sri Lanka, family stability, crises, COVID-19 pandemic, political instability, economic turmoil, family policy

Citation: Shehan Felician, Rilwan Muhammed, Koralage Paboda, Marikar Faiz. Strains on Sri Lankan Families: Pandemic, Politics, and Economic Turmoil. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 338–349. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-338-349>

Received 19 Jan 2025. Accepted after review 7 Mar 2025. Accepted for publication 10 Mar 2025.

оригинальная статья

Нагрузка на семьи Шри-Ланки: пандемия, политика и экономические потрясения

Шехан Фелисиан

Университет Коломбо, Шри-Ланка, Коломбо

Рилван Мухаммед

Университет Коломбо, Шри-Ланка, Коломбо

Кораладж Пабода

Университет Коломбо, Шри-Ланка, Коломбо

Марикар Фаиз

Университет обороны имени генерала сэра Джона Котелавала,

Шри-Ланка, Ратмалана

<https://orcid.org/0000-0003-4579-7263>

faiz@kdu.ac.lk

Аннотация: В настоящее время Шри-Ланка переживает сложное переплетение кризисов, включая последствия глобальной пандемии COVID-19, в сочетании с глубоко взаимосвязанными политическими, социальными и экономическими потрясениями. Это сочетание проблем оказало глубокое воздействие на семьи по всей стране, снизив уровень благополучия людей, нарушив функционирование общественных структур и пошатнув стабильность самого института семьи. Цель – понять, как пандемия, политика и экономические потрясения влияют на стабильность и благополучие семей в Шри-Ланке. Установлены основные факторы, которые способствуют возникновению проблем, угрожающих стабильности и благополучию семей в Шри-Ланке. Они включают прямые и косвенные последствия пандемии, такие как нагрузка на ресурсы домашних хозяйств, повышенный уровень стресса и сбои в работе сетей социальной поддержки. Выявлены стратегии и системы поддержки, которые позволяют справиться с указанными проблемами. Результаты исследования могут быть использованы в разработке и реализации целенаправленных мероприятий, систем поддержки и социальных программ, а также эффективной семейной политики, направленной на смягчение кризисных последствий, поддержку, защиту, укрепление семей и рост их благополучия.

Ключевые слова: Шри-Ланка, семейная стабильность, кризисы, пандемия COVID-19, политическая нестабильность, экономические потрясения, семейная политика

Цитирование: Шехан Фелисиан, Рилван Мухаммед, Кораладж Пабода, Марикар Фаиз. Нагрузка на семьи Шри-Ланки: пандемия, политика и экономические потрясения. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 338–349. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-338-349>

Поступила в редакцию 19.01.2025. Принята после рецензирования 07.03.2025. Принята в печать 10.03.2025.

Introduction

The COVID-19 pandemic has left Sri Lanka's socio-political landscape severely altered, exacerbating an already fragile situation. Sri Lanka's recent economic growth was inadequate to propel its economy, and it was not insignificant compared to other nations that pursued populist and nationalist policies or had violent civil wars and conflicts at times. Moreover, it is not the first time Sri Lanka has struggled with foreign debt, and it has frequently been paired with worries about defaulting debt and the Chinese debt trap controversy. The pandemic, initially a health crisis, quickly snowballed into an economic and political catastrophe. The country's reliance on tourism, agriculture, and remittances from abroad came to an abrupt halt, triggering an economic spiral. With industries shuttered and jobs lost, the unemployment rate surged, leaving many families without the financial stability they

once had. As businesses closed and inflation soared, particularly the prices of such essentials as food and medicine, the strain on families became unbearable [1; 2]. The government, struggling with its own internal challenges, was unable to provide adequate relief, further deepening the crisis.

The political instability that followed added another layer of hardship. Mass protests erupted across the country as citizens, disillusioned with the government's inability to address their needs, demanded change. The political impasse not only paralyzed effective governance but also created an environment of uncertainty, making it difficult for families to plan [3]. The constant shifts in leadership, compounded by allegations of corruption and mismanagement, only added to the societal unrest [4]. This instability also led to a breakdown in the social fabric as communities became polarized,

and the trust between citizens and their leaders eroded. Families, who should have been pillars of support, found themselves torn between competing political ideologies, further straining relationships within households.

As the economic and political turmoil continued to unfold, the social impact on families became profound. Economic hardship often translates into stress, anxiety, and, in some cases, domestic violence [5; 6]. With the rising cost of living and shrinking incomes, many families were forced to make difficult choices between necessities, leading to heightened tensions at home. Children, who are often the most vulnerable party in such crises, faced disruptions in education, health services, and overall well-being [7]. Families that had once enjoyed a level of security were now grappling with the uncertainty of their future. In this context, understanding the ripple effect of these cascading crises on family stability is critical [8]. Only through targeted policy interventions can Sri Lanka hope to restore a sense of stability, provide economic relief, and rebuild the social fabric that has been so deeply affected by the compounded challenges of the pandemic, political unrest, and economic collapse.

The contemporary Sri Lankan society was forced to examine its vulnerability during the COVID-19 pandemic. The pandemic itself placed immense strain on Sri Lankan families, compounding the challenges brought on by the broader crises of political instability and economic downturn. The lockdowns and economic disruptions, including the closure of businesses and industries, led to job losses, leaving many households without a steady income [9]. This financial hardship triggered stress and anxiety, particularly for families that had already been living on the edge before the crisis. With their savings depleting and no immediate relief from the government, the psychological toll on individuals and families was substantial. The uncertainty about when life would return to normal added to the sense of helplessness, leaving many grappling with the fear of an uncertain future [10]. In households, tensions rose, with financial strain often spilling over into strained relationships and, in some cases, conflict, which further jeopardized family cohesion.

In addition to the economic burdens, the pandemic also disrupted the social and academic structures that are critical to family well-being [11]. School closures and limited childcare options placed a significant additional load on parents, particularly mothers, who had to balance caregiving responsibilities with remote work or its absence. For families with young children, the lack of consistent education and socialization has had lasting effects on both the children's mental health and academic development [12]. The absence

of structured schooling and extracurricular activities created an environment of isolation and stress, eroding the resilience of families already reeling from the financial crisis. Mental health, already a vulnerable area in Sri Lanka, worsened as individuals faced not only the external pressures of economic collapse and political unrest but also the internal toll of isolation, worry, and family breakdown. As these compounded stressors still continue to destabilize family life, addressing the psychological and social aspects of this crisis is just as critical as economic recovery and political reform.

Beyond the immediate effects of the pandemic, Sri Lanka's political and social turmoil has significantly exacerbated the existing vulnerabilities, further destabilizing families and communities [13]. Political instability has fueled widespread uncertainty, particularly as changes in leadership and governance have been marked by discontent and distrust. Families, already struggling with the aftermath of the economic collapse, find it increasingly difficult to plan when the political environment is unpredictable. The lack of clear and effective policy responses to the crisis has left families in a constant state of flux, unable to rely on the state for basic services or long-term solutions [14]. Their trust in institutions has eroded, which undermines any hope for a quick recovery. Families that were once able to weather challenges through community or governmental support now face a situation where even basic assurances of stability seem out of reach.

The social unrest, often ignited by the economic grievances of a population facing poverty, unemployment, and rising inflation, has only deepened the sense of fear and insecurity within the country [15]. Widespread protests, violent clashes, and civil disturbances create an environment where daily life is fraught with anxiety. This insecurity negatively impacts communication within families as members struggle to focus on day-to-day survival in an atmosphere of constant upheaval. The emotional toll of living in such an environment can hinder families' ability to support one another, with stress, fear, and anger taking precedence over cohesion and mutual understanding [16]. If families cannot predict when violence might erupt in their communities or when their basic needs are met, their coping mechanisms weaken, making it even harder to manage mental health or family dynamics. In this context, the ability to maintain strong familial bonds and effective communication becomes one of the most critical factors for resilience in the face of multiple, interconnected crises.

COVID-19 was one of the biggest pandemics in modern history. As of November 12, 2020, the disease infected around 52.44 million people, of whom 1.29 million

perished. The fatal coronavirus still has active instances in all 220 nations, regions, or territories, despite the fact that almost 36.67 million people have recovered from the illness. Lockdowns and shutdowns were the two social actions regarded as the available prevention methods during the COVID-19. In addition to having detrimental consequences on social, economic, and academic aspects of life, COVID-19 still exercises its adverse effect on all aspects of human existence, including faith and religion. Numerous people have experienced its devastating effects. The economic downturn in Sri Lanka was particularly devastating for families as it fundamentally altered their daily lives and survival strategies [17]. The sharp rise in food and fuel prices eroded the purchasing power of ordinary citizens, forcing families to make difficult decisions between such necessities as food, medicine, and utilities. For many, these decisions became a matter of sheer survival. In the face of such financial constraints, the pressure on parents to provide for their children increased, leading to heightened levels of stress and anxiety [18]. With food security and basic health services becoming increasingly unaffordable, the quality of life for Sri Lankan families has declined rapidly, further deepening the country's existing socio-economic inequalities. The situation has led to a breakdown in family routines as the resources that were once allocated for education or healthcare have now to be redirected towards mere subsistence.

This financial strain has also led to increased tension within households. As families grapple with the consequences of the shrinking economy, relationships often become frayed [19]. Parents, who once provided stable guidance, may find themselves overwhelmed by the challenges of making ends meet. Children may witness firsthand the emotional toll of financial instability, which can lead to feelings of insecurity and anxiety. In extreme cases, this economic pressure can push families apart, as individuals may resort to migration in search of better economic opportunities. Parents, often fathers, might leave their families to work abroad, hoping to send remittances back home to sustain the household. While this may provide a short-term financial relief, it creates long-term emotional and psychological challenges for the family. The absence of a parent may lead to feelings of abandonment or neglect in the children, and the fragmentation of family structures may exacerbate the existing vulnerabilities.

Additionally, the financial hardships caused by the economic downturn have resulted in decreased opportunities for education and healthcare, two pillars that traditionally supported the social mobility and

well-being in Sri Lanka [20]. As families face the harsh reality of limited resources, many children are forced to drop out of school to contribute to the household income, either by taking up low-paying jobs or helping with domestic work. This situation not only deprives them of a brighter future but also reinforces the cycle of poverty as these children grow up without the education necessary to break free from economic hardships. The lack of access to quality healthcare is similarly devastating as families prioritize food and fuel over medical care, leading to a deterioration in public health. This erosion of academic and health opportunities creates long-term social consequences, weakening the prospects of an entire generation. The compounded impact of financial strain on families highlights the urgent need for comprehensive policy solutions that address both immediate and long-term socio-economic challenges, in order to restore stability and opportunity to Sri Lanka's most vulnerable families.

In conclusion, the confluence of the pandemic, political instability, and economic crisis has created a precarious situation for Sri Lankan families. These interconnected challenges have placed immense strain on family structures, jeopardizing their stability and well-being. By examining the specific issues threatening families and identifying the key factors contributing to these challenges, policymakers can develop effective interventions to strengthen Sri Lankan families and ensure their resilience in the face of adversity.

Methods and Materials

Data collection

A mixed-method research approach was essential to fully capture the complexities of the issues affecting Sri Lankan families. It combined both quantitative and qualitative data collection techniques, thus providing a comprehensive analysis. The quantitative component gathers numerical data on such key socio-economic indicators as income levels, employment status, food security, family migration patterns, and access to essential services, e.g., healthcare and education. By collecting and analyzing large-scale statistical data, we assessed the extent of the economic impact on families, identified patterns across different demographic groups, and understood regional variations in the crisis experience. However, this quantitative data alone may not reveal the personal, emotional, and social nuances of the challenges that Sri Lankan families had to face. To complement this, we deployed the qualitative component that involved in-depth interviews, focus group discussions, and case studies, which allowed for a deeper exploration of the lived experiences of individuals. These methods provided

insights into how families were coping with the financial hardship, political instability, and social unrest, and how these factors affected interpersonal relationships, mental health, and family cohesion. Furthermore, the qualitative data helped to understand the coping mechanisms and strategies that families had developed, as well as the social and emotional toll of enduring such prolonged crises. By combining the objective, statistical approach with rich, narrative-driven accounts, this mixed-method design allowed us to construct a more nuanced understanding of the cascading crises in Sri Lanka, offering valuable insights into both the immediate and long-term impacts on family life. This holistic approach not only highlighted the scope and scale of the problems but also provided a critical context for new policies to address both the material needs and the social and psychological well-being of affected families [7].

Quantitative data collection

This research relied on a National Household Survey, which provided essential data on a large, nationally representative sample of families across Sri Lanka. This survey was designed to capture a broad range of information, including such demographic details as age, gender, household composition, and geographical location, as well as such socioeconomic factors as income levels, employment status, education, and access to basic services. In addition, it specifically inquired about families' experiences during the pandemic, focusing on how they were impacted by the economic hardships, disruptions to daily life, and challenges in accessing healthcare and education. The survey also provided data on how political and social instability influenced family dynamics, including experiences of social unrest, political participation, and trust in governmental institutions. By collecting this diverse set of data points, the survey made it possible to compile a comprehensive picture of how these multiple crises intersected and affected family stability. The data gathered were subjected to statistical analysis to identify patterns, trends, and correlations, allowing us to understand how specific factors, e.g., economic hardship, family structure, or geographic location, correlated with changes in family resilience, well-being, and cohesion. This robust data set may serve as a foundation for further analysis, helping policymakers to comprehend the root causes of family instability and design targeted interventions to address both immediate and long-term needs.

In addition to the National Household Survey, we conducted semi-structured in-depth interviews with a smaller, more focused sample of families to capture a richer, more detailed understanding of their

experiences during the crisis. This qualitative approach involved selecting families from diverse backgrounds, including different geographic regions (urban and rural areas), socioeconomic statuses, and ethnic or cultural groups, ensuring a broad spectrum of perspectives. The method of semi-structured interviews allowed for more flexibility, giving participants the freedom to share their personal stories while ensuring that certain key topics, such as financial hardship, impacts of the pandemic, political instability, and social unrest, were consistently explored across the interviews. These interviews offered participants an opportunity to express not just the tangible effects of the crises, such as job loss or school closures, but also the emotional and psychological toll of living through such prolonged uncertainty. Through open-ended questions, the interviews made it possible to delve into how families adapted, what coping strategies they employed, and how their perceptions of the future evolved. This method also shed light on the interpersonal dynamics within households, i.e., changes in family roles, communication patterns, and conflict resolution, highlighting how external stressors like economic pressure and political instability affected family cohesion. By capturing these nuanced personal insights, the in-depth interviews complemented the quantitative data from the household survey, offering a fuller, more holistic understanding of the impact the crisis had on family life. The qualitative data also allowed us to identify some common themes and unique experiences that might not be fully captured through surveys alone, ultimately providing valuable context for designing more effective and empathetic policy interventions.

Reviewing scientific publications (secondary sources)

We conducted a comprehensive literature search using various academic databases and search engines. The search terms included *Sri Lanka*, *family stability*, *global pandemic*, *political crisis*, *social crisis*, and *economic crisis*. The inclusion criteria involved scholarly articles, reports, and studies published within the last four years (2019–2023) that specifically focused on the impact of the global pandemic and the recent crises on the family dynamics and stability in Sri Lanka.

Questionnaire survey

The Professionals' Questionnaire was circulated among professionals and religious leaders. The Family Questionnaire was prepared to gather data from the ground levels (fig. 1). The questionnaire was distributed in Sinhala, Tamil, and English to avoid language barriers. The questionnaire was endorsed by Faiz Marikar PhD, DSc.

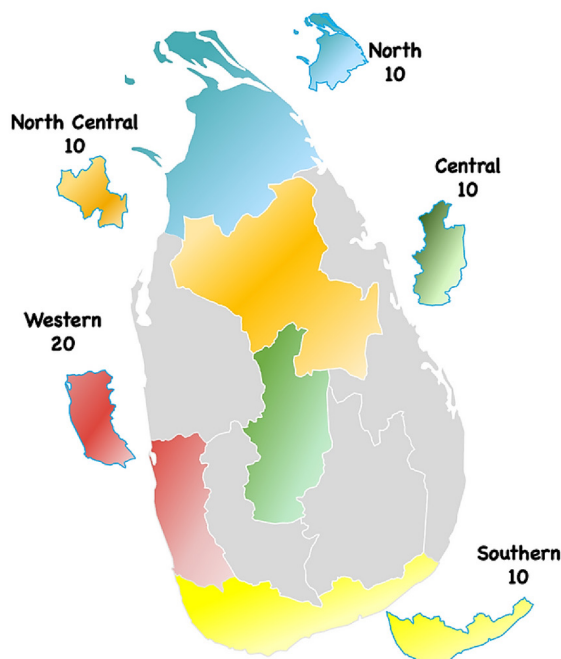

Fig. 1. Sample collection sites
Рис. 1. Места сбора данных

Limitations

The sample size had to be curtailed to 60 due to cost and time barriers (fig. 1). Certain statistics in relation to domestic violence are still being processed by relevant authorities. Besides, we were unable to interview prisoners who had committed heinous crimes (rape, murder, child abuse) as it sometimes takes years to deliver the verdict. For instance, a woman, 43, who committed child abuse in 2011 was convicted as late as in March 2023: it took nearly 12 years to deliver the verdict.

Data analysis

The quantitative data collected from the National Household Survey were analyzed using statistical software to uncover patterns, trends, and correlations between various socio-economic and demographic variables. The analysis focused on identifying how income levels, family structure, geographic location, and access to services interact with family stability, e.g., families in urban areas, where economic opportunities were more accessible, vs. those in rural areas. Similarly, correlations were drawn between the household income and the ability to access education and healthcare, or between the employment status and the mental health of family members. Such statistical techniques as regression analysis or factor analysis allowed us to identify relationships between these variables, providing insights into which factors are most strongly associated with family resilience or vulnerability.

This quantitative analysis provided a broad data-driven understanding of the impact the crisis had across the population and pinpointed the demographic or socio-economic groups at risk.

On the qualitative side, the data from the semi-structured in-depth interviews were analyzed thematically to identify recurring patterns and narratives related to family stability in the context of Sri Lanka's multiple crises. The thematic analysis involved reading and coding the interview transcripts to identify common themes, phrases, and concepts. For example, recurring themes might include experiences of migration, the emotional toll of living through uncertainty, or coping mechanisms like community support or financial strategies. The thematic analysis allowed for a deeper exploration of the ways in which families interpreted and responded to the crises, providing context to the statistical findings. We looked for commonalities across different family types, geographical areas, and social backgrounds, as well as for any unique or divergent experiences that could offer insights into how different groups coped with adversity. This qualitative data provided a nuanced, more personal perspective on how families were managing the pressures of political instability, economic hardship, and social unrest. Ultimately, the integration of both quantitative and qualitative analysis offered a comprehensive view of the crisis, enabling us to draw more informed conclusions about the drivers of family instability and to develop a more effective, evidence-based policy recommendations.

Combining the data

The findings from the quantitative and the qualitative data analyses were integrated to provide a holistic understanding of the issues threatening Sri Lankan families. This triangulation enhanced the validity and credibility of the research. The methodology provided valuable insights for policymakers seeking to develop effective interventions to strengthen Sri Lankan families and ensure their resilience in the face of adversity.

Further research prospects

This study may be complemented by additional data sources, such as government reports and media analysis, to provide a broader context for the research findings. Ethical considerations were paramount throughout the research process, ensuring informed consent, confidentiality, and respect for participants. By employing a mixed-method approach and addressing these considerations, we managed to offer some valuable insights into the precarious state of Sri Lankan families and pave the way for effective policy interventions.

Results

A staggering 65% of the population in Sri Lanka is unemployed, highlighting a massive economic downturn and an alarming scarcity of job opportunities (tab. 1). This high unemployment rate not only reflects a broader economic collapse but also signals a deep structural crisis that threatens the livelihoods of millions. According to the World Bank, elevated unemployment levels can trigger social unrest, poverty, and a decline in human capital [21].

Tab. 1. Economic issues

Табл. 1. Экономические вопросы

Issues	Percentages
<i>Employment</i>	
Unemployed	65
Employed (mostly government sector)	35
<i>Income loss</i>	
Yes (almost all)	29
Yes (most of it)	70
No	1
<i>Seeking job abroad</i>	
Yes	51
No	49
<i>Drug addiction</i>	
Escalated by	95
No	5
<i>Causes</i>	
Drug addiction due to isolation during the epidemic	23
Due to economic crisis	53
Both	22
Other	2

Furthermore, the fact that only 35% of the population are employed, with a significant proportion of these jobs concentrated in the government sector, raises additional concerns. This lack of economic diversification makes Sri Lanka vulnerable, particularly in the face of a shrinking public sector or changes in governmental policies. The concentration of employment in the public sector also implies that private sector growth is limited, which restricts the creation of new, sustainable jobs. The International Monetary Fund underscores the importance of economic diversification for achieving

sustainable economic growth, noting that reliance on a single sector or type of employment significantly limits a country's ability to weather economic crises [22].

The concentration of employment in the government sector, combined with the overwhelming unemployment rate, highlights the fragility of Sri Lanka's economy. This lack of diversification restricts opportunities for growth and exposes families to greater risks, as the country remains heavily dependent on the public sector employment. A diversified economy, which includes strong private and informal sectors, would be better positioned to offer more stable and varied employment opportunities, ensuring resilience against economic shocks. As such, the need for comprehensive reforms and investments in sectors beyond government employment is critical to foster long-term economic stability and address the pervasive unemployment crisis in Sri Lanka.

Interestingly, despite the staggering unemployment rate in Sri Lanka, only half (51%) of the population consider seeking work abroad (tab. 1). This fact suggests that, while many are struggling financially, migration is not necessarily viewed as a viable or desirable option for everyone. There are several possible reasons for this, such as limited job opportunities in other countries, a lack of specialized skills that meet the demand abroad, and strong family ties that anchor individuals to their home country. Research by the World Bank indicates that migration often becomes a coping mechanism for individuals and families facing economic hardship, offering a potential path to financial stability through remittances and better job prospects. However, the World Bank also acknowledges the challenges associated with migration, such as the emotional and social toll of leaving one's home country, the difficulty in finding stable employment abroad, and the risk of exploitation [23]. These complexities likely influence the decision-making process for many individuals who, despite facing unemployment, may still opt to stay and endure the local economic challenges rather than seek work abroad.

Additionally, the economic hardship experienced by many Sri Lankan families has not only led to employment struggles but has also contributed to an alarming rise in substance abuse. According to the data, 53% of individuals identify economic hardship as a major factor contributing to addiction. This figure underscores the harsh reality that financial stress can exacerbate mental health issues and fuel destructive coping mechanisms, such as substance use. Moreover, 23% of individuals report that social isolation, particularly due to the social distancing measures and lockdowns caused by the COVID-19 pandemic, has

worsened the situation. This isolation has created an environment in which individuals are more likely to turn to substances as a means of escaping stress and loneliness. Research by the National Institute on Drug Abuse in the United States supports this connection, emphasizing that economic hardship is strongly linked to higher rates of substance use disorders [24; 25]. This connection is particularly concerning in Sri Lanka, where the economic instability, political turmoil, and social isolation converge to create a toxic environment for mental health and family well-being. The compounded stress of financial struggles, social isolation, and lack of viable employment options exacerbates vulnerability to addiction, further deepening the crisis facing many Sri Lankan families.

The emergency hotline 1938 in Sri Lanka serves as a vital lifeline for individuals seeking help in cases of domestic violence and other forms of misconduct. The hotline allows victims of violence to report their experiences through various means, including phone calls, letters, or by directly visiting a police station. This accessibility ensures that individuals who are facing abuse, particularly women, have a platform to report and seek intervention. Alarming, domestic violence consistently tops the list of reported cases, with over 2,400 incidents recorded, followed by over 1,100 cases related to family disputes (tab. 2). These statistics underline the urgent need for more robust resources and support systems to tackle the growing issue of family violence. As economic hardship and social instability continue to strain family dynamics, incidents of domestic violence have become an increasingly common and disturbing feature of the crisis. This phenomenon highlights not only the prevalence of abuse but also the overwhelming toll it takes on individuals, particularly women and children, who are often the most vulnerable population category in domestic conflicts.

In addition to domestic violence, the emergency hotline records a range of other troubling social problems, including cybercrime, physical assault, sexual harassment, and even rape, suggesting a broader spectrum of issues affecting Sri Lankan society. The presence of these complaints reflects the significant social unrest that accompanies economic and political instability as individuals may resort to harmful behaviors, either as a form of coping or because of increasing desperation. Moreover, the number of miscellaneous complaints, which exceeded 1,000 cases, indicates that Sri Lankans are facing a variety of other issues that may not fit neatly into any one category but are equally important. These could include such issues as mental health challenges, financial fraud, or even

Tab. 2. Complaints to the 1938 helpline, January 2020 – May 2021

Табл. 2. Обращения, поступившие на телефон доверия для женщин (1938), январь 2020 г. – май 2021 г.

Complaint category	Cases
Domestic violence	2,442
Family dispute	1,119
Cyber crime	404
Hurt (physical)	283
Sexual harassment	79
Rape	16
Maintenance and divorce	137
Land dispute	28
Child abuse	13
Employment promotion	33
Guardianship	4
Miscellaneous	1,002
Violation of human rights	1
Total	5,561

the impact of prolonged isolation and uncertainty during the pandemic. Economic distress and social upheaval are key contributors to social problems, including domestic violence and criminal behavior. A report by the United Nations Development Program highlights that the correlation between economic strain and violence, particularly against women, becomes more pronounced during times of crisis, such as the one Sri Lanka is currently experiencing. These numbers reveal the deep social fractures caused by the ongoing crises and underscore the critical need for comprehensive intervention strategies to address the physical, emotional, and psychological well-being of families and individuals in Sri Lanka.

The World Health Organization (WHO) estimates that globally, 35% of women have experienced either physical or sexual intimate partner violence or non-partner sexual violence during their lifetime. This figure is striking as it highlights the pervasive nature of gender-based violence worldwide, with millions of women subjected to abusive experiences in both intimate and non-intimate relationships. Sri Lanka's reported domestic violence of more than 2,400 incidents recorded in the Emergency Hotline data provides a glimpse into the severity of the issue. Yet these cases are likely only a fraction of the true scale of violence in the country. The WHO's statistics suggest that Sri Lanka's domestic

violence cases represent a smaller proportion in comparison to the global prevalence. However, it is crucial to recognize that the underreporting of domestic violence is a well-documented problem not only in Sri Lanka but worldwide. In many societies, cultural stigmas, fear of retribution, and a lack of awareness of legal protections prevent victims from coming forward, making it difficult to capture the full extent of abuse. Thus, the actual number of women and children experiencing violence in Sri Lanka is likely much higher than what the statistics show.

In Sri Lanka, the most reported type of abuse is neglect, followed by physical abuse. These forms of violence are often visible and can lead to severe physical injuries or even death. However, the issue of emotional abuse is also prominent, although it is harder to quantify and more difficult to address, given the invisible nature of psychological harm. Alongside these forms of abuse, the reports include other issues, such as trafficking, child disappearance, abduction, and drug abuse, pointing to a broader range of social and familial problems that are interconnected with domestic violence. It is especially concerning that child abuse cases are often underreported as many victims are either too young to speak out or fear retaliation from perpetrators. Figure 2 illustrates this gap between reported and unreported cases, emphasizing that the true scale of child abuse in Sri Lanka is likely much higher. A lack of proper mechanisms for reporting abuse, coupled with societal reluctance to discuss sensitive issues like child mistreatment, means that many victims remain invisible, unable to access the help they need.

For a regional comparison, a 2021 report by the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) highlights

that intimate partner violence is a major concern throughout South Asia, not just in Sri Lanka. The report emphasizes that intimate partner violence is a persistent issue in many countries in the region, driven by cultural norms, gender inequalities, and limited access to legal and psychological support. This regional context provides a valuable insight into the societal and structural factors that perpetuate domestic violence. In many South Asian countries, including Sri Lanka, domestic violence is often normalized or overlooked, and gender-based violence is not adequately addressed in public policy or law enforcement. The UNODC report suggests that violence against women is not only a violation of human rights but also a significant barrier to social and economic development. As such, addressing domestic violence in Sri Lanka requires a multi-faceted approach that includes legal reform, public awareness campaigns, support for survivors, and a broader cultural shift towards gender equality. Only by confronting both the immediate and structural causes of violence can the country hope to reduce domestic abuse and protect the most vulnerable members of society.

In this research, a significant percentage of participants reported experiencing at least one side effect following the vaccination against COVID-19, with 70% of people indicating they encountered at least one adverse reaction after receiving the first dose (fig. 3). This finding aligns with broader global trends observed in vaccine trials and real-world data, where a notable proportion of individuals experience mild to moderate side effects, especially after the initial dose of vaccines. Commonly reported side effects include localized pain at the injection site, fatigue, mild fever, headaches, and muscle aches. These side effects are generally

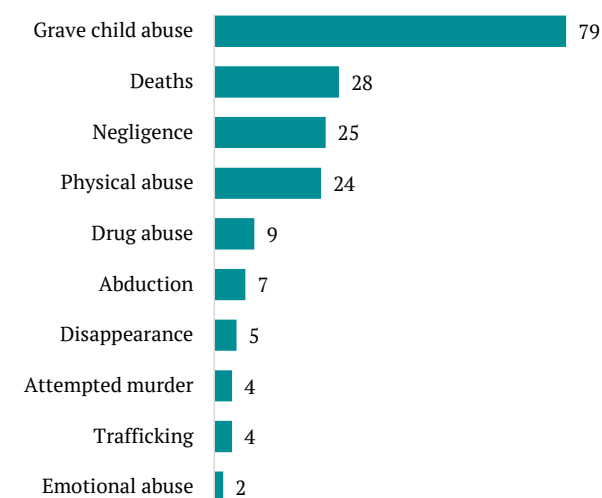

Fig. 2. Child abuse in Sri Lanka, 2019–2021, %
Рис. 2. Жестокое обращение с детьми в Шри-Ланке, 2019–2021 гг., %

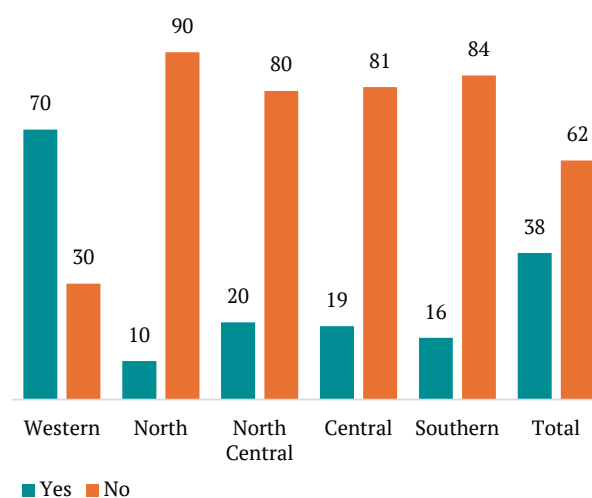

Fig. 3. Side effects of COVID-19 vaccination, %
Рис. 3. Побочные эффекты вакцинации против COVID-19, %

short-lived and are typically considered a normal response to vaccination, signaling that the immune system is reacting to the vaccine.

The high percentage of individuals reporting side effects in this study reflects the body's natural immune response as it begins to develop protection against the virus. However, it is essential to distinguish between the expected side effects and any unusual or severe reactions that might require medical attention. The fact that 70% of participants experienced side effects after the first dose may indicate that the vaccine is effective in triggering an immune response, but it also highlights the importance of clear communication with the public about potential side effects. Understanding the likelihood and nature of side effects can help manage vaccine hesitancy and encourage higher vaccination rates by setting realistic expectations. Additionally, the side effects observed in this study could provide valuable data for healthcare professionals to improve the monitoring and management of adverse reactions in future vaccination campaigns, particularly as new variants of the virus emerge. As vaccines continue to play a critical role in public health efforts worldwide, further research into the types, frequencies, and severity of side effects will be crucial in ensuring both safety and efficacy in vaccine distribution.

A pandemic crisis refers to widespread disruptions caused by a global health emergency, such as COVID-19, impacting public health, economies, and social stability. In Sri Lanka, the pandemic crisis severely affected families, worsening financial hardships, increasing mental stress, and weakening social support systems. Many households faced job losses, rising inflation, and reduced incomes, making it difficult to afford basic necessities. The prolonged lockdowns and school closures also disrupted children's education, creating long-term learning gaps. Additionally, the crisis led to a rise in mental health issues, including anxiety, stress, and domestic conflicts. When combined with Sri Lanka's ongoing political and economic instability, the pandemic has created a complex web of challenges that families still struggle to navigate. Addressing these issues requires strong policy interventions, such as financial aid, mental health support, education programs, and strengthened social safety nets, to help Sri Lankan families recover and build long-term resilience.

Conclusion

Sri Lanka is grappling with a multitude of interconnected challenges that are exacerbating the already difficult living conditions for its citizens. The ongoing economic hardship, marked by a significant decline in household

incomes, is one of the primary drivers pushing people to seek employment abroad. With limited local job opportunities and an unstable economy, many individuals view migration as a potential solution to secure better financial prospects. However, this economic strain is not only creating financial instability but also contributing to a rise in social isolation, particularly during the COVID-19 pandemic, which has further distanced individuals from their communities and support systems. The stress and emotional toll caused by these pressures are leading to an increase in drug addiction as individuals seek ways to cope with the overwhelming uncertainty and anxiety.

Children are highly vulnerable in this context. The economic pressures and social disintegration are reflected in the disturbing rise in child abuse cases, with neglect, physical abuse, and emotional harm becoming more prevalent. The lack of economic stability often forces families into desperate situations where children suffer most. In addition to the direct impact on family structures, Sri Lanka is also witnessing a surge in public health concerns. Malnutrition rates are climbing as families struggle to afford nutritious food, further compromising the health and well-being of children and vulnerable adults. Furthermore, despite the global availability of COVID-19 vaccines, vaccine hesitancy remains a significant challenge in Sri Lanka, fueled by misinformation, mistrust, and concerns about side effects. This hesitancy complicates efforts to achieve widespread immunity and protect public health, underscoring the need for better communication strategies to rebuild trust in vaccines and encourage higher vaccination uptake.

In summary, Sri Lanka is facing a complex crisis with economic, social, and public health dimensions. The economic downturn is pushing individuals to seek opportunities abroad, contributing to drug addiction and social isolation. The effects of this hardship are disproportionately felt by children, who are facing increased abuse and neglect. Public health issues are compounded by a growing malnutrition crisis and vaccine hesitancy, which threatens to undermine efforts to combat COVID-19. Addressing these challenges requires a comprehensive, multi-faceted approach that includes economic recovery initiatives, social support programs, public health education, and targeted interventions to protect vulnerable populations. Only through such integrated efforts can Sri Lanka hope to stabilize and begin recovering from the cascading crises it faces.

A number of policy initiatives should be put into place to assist Sri Lankan families in the midst of recurring problems. First, households can experience less financial

burden if they participate in economic support programs, e.g., food subsidies, cash transfers, and job assistance. Addressing the growing stress levels requires increasing access to mental health services, such as counselling and community-based support systems. Children can continue their education without interruption with stronger education and child welfare programs, e.g., school meal assistance and digital learning programs. Programs for employment and livelihood, such as small business assistance and vocational training, can also increase the stability of family income. For Sri Lankan families, these initiatives seek to offer both short-term respite and long-term resilience.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Contribution: The author declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and/or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

References / Литература

1. Patrick R., Power M., Garthwaite K., Kaufman J., Page G., Pybus K. *A year like no other: Life on a low income during COVID-19*. Bristol: Policy Press, 2022, 192. <https://doi.org/10.56687/9781447364719>
2. Ryff C. D. Meaning-making in the face of intersecting catastrophes: COVID-19 and the plague of inequality. *Journal of Constructivist Psychology*, 2023, 36(2): 185–203. <https://doi.org/10.1080/10720537.2022.2068707>
3. Kominis G., Dudau A., Favotto A., Gunn D. Risk governance through public sector interactive control systems: The intricacies of turning immeasurable uncertainties into manageable risks. *Public Money & Management*, 2022, 42(6): 379–387. <https://doi.org/10.1080/09540962.2021.1965729>
4. Bonjean Stantonand M. C., Roelich K. Decision making under deep uncertainties: A review of the applicability of methods in practice. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, 171. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120939>
5. Arenas-Arroyo E., Fernandez-Kranz D., Nollenberger N. Intimate partner violence under forced cohabitation and economic stress: Evidence from the COVID-19 pandemic. *Journal of Public Economics*, 2021, 194. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104350>
6. Zhang H. The influence of the ongoing COVID-19 pandemic on family violence in China. *Journal of family violence*, 2022, 37: 733–743. <https://doi.org/10.1007/s10896-020-00196-8>
7. Malik M., Munir N., Ghani U., Ahmad N. Domestic violence and its relationship with depression, anxiety and quality of life: A hidden dilemma of Pakistani women. *Pakistan Journal of Medical Sciences*, 2021, 37(1). <https://doi.org/10.12669/pjms.37.1.2893>
8. Calvano C., Engelke L., Di Bella J., Kindermann J., Renneberg B., Winter S. M. Families in the COVID-19 pandemic: Parental stress, parent mental health and the occurrence of adverse childhood experiences – results of a representative survey in Germany. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2022, 31(7): 1–13. <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01739-0>
9. Haynes M. The impacts of school closure on rural communities in Canada: A review. *The Rural Educator*, 2022, 43(2): 60–74. <https://doi.org/10.55533/2643-9662.1321>
10. Samarasinghe S. *Political economy of internal conflict in Sri Lanka*. Netherlands: Clingendael Institute, 2003.
11. Liyanagunawardena T., Williams S. A. Emergency remote education: Experience from Sri Lanka during COVID-19. *Asian Journal of Distance Education*, 2021, 16(1): 207–229.
12. Marwah R., Ramanayake S. S. Pandemic-led disruptions in Asia: Tracing the early economic impacts on Sri Lanka and Thailand. *South Asian Survey*, 2021, 28(1): 172–198. <https://elibrary.ru/mduisf>
13. Bhowmick S. *Understanding the economic issues in Sri Lanka's current debacle*. New Delhi; India: ORF; Observer Research Foundation, 2022. URL: https://savearchive.zbw.eu/bitstream/11159/12457/1/1809283078_0.pdf (accessed 10 Jan 2025).
14. Cooray N. S., Rankaduwa W. Political economy perspectives on the current economic crisis in Sri Lanka. *Politics & International Relations Series*, 2022. URL: <https://www.researchgate.net/publication/362014246> (accessed 10 Jan 2025).
15. Whiteside H., McBride S., Evans B. Insecurity and Poverty. In: Whiteside H., McBride S., Evans B. *Varieties of Austerity*. Bristol: Bristol University, 2021, 135–156. <https://doi.org/10.1332/policypress/9781529212242.003.0006>

16. De Figueiredo C. S., Sandre P. C., Portugal L. C. L., Mázala-de-Oliveira T., da Silva Chagas L., Raony Í., Ferreira E. S., Giestal-de-Araujo E., Dos Santos A. A., Bomfim P. O. S. COVID-19 pandemic impact on children and adolescents' mental health: Biological, environmental, and social factors. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 2021, 106. <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2020.110171>
17. Jayasinghe N., Fernando S., Haigh R., Amaratunga D., Fernando N., Vithanage C., Ratnayake J., Ranawana C. Economic resilience in an era of "systemic risk": Insights from four key economic sectors in Sri Lanka. *Progress in Disaster Science*, 2022, 14. <https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2022.100231>
18. Creswell J. W., Plano Clark V. L. Revisiting mixed methods research designs twenty years later. In: *The sage handbook of mixed methods research design*, ed. Poth C. N. SAGE, 2023, 21–36. <https://doi.org/10.4135/9781529614572.n6>
19. Mistry R. S., Elenbaas L. It's all in the family: Parents' economic worries and youth's perceptions of financial stress and educational outcomes. *Journal of Youth and Adolescence*, 2021, 50(4): 724–738. <https://doi.org/10.1007/s10964-021-01393-4>
20. Arthi V., Parman J. Disease, downturns, and wellbeing: Economic history and the long-run impacts of COVID-19. *Explorations in Economic History*, 2021, 79. <https://doi.org/10.1016/j.eeh.2020.101381>
21. Ikejiaku B.-V. The relationship between poverty, conflict and development. *Journal of Sustainable Development*, 2009, 2(1): 15–28. <https://doi.org/10.5539/jsd.v2n1p15>
22. Suberu O. J., Ajala O. A., Akande M. O., Olure-Bank A. Diversification of the Nigerian economy towards a sustainable growth and economic development. *International journal of Economics, Finance and Management Sciences*, 2015, 3(2): 107–114. <https://doi.org/10.11648/j.ijefm.20150302.15>
23. Sengupta S., Jha M. K. Social policy, COVID-19 and impoverished migrants: Challenges and prospects in locked down India. *International Journal of Community and Social Development*, 2020, 2(2): 152–172. <https://doi.org/10.1177/2516602620933715>
24. Leza L., Siria S., López-Goñi J. J., Fernández-Montalvo J. Adverse childhood experiences (ACEs) and substance use disorder (SUD): A scoping review. *Drug and alcohol dependence*, 2021, 221. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.108563>
25. Stöckl H., Sardinha L., Maheu-Giroux M., Meyer S. R., García-Moreno C. Physical, sexual and psychological intimate partner violence and non-partner sexual violence against women and girls: A systematic review protocol for producing global, regional and country estimates. *BMJ Open*, 2021, 11(8). <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2020-045574>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bcmbuf>

Определение влияния внедрения ESG-тенденций на стоимость акций банковского сектора

Новикова Полина Михайловна

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, Владимир
eLibrary Author SPIN: 8716-6660

Бражникова Валерия Андреевна

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, Владимир
eLibrary Author SPIN: 1379-0980

Мишин Андрей Александрович

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, Владимир
eLibrary Author SPIN: 7370-1980
amishin@vlsu.ru

Аннотация: Мировые тренды устойчивого развития и минимизации степени наносимого ущерба окружающей среде обуславливают необходимость изменения политики экономических субъектов. Исследование степени внедрения ESG-тенденций в банковские организации является ключевым фактором для определения инвестиционной привлекательности их акций. Так как современные инвесторы принимают во внимание факт наличия ESG-политики у эмитентов банковского сектора, изучение интенсивности воздействия стратегии устойчивого развития на стоимость ценных бумаг, актуальных для акционеров, выступает центральным аспектом исследования. Цель – рассмотреть воздействие внедрения ESG-политики в банковском секторе с помощью анализа изменений в стоимости акций российских банков в зависимости от динамики колебаний курса акций Московской Биржи. Задачи: 1) изучить теоретические аспекты ESG-трансформации в современных условиях функционирования экономики; 2) выявить причинно-следственные связи / их отсутствие между внедрением ESG-политики в деятельность трех крупнейших представителей банковского сектора РФ (СберБанк, Банк ВТБ и Газпромбанк) и изменением курса стоимости их акций; 3) определить целесообразность внедрения ESG-тенденций в рассматриваемые банки. Применены логический и структурный методы анализа информации, а также метод корреляционного анализа. Подтверждено отсутствие связи между внедрением ESG-тенденций в деятельность банковских учреждений и стоимостью их акций на российском фондовом рынке. Установлено, что внедрение политики устойчивого развития оказывает минимальное или близкое к нулю влияние на изменение стоимости ценных бумаг кредитных организаций на российском фондовом рынке. При этом организации и общество получают определенную экономическую выгоду в связи с переходом на ESG-трансформацию.

Ключевые слова: ESG, устойчивое развитие, социальная ответственность, экологическая ответственность, управленческая ответственность, банковский сектор, акции

Цитирование: Новикова П. М., Бражникова В. А., Мишин А. А. Определение влияния внедрения ESG-тенденций на стоимость акций банковского сектора. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2025. Т. 10. № 2. С. 350–356. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-350-356>

Поступила в редакцию 31.12.2024. Принята после рецензирования 17.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

full article

Effect of ESG Trends on Share Prices in Banking Sector

Polina M. Novikova

Vladimir State University, Russia, Vladimir

eLibrary Author SPIN: 8716-6660

Andrey A. Mishin

Vladimir State University, Russia, Vladimir

eLibrary Author SPIN: 7370-1980

Valeria A. Brazhnikova

Vladimir State University, Russia, Vladimir

eLibrary Author SPIN: 1379-0980

Abstract: ESG stands for Environment, Society, and Governance as three crucial criteria considered by socially conscious investors. Economic entities have to adapt to the current global trends in sustainable development that minimize environmental damage. Banks introduce ESG trends to increase the investment attractiveness of their shares. Before making important decisions, investors take into account the ESG policy of the bank and its sustainable development strategy. The authors studied the effect of ESG policy on the share prices of Russian banks, depending on the fluctuations in the share price of the Moscow Stock Exchange. By reviewing the theory of ESG transformation in modern economy, they identified the correlations between the new ESG policy and the share prices for three largest Russian banks, i.e., SberBank, VTB Bank, and Gazprombank. The logical, structural, and correlation analyses made it possible to determine the expediency of introducing ESG trends in the domestic banking sector. The ESG trends introduced by the three banks appeared to exercise no effect on the domestic market value of their shares. The sustainable development policy demonstrated negligible impact on the value of securities of credit institutions on the Russian stock market. However, the ESG paradigm offers some economic benefits to organizations and society.

Keywords: ESG, sustainable development, social responsibility, environmental responsibility, managerial responsibility, banking sector, stocks

Citation: Novikova P. M., Brazhnikova V. A., Mishin A. A. Effect of ESG Trends on Share Prices in Banking Sector. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2025, 10(2): 350–356. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2025-10-2-350-356>

Received 31 Dec 2024. Accepted after review 17 Mar 2025. Accepted for publication 17 Mar 2025.

Введение

Прогресс человечества влияет на жизнь людей и состояние глобальной экосистемы как с положительной, так и с отрицательной стороны. В настоящее время на международном уровне решение проблем загрязнения окружающей среды и ограниченности природных ресурсов имеет большое значение, что напрямую связано с увеличением количества научно-технических инновационных открытий, влияющих на экологическую обстановку. С каждым годом появляются новые глобальные вызовы и актуальные темы, например искусственный интеллект, ядерные войны, бедность, антропогенное потепление и др. [1]. Для решения указанных проблем создана новая концепция – концепция устойчивого развития, которая подразумевает использование ресурсов с наименьшим причинением / отсутствием вреда окружающей среде и человечеству.

Подобный подход позволяет обеспечить эффективное применение и потребление благ.

Поскольку государства на международной арене осознали необходимость сбалансированного подхода к распределению приоритетов, направленных на достижение максимальной экономической выгоды и стабилизации социальных и экологических проблем, термин *устойчивое развитие*¹ стал ключевым фактором будущего. В результате реализации деятельности, которая ориентирована на решение указанной проблемы, и появления новых исследований ESG-концепция, включающая экологическую (*environmental* – E), социальную (*social* – S) и управленческую (*governance* – G) ответственность ведения деятельности, а также определяющая принципы устойчивого развития, достигла лидирующих позиций по сравнению с другими подходами. Таким образом,

¹ Впервые введен в 1987 г. Комиссией Брундтланда, которая ранее была известна как Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию.

эта концепция является стандартом для проведения анализа стабильности субъектов банковского сектора экономики, которая, помимо всего прочего, побуждает их к осуществлению добросовестной коммерческой деятельности [2].

В основе глобальной повестки по социальным вопросам лежат права человека. Важным аспектом устойчивого развития является снижение негативного воздействия (климатическое и экологическое) на окружающую среду, поскольку оно существенно влияет на качество жизни людей [3]. Изучение масштаба глобальных проблем человечества во всех сферах общественной жизни (экологическая, экономико-социальная, технологическая и т.д.) позволяет утверждать, что решения планетарных вызовов должны осуществляться совместными усилиями мирового сообщества. В результате этого и появилась тенденция повсеместного внедрения ESG-концепции [1].

Обусловленность применения указанных ранее параметров ESG-концепции (экологическая, социальная и управленческая ответственность) заключается в необходимости соблюдения баланса между сохранением окружающей среды, поддержанием экономического роста и обеспечением высокого уровня жизни. Главная задача ESG-трансформации – достичь максимально возможного удовлетворения нужд людей без нанесения или с минимизацией вреда будущим поколениям [4]. ESG-трансформация учитывает как социальные и управленческие, так и экологические условия, что позволяет решить множество современных проблем общества [5]. С точки зрения выгоды для национальной экономики ESG-концепция полезна тем, что совмещает в себе факторы увеличения производственных мощностей, учитывая экологические аспекты [5]. Например, она позволяет уменьшить затраты на необходимое для производства сырье или переработку отходов [6].

Изучению ESG-трансформации посвящено много исследований в области экономики, количество которых растет из года в год [7]. Так:

1) внесено четкое разъяснение использования аббревиатуры ESG [8];

2) выдвинута и подтверждена гипотеза о наличии нелинейной зависимости между внедрением и развитием ESG и показателями банковской деятельности [9];

3) изучена история появления ESG, ее истоки [10–12];

4) исследованы теоретические аспекты ESG-трансформации [3; 12–15];

5) проанализировано развитие ESG в России; выявлены такие проблемы, как неготовность и отсутствие желания инвесторов вкладываться в ESG-сектор, заморозка активных ESG-проектов из-за ухода иностранных компаний-инвесторов, отсутствие необходимых профессионалов и достаточного уровня развития технологий для полноценного обеспечения текущих и потенциальных ESG-проектов, неадекватная оценка результатов ESG-политики ряда компаний из-за отсутствия должного контроля, мониторинга и учета результатов проводимой работы и др., и реализован поиск их решений [1; 10; 12; 15–17];

6) отмечена двойственность результатов внедрения ESG-трансформации в России [18];

7) выделена новая классификация уровней развития ESG на международной арене (концептуальный, нормативный и уровень оценки и мониторинга)²;

8) рассмотрена степень прозрачности существующих рейтингов внедрения ESG и методология их построения; выдвинута гипотеза об их возможной интеграции [19].

Цель – рассмотреть воздействие внедрения ESG-политики в банковском секторе с помощью анализа изменений в стоимости акций российских банков в зависимости от динамики колебаний курса акций Московской Биржи (МосБиржа). Задачи: 1) изучить теоретические аспекты ESG-трансформации в современных условиях функционирования экономики; 2) выявить причинно-следственные связи / их отсутствие между внедрением ESG-концепции в деятельность трех крупнейших представителей банковского сектора РФ (СберБанк, Банк ВТБ и Газпромбанк) и изменением курса стоимости их акций; 3) определить целесообразность внедрения ESG-тенденций в рассматриваемые банки. Применены логический и структурный методы, а также метод корреляционного анализа.

Результаты

Устойчивое развитие не является легкодостижимым результатом для человечества, т.к. существует множество внешних угроз (табл.³).

ESG-трансформация представляет собой системный подход реструктуризации бизнес-процессов, усиливающий требования к управленческой, социальной и экологической ответственности в целях

² ESG: три буквы, которые меняют мир: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, науч. ред. К. И. Головинский. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 138 с.

³ Сост. по: The Global Risks Report 2024. 19th ed. Geneva: World Economic Forum, 2024. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/> (data accessed 30 Dec 2024).

обеспечения всех нужд общества и роста качества производства товаров и услуг. Данная трансформация формируется из трех тесно взаимосвязанных ключевых принципов:

1. Экологический (окружающая среда): отражает степень эко-бережливости компании и стремление к минимизации ущерба, наносимого биосфере. В конце XX в. были выявлены такие проблемы, как многочисленные загрязнения, массовое уничтожение лесных массивов, изменение климатических условий. Это побудило компании разработать и внедрить в свою деятельность политику устойчивого развития [5].

2. Социальный (общество): показывает отношение компании к сотрудникам, клиентам, партнерам; стимулирует предприятия повышать уровень условий труда, соблюдать гендерное равенство, осуществлять финансирование социальных проектов [20].

3. Управленческий (корпоративное управление и экономическая устойчивость): определяет степень ответственного управления компаниями через прозрачность финансовой отчетности, наличие антикоррупционной политики, своевременную индексацию заработных плат [21]. Причиной создания управленческого принципа послужили корпоративные конфликты, например скандалы вокруг корпорации Enron в 2001 г.⁴ и компании WorldCom в 2002 г.⁵

Процесс формирования ESG-культуры в российской бизнес-среде не завершен, поэтому ESG-повестка

в компаниях в основном задается со стороны внешних заинтересованных сторон. Так, в качестве основного драйвера развития ESG-принципов 78 % экспертов выделяют активное продвижение инициатив в ESG-сфере на государственном уровне. По их мнению, именно развитие нормативной базы, разработка стандартов, определение направлений развития исходя из актуальных национальных задач в наибольшей степени стимулируют ESG-сферу в России. При этом 65 % считают, что ESG-функции (комплекс инструментов, механизмов и мероприятий, действующих внутри компаний) задают направления развития бизнеса в экономике РФ. 57 % экспертов отмечают, что одним из драйверов ESG-принципов является воздействие ESG-оценки (положение организации в определенных рейтинг-системах в соответствии с установленными стандартами устойчивого развития) на бренд и рейтинг компании, а также все сопутствующие этому компоненты. И только 30 % указывают: интеграция ESG-принципов в деятельность компании позволяет сократить расходы и / или снизить стоимость услуг для контрагентов⁶.

Реализация устойчивого развития невозможна без ESG-концепции, предоставляющей возможность для синергии экологических, социальных и управленческих факторов в деятельности компании и, как следствие, получения экономической и общественной выгоды. Так, компании, которые придерживаются в своей работе ESG-принципов, имеют более высокий

Табл. Наиболее и наименее вероятные глобальные риски устойчивого развития

Tab. Most vs. least probable global risks of sustainable development

Год	Наиболее вероятные риски	Наименее вероятные риски
2025	• кризис стоимости жизни; • природные катастрофы и экстремальная погода; • неспособность смягчить изменения климата	• крупномасштабные инциденты, приносящие ущерб окружающей среде; • неспособность адаптации к изменениям климата; • эрозия социальной сплоченности и поляризация общества
2033	• неспособность смягчить изменения климата; • неспособность адаптации к изменениям климата; • природные катастрофы и экстремальные погодные явления; • потеря биоразнообразия и коллапс экосистемы; • крупномасштабная произвольная миграция	• кризис природных ресурсов; • эрозия социальной сплоченности и поляризация общества; • широко распространенная киберпреступность и кибербезопасность; • геэкономическая конфронтация; • крупномасштабные инциденты, приносящие ущерб окружающей среде

⁴ Аферы с отчетами, подкуп и обман: эпичная история краха корпорации Enron. *РБК*. 05.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/612e13249a79475b1f5b7d3d> (дата обращения: 28.12.2024).

⁵ В США раскрылось самое громкое финансовое мошенничество. *РБК*. 26.06.2002. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/06/2002/5703bf2e9a7947afa08cd466> (дата обращения: 28.12.2024).

⁶ Барометр устойчивой трансформации бизнеса. E+ Change; Kept, 2022. URL: <https://assets.kept.ru/upload/pdf/2022/10/ru-kept-and-eplus-barometr-of-sustainable-business-transformation.pdf> (дата обращения: 28.12.2024).

финансовый рейтинг, способствующий привлечению новых спонсоров и клиентов и позволяющий маневрировать рисками и общественным мнением [22].

Внедрение ESG-стратегий в российской банковской сфере находится на начальных этапах развития. Однако общедоступной информации, необходимой для определения существующих тенденций, на данный момент более чем достаточно⁷. На рисунке⁸ представлен анализ определения взаимозависимости стоимости акций Сбербанка, Банка ВТБ и Газпромбанка от курса акций МосБиржи с использованием корреляционного метода. Коэффициент корреляции, рассчитанный авторами, между МосБиржей и СберБанком составляет 0,8330, МосБиржей и Банком ВТБ равняется $-0,0879$, МосБиржей и Газпромбанком – $0,5500$. Авторы пришли к следующим выводам:

1. СберБанк: тенденции изменения стоимости акций Сбербанка из всех рассмотренных денежно-кредитных организаций наиболее точно повторяют динамику колебаний курса стоимости акций МосБиржи. Так, коэффициент корреляции между ними равен 0,8330, что говорит о прямой пропорциональной зависимости. При этом внедрение ESG-политики имело минимальное влияние на колебания стоимости ценных бумаг, выпущенных СберБанком.

2. Банк ВТБ: выявленная корреляционная связь между изменением стоимости акций Банка ВТБ и МосБиржи является обратно пропорциональной и составляет $-0,0879$. Однако это не подтверждает, что внедрение ESG-политики оказало сильное влияние на спад стоимости акций рассматриваемого банка. По-нашему мнению, он был вызван масштабным обвалом российского фондового рынка в связи

с началом специальной военной операции в 2022 г. и введением беспрецедентного числа санкций.

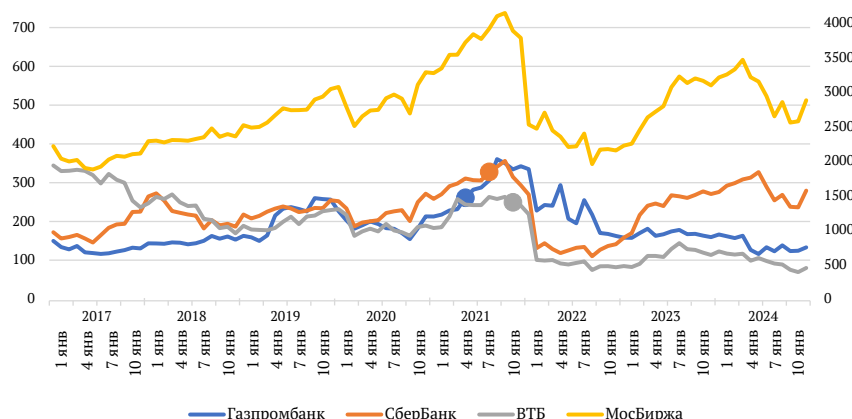
3. Газпромбанк: во-первых, тенденции изменения стоимости акций данного банка аналогичны СберБанку; во-вторых, значение коэффициента корреляции между Газпромбанком и МосБиржей составляет 0,5500. Указанное лишь подтверждает факт отсутствия наличия зависимости акций от внедрения ESG-политики банками.

Стоит уточнить, что отсутствие связи между внедрением ESG-политики и стоимостью акций банков не исключает полезность принятия политики устойчивого развития кредитно-денежными организациями. ESG-трансформация позволила во многом снизить определенную часть расходов банков на операционную деятельность.

Заключение

Рассмотренные нами банковские учреждения чаще всего получают некоторую экономическую выгоду для ведения своей деятельности благодаря направленности в сторону устойчивого развития, представленного ESG-политикой. Активное поддержание и расширение аспектов устойчивого развития позволило бы компаниям сэкономить несколько миллиардов рублей, оказать благотворное влияние на экологическую обстановку, повысить конкурентоспособность своей продукции и снизить текучесть кадров. В перспективе сумма полученной выгоды может возрасти в несколько раз [23].

ESG-трансформация является ключевым аспектом для построения взаимовыгодных и рациональных отношений между организациями, окружающей

Прим.: круглые маркеры – дата внедрения ESG-политики.

Рис. Динамика колебаний стоимости акций банков
Fig. Fluctuations in the value of banks share values

⁷ ESG-банкинг в России. Исследование. Делойт и Туш СНГ, 2021. URL: https://asros.ru/upload/iblock/b69/zla2fzxval16251olh0r15p0ptn2p5gb/ESG_banking-v-Rossii_final_21.05_ITOG_web-versiya.pdf (дата обращения: 28.12.2024).

⁸ Сост. по: Сбербанк России ПАО – обыкн. TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/RUS-SBER/>; ПАО Банк ВТБ – обыкн. TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/RUS-VTBR/>; «Газпром» (ПАО) – обыкн. TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/RUS-GAZP/>; ПАО Московская Биржа. TradingView. URL: <https://ru.tradingview.com/symbols/RUS-MOEX/> (дата обращения: 28.12.2024).

средой и человеческим капиталом. Внедрение политики устойчивого развития оказывает минимальное или близкое к нулю влияние на изменение стоимости ценных бумаг кредитных организаций на российском фондовом рынке. При этом организации и общество получают определенную экономическую выгоду в связи с переходом на ESG-трансформацию. Необходимость внедрения рассматриваемой концепции объясняется ее максимальной эффективностью, связанной с решением крупных глобальных проблем и позволяющей сохранить и преумножить результаты экономической деятельности без потери соответствующего потенциала.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Измайлова М. А. ESG-повестка в России: современное развитие и механизм трансформации российских компаний. Часть 1. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 14. № 3. С. 344–360. [Izmailova M. A. The current state and the mechanism of the transformation of the ESG agenda by Russian companies. Part 1. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2023, 14(3): 344–360. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.3.344-360>
2. Зими́на О. С., Фи́ногенова Ю. Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 6. С. 324–330. [Zimina O. S., Finogenova Yu. Yu. ESG impact on the banking sector: New opportunities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, (6): 324–330. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-324-330>
3. Цыпкин Ю. А., Фомин А. А., Орлов С. В., Хабарова И. А., Краснов Д. Г., Кучеров А. А. ESG трансформация: основные тенденции. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2022. Т. 65. № 5. С. 464–467. [Tsypkin Yu. A., Fomin A. A., Orlov S. V., Khabarova I. A., Krasnov D. G., Kuchеров A. A. ESG transformation: Key trends. *International Agricultural Journal*, 2022, 65(5): 464–467. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srtatn>
4. Разов П. В. ESG: прогресс в исследованиях и перспективы на будущее. *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12. № 2. С. 60–66. [Razov P. V. ESG: Research progress and future prospects. *Sociopolitical Sciences*, 2022, 12(2): 60–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2022-12-2-60-66>
5. Котова В. А., Середина М. И. ESG-трансформация и устойчивое развитие: современные тенденции. *Инновационная наука*. 2024. № 1-2. С. 80–85. [Kotova V. A., Seredina M. I. ESG-transformation and sustainable development: Modern trends. *Innovatsionnaia nauka*, 2024, (1-2): 80–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqxpgе>
6. Дзедик В. А., Усачева И. В. Устойчивое развитие и ESG-концепция производства в контексте возможностей Индустрии 4.0. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2022. Т. 24. № 2. С. 23–37. [Dzedik V. A., Usacheva I. V. Sustainable development and ESG production concept in the context of Industry 4.0 opportunities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2022, 24(2): 23–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.2.2>
7. Gonzalez-Ruiz, J. D., Ospina Patiño C., Marín-Rodríguez N. J. The influence of environmental, social, and governance issues in the banking industry. *Administrative Sciences*, 14(7). <https://doi.org/10.3390/admsci14070156>
8. Благов Ю. Е. ESG: трансформация интерпретаций. *Российский журнал менеджмента*. 2024. Т. 22. № 2. С. 289–301. [Blagov Yu. E. ESG: Transformation of interpretations. *Russian Management Journal*, 2024, 22(2): 289–301. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu18.2024.206>
9. Azmi W., Kabir Hassan M., Houston R., Karim M. S. ESG activities and banking performance: International evidence from emerging economies. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*, 2021, 7. <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2020.101277>
10. Семенова Н. Н. ESG-трансформация российских компаний в интересах устойчивого развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2023. Т. 16. № 3. С. 57–65. [Semenova N. N. ESG-transformation of Russian companies in the interests of sustainable development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2023, 16(3): 57–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-3-57-65>

11. Довбий И. П., Коврижкина Л. Н. Социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации. *Управление в современных системах*. 2022. № 2. С. 20–32. [Dovbiy I. P., Kovrizhkina L. N. Social responsibility of business in the context of ESG transformation. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 2022, (2): 20–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2311-1313-34-20-32>
12. Скоробогатко Е. Устойчивое развитие и ESG: новая эпоха управления. *Digital*. 2022. № 2. С. 76–79. [Skorobogatko E. Sustainable development and ESG: A new era of governance. *Digital*, 2022, (2): 76–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/impiln>
13. Сафронов С. Б. ESG факторы – риски и возможности. *Современные технологии управления*. 2022. № 1. [Safronov S. B. ESG factors – risks and opportunities. *Sovremennye tekhnologii upravleniia*, 2022, (1). (In Russ.)] URL: <https://sovman.ru/article/9709/> (дата обращения: 28.12.2024). <https://elibrary.ru/jinhli>
14. Аكوпова Е. С., Попов А. В., Самыгин С. И. Корпоративная культура организации: принципы ESG в эпоху цифровизации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 1. С. 155–158. [Akorova E. S., Popov A. V., Samygin S. I. Corporate culture of the organization: ESG principles in the age of digitalization. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2022, (1): 155–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fhqjli>
15. Тахингов К. Х., Бисултанова А. А. ESG-принципы: объективная необходимость внедрения. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 6-2. С. 197–199. [Takhingov K. Kh., Bisultanova A. A. ESG principles: An objective need for implementation. *Journal of Economy and Business*, 2022, (6-2): 197–199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-2-197-199>
16. Шиян А. А. Современные вызовы ESG-повестки. *Экономический вектор*. 2022. № 4. С. 31–35. [Shiian A. A. Key challenges of ESG agenda. *Ekonomicheskii vektor*, 2022, (4): 31–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36807/2411-7269-2022-4-31-31-35>
17. Кочнев А. А., Крикунов И. С., Крапухин Г. А. Развитие ESG-экономики в России: проблемы и тенденции в условиях санкций. *Прогрессивная экономика*. 2023. № 4. С. 52–67. [Kochnev A. A., Krikunov I. S., Krapukhin G. A. ESG economy development in Russia: Problems and trends in terms of sanctions. *Progressive Economy*, 2023, (4): 52–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bnqugb>
18. Kudryashov A. L. *ESG transformation: A roadmap for Russia's sustainable development*. Tallinn: OEAPS, 2023, 62.
19. Носко П. А. Анализ методологий присвоения ESG-рейтингов на российском рынке: вопросы прозрачности и конвергенции. *Современная мировая экономика*. 2024. Т. 2. № 2. С. 60–75. [Nosko P. A. Analysis of ESG ratings' methodologies in the Russian market: Transparency and convergence issues. *Journal Contemporary World Economy*, 2024, 2(2): 60–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-60-75>
20. Долгов Е. В. Оценка интеграции экологических, социальных и управленческих принципов при переходе банка к устойчивому развитию. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 11. [Dolgov E. V. Evaluation of the integration of environmental, social and management principles in the bank's transition to sustainable development. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2023, (11). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.137.134>
21. Лопухин А. В., Плаксенков Е. А., Сильвестров С. Н. Перспективы устойчивого корпоративного управления в России на основе интегрированных коммуникаций. *Мир новой экономики*. 2024. Т. 18. № 1. С. 45–57. [Lopukhin A. V., Plaksenkov E. A., Silvestrov S. N. Prospects for sustainable corporate governance in Russia based on integrated communications. *The World of New Economy*, 2024, 18(1): 45–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-1-45-57>
22. Тихомиров А. А., Харчилава Д. Х. Влияние ESG факторов на эффективность и инвестиционную привлекательность компаний. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2024. № 9-2. С. 312–318. [Tikhomirov A. A., Kharchilava D. Kh. The influence of ESG factors on the efficiency and investment attractiveness of companies. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2024, (9-2): 312–318. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.3738>
23. Тихонов В. А., Степанова Н. Р., Шалина Д. С. ESG-трансформация банков как драйвер развития ESG-практик в условиях санкционного давления. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 11-3. С. 556–562. [Tikhonov V. A., Stepanova N. R., Shalina D. S. ESG transformation of banks as a driver for the development of ESG practices under sanctions pressure. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2022, (11-3): 556–562. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/vaael.2603>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Контакты для сотрудничества:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Молокова Ксения Игоревна, ответственный секретарь, КемГУ
(Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Ksenia I. Molokova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Молокова Ксения Игоревна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Ksenia I. Molokova.
Literary editors (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 19.05.2025.

Дата выхода в свет 17.06.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 21. Уч.-изд. л. – 18.

Тираж 500 экз. Заказ ____

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru

